

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 2 (45) 2022

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 2 (45) 2022

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2022
© Tomsk State University, 2022

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 2 (45) 2022

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2022
© Томский государственный университет, 2022

CONTENTS

No 2 (45) 2022

Maria P. Bezenova. “Primer book for Votyak children of the Sarapul district”: graphic, spelling, and phonetic features	7
Maria A. Klyucheva. Noun morphology in the monument of Mari writing “The beginnings of Christian doctrine ...” (1839/1841). The case	34
Yuri B. Koryakov. Changes in the ethno-linguistic territory of the Western and Southern Mansi in the 17 th —20 th centuries. Part I. Cis-Urals and the Tura basin	58
Irina P. Novak. Distribution of front fricative consonants in Karelian sub-dialects of Middle Karelia (based on application of the Cognate analysis algorithm of Lingvodoc linguistic platform)	79
Maria A. Ovsyannikova. Conditional converb in Forest Enets: a corpus-based study of its system of uses	106
Daria A. Ryzhova. A fragment of the lexical system of Kazym Khanty: the verbs <i>pitti</i> ‘to fall; to get into somewhere’ and <i>χɔjti</i> ‘to touch; to hit the target’, and their argument structure	123
Anna Yu. Urmanchieva. Enets caritive markers and their Proto-Samoyedic sources	141
Irina A. Khomchenkova. Discourse functions of the 3 rd singular possessive marker in Hill Mari	148
Style sheet	169

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2 (45) 2022

М. П. Безенова. «Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда»: графико-орфографические и фонетические особенности.....	7
М. А. Ключева. Именная морфология в памятнике марийской письменности «Начатки христианского учения...» (1839/1841). Падеж.....	34
Ю. Б. Коряков. Изменение этноязыковой территории западных и южных манси в XVII—XX вв. Часть I. Предуралье и бассейн Туры	58
И. П. Новак. Распределение переднеязычных щелевых согласных в говорах карельского языка Средней Карелии (на основе применения алгоритма «анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок)	79
М. А. Овсянникова. Условное деепричастие в лесном диалекте энецкого языка: корпусное исследование системы употреблений.....	106
Д. А. Рыжова. Фрагмент лексической системы казымского диалекта хантыйского языка: глаголы <i>pitti</i> 'упасть, попасть' и <i>χɔjti</i> 'задеть, попасть' и их аргументная структура.....	123
А. Ю. Урманчиева. Энецкие показатели каритива и их прасамодийские источники.....	141
И. А. Хомченкова. Дискурсивные функции посессивного показателя третьего лица единственного числа в горномарийском языке	148
Требования к оформлению статей.....	169

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

«Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда»: графико-орфографические и фонетические особенности

Безенова Мария Петровна,
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск);
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); mary_kaj@mail.ru

Статья посвящена описанию вокалических и консонантных особенностей «Букваря для вотяцких детей Сарапульского уезда» (1882). Рассмотреть фонетические изоглоссы памятника невозможно без учета графико-орфографической системы, поэтому в статье особое внимание также уделяется графике и орфографии источника.

Описание фонетических особенностей проводится методом сопоставления вокализма и консонантизма букваря с системой гласных и согласных современного удмуртского литературного языка, параллельно при наличии приводятся соответствия из диалектного словаря Ю. Вихманна [Wichmann 1987], материалы для которого были собраны в конце XIX в., а также по возможности указываются современные формы по аудиословарям, подготовленным на основе экспедиционных данных 2013 г. В результате такого сопоставления предпринимается попытка определить архаичный или инновационный характер каждой выявленной особенности памятника.

Анализ показал, что большая часть фонетических особенностей букваря как инновационного, так и архаичного происхождения характерна для современных говоров южной диалектной зоны. В связи с этим мы пришли к выводу, что в основе памятника, скорее всего, лежит один из говоров, расположенных на границе срединных и центрально-южных говоров удмуртского языка, т. е. на сегодняшний день это говор северной части Малопургинского района УР. Однако определить более конкретную локализацию оказалось сложно, поскольку данный ареал диалектологами, к сожалению, описан еще весьма слабо.

Ключевые слова: удмуртский язык, памятники письменности, сарапульское наречие, графико-орфографические особенности, фонетические особенности

“PRIMER BOOK FOR VOTYAK CHILDREN OF THE SARAPUL DISTRICT”: GRAPHIC, SPELLING, AND PHONETIC FEATURES

Maria P. Bezenova, Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch, RAS (Izhevsk);
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); mary_kaj@mail.ru

The article describes the vowel and consonant features of the “Primer book for Votyak children of the Sarapul district” (1913). It is practically impossible to consider the phonetic isoglosses of this written record without taking into account its graphic and spelling system; therefore, the article also pays special attention to the graphics and orthography of the source material.

The phonetic features are described by comparing the vowel and consonant system of the primer with the vowel and consonant system of the modern Udmurt literary language, adding, whenever available, correspondences from the dialect dictionary by Y. Wichmann [Wichmann 1987], the materials for which were collected at the end of the 19th century. Furthermore, corresponding modern forms from the audio dictionaries based on 2013 field data are also indicated. Such a comparison makes it possible to try to determine the archaic or innovative nature of each identified feature.

The analysis shows that most of the phonetic features of the primer, both innovative and archaic, are characteristic of modern dialects of the Southern dialect zone. It follows that this record was most likely written in one of the dialects located on the border of the Middle and Central-Southern dialects of the Udmurt language, i. e. its present-day counterpart would be the dialect of the northern part of the Malopurginsky district of the Udmurt Republic. However, it turns out to be difficult to locate it more precisely at the moment as, unfortunately, this area is described by dialectologists rather poorly today.

Keywords: the Udmurt language, written record, Sarapul dialect, graphic and orthographic features, phonetic features

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных».

1. Введение

На сегодняшний день количество дореволюционных памятников письменности на удмуртском языке составляет более 400 наименований¹. Значительная часть этих источников представлена переводными текстами религиозного содержания. При этом, чтобы библейская литература была понятна для удмуртов, проживающих на различных территориях, она издавалась на четырех наречиях: казанском, глазовском, елабужском и сарапульском.

Ранее мы подробно рассмотрели графические, фонетические и морфологические особенности переводов «Наставления христианского святителя Тихона» (1891) на казанское наречие [Безенова 2016а, б, 2017, 2018; Безенова, Иткин, Переверзева 2019], «Закона Божия» (1912) на глазовское наречие [Безенова 2020а, б; Безенова, Кондратьева 2019] и «Жития Св. Феодора» (1913) на елабужское наречие удмуртского языка [Безенова 2021а, б]. В данной статье мы остановимся на особенностях графики и фонетики памятника на сарапульском наречии; его морфологические особенности будут рассмотрены в следующей работе.

Анализируемый памятник — «Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда»² — был подготовлен Православным миссионерским обществом и издан в Казани в 1882 г. Каких-либо сведений об авторе (авторах) издания нет.

Структурно букварь состоит из двух частей. На первых девяти страницах книги приводятся отдельные буквы с небольшими списками слов, которые демонстрируют их употребление в различных позициях в слове. Далее идет текстовый материал назидательного характера, в том числе переводы на удмуртский язык наставлений святых и поучений из Библии³. Языковые особенности памятника мы будем рассматривать на основе данных переводных текстов, поскольку в первой части букваря представлено довольно много омонимичных форм, однозначно определить грамматические признаки которых без контекста невозможно. Кроме того, на наш взгляд, в списках встречаются слова с сомнительным написанием, которые в целом не отвечают графо-орфографическим нормам источника⁴. В текстовых материалах, напротив, как будет показано ниже, выстроена строгая графическая и орфографическая система, соблюдаются все положения, которые даны в разделе «Предварительное замечание» на одной из первых страниц издания, относительно написания и произношения специфических букв: «Для вотяцкого языка введены следующие буквы со значками: *Ҙ, Һ, Ӣ, Ѓ* (Эти буквы произносятся смягченно) и еще *Ј, Ӧ, Ӧ́*. Буква *Ј* у Казанских вотяков произносится как *Дь*, у Вятских вотяковъ как *Й*. Букву эту следует писать только в начале слова, а въ середине она пишется всегда *Дь*. Буква *Ӧ* произносится какъ *Э*, но только гортанью. Буква *Ӧ́* — средний звук между *У* и *Ю*. *Э* пишется только в начале слова, а въ середине — всегда *е*» [Букварь 1882: 2].

2. Графика и орфография памятника

В графической системе букваря представлено 38 букв:

А а	ж	К к	н	Ҙ Ҙ	Х	Э э
Б б	з	Л л	О о	Т т	Ц ц	я
В в	И и	Ӣ	ӧ	Ӣ	Ч ч	
Г г	І	М м	П п	У у	Ш ш	
Д д	й	Н н	р	Ӧ́	Ы ы	
е	Ј ј	Ӧ	С с	ф	ь	

От современного удмуртского алфавита она отличается наличием графем *і, ј, Ӣ, Ӧ, Ҙ, Һ, Ӧ́*.

Гласная *і*, а также буквы *ф, х, я* встречаются лишь в единичных заимствованиях: *Иисус* ‘Иисус’ (< рус. *Иисус*), *графитыны* ‘графить’ (< рус. *графитъ*), *грифельдес* ‘ваш грифель’ POSS.2PL-ACC (< рус. *грифель*), *Христос* ‘Христос’ (< рус. *Христос*), *святой* ‘святой’ (< рус. *святой*).

¹ Каталог дореволюционных книг и рукописей на удмуртском языке см. [Каракулов 2006: 114—200].

² Конкорданс к данному памятнику можно найти на сайте <http://lingvodoc.ispras.ru>.

³ Подобная структура характерна и для первых печатных Азбук 1847 г. на сарапульском и глазовском наречиях и уходит корнями в традицию подачи материала в первой удмуртской грамматике «Сочинения принадлежашіе к грамматике вотякаго языка» (1775 г.).

⁴ Например, встречаются такие формы, как *усыя, шуя, муям* и др., которые, вероятнее всего, должны были писаться как *усыйя, шуя, муям* соответственно.

Буквой *j* в букваре передается анлаутная /j/⁵: *jalan* ‘постоянно’ — литер. *ялан*, *жетоз* ‘попадет’ FUT-3SG — литер. *йотоз*, *эн жормы* ‘не бедствуй’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн ёрмы*, *јоно* ‘достойно’ — литер. *йоно*, *јуон* ‘пьянство’ ACC — литер. *юон*, *јыр* ‘голова’ — литер. *йыр* и др. В инлаутной позиции данная фонема передается графемой *й*: *дырйа* ‘во время’ — литер. *дырья*, *изйан* ‘урон’ — литер. *изьян*, *музйем* ‘земля’ — литер. *музьем*, *сойен* ‘поэтому’ — литер. *соин*, *муртйос* ‘люди’ PL — литер. *муртъёс*, *пайдайо* ‘полезный’ — литер. *пайдаё* и др.

Буквами *љ*, *њ*, *џ*, *ѣ* в памятнике обозначены мягкие согласные /l'/, /n'/, /s'/, /t'/ соответственно: *љек* ‘злой’ — литер. *лек*, *алъи* ‘сейчас’ — литер. *али*, *киљ* ‘перхоть’ — литер. *киль*; *њим* ‘имя’ — литер. *ним*, *куанъер* ‘бедный’ — литер. *куанер*, *куњ* ‘три’ — литер. *куинь*; *џам* ‘характер; нрав’ — литер. *сям*, *виџон* ‘болезнь’ — литер. *висён*, *пасџ* ‘дырявый’ — литер. *пась*; *виџыны* ‘ждать’ — литер. *вितыны*, *виѣ* ‘пять’ — литер. *вить* и др. Для обозначения мягкости остальных согласных используется *ь*⁶: *гадь* ‘грудь’ — литер. *гадь*, *гидь-ка*⁷ ‘двор’ — литер. *гидкуа*; *азьлань* ‘вперед’ — литер. *азьлань*, *сузьон* ‘доставание’ — литер. *сузён*, *вазь* ‘рано’ — литер. *вазь* и др.

Буквы *н* и *ј* в букваре, вероятно, передают особые диалектные фонемы /ŋ/ и /j/, которые не характерны для удмуртского литературного языка, но встречаются в отдельных говорах южного наречия. Более подробно речь о них пойдет ниже.

Особым образом в памятнике также отражаются аффрикаты. В современном удмуртском литературном языке представлены четыре смычно-фрикативных согласных /č/, /č'/, /ž/, /ž'/, которые передаются буквами *ч*, *ч'*, *ж* и *ж'* соответственно. В памятнике встречаются лишь три аффрикаты /č/, /č'/, /ž'/, примеров с /ž/ в источнике нам выявить не удалось. Передаются они в букваре следующим образом:

/č/ — буквой *ч*: *чанга* ‘галка’ — литер. *чана*, *чукна* ‘утром’ — литер. *чукна*, *кочо* ‘сорока’ — литер. *кочо*, *кыче* ‘какой’ — литер. *кыче*, *меч* ‘крутой’ — литер. *меч*, *пыч* ‘блоха’ — литер. *пыч* и др.

/č'/ — буквой *ц*: *цаль* ‘быстро’ — литер. *чаль*, *цурит* ‘крепкий’ — литер. *чурит*, *валце* ‘вместе’ — литер. *валче*, *покци* ‘младший’ — литер. *покчи*, *дзьец* ‘добрый, хороший’ — литер. *зеч*, *кец* ‘коза’ — литер. *кеч* и др.

/ž'/ — буквосочетанием *дзь*: *дзьег* ‘рожь’ — литер. *зег*, *дзьец* ‘добрый, хороший’ — литер. *зеч*, *лыдззы* ‘читай’ IMP.2SG — литер. *лыдззы* [l̥iːʒʒi], *пегдзьем* ‘бегство’ — литер. *пегзем* и др.

3. Фонетические особенности

На основе изложенного выше описания графико-орфографической системы «Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда» мы далее постараемся выявить фонетические особенности памятника. Для этого сопоставим вокализм и консонантизм анализируемого источника с системой гласных и согласных современного удмуртского литературного языка, параллельно при наличии приводя соответствия из диалектного словаря Ю. Вихманна [Wichmann 1987], материалы для которого были собраны финским ученым в конце XIX в., а также по возможности указывая современные формы по аудиословарям⁸, составленным автором статьи на материале экспедиционных данных 2013 г.

3.1. Вокализм

В вокализме памятника представлено восемь фонем: /i/, /i̯/, /ü/, /u/, /e/, /e̯/, /o/, /a/. От системы гласных удмуртского литературного языка он отличается наличием фонемы /ü/, которая на сегодняшний день встречается в основном в периферийно-южных говорах. Остановимся подробно на каждой корневой гласной памятника (аффиксальные маркеры будут проанализированы в отдельной статье, посвященной его морфологическим особенностям) и рассмотрим, каким фонемам современного удмуртского литературного языка они соответствуют.

Основное внимание уделяется гласным первого слога, поэтому при стандартном соответствии, т. е. когда гласная памятника идентична литературной, приводятся все лексемы (словоформы) финно-угорского происхождения; при нестандартном соответствии перечисляются все примеры, встречающиеся в тексте букваря. Для гласных непервого слога при стандартном соответствии приводятся по три слова,

⁵ О том, что данная буква в памятнике передает именно фонему /j/, можно судить на основе замечания, которое дано в начале книги: «Буква *J* у Казанских вотяков произносится как *Дь*, у Вятских вотяков как *Й*» [Букварь 1882: 2], поскольку Сарапульский уезд в XIX в. входил в состав Вятской губернии.

⁶ Лишь в одном заимствованном слове мягкость *д* выражается гласной *и*: *судиѣ* ‘судить’ (< рус. *судить*).

⁷ В данном слове наблюдается переход *д* > *д'* в позиции после *и* [Кельмаков 2006: 107].

⁸ Аудиословари доступны на сайте ЛингвоДок по адресу <http://lingvodoc.ispras.ru/>.

а при нестандартном также указываются все встречающиеся в тексте памятника лексемы (словоформы). Кроме того, для гласных первого слога исконной лексики даются праудмуртские фонемы, реконструируемые по [Безенова 2014] (при наличии таковых). Вокалическая система, восстанавливаемая в данной работе, состоит из десяти гласных (см. таблицу 1), имеющих различные рефлексы в современных удмуртских говорах (см. таблицу 2).

Таблица 1. Праудмуртская система вокализма по [Безенова 2014]

Подъем / Ряд	Передний	Средний	Задний
Верхний	*i	*i, *ɨ	*u
Средне-верхний		*ə	
Средне-нижний	*ɛ	*ɚ	*ɔ
Нижний 1		*ɐ	
Нижний 2		*a	

Таблица 2. Рефлексы праудмуртских гласных в современных удмуртских говорах

Праудмуртский гласный	южВБ.	бесВ.	бавлПУ.	средВ.	счК.
*i	i	i/v	i	i	i
*ī	ī/i	ī	ə/i	ī	ī
*ɨ	u	u/v	ɨ	u	u
*u	u/o	u	u/ɨ	u	u
*ɛ	ɛ	ɛ	ɛ	ɛ	ɛ
*ə	з	з	ə	з	з
*ɚ	ɚ	з/ɛ	ə	ɚ	ɚ
*ɔ	ɔ	ɔ	ɔ	ɔ	ɔ
*ɐ	v/ī	v/ī	ə	ī	ī
*a	a	a	a	a	a

Употребление гласной /i/

1. В первом слоге.

А) /i/ в соответствии с литер. /i/:

ви́зон ‘болезнь; боль’ — литер. *висён* (также и в одной форме этого слова); ср. *viš̄n̄i* (G, U), *viš̄i-* (B), *viš̄inj* (S, J, MU), *viš̄nj* (M) ‘болеть’ [Wichmann 1987: 317]; бавлПУ., южВБ. *viš̄v̄n̄é*, бесВ. *viš̄v̄n̄é*, средВ. *viš̄'n̄i*, счК. *viš̄in̄i* ‘болеть’, бавлПУ., бесВ., счК., южВБ. *viš̄v̄n̄*, средВ. *viš̄'v̄n̄* ‘болезнь’ < ПУДМ *i;

гидь-ка ‘двор’ — литер. *гидкуа*; ср. *gid* (G, M, J, U), *gid'*, *gig* (J), *gid'*, *dip'* (MU) ‘хлев’ [Wichmann 1987: 57]; бавлПУ. *gid'*, бесВ., средВ., счК. *gid* ‘хлев, загон’ < ПУДМ *i;

интмез ‘его место’ POSS.3SG — литер. *интыэз*; ср. *intj* (S, M), *inti* (M), *int̄i* (U), *ih̄t̄i* (G, U), *ih̄t̄j* (J, MU) ‘место’ [Wichmann 1987: 66]; счК. *int̄i* ‘место’ < ПУДМ *i;

инь ‘небо; небесный’ — литер. *ин*; *Иньмар* ‘Бог’ — литер. *Инмар* (также и в пяти формах этого слова); ср. *in*, *int-* (G, M, J, MU), *ih̄*, *ih̄m-* (J, MU), *im* (U) ‘небо’ [Wichmann 1987: 65]; бавлПУ. *in'bám*, бесВ. *in/inbám*, средВ. *inbám*, счК. *in*, южВБ. *in'* ‘небо’ < ПУДМ *i;

иньи ‘уже’ — литер. *ини*; ср. *ini* (S, M), *ih̄i* (G, J, MU, U) ‘уже’ [Wichmann 1987: 66]; бавлПУ., южВБ. *in'i*, средВ. *ini* ‘уже’ < ПУДМ *i;

киде ‘твою руку’ POSS.2SG-ACC — литер. *кидэ* (также и в других трех формах слова *ки* ‘рука’); ср. *ki* (G, B, S, M, J, MU, U) ‘рука, кисть руки’ [Wichmann 1987: 104]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ki* ‘рука, кисть руки’ < ПУДМ *i;

кӣнке ‘кто-то’ — литер. *кин ке* (также и в двух формах этого слова); ср. *kin* (G, M, U), *kih̄* (B, J, MU), *kino* (M) ‘кто?’ [Wichmann 1987: 105]; бавлПУ., южВБ. *kin'*, бесВ., счК. *kin*, средВ. *kin̄* ‘кто’ < ПУДМ *i;

ми́скы ‘вымой’ IMP.2SG — литер. *ми́скы*; ср. *miš̄k̄n̄i* (G, B, U), *miš̄k̄inj* (M, J, MU) ‘мыть’ [Wichmann 1987: 160]; бавлПУ., южВБ. *miš̄k̄v̄n̄é*, бесВ. *miš̄k̄v̄n̄é*, средВ., счК. *miš̄k̄in̄i* ‘мыть’ < ПУДМ *i;

н̄им ‘имя’ — литер. *ним* (также и в одной форме этого слова); *н̄имаскозы* ‘будут называться’ FUT-3-PL — литер. *нимаскозы*; ср. *nim* (G, B, M, J, MU, U), *nh̄m* (B), *nh̄m* (J) ‘имя; название’ [Wichmann 1987: 176]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *n'im* ‘имя’ < ПУДМ *i;

ни ‘мой сын’ POSS.1SG — литер. *ни*, *ниез* ‘его сын’ POSS.3SG — литер. *ниез*; ср. *pi* (G, B, M, J, MU, U) ‘мальчик; сын’ [Wichmann 1987: 195]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *pi* ‘сын; мальчик’ < ПУДМ *i;
циидыке ‘если вы съедите’ 1PST-2-PL — литер. *цииды ке*; ср. *šīnī* (G, B, U), *šīnī* (M, J), *šīnī* (J, MU) ‘есть’ [Wichmann 1987: 234]; бавлПУ., южВБ. *šijəné*, бесВ. *šijəně*, средВ. *s'ijīnī*, счК. *šīnī* ‘есть, съесть’ < ПУДМ *i;

циндэ ‘твой глаз’ POSS.2SG-ACC — литер. *циндэ*, *циньмаз* ‘в его глаз’ ILL-POSS.3SG — литер. *синмаз*; эн *циньмазкы* ‘не симпатизируй’ NEG.IMP.2SG — литер. эн *синмазкы*; ср. *šin* (G, M, J), *šīn* (G, B, J, MU), *šīn* (MU), *šim* (U) ‘глаз’ [Wichmann 1987: 235]; бавлПУ., южВБ. *šin'*, бесВ., счК. *šin*, средВ. *s'in* ‘глаз’ < ПУДМ *i;

ти ‘вы’ — литер. *тi* (также и в четырех формах этого слова); ср. *ti* (G, B, J, MU, U) ‘вы’ [Wichmann 1987: 260]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ti* ‘вы’ < ПУДМ *i;

тир ‘топор’ — литер. *тiр*; ср. *tir* (G, M, J, MU, U), *t'ir* (B) ‘топор’ [Wichmann 1987: 260]; бавлПУ., средВ., счК., южВБ. *tir*, бесВ. *t'ir* ‘топор’ < ПУДМ *i.

Б) /i/ в соответствии с литер. /j/:

виль ‘новый’ — литер. *вьиль*; ср. *vil'* (B, S, M, J, MU, U), *vīl'* (G) ‘новый’ [Wichmann 1987: 316]; бавлПУ., бесВ., средВ., южВБ. *vil'*, счК. *vīl'* ‘новый’ < ПУДМ *i;

кизьы ‘как’ — литер. *кызьы*, *кызьыке* ‘как-то’ — литер. *кызьы ке*; ср. *kīzī* (G, B, U), *kī-zī*, *kīzī* (G), *kīd'zī* (M), *kīzī*, *kī-zī* (J), *kīzī*, *kī-zī* (MU) ‘как’ [Wichmann 1987: 127]; бавлПУ. *kázə*, бесВ., южВБ. *kīzə*, средВ. *kīzō*, счК. *kīzī* ‘как, каким образом’ < ПУДМ *i;

кильодке ‘если будешь лежать’ FUT-2SG — литер. *кыллэд ке*; ср. *kīl'l'īnī* (G, U), *kīl'l'-* (B), *kīl'l'īnī* (M, J), *kīl'l'īnī* (MU) ‘лежать’ [Wichmann 1987: 112]; бавлПУ. *kəl'l'əně*, бесВ. *kəl'l'əně*, средВ., счК. *kīl'l'īnī*, южВБ. *kəl'l'əně* ‘лежать’ < ПУДМ *v.

В) /i/ в соответствии с литер. /e/:

мидам ‘же’ — литер. *медам*, *мидаз* ‘пусть не’ — литер. *медаз*; ср. *med-am*, *med-ad*, *medaz* (G, B, M, J, MU, U) ‘пусть я/ты/он не’ [Wichmann 1987: 157].

2. В непервом слог:

/i/ в соответствии с литер. /i/:

одик ‘один; одинаковый’ — литер. *одiг*; ср. *odig* (G, M, J, MU, U), *odig*, *odig* (G), *odik* (MU, U), *oig* (B) ‘один’ [Wichmann 1987: 181]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ədīg* ‘один’;

покци ‘маленький; младший’ — литер. *покци*; ср. *pokt'si* (G, U), *pekt'si* (G), *pokt'si* (M, J, MU) ‘маленький’ [Wichmann 1987: 203];

пунит ‘против; навстречу’ — литер. *пунит*; ср. *puṅit* (M, J, U), *pumid*, *pumit*, *pumit'* (G), *puṅit'* (J, J, MU) ‘навстречу, вопреки, напротив’ [Wichmann 1987: 212]; бавлПУ., бесВ. *pumit'aně*, средВ., счК. *pumitanī*, южВБ. *pumitaně* ‘встречать’ и др.

Таблица 3. Соответствия гласной /i/

гласная памятника		первый слог			непервый слог	
		/i/			/i/	
соответствия	литер.	/i/ (14) ⁹	/j/ (3)		/e/ (1)	
	по [Wichmann 1987]		G i (14)	G ṭ ~ i (1), ṭ (1)	G ṭ (1)	G e (1)
		B i (10)	B ṭ (1), i (1)	B ṭ (1)	B e (1)	B i
	S i (4)	S i (1)	U ṭ (1)	M e (1)	M i	
	M i (13)	M j (1), i (1)	M j (1)	J e (1)	J i	
	J i (14)	J j (1), i (1)	J j (1)	MU e (1)	J i	
	J i (1)	MU i (2)	MU i (1)	U e (1)	MU i	
	MU i (13), i ~ j (1)	U ṭ (1), i (1)			U i	
	U i (14)					
по аудиословарям	бавлПУ. i (13)	бавлПУ. ə (1), i (1)	бавлПУ. ə (1)		бавлПУ. i	
	бесВ. i (12)	бесВ. ĩ (1), i (1)	бесВ. v (1)		бесВ. i	
	средВ. i (13)	средВ. ĩ (1), i (1)	средВ. ĩ (1)		средВ. i	
	счК. i (13)	счК. ĩ (2)	счК. ĩ (1)		счК. i	
	южВБ. i (12)	южВБ. ĩ (1), i (1)	южВБ. v (1)		южВБ. i	
ПУДМ	*i	*i	*v			

⁹ Здесь и далее в скобках указано количество корневых морфем, в которых представлено то или иное соответствие.

Употребление в памятнике /i/ в соответствии с литературной /i/, вероятно, объясняется переходом первоначальной /i/ в /i/ в соседстве с палатальными согласными. На данный момент данное явление более характерно для говоров южной диалектной зоны, которая охватывает южное наречие и часть срединных говоров [Кельмаков 2006: 65—67], однако может встречаться также в бесермянском наречии [Кельмаков 1992: 75—77, 85; Люкина 2009: 236], в нижнечепецком диалекте северного наречия, а также в некоторых других северных говорах удмуртского языка [Карпова 2005: 45; Карпова 2018: 104—109; Лыткин, Тепляшина 1959: 222; Тепляшина 1957: 137; Тепляшина 1970б: 165].

Другое нестандартное соответствие, также связанное с употреблением в памятнике гласной /i/, представлено лишь одной лексемой. При этом, как видим, оно не подтверждается материалами словаря [Wichmann 1987] и, насколько нам известно, не зафиксировано в современных удмуртских диалектах. Однако вариант опечатки в данном случае, на наш взгляд, также исключен, поскольку формы *мидам*, *мидаз* в букваре встречаются в четырех предложениях.

Употребление гласной /i/

1. В первом слоге.

А) /i/ в соответствии с литер. /i/:

вылын ‘на’ — литер. *вылын*; ср. *vīl* (G, U), *vīl* (M, J), *vīu* (J, MU) ‘поверхность’ [Wichmann 1987: 318]; бавлПУ. *vəl*, бесВ., южВБ. *vvl*, средВ., счК. *vīl* ‘верхняя часть, поверхность’ < ПУДМ *v;

дышод ‘привыкнешь’ FUT-2SG — литер. *дышод*; *дышыса* ‘привыкая’ — литер. *дышыса*; *дышетыны* ‘учить, обучить; изучить’ — литер. *дышетыны* (также и в одной форме этого слова); *дышетон* ‘предназначенный для обучения’ — литер. *дышетон*; *дышетиц* ‘учитель’ — литер. *дышетись*; *дышецкомы* ‘будем учиться’ FUT-1-PL — литер. *дышетскомы*; *дышецкищюсыз* ‘его ученики’ PL-POSS.3SG — литер. *дышеткисьёсыз*, *дышецкищюслы* ‘ученикам’ PL-DAT — литер. *дышеткисьёслы*; ср. *dīšīnī* (G, U), *dīšnī* (M), *dīšjīnī* (J, MU) ‘учиться, обучиться, выучиться, привыкнуть’, *dīšetīnī* (G, U), *dīšetjīnī* (M, MU) ‘учить’ [Wichmann 1987: 35]; бавлПУ. *dəʃenē*, бесВ. *dīʃənā*, средВ., счК. *dīʃinī*, южВБ. *dəʃenē* ‘научиться, приучиться; привыкнуть, свикнуться’ < ПУДМ *v;

жыр ‘голова; глава’ — литер. *йыр* (также и в пяти формах этого слова); *жырсыде* ‘твои волосы’ POSS.2SG-ACC — литер. *йырсыдэ*; ср. *jīr* (G, B), *jīr* (S, M, J), *jīr* (J), *dʲir*, *dʲir* (MU), *dʲir*, *dʲir* (U) ‘голова’ [Wichmann 1987: 79]; бавлПУ. *dʲər*, бесВ., южВБ. *jvr*, средВ., счК. *jīr* ‘голова’ < ПУДМ *v;

уг жыромы ‘не блуждает’ NEG.PRS.3SG — литер. *уг йыромы*; ср. *jīromīnī* (G), *jīromjīnī* (S, M), *juromjīnī* (J), *dʲiromjīnī* (MU), *dʲuromīnī* (U) ‘заблудиться’ [Wichmann 1987: 80]; бавлПУ. *dʲurəmēnē*, средВ. *jīrəmīnī*/*jurəmīnī*, южВБ. *jvrəmēnē* ‘заблудиться, сбиться с дороги’ < ПУДМ *v;

кыйлес ‘от змеи’ ABL — литер. *кыйлэсь*; ср. *kīi* (G, U), *kīi* (M, J, MU) ‘змея’ [Wichmann 1987: 109]; бавлПУ. *kaj*, бесВ., средВ. *kij*, южВБ. *kej* ‘змея’ < ПУДМ *v;

кыл ‘слово; речь’ — литер. *кыл* (также и в тринадцати формах этого слова); *кыло* ‘языкастый’ — литер. *кыло*; ср. *kīl* (G, U), *kīl* (Sl, M, J), *kīu* (J, MU) ‘язык; речь; слово’ [Wichmann 1987: 110]; бавлПУ. *kəl*, бесВ., южВБ. *kvl*, средВ., счК. *kīl* ‘язык’ < ПУДМ *v;

кылем ‘услышанный’ — литер. *кылэм*; *кылзеле* ‘слушайте’ IMP.2PL — литер. *кылзэлэ* (также и в двух других формах слова *кылзыны* ‘слушать’); *кылзыса* ‘слушая’ — литер. *кылзыса*; ср. *kīlīnī* (G, B, U), *kīlnjī* (M), *kīlīnī* (J), *kīujīnī* (J, MU) ‘слышать’, *kīuzjīnī* (MU) ‘слушать’ [Wichmann 1987: 111]; бавлПУ. *kələnē*, бесВ. *kvlənē*, средВ., счК. *kīlinī*, южВБ. *kvlənē* ‘услышать, слышать, расслышать’ < ПУДМ *v;

кырыж ‘криво’ — литер. *кырыж*; ср. *kīrīž* (G, U), *krīž* (G), *kīrīdž* (M), *kīrīž* (J, MU) ‘кривой, косо; криво, косо’ [Wichmann 1987: 114]; бавлПУ. *kərāz*, бесВ. *kvrāz*, средВ. *kīrīdž*, счК. *krīž*, южВБ. *kvrīž* ‘кривой’ < ПУДМ *v;

кыче ‘какой’ — литер. *кыче*, *кычеке* ‘какой-то’ — литер. *кыче ке*; ср. *kečē* (G, M, U), *kjčē* (G), *kōčē* (J, MU) ‘какой’ [Wichmann 1987: 126]; бавлПУ. *kāčē*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *kīčē* ‘какой’ < ПУДМ *i;

лыдэзы ‘читай’ IMP.2SG — литер. *лыдэзы*; *лыдэземде* ‘прочтенное тобой’ POSS.2SG-ACC — литер. *лыдэземдэ*; ср. *līdʲdʲīnī* (G), *līdʲdʲīnī* (M, J, MU), *līdʲdʲīnī* (MU), *līgdʲz-* (MU), *līdʲdʲīnī* (U) ‘считать; читать’ [Wichmann 1987: 146]; бавлПУ. *ləčənē*, бесВ. *līdʲdʲanē*, средВ. *līdjanī*, *līččīnī*, счК. *līdjanī*, южВБ. *līdjanē* ‘считать, подсчитать’ < ПУДМ *i;

лыктиз ‘он пришел’ 1PST-3SG — литер. *лыктиз* (также и в других двух формах слова *лыктыны* ‘прийти, приехать’); ср. *līktīnī* (G, B, U), *līktjīnī* (M, J, MU) ‘приходить, прибывать’ [Wichmann 1987: 146]; бавлПУ. *ləktənē*, бесВ. *lėktələnē*, средВ., счК. *līktīnī*, южВБ. *lėktənē* ‘прийти, приходить’ < ПУДМ *v;

мылкыд ‘настроение; усердие’ — литер. *мылкыд* (также и в пяти формах этого слова); *мыло-кыдо* ~ *мыло кыдо* ‘прилежный’ — литер. *мыло-кыдо*; *мылиц-кыдиц* ~ *мылиц кыдиц* ‘усердно, с усердием’ — литер. *мылысь-кыдысь*; *мыл-потис* ‘охотливый’ — литер. *мылпотись*; ср. *mīl-kīd* (G, B, U), *mīl-kīd* (U), *mīl-kīd* (M, J), *mīu-kīd* (J, MU), *mīu-kīd* (J) ‘нрав, настроение’ [Wichmann 1987: 108];

мынидке ‘если ты пошел’ 1PST-2SG — литер. *мынид ке*; *мыниц* ‘идуший’ — литер. *мыниць*; *мынем* ‘хождение’ — литер. *мынэм*; ср. *tīnīnī* (G, B, U), *tīnījī* (M, J), *tīnījī* (J, MU), *tuñjījī* (MU) ‘идти; ехать’ [Wichmann 1987: 161]; бавлПУ. *tənpēv*, бесВ. *tīnəpēv*, средВ. *tīnnī*, счК. *tīnīnī*, южВБ. *tīnpēv* ‘идти, пойти; ехать’ < ПУДМ *ī;

нылли ‘ребенок’ — литер. *нылли* (также и в одной форме этого слова); ср. *nīl-pi* (G, U), *nīl-pi* (M, J), *nījī-pi* (J, MU) ‘ребенок’ [Wichmann 1987: 169]; бавлПУ. *nəl*, бесВ., средВ. *nīl*, счК. *nīláf*, южВБ. *nēl* ‘девочка, девушка’ < ПУДМ *v;

пыреле ‘зайдите’ IMP.2PL — литер. *пырелэ* (также и в других двух формах слова *пырыны* ‘зайти, войти’); ср. *pīrīnī* (G, B, U), *pīrījī* (M, J), *pīrījī* (J, MU) ‘входить, заходить’ [Wichmann 1987: 200]; бавлПУ. *pəpēv*, бесВ. *pəpēv*, средВ., счК. *pīrīnī*, южВБ. *pəpēv* ‘зайти, заходить, войти’ < ПУДМ *v;

сына ‘расчеши’ IMP.2SG — литер. *сына*; ср. *sīnānī* (G, U), *sīnānī* (M, J, MU), *sīnānī* (J) ‘расчесывать’ [Wichmann 1987: 223]; бавлПУ. *sən*, средВ., счК. *sīn* ‘расческа, гребенка’, средВ., счК. *sīnanī* ‘расчесывать’ < ПУДМ *v;

тыр ‘сытый’ — литер. *тыр*; *тыриц* ‘с момента’ — литер. *тырыць*; *тыронтемлэц* ‘от неуплаты’ ABL — литер. *тыронтэмлэц*; *тырмоз* ‘хватит’ FUT-3SG — литер. *тырмоз*; ср. *tīr* (G, B, U), *tīr* (M, J, MU) ‘полный; сытый’, *tīriś* (MU) ‘с тех пор’, *tīrīnī* (G, U), *tīrī-* (B), *tīrnī* (M), *tīrījī* (J, MU) ‘наполнять; грузить; ставить; укладывать; собирать; платить; наполняться’ [Wichmann 1987: 262], *tīrmīnī* (G, U), *tīrmījī* (M, MU) ‘наполниться’ [Wichmann 1987: 263]; бесВ. *tər* ‘полный, целый’, бесВ. *tərəná*, средВ., счК. *tīrīnī*, южВБ. *térpēv* ‘погрузить, сложить’ < ПУДМ *v;

ымыцкыд ‘из твоего рта’ ELA-POSS.2SG — литер. *ымыцьтыд*; ср. *īm* (G, B, U), *īm* (S, M, J, MU) ‘рот’ [Wichmann 1987: 70]; бавлПУ. *ət*, бесВ., южВБ. *vt*, средВ., счК. *īm* ‘рот’ < ПУДМ *v;

ыче ‘такой’ — литер. *сыче*; ср. *sīčšē* (G), *sīčšē* (S, M, J, MU), *tšīčšē*, *šīčšē* (U) ‘такой’ [Wichmann 1987: 224]; бесВ., средВ. *sīčē*, счК. *sīčē* ‘такой’ < ПУДМ *ī.

Б) /j/ в соответствии с литер. /u/:

ныналез ‘день’ ACC — литер. *нуналэз*; ср. *nīnal* (G, B, M, J), *nīnāu*, *nīnāu*, *nīnal*, *nīnal* (J), *nīnāu* (J, MU), *nīnal* (U) ‘день’ [Wichmann 1987: 173]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *nīnāl* ‘день’;

тырто ‘стараятся’ PRS.3PL — литер. *туртто* (также и в других двух формах слова *турттыны* ‘стараться, намереваться’); ср. *turtjījī*, *tirtjījī* (MU), *turtjījī* (M, J), *turttjī-* (J), *tirttjījī* (MU), *tirttīnī* (U) ‘хотеть, желать; намереваться’ [Wichmann 1987: 269];

шудытоц ‘вместо того, чтобы играть’ — литер. *шудытоць*; *шудонез* ‘игру’ ACC — литер. *шудонэз*; ср. *šudīnī*, *šudī-* (G), *šīdī-* (B), *šudnī* (M), *šudījī* (J, MU), *šīdīnī* (U) ‘играть’; *šudon* (G, M), *šudon* (MU), *šīdon* (U) ‘игра; игрушка’ [Wichmann 1987: 250].

В) /j/ в соответствии с литер. /i/:

гыне ‘только’ — литер. *гинэ*; ср. *gīnē* (B, U), *gīnē*, *-nē* (G), *gīnē* (M, J, MU) ‘только, лишь’ [Wichmann 1987: 58];

чырды диал. ‘читай’ IMP.2SG — литер. *чирды* (*чирдыны* ‘петь’); *чырдемде* диал. ‘прочтенное тобой’ POSS.2SG-ACC — литер. *чирдэмдэ*; ср. *t’šīrdīnī* (G, U), *t’šīrd-* (S), *t’šīrdījī* (M, J), *t’šīrdījī* (J, MU) ‘петь; читать’ [Wichmann 1987: 286].

Г) /j/ в соответствии с литер. /e/:

ыжыт ‘мало’ — литер. *өжыт*; *ыжыта* ‘мало ли’ — литер. *өжыт-а*; ср. *ežet* (G), *īžīt* (G, B, U), *īžet* (U), *ežīt* (S, M), *öžīt* (J, MU), *öžöt*, *öžet* (MU) ‘мало, немного’ [Wichmann 1987: 55]; бавлПУ. *ezät*, средВ., южВБ. *ezīt* ‘мало, немного’ < ПУДМ *e.

2. В первом слоге.

А) /j/ в соответствии с литер. /j/:

вакытад ‘в твоё время’ ILL-POSS.2SG — литер. *вакытад*; ср. *vākīt* (U), *vākīt* (S), *vākīt* (J), *bāgīt* (MU) ‘время, пора’ [Wichmann 1987: 306]; бавлПУ. *vakāt*, средВ. *vakīt*, южВБ. *vakēt* ‘время, пора, момент, период’;

возыт ‘стыд’ — литер. *возыт*; *возыттем* ‘бессовестный, бесстыдный’ — литер. *возыттем*; ср. *vožīt* (G, U), *vo,d’žīt* (S), *vožīt* (M, J, MU) ‘стыд, срам’ [Wichmann 1987: 325]; бавлПУ. *vəžät*, бесВ., средВ., счК. *vəžīt*, южВБ. *vəžēt* ‘совесть, стыд’;

кужым ‘сила’ — литер. *кужым* (также и в двух формах этого слова); ср. *kužīm* (G, B, U), *kužīm* (M, J) ‘сила, мощь’ [Wichmann 1987: 139]; бавлПУ. *kužät*, средВ. *kužīm*, южВБ. *kužēt* ‘сила, энергия, мощь’ и др.

Б) /j/ в соответствии с литер. /e/:

будытемез ‘его воспитание’ POSS.3SG — литер. *будэтэмез*; ср. *budētīnī* (B, U), *budētījī* (M), *budētīnī* (G), *budītījī* (MU) ‘растить, воспитывать’ [Wichmann 1987: 26]; бавлПУ., южВБ. *budētēv*, бесВ. *budētēv*, средВ., счК. *budētīnī* ‘воспитать, вырастить’;

өрыкцаса ‘обманывая’ — литер. *өрекцаса*; *өрыкцаскыса* ‘говоря неправду’ — литер. *өрекцаскыса*; ср. *erekt’šānī* (S, M), *örekt’šānī* (MU), *erekt’šānī* (U) ‘обманывать’ [Wichmann 1987: 54].

В) /j/ в соответствии с литер. /i/:

ацүд ~ *ацүт* 'ты сам' — литер. *ачид*; ср. *ač'id* (G, B, U), *ač'isid* (G), (*ton*) *ač'isit* (U), *ač'isid* (M, J), *ton ač'isid* (M), *ač'isid*, *ton ač'isid* (MU) 'ты сам' [Wichmann 1987: 10].

Таблица 4. Соответствия гласной /j/

гласная памятника	первый слог				непервый слог				
	литер.	/j/			/j/				
соответствия	/j/ (19)			/u/ (3)	/i/ (2)	/e/ (1)	/j/	/e/ (2)	/i/ (1)
	по [Wichmann 1987]	G ĩ̃ (14), ĩ̃ ~ 0 (1) B ĩ̃ (7) S ĩ̃ (3) Sl ĩ̃ (1) M ĩ̃ (15) J ĩ̃ (13), ĩ̃ ~ ĩ̃ (1), u (1) Л ĩ̃ (1) MU ĩ̃ (13), ĩ̃ ~ ĩ̃ (1) U ĩ̃ (14), u (1)	G ĩ̃ (3), ĩ̃ ~ e (1) B ĩ̃ (1) S ĩ̃ (1) M ĩ̃ (3), e (1) J ĩ̃ (3), o (1) MU ĩ̃ (2), ĩ̃ ~ ш (1), o (1) U ĩ̃ (3), e (1)	G u (1), u ~ ш (1) B u (1), ĩ̃ (1) M u (3) J u ~ ш ~ ĩ̃ (1), u ~ ш (1), ш (1) MU ĩ̃ (1), ĩ̃ ~ ш (1), ш (1) U ĩ̃ (3)	G i (1), ĩ̃ (1) B ĩ̃ (1) S i (1) M ĩ̃ (1), i (1) J ĩ̃ (2) Л i (1) MU ĩ̃ (2) U ĩ̃ (2)	G e ~ ĩ̃ (1) B ĩ̃ (1) S e (1) M e (1) J o (1) MU o (1) U ĩ̃ (1)	G ĩ̃ B ĩ̃ S ĩ̃ M ĩ̃ J ĩ̃ MU ĩ̃ U ĩ̃	G ĩ̃ (1) B e (1) S e (1) M e (2) MU ĩ̃ (1), e (1) U e (2)	G i (1) B i (1) M i (1) J i (1), i ~ ĩ̃ (1) MU ĩ̃ ~ ĩ̃ (1), i ~ ĩ̃ ~ ĩ̃ (1) U i (1)
по аудио-словарям	бавлПУ. ə (12) бесВ. v (11); ĩ̃ (2) средВ. ĩ̃ (13) счК. ĩ̃ (13) южВБ. v (12); ĩ̃ (1)	бавлПУ. ə (3) бесВ. ĩ̃ (4) средВ. ĩ̃ (4) счК. ĩ̃ (4) южВБ. ĩ̃ (3)	бавлПУ. u (1) бесВ. u (1) средВ. u (1) счК. u (1) южВБ. u (1)	бавлПУ. e (1) средВ. e (1) южВБ. e (1)	бавлПУ. ə бесВ. ĩ̃ средВ. ĩ̃ счК. ĩ̃ южВБ. v	бавлПУ. e (1) бесВ. e (1) средВ. e (1) счК. e (1) южВБ. e (1)			
ПУДМ	*v	*ĩ̃			*e				

Как видим, в данном случае наблюдаются различные отклонения от современных литературных норм.

Употребление в памятнике /j/ в соответствии с литературной /u/ в первом слове, вероятно, связано с различными рефlekсами праудмуртского *u, который, утрачиваясь, «в части диалектов сохранился без изменений (> ŷ), в большинстве диалектов перешел в задний ряд (> y), в третьих же, сохранив признак ряда, утратил лабиализованность (> ы > б̃ > ь)» [Кельмаков 2006: 69]. Данное предположение, на наш взгляд, подтверждают и параллели из словаря [Wichmann 1987], в которых мы наблюдаем функционирование гласных u, ш, ĩ̃ (ĩ̃) в различных диалектах.

Употребление /j/ в соответствии с литературной /i/ в первом слове, которое нам удалось зафиксировать в букваре в двух лексемах, встречается и в современных удмуртских диалектах. По данным В. К. Кельмакова, эта особенность представлена в десятке корней, причем варианты с /i/ характерны для говоров северной диалектной зоны удмуртского языка, а варианты с /j/ — для южной диалектной зоны. К сожалению, причины возникновения данного явления диалектологами пока не выяснены [Кельмаков 2006: 67—68].

Случаи употребления /j/ в соответствии с литературной /e/ во втором слове в современных удмуртских диалектах нам пока зафиксировать не удалось. Однако ранее аналогичную особенность, подтверждающуюся тремя лексемами: *будытоз* 'вырастит' — литер. *будэтоз*, *öрыкчи* 'обманщик' — литер. *öрекчи*, *тэкишырыны* 'осуждать' — литер. *тэкшырыны*, — мы обнаружили в памятнике на казанском наречии [Безенова 2016а: 24]. Кроме того, как видим, выявленные в букваре формы частично подтверждаются и данными словаря Ю. Вихманна. Единичные случаи, заключающиеся в употреблении /j/ в соответствии с литературной /e/ в первом слове и /j/ в соответствии с литературной /i/ во втором слове, также имеют параллели в [Wichmann 1987]. В связи с этим уместно предположить, что все перечисленные отклонения не являются простыми опечатками, а действительно отражают диалектные особенности памятника.

Употребление гласной /ü/

Гласная /ü/ в памятнике встречается только в первом слове.

А) /ü/ в соответствии с литер. /u/:

дүн 'чистый' — литер. *дун*; ср. *dun* (G, J), *dun* (G, MU) 'чистый' [Wichmann 1987: 39].

Б) /ü/ в соответствии с литер. /ци/:

күнь 'три' — литер. *куинь*; ср. *кциñ* (G, B, M, J, MU, U), *куñ* (J), *куñ* (U) 'три' [Wichmann 1987: 142]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *kwin'* 'три'.

Несмотря на функционирование в памятнике лишь двух лексем с гласной *ү*, по нашему мнению, она все же отражает праудмуртский *и, который, утрачиваясь, как мы указали выше, дал различные рефлекс-ы в удмуртских диалектах (/u/, /ü/, /i/). В праудмуртском языке насчитывалось более 150 лексем с *и, однако в памятнике представлено лишь 18 из них. При этом в двух вышеуказанных формах наблюдается сохранение праудмуртского *и (*дүñ* 'чистый', *күнь* 'три'), в трех лексемах представлен переход *и в /i/ (*нынал* 'день', *тырт(ы)*- 'стараться', *шыд(ы)*- 'играть'), а в 13 рефлексом праудмуртского *и является гласная /u/ (*жу(ы)*- 'выпить', *куке* 'когда', *кус кертон* 'пояс', *лул* 'душа', *лу(ы)*- 'стать', *му* диал. 'мед', *һурт(ы)*- 'прижать', *су куаҫм(ы)*- 'испытывать жажду', *сузь(ы)*- 'достать', *сурес* 'дорога', *урод* 'плохой', *уҫ(ы)*- 'упасть', *уҫ(ы)*- 'смотреть'). Отметим также, что в удмуртских письменных памятниках этот гласный, как правило, обозначается буквой *у* с дизерезисом — *ү* [Безенова 2016а: 9, Безенова 2021а: 22].

На сегодняшний день, по данным диалектологов, в фонемной функции /ü/ употребляется лишь в периферийно-южных говорах [Кельмаков 2006: 56]. Для удмуртского литературного языка, как и для абсолютного большинства современных диалектов, данная фонема уже не характерна.

Употребление гласной /u/

1. В первом слоге.

/u/ в соответствии с литер. /u/:

бурез 'его благо' POSS.3SG — литер. *бурез*, *бурен* 'благом' INS — литер. *бурен*; *бурмытоз* 'он исцелит' FUT-3SG — литер. *бурмытоз*; ср. *bur* (G, B, M, J, MU, U) 'правый; хорошо', *burmĩtĩnĩ* (G, U), *burmĩtĩni* (S, M, MU) 'вылечить' [Wichmann 1987: 28]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *bur* 'правый' < ПУдм *и;

вунытек 'не забываясь' — литер. *вунытэк*; *вунеты* 'забудь' IMP.2SG — литер. *вунэты*; ср. *вині-* (S), *виніni* (M, MU), *виніñ* (U) 'забыться', *винетіñ* (G, U), *винеті-* (S), *винетіni* (M, J, MU) 'забыть' [Wichmann 1987: 328]; бавлПУ., южВБ. *винетвнэ*, бесВ. *винетәнэ*, счК., средВ. *винетині* 'позабыть, забыть' < ПУдм *и;

вурь 'зашей' IMP.2SG — литер. *вурь*; ср. *вуріñ* (G, U), *вурі-* (S), *вурні* (M), *вуріni* (J, MU) 'шить' [Wichmann 1987: 328]; бавлПУ., южВБ. *вурвнэ*, бесВ. *вурәнэ*, средВ., счК. *вурині* 'шить, сшить' < ПУдм *и;

дугдытек 'не останавливаясь' — литер. *дугдытэк*; ср. *дугдінñ* (G, U), *дугдінi* (M, J), *дугд-* (J, MU) 'остановиться' [Wichmann 1987: 38]; бавлПУ., южВБ. *дугдвнэ*, бесВ. *дугдәнэ*, средВ., счК. *дугдині* 'остановиться; переставать' < ПУдм *и;

жуазы 'они спросили' 1PST-3-PL — литер. *юазы*; *жуаса* 'спросив' — литер. *юаса*; ср. *жуані* (G, B), *жуані* (S, M, J), *д'уані* (MU), *д'уані* (U) 'спросить' [Wichmann 1987: 81]; бавлПУ. *д'уанэ*, бесВ., южВБ. *жуанэ*, средВ., счК. *жуані* 'спросить, спрашивать' < ПУдм *и;

жуидыке но 'хотя и выпили' 1PST-2-PL — литер. *юиды ке но*; *жуон* 'пьянство' — литер. *юон*; ср. *жуіñ* (G, B), *жуіni* (S, J), *жуіni* (J), *жуіni* (M), *д'уіñ* (MU), *д'уіñ* (U) 'пить' [Wichmann 1987: 82—83]; бавлПУ. *д'ивнэ*, бесВ. *жуәнэ*, средВ. *жуіni*, счК. *жуіni*, южВБ. *жувнэ* 'пить' < ПУдм *и;

юнмалод 'ты окрепнешь' FUT-2SG — литер. *юнмалод*; *юнмате* 'укрепляет' PRS.3SG — литер. *юнматэ*; ср. *jun* (G, B, S, M, J), *junm-* (G), *д'un* (MU, U) 'крепкий, прочный; твердый', *junmatĩnĩ* (G) *junmatĩni* (S, M), *д'unmatĩni* (MU), *д'unmatĩñ* (U) 'окрепить' [Wichmann 1987: 83]; бавлПУ. *д'un*, бесВ., средВ., южВБ. *jun* 'крепкий, прочный' < ПУдм *и;

юрцкы 'помоги' IMP.2SG — литер. *юртмӱськы*; ср. *юртінñ* (G), *юрт-* (B), *д'уртінi* (MU), *юртінñ* (G), *юртінi* (S, M) 'помочь' [Wichmann 1987: 84]; бесВ. *юртәнэ*, средВ., счК. *юрттині*, южВБ. *юрттенэ* 'помочь, помогать' < ПУдм *и;

кудке 'некоторый' — литер. *куд ке*; ср. *kud* (G, B, J, MU) 'который?' [Wichmann 1987: 127]; бавлПУ. *кудиз*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *кудиз* 'который' < ПУдм *и;

кужым 'сила' — литер. *кужым* (также и в двух формах этого слова); ср. *кужӱm* (G, B, U), *кужӱm* (M, J) 'сила, мощь' [Wichmann 1987: 139]; бавлПУ. *кузӱm*, средВ. *кузӱm*, южВБ. *кузӱm* 'сила, энергия, мощь' < ПУдм *и;

куке 'когда' — литер. *куке*; ср. *ku* (G, B, M, U), *ку* (MU) 'когда' [Wichmann 1987: 126]; бавлПУ. *ку*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *ку* 'когда' < ПУдм *и;

куле 'нужный; нужное; нужно' — литер. *кулэ*; ср. *kule* (G, B, M, J, U), *куце* (J, MU) 'нужно, необходимо' [Wichmann 1987: 130];

кулыны 'умереть' — литер. *кулыны*; ср. *кулінñ* (G, B, U), *кулні* (M), *кулніi* (J), *куціñi* (J, MU) 'умереть' [Wichmann 1987: 130]; бавлПУ., южВБ. *куләнэ*, бесВ. *куләнэ*, средВ. *кулні*, счК. *кулині* 'умереть, умирать' < ПУдм *и;

куру ‘попроси’ IMP.2SG — литер. *куру*; *курус* ‘просящий’ — литер. *курусь*; *куруслы* DAT ‘просящему’ — литер. *курусьлы*; ср. *kurîñî* (G, B, U), *kurnî* (M), *kurîñî* (J, MU) ‘просить’ [Wichmann 1987: 132]; бавлПУ., южВБ. *kurəné*, бесВ. *kurəné*, средВ., счК. *kurîñî* ‘попросить, просить’ < ПУдм *и;

кус кертонде ‘твой пояс’ POSS.2SG-ACC — литер. *кус керттондэ*; ср. *kus* (G, M), *kus* (J, MU), *kîs* (U) ‘поясница’ [Wichmann 1987: 133]; бавлПУ. *kys*, бесВ. *kvs*, средВ., счК. *kus*, южВБ. *kos* ‘поясница’ < ПУдм *и;

куспазы ‘они между собой’ — литер. *куспазы*; ср. *kuspîñ* (G, U), *kuspîñ* (J, MU), *kusîpîñ* (MU) ‘между, среди’ [Wichmann 1987: 134];

кутыны ‘брать’ — литер. *кутыны*; *кутыса* ‘приняв’ — литер. *кутыса*; *куцкы* IMP.2SG ‘возьмись’ — литер. *кутскы* (также и в других трех формах слова *кутскыны* ‘начать; взяться’); *кускем* ‘начало’ — литер. *кутскем*, *кускемед* ‘твое начало’ POSS.2SG — литер. *кутскемед*; ср. *kuîñî* (G, B, U), *kutñî* (M), *kuîñî* (J, MU) ‘поймать’ [Wichmann 1987: 135], *kutskîñî*, *kuîñî* (G), *kuîñî* (B), *kutskîñî*, *kuîñî* (M), *kuîñî* (J), *kuîñî* (J, MU), *kuîñî* (U) ‘начинать, приступать’ [Wichmann 1987: 136]; бавлПУ., южВБ. *kutəné*, бесВ. *kutəné*, средВ., счК. *kuîñî* ‘поймать; схватить’ < ПУдм *и;

кушмид ‘ты бросил’ 1PST-2SG — литер. *кушмид* (также и в других трех формах слова *куштыны* ‘бросить’); ср. *kuštîñî* (G, U), *kušt-* (B), *kuštîñî* (M, J, MU) ‘бросить; оставить’ [Wichmann 1987: 135]; бавлПУ. *kujané*, средВ., счК. *kujanî*, южВБ. *kíjané* ‘бросать’, бесВ. *kuštəné* ‘бросить’ < ПУдм *и;

луиз ‘он стал’ 1PST-3SG — литер. *луиз* (также и в других десяти формах слова *луыны* ‘быть, стать, становиться’); *луем* ‘ставший’ — литер. *луэм*; *луонозэ* ‘будущее’ POSS.3SG-ACC — литер. *луонозэ*; *луемте* ‘отсутствие’ — литер. *луымтэ*; *луон* ‘происшествие’ — литер. *луон*; ср. *luîñî* (G, U), *lu-*, *lu-* (B), *luñî* (M), *luîñî*, *luîñî* (J, MU) ‘становиться, быть’ [Wichmann 1987: 148]; бавлПУ. *luəné*, бесВ. *luəné*, средВ., счК. *luîñî*, южВБ. *luəné* ‘быть, стать, становиться’ < ПУдм *и;

лудес ‘вашу душу’ POSS.2PL-ACC — литер. *лудэс*, *лудзе* ‘его душу’ POSS.3SG-ACC — литер. *лудзэ*; ср. *lul* (G, M, J), *lul* (J, U), *luñi* (MU) ‘душа; жизнь’ [Wichmann 1987: 149]; бавлПУ. *lyl*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *lul* ‘душа’ < ПУдм *и;

лукаса ‘собрав’ — литер. *люкаса*; ср. *lukàñî* (G, U), *lukàñî* (S, M, J, MU) ‘складывать в кучу, собирать’ [Wichmann 1987: 152]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *luk* ‘груда, куча’ < ПУдм *и;

мукет ‘другой’ — литер. *мукет*; ср. *tuket* (G, B, M, J, U) ‘другой’ [Wichmann 1987: 164]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *tukét* ‘другой, иной’ < ПУдм *и;

мулэс диал. ‘от меда’ ABL — литер. *мулэс* (*му* ‘земля’); ср. *tu* (MU, U), *tu* (MU) ‘мед’ [Wichmann 1987: 164];

мурт ‘человек; чужой’ — литер. *мурт* (также и в десяти формах этого слова); ср. *murt* (G, B, M, J, MU, U) ‘человек; мужчина; чужой человек’ [Wichmann 1987: 165]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *murt* ‘человек (незнакомый)’ < ПУдм *и;

пукы ‘сиди’ IMP.2SG — литер. *пук*, *пукеле* ‘сидите’ IMP.2PL — литер. *пукелэ*; *пукте* ‘назначает’ PRS.3SG — литер. *пуктэ*; *пукселе* ‘садитесь’ IMP.2PL — литер. *пукселэ*; *пуксем* ‘присест’ — литер. *пуксем*; ср. *puqîñî* (G, U), *puqî-* (B), *puqñî* (M), *puqîñî* (J, MU) ‘сидеть’, *puqtîñî* (G, U), *puqtî-* (B), *puqtîñî* (M, J, MU) ‘посадить, ставить, класть’, *puksîñî* (G, B, U), *puksîñî* (M, J, MU) ‘сесть’ [Wichmann 1987: 209]; бавлПУ., южВБ. *puqəné*, бесВ. *puqəné*, средВ., счК. *puqîñî* ‘сидеть’ < ПУдм *и;

пунгиб ‘против; навстречу’ — литер. *пунит*; ср. *puñit* (M, J, U), *pumid*, *pumit*, *pumit'* (G), *puñit'* (J, J, MU) ‘навстречу, вопреки, напротив’ [Wichmann 1987: 212]; бавлПУ., бесВ. *pumit'ané*, средВ., счК. *pumitanî*, южВБ. *pumitané* ‘встречать’ < ПУдм *и;

пунгыз ‘его конец’ POSS.3SG — литер. *пунгыз*; ср. *puñ* (M, J, MU), *pum* (G) ‘конец’ [Wichmann 1987: 211]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *pum* ‘конец’ < ПУдм *и;

султеле ‘встаньте’ IMP.2PL — литер. *султэлэ*; *султем* ‘пробуждение’ — литер. *султэм*; ср. *sultîñî* (G, B, U), *sîltîñî* (B), *sultîñî* (M, J), *suñtîñî* (J, MU) ‘встать, подняться’ [Wichmann 1987: 222]; счК. *sultîñî*, южВБ. *súltəné* ‘встать, вставать’ < ПУдм *и;

сюзэ куасмыса ‘испытывая жажду’ — литер. *сюзэ куасмыса*; ср. *śu* (G), *śu* (J) ‘жажда’, *śu kuasme* (G, MU, U) ‘хочется пить’ [Wichmann 1987: 238]; бесВ. *cu kwaetəné*, счК. *cué kwaeté*, южВБ. *cu kwaeté* ‘томит жажда’ < ПУдм *и;

сүзюно ‘которое предстоит достать’ — литер. *сүзёно*; *сүзюно* ‘доставание’ — литер. *сүзён*; ср. *suñî* (M), *suñî-* (G), *suđ'zîñî* (J), *suñîñî* (U) ‘достать’ [Wichmann 1987: 228]; бавлПУ. *suəné*, бесВ. *suəné*, средВ. *sudžîñî*, счК. *suñîñî*, южВБ. *suctiekəné* ‘дотянуться, дотягиваться, тянуться, доставать’ < ПУдм *и;

сулмаз ‘в его сердце’ ILL-POSS.3SG — литер. *сюлмаз* (также и в других двух формах слова *сюлэм* ‘сердце’); *сюлмо* ‘сердечный, старательный’ — литер. *сюлмо*; *сюлемтем* ‘бессердечный’ — литер. *сюлэмтэм*; *эн сүлмасы* ‘не беспокойся’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн сүлмасы*; *сүлмасыса* ‘беспокоясь’ — литер. *сүлмасысыса*; *сүлмасыслэс* ‘от беспокоящегося’ ABL — литер. *сүлмасысылэс*; ср. *šulem* (G, M,

JI, U), *śuцет* (J, MU) ‘сердце’, *śulmaśkîñî* (G, U), *śulmaśkîñî* (M, JI), *śuцmaśkîñî* (MU) ‘заботиться; печалиться’ [Wichmann 1987: 239]; бавлПУ., бесВ., счК., южВБ. *culém*, средВ. *s'ulém* ‘сердце’ < ПУДМ *и;

çурес ‘дорога’ — литер. *çурес*; ср. *śures* (G, M, J), *śures* (G, M, J, MU, U), *śîres* (B) ‘дорога, путь; тропа’ [Wichmann 1987: 240]; бавлПУ. *çurés*, бесВ. *çvrés*, средВ. *s'urés*, счК., южВБ. *çurés* ‘дорога’ < ПУДМ *и;

тупатыны ‘поправить, починить’ — литер. *тупатыны*; ср. *tupaťîñî* (G, U), *tupaťîñî* (M, J, MU) ‘чинить, ремонтировать; улучшать; исправлять свою ошибку’ [Wichmann 1987: 268];

узырлы ‘богатству’ DAT — литер. *узырлы*; ср. *uzîr* (G, B, U), *uzîr* (S, M, MU) ‘богатый’ [Wichmann 1987: 304]; бесВ. *uzár*, средВ., счК. *uzîr* ‘богатый’ < ПУДМ *и;

улыны ‘жить; находиться’ — литер. *улыны* (также и в восьми формах этого слова); *улиц* ‘живущий’ — литер. *улиць*; *улэм* ‘живший’ — литер. *улэм*; *улон* ‘жизнь’ — литер. *улон* (также и в двух формах этого слова); ср. *ulîñî* (G, U), *ulî-* (B), *ulîñî* (S, J, MU), *ulñî* (M), *uцîñî* (J, MU) ‘жить, существовать’ [Wichmann 1987: 295], *ulon* (G), *уцлон* (MU) ‘жизнь’ [Wichmann 1987: 296]; бавлПУ., южВБ. *ulvñé*, бесВ. *ulvñé*, средВ., счК. *ulîñî* ‘жить’ < ПУДМ *и;

умой ‘хорошо’ — литер. *умой*; *умойтем* ‘плохо’ — литер. *умойтэм*; ср. *imoj* (G, J) ‘хороший; хорошо’; *imojtem* (G) ‘неладно, плохо’ [Wichmann 1987: 297]; южВБ., бесВ., средВ. *umój* ‘хороший, добрый’ < ПУДМ *и;

уно ‘много’ — литер. *уно*; ср. *upo* (G, S, M, J, MU), *upo* (J), *îno* (U) ‘много’ [Wichmann 1987: 298]; бавлПУ. *unó*, южВБ. *onó* ‘много, множество’ < ПУДМ *и;

уқоз ‘упадет’ FUT-3SG — литер. *уқэз*; ср. *uśîñî* (G), *uśîñî* (G, U), *uśîñî* (S), *uśñî* (M), *uśîñî* (J, MU), *uśîñî* (MU) ‘упасть’ [Wichmann 1987: 301]; бавлПУ. *uçvñé*, бесВ. *uçvñé*, средВ. *us'îñî*, счК. *uçîñî*, южВБ. *uçvñé* ‘упасть, падать’ < ПУДМ *и;

уғы ‘смотри’ IMP.2SG — литер. *уғы*; *уғыса* ‘оберегая’ — литер. *уғыса*; *уғалты* ‘сбереги’ IMP.2SG — литер. *уғалты* (также и в двух других формах слова *уғыны* ‘сберечь’); ср. *ut'îñî* (G), *ut'îñî* (S, M, J, MU), *ut'îñî*, *ut'îñî* (MU), *ut'îñî* (U) ‘смотреть; присматривать; заботиться’ [Wichmann 1987: 302]; бавлПУ. *ut'vñé*, бесВ. *ut'vñé*, средВ. *ut'îñî*, южВБ. *ut'vñé* ‘беречь’ < ПУДМ *и;

ушйа ‘похвали’ IMP.2SG — литер. *ушъя*; *ушйамик* ‘похвала же’ — литер. *ушъям ик*; ср. *uśjànî* (G, U), *uśjànî* (S, M), *uśjànî* (MU) ‘хвалить, похвалить’, *uśjaśkîñî* (G), *uśjaśkîñî* (MU) ‘хвастаться; быть гордым’ [Wichmann 1987: 302]; бесВ., южВБ. *uſjané*, средВ., счК. *uſjanî* ‘хвалить’ < ПУДМ *и;

уурым ‘крепкий’ — литер. *уурым*; ср. *t'şurîť* (G, U), *t'şurîť* (S, M, J, MU) ‘твердый, крепкий, прочный’ [Wichmann 1987: 289]; бавлПУ. *teurát*, бесВ., южВБ. *teurét*, средВ., счК. *teurít* ‘твердый’ < ПУДМ *и;

уу ‘скажи’ IMP.2SG — литер. *уу*, *ууизке* ‘если сказал’ 1PST-3SG — литер. *ууиз ке*; *ууытоç* ‘вместо того, чтобы сказать’ — литер. *ууытозэ*; *ууса* ‘что, чтобы’ — литер. *ууыса*; ср. *şuîñî* (G, U), *şuîñî* (G), *şu-* (B), *şu-* (B, M), *şunî* (M), *şuîñî*, *şuîñî* (J, MU) ‘говорить, сказать; называть’ [Wichmann 1987: 251]; бавлПУ., южВБ. *fuñé*, бесВ. *fuñé*, средВ. *funî*, счК. *fuîñî* ‘сказать, говорить’ < ПУДМ *и;

ууг ‘трудно’ — литер. *ууг*; ср. *şug* (G, M, J, U) ‘трудный, тяжелый, утомительный’ [Wichmann 1987: 250]; бавлПУ., средВ., южВБ. *fuğ* ‘трудно, тяжело’ < ПУДМ *и;

уунды ‘солнце’ — литер. *уунды*; ср. *şundî* (G, U), *şundî* (M, J, MU) ‘солнце’ [Wichmann 1987: 253]; бесВ. *fundé*, средВ., счК. *fundî* ‘солнце’ < ПУДМ *и.

2. В первом слове фонема /u/ в современном удмуртском языке встречается довольно редко¹⁰. В данной позиции в памятнике она представлена лишь в двух лексемах в соответствии с литературной /u/: *ваньбурез* ‘богатство’ ACC — литер. *ваньбурез*; ср. *vañ-bur* (G, M, MU, U), *vañ-bur* (S, J, MU) ‘все имущество, собственность, состояние’ [Wichmann 1987: 307];

Иусус ‘Иисус’ — литер. *Иусус* (< рус. *Иисус*).

Можно видеть, что никаких нестандартных особенностей в употреблении фонемы /u/ по сравнению с литературным удмуртским языком в букваре не наблюдается. Однако стоит отметить, что праудмуртский огубленный гласный верхнего подъема среднего ряда *и в памятнике, как и в абсолютном большинстве современных удмуртских диалектов, перешел в заднерядную /u/, сохранившись лишь в лексемах *дун* ‘чистый’ и *кунь* ‘три’, о которых речь шла выше.

¹⁰ В первом слове фонема /u/ встречается в сложных словах, второй компонент которых содержит /u/ в первом слове (*пипу* ‘осина’, *коньгуби* ‘рыжик (гриб)'), в местоименных наречиях *котьку* ‘всегда’, *олоку* ‘когда-то’, *ноку* ‘никогда’, *соку* ‘тогда’, в составе некоторых суффиксов (*кылзыку* ‘слушая’, *Веруш* ‘Верочка’), а также в заимствованиях из русского языка.

Таблица 5. Соответствия гласной /u/

		первый слог		непервый слог
гласная памятника		/u/		/u/
литер.		/u/ (44)		/u/
СООТВЕТСТВИЯ	по [Wichmann 1987]	G u (31), u ~ ш (2) B u (15), ш (1), u ~ ĭ (1), u ~ ш (1) S u (12) M u (29), u ~ ш (1) J u (28), u ~ ш (2) Л u (3) MU u (28), u ~ ш (2), ш (1) U u (29), ĭ (1)	G u (6), ш ~ u (2), ш (2) B u (2), ш ~ u (1), ĭ (1) S u (3) M u (8), ш ~ u (1) J ш ~ u (5), ш (2) Л u (2) MU ш (7), ш ~ u (2) U ш (7), u (2), ĭ (1)	G u S u M u J u MU u U u
	по аудиословарям	бавлПУ. u (24), ʏ (1) бесВ. u (26) средВ. u (27) счК. u (25) южВБ. u (27), o (1)	бавлПУ. ʏ (8) бесВ. u (7), v (2) средВ. u (9) счК. u (9) южВБ. u (9), o (1)	
ПУдм		*u	*ʏ	

Употребление гласной /e/

1. В первом слого.

А) /e/ в соответствии с литер. /e/:

бере ‘после’ — литер. *бере*; *берен* ‘снова’ — литер. *берен*; ср. *berε* (G, B, M, J, MU, U) ‘после’ [Wichmann 1987: 17]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ber* ‘зад, задняя часть; поздно’ < ПУдм *ε;

берты ‘возвратись’ IMP.2SG — литер. *берты*; *берыктод* ‘вернешь’ FUT-2SG — литер. *берыктод*, *берыкты* ‘верни’ IMP.2SG — литер. *берыкты*; ср. *berĭnĭ* (G, U), *bert-* (B), *bertĭni* (M, J, MU) ‘возвратиться’, *berĭktĭnĭ* (G, U), *berekĭnĭ* (G), *berĭktĭni* (M, MU), *berĭkt-* (J) ‘перевернуть, воротить, возвратить’ [Wichmann 1987: 19]; бавлПУ., бесВ., южВБ. *bergané*, средВ., счК. *berganĭ* ‘кружиться, крутиться, вернуться, вращаться’ < ПУдм *ε;

кельты ‘оставь’ IMP.2SG — литер. *кельты*, *эн кельты* ‘не оставляй’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн кельты*; ср. *kel’ĭnĭ* (G, B, U), *kel’ĭni* (M, J, MU) ‘оставить’ [Wichmann 1987: 112]; бавлПУ. *kel’təné*, бесВ. *kel’təné*, средВ., счК. *kel’tinĭ*, южВБ. *kel’təne* ‘оставить’ < ПУдм *ε;

керты ‘завяжи’ IMP.2SG — литер. *керты*; ср. *kertĭni* (MU), *kertĭnĭ* (G, U), *kertĭni* (M, J) ‘завязать; вязать’ [Wichmann 1987: 100]; бавлПУ., южВБ. *kerttəné*, бесВ. *kerttəné*, средВ., счК. *kerttinĭ* ‘вязать; завязать’ < ПУдм *ε;

кесискем ‘порванный’ — литер. *кесискем*; *эн кеса* ‘не рви’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн кеса*, *эн кесале* ‘не рвите’ NEG.IMP-2PL — литер. *эн кесалэ*; ср. *kešĭnĭ* (G, U), *kešni* (M) ‘рвать, изорвать’ [Wichmann 1987: 100]; бавлПУ., бесВ., южВБ. *kecané*, средВ., счК. *kešini* ‘рвать’ < ПУдм *ε;

лезытек ‘не отпускай’ — литер. *лезытек*; ср. *ležĭnĭ* (G, B, U), *ležni* (M), *ležni* (J, MU) ‘отпустить’ [Wichmann 1987: 144]; бавлПУ., южВБ. *ležené*, бесВ. *ležené*, средВ. *ležni*, счК. *ležini* ‘отпустить, пустить’ < ПУдм *ε;

лестыны ‘делать; сотворить’ — литер. *лестыны* (также и в двух формах этого слова); *лестем* ‘сделанный’ — литер. *лестэм*; *лестыса* ‘делая’ — литер. *лестыса*; *лестисыослы* ‘делающим’ PL-DAT — литер. *лестисыёслы*; ср. *leštĭnĭ* (G, U), *lešt-* (B), *leštĭni* (M, J, MU) ‘делать’ [Wichmann 1987: 144]; бавлПУ., южВБ. *leštəné*, бесВ. *leštəné*, средВ., счК. *leštini* ‘делать, сделать’ < ПУдм *ε;

пельазно ‘и в его ухо’ ILL-POSS.3SG — литер. *пельаз но*; ср. *pel’* (G, M, J), *pel’* (MU, U) ‘ухо’ [Wichmann 1987: 191]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *pel’* ‘ухо’ < ПУдм *ε;

пеймытын ‘в темноте’ INE — литер. *пеймытын*; ср. *pel’mĭt* (G), *pel’mĭt*, *pen’mĭt* (J), *pejmĭt* (G, U), *pejmĭt* (M, MU), *pejmĭt* (U) ‘темный; темно’ [Wichmann 1987: 192]; бавлПУ. *pejmət*, бесВ. *pejmət*, средВ., счК. *pejmĭt*, южВБ. *pejmət* ‘темный’ < ПУдм *ε;

перес ‘старый’ — литер. *перес*; *пересыослы* ‘пожилым’ PL-DAT — литер. *пересыёслы*; *пересмод* ‘состаришься’ FUT-2SG — литер. *пересмод*; *пересмон* ‘старость’ — литер. *пересмон*; ср. *perés* (G, B, M, J, MU, U), *perés* (U) ‘старый (только о живых существах)’ [Wichmann 1987: 192]; бавлПУ., бесВ., счК., южВБ. *perés*, средВ. *perés* ‘старый, пожилой’ < ПУдм *ε;

петло ‘на улицу’ — литер. *pedlo*; ср. *pedlo* (G, M, J, MU, U), *peplo* (U), *pedla* (B) ‘наружу, во двор’ [Wichmann 1987: 190]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *pedlǎ* ‘внешняя часть, наружная сторона’ < ПУДМ *ε; *терытищюс* ‘уживающиеся’ PL — литер. *tərytšyśes*; ср. *terîñî* (G, U), *terîñî* (G), *ternj* (M), *terinj* (J, MU) ‘вместиться; войти’ [Wichmann 1987: 258]; бавлПУ., южВБ. *terəné*, бесВ. *t'erəné*, средВ. *ternj*, счК. *terini* ‘вместиться, уместиться; войти’ < ПУДМ *ε.

Б) /e/ в соответствии с литер. /e/:

жетоз ‘попадет’ FUT-3SG — литер. *jōtoz* (также и в других трех формах слова *jōтыны* ‘попасть; за- деть’); ср. *jetinj* (S, M), *jet-* (G), *jōtinj* (J), *d'etinj* (MU), *d'etîñî* (U) ‘трогать; попасться’ [Wichmann 1987: 76].

2. В непервом слог.

/e/ в соответствии с литер. /e/:

кыче ‘какой’ — литер. *кыче*, *кычеке* ‘какой-то’ — литер. *кыче ке*; ср. *kečše* (G, M, U), *kjčše* (G), *köčše* (J, MU) ‘какой’ [Wichmann 1987: 126]; бавлПУ. *käfe*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *kičšë* ‘какой’;

мукет ‘другой’ — литер. *мукет*; ср. *muket* (G, B, M, J, U) ‘другой’ [Wichmann 1987: 164]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *mukét* ‘другой, иной’;

сурес ‘дорога’ — литер. *сурес*; ср. *šures* (G, M, J), *šures* (G, M, J, MU, U), *šîres* (B) ‘дорога, путь; тропа’ [Wichmann 1987: 240]; бавлПУ. *šurés*, бесВ. *švrés*, средВ. *s'urés*, счК., южВБ. *šurés* ‘дорога’ и др.

Таблица 6. Соответствия гласной /e/

гласная памятника		первый слог		непервый слог
		/e/		/e/
соответствия	литер.	/e/ (12)	/e/ (1)	/e/
	по [Wichmann 1987]		G e (11), e ~ ė (1) B e (7) M e (12) J e (11) MU e (10), ė (1) U e (8), e ~ ė (3), ė (1)	G e (1) S ė (1) M ė (1) J ö̇ (1) MU e (1) U ė (1)
по аудиословарям		бавлПУ. ė (12) бесВ. ė (12) средВ. ė (12) счК. ė (12) южВБ. ė (12)		бавлПУ. ė бесВ. ė средВ. ė счК. ė южВБ. ė
ПУДМ		*ε		

Употребление в букваре гласной /e/ в соответствии с литературной /e/ подтверждается лишь одной лексемой. Однако для диалектов удмуртского языка подобное соответствие вполне закономерно. Основным источником его происхождения, по мнению В. К. Кельмакова, может быть разнообразие рефлексов праудмуртского *ə в современных диалектах (> /e/, /ò/, /e/, /o/) [Кельмаков 2006: 71]. В добавок к этому аналогичные формы (*етыса* ‘задев’ — литер. *jōтыса*, *жетытэк* ‘не притрагиваясь’ — литер. *jōтытэк*) были нами зафиксирована ранее в памятнике на елабужском наречии [Безенова 2021а: 34]. В связи с этим, по нашему мнению, в данном случае также вполне может быть представлен территориальный вариант, отражающий диалектную особенность памятника.

Употребление гласной /ė/

Фонему /ė/ в лексемах (словоформах) финно-угорского происхождения в памятнике нам зафиксировать не удалось. Вероятно, это связано тем, что по сравнению с другими гласными удмуртского языка /ė/ является наименее частотной. Однако данная фонема в букваре встречается в исконной лексике более позднего происхождения:

бörde ‘плачет’ PRS.3SG — литер. *bördə*; *bördičyśos* ‘плачущие’ PL — литер. *bördiűśes*; ср. *berdîñî* (G, B, U), *berdnj* (M), *bördinj* (J, MU) ‘плакать’ [Wichmann 1987: 20];

jōno ‘достойно’ — литер. *jōno*; ср. *jen* (M), *d'ön* (MU), *d'en* (U) ‘выдающийся; остроумный’, *jōno* (J) ‘толковый’ [Wichmann 1987: 76];

ōзике ‘если он позвал’ 1PST-3SG — литер. *ōtiz ke*; *ōзичюслы* ‘зовущим’ PL-DAT — литер. *ōтиśesлы*; ср. *et'îñî* (G, U), *et'îñî* (B), *et'inj* (S, M), *öt'inj* (J), *öt'inj* (MU) ‘пригласить, позвать’ [Wichmann 1987: 54] и др.

В первом слове фонема /e/ в удмуртском языке встречается лишь в двух случаях: а) в сложных словах, второй компонент которых содержит фонему /e/ в первом слове (например, *кикӧ* ‘крупорушка; ручная мельница’, *сильтӧл* ‘ураган, буря’), б) в некоторых деэтимологизированных лексемах (например, *ӧвӧл* ‘не; нет’, *ӧйтӧд* ‘разг. не знаю’). В анализируемом памятнике нам удалось зафиксировать лишь одну лексему с гласной /e/ в первом слове:

ӧвӧл ‘не; нет’ — литер. *ӧвӧл*; ср. *evel* (G, S, M, U), *evel* (G, B), *övöl* (J), *övr̥ци* (J, MU), *eb̥ци* (= e-vel и т. д.) (MU) ‘не, нет’ [Wichmann 1987: 54].

Как видно из приведенных примеров, никаких нестандартных особенностей в употреблении фонемы /e/ по сравнению с литературным удмуртским языком в памятнике не наблюдается.

Употребление гласной /o/

1. В первом слове.

А) /o/ в соответствии с литер. /o/:

вож потемде ‘твой гнев’ POSS.2SG-ACC — литер. *вожпотэмдэ*, *вожед* ‘твой гнев’ POSS.2SG — литер. *вожед*; ср. *vož* (G, S, M, J, MU, U) ‘гнев’ [Wichmann 1987: 325]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *vöz* ‘зеленый; гнев’ < ПУдм *э;

возь ‘держи’ IMP.2SG — литер. *возь*, *ӧд-ке возьы* ‘если не будешь держать’ NEG.1PST.2SG — литер. *ӧд ке возьы*; ср. *vožin̄i* (G, B), *vožni* (M), *vožinj* (J, MU) ‘держат’ [Wichmann 1987: 325]; бавлПУ., южВБ. *vözv̄n̄é*, бесВ. *vözv̄n̄é*, средВ. *vözv̄n̄i*, счК. *vözv̄n̄i* ‘держат; удерживать’ < ПУдм *э;

возьдашкызы ‘они будут стесняться’ FUT-3-PL — литер. *возьдаськызы*, *эн возьдашкы* ‘не стесняйся’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн возьдаськы*; *возьыт* ‘стыд’ — литер. *возьыт*; *возьыттем* ‘бессовестный, бесстыдный’ — литер. *возьыттем*; ср. *voždašk̄in̄i* (G, U), *voždašk̄inj* (S, M, J) ‘устыдиться’, *vožit* (G, U), *vožit* (S), *vožit* (M, J, MU) ‘стыд, срам’ [Wichmann 1987: 325]; бавлПУ. *vözät*, бесВ., средВ., счК. *vözit*, южВБ. *vözét* ‘совесть, стыд’ < ПУдм *э;

возьманы ‘охранять’ — литер. *возьманы*; *возьмаса* ‘охраняя’ — литер. *возьмаса*; *возьмашкыны* ‘оберегаться, остерегаться’ — литер. *возьмашкыны* (также и в одной форме этого слова); ср. *vožm̄an̄i* (G), *vožm̄an̄i* (S, M, J, MU) ‘беречь, охранять’ [Wichmann 1987: 325]; счК. *vözman̄i* ‘беречь, оберегать’ < ПУдм *э;

вордишкы ‘я родился’ 1PST.1SG — литер. *вордйшкы*; *вордишкытем* ‘родивший’ — литер. *вордйшкытем*; *вордишкымед* ‘твое рождение’ POSS.2SG — литер. *вордйшкымед*, *вордишкымеде* ‘твое рождение’ POSS.2SG-ACC — литер. *вордйшкымедэ*; ср. *vord̄in̄i* (G, B, U), *vord̄inj* (S, M, J, MU) ‘воспитать; вырастить’, *vortsk̄in̄i*, *vortšk̄in̄i* (G), *vortsk̄inj* (M), *vortšk̄inj* (MU), *vord̄isk̄inj* (J, MU), *vord̄isk̄in̄i* (U) ‘родиться, возникнуть’ [Wichmann 1987: 323]; бавлПУ., южВБ. *vördv̄n̄é*, средВ. *vördin̄i* ‘родить’, бесВ. *vördan̄á*, счК. *vördin̄i* ‘воспитать, вырастить’ < ПУдм *э;

доре ‘к’ — литер. *доры*; *дорис* ‘от’ — литер. *дорысь*; *дорын* ‘около’ — литер. *дорын*; ср. *dor̄e* (G, B, J, MU), *dor̄i* (G, U), *dor̄i* (M, J) ‘к’, *dor̄is̄* (G), *dor̄is̄* (J, MU) ‘от’, *dor̄in* (G), *dor̄in* (J, MU) ‘у, около’ [Wichmann 1987: 37]; бавлПУ. *dor̄áz* ‘у него’, бесВ. *dör̄v̄n̄é*, средВ., счК., южВБ. *dör̄in̄i* ‘у, около’ < ПУдм *э;

корка ‘дом’ — литер. *корка* (также и в двух формах этого слова); ср. *kor-ka* (G, B, M, J, MU, U) ‘дом’ [Wichmann 1987: 139]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *körk̄á* ‘дом; изба’ < ПУдм *э;

косем ‘потребованный’ — литер. *косэм*; *косемез* ‘его поручение’ — литер. *косемез* (также и в двух других формах слова *косыны* ‘поручение; распоряжение; просьба’); ср. *kos̄in̄i* (G, U), *kos-* (B), *kosni* (M), *kosinj* (J, MU) ‘велеть’ [Wichmann 1987: 122]; бавлПУ. *kös̄v̄n̄é*, бесВ. *kös̄v̄n̄é*, средВ., счК. *kös̄in̄i*, южВБ. *kös̄v̄n̄é* ‘велеть, заставить, требовать’ < ПУдм *э;

мон ‘я’ — литер. *мон*; ср. *mon* (G, B, M, J, MU, U) ‘я’ [Wichmann 1987: 163]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *m̄on* ‘я’ < ПУдм *э;

одик ‘один; одинаковый’ — литер. *od̄üg*; ср. *odig* (G, M, J, MU, U), *odig*, *odig* (G), *odik* (MU, U), *oig* (B) ‘один’ [Wichmann 1987: 181]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *od̄ig* ‘один’ < ПУдм *э;

озьы ‘так’ — литер. *озьы*; *озьы-ик* ‘также’ — литер. *озьы ик*; *озьыке но* ‘все-таки’ — литер. *озьы ке но*; ср. *ož* (G, B), *oži* (M), *oži* (S, M, J, MU), *ožj* (J, MU) ‘так, таким образом’ [Wichmann 1987: 183]; бавлПУ. *öz̄aj̄én*, бесВ., счК. *öz̄*, средВ. *öz̄i*, южВБ. *öz̄é* ‘так, таким образом’ < ПУдм *э;

осконтем ‘сомнительный’ — литер. *осконтэм*; *эн оскы* ‘не верь’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн оскы*; ср. *osk̄in̄i* (G, U), *osk-* (B, MU), *osk̄inj* (S, M) ‘верить’ [Wichmann 1987: 185]; бавлПУ. *ösk̄v̄n̄é*, бесВ. *ösk̄v̄n̄é*, средВ., счК. *ösk̄in̄i*, южВБ. *ösk̄v̄n̄é* ‘верить, доверять’ < ПУдм *э;

поне ‘кладет’ PRS.3SG — литер. *понэ*; *понем* ‘положенный’ — литер. *понэм*; *понеыса* ‘положив’ — литер. *понеыса*; ср. *pon̄in̄i* (G, U), *pon̄in̄i* (B), *pon̄inj* (M), *pon̄inj* (J, MU) ‘поставить, положить’ [Wichmann 1987: 204]; бавлПУ., южВБ. *p̄on̄v̄n̄é*, бесВ. *p̄on̄v̄n̄é*, средВ., счК. *p̄on̄in̄i* ‘положить; поставить’ < ПУдм *э;

со ‘он, оно; тот, этот’ — литер. *со* (также и в трех формах этого слова); *сойос* ‘они’ — литер. *соос* (также и в пяти формах этого слова); *собере* ‘затем’ — литер. *собере*; *сойен* ‘поэтому’ — литер. *соин*; *сокем* ‘настолько’ — литер. *сокем*; *сокы* ‘тогда’ — литер. *соку*; ср. *so* (G, B, M, J, MU, U) ‘он, она, оно; тот, та, то’, *sojos* (G, M, J, MU), *sojos* (M, U), *soos* (G, B, M, J, MU), *sojos* (MU) ‘они’, *soin* (G, B, M, J, MU, U), *sojn* (G, U), *sojin* (G, M), *sojn* (MU) ‘поэтому, потому’, *so-ku* (G, M, J), *so-ku* (G, J), *so·ku* (G, J), *so-kĭ* (B, U), *so-kĭ* (M, J, JI, MU), *so·kĭ* (MU), *so·kĭ* (U), *sok* (G) ‘тогда’ [Wichmann 1987: 224];

тодад ‘в твоей памяти’ INE-POSS.2SG — литер. *тодад*, *тодаз-ук* ‘в его же памяти’ INE-POSS.3SG — литер. *тодаз ук*; *тоды* ‘знай’ IMP.2SG — литер. *тоды*, *тодидке* ‘если ты узнал’ 1PST-2SG — литер. *тодидке*; *тодыса* ‘узнав’ — литер. *тодыса*; *тодемде* ‘твое знание’ POSS.2SG-ACC — литер. *тодэмдэ*; *тодемтейез* ‘незнание’ ACC — литер. *тодымтэез*, *тодемтеде* ‘твое незнание’ POSS.2SG-ACC — литер. *тодымтэдэ*; *тодонлен* ‘у знания’ GEN — литер. *тодонлэн*; ср. *tod* (G) ‘знание’, *tođinĭ* (G, U), *tođi-* (B), *todnĭ* (M), *tođinĭ* (J, MU) ‘знать’ [Wichmann 1987: 264]; бавлПУ. *tōdēnē*, бесВ. *tōdēnē*, средВ. *tōdnĭ*, счК. *tōdnĭ*, южВБ. *tōdēnē* ‘знать, узнать’ < ПУДМ *э;

тон ‘ты’ — литер. *тон*, *тоне* ‘тебя’ ACC — литер. *тонэ*; ср. *ton* (G, B, M, J, MU, U) ‘ты’ [Wichmann 1987: 265]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *tōn* ‘ты’ < ПУДМ *э;

шоңер ‘прямо, правильно; правильный’ — литер. *шонер*; *шоңерзе* ‘его правду’ POSS.3SG-ACC — литер. *шонерзе*, *шоңерен* ‘правдой’ INS — литер. *шонерен*; ср. *šoñer* (G, MU, U), *šoñer* (M) ‘прямой; прямо’ [Wichmann 1987: 248]; бавлПУ. *šōn'erak*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *šōn'er* ‘прямо’ < ПУДМ *э.

Б) /о/ в соответствии с литер. /е/:

зольк ‘грех’ — литер. *сѳольк* (также и в одной форме этого слова); *золько* ‘грешный’ — литер. *сѳолько* (ср. *сѳолькес* ‘от греха’ ABL — литер. *сѳолькесъ*, *сѳолькюстес* ‘ваши грехи’ PL-POSS.2PL-ACC — литер. *сѳолькѳестэс*; *сѳольктем* ‘безгрешный’ — литер. *сѳольктэм*); ср. *šeljĭk* (G, U), *šeljĭk* (M), *šōljĭk* (JI), *šōjĭk* (MU) ‘грех’ [Wichmann 1987: 232].

2. В непервом слог.

А) /о/ в соответствии с литер. /о/:

петло ‘на улицу’ — литер. *педло*; ср. *pedlo* (G, M, J, MU, U), *pēplo* (U), *pedla* (B) ‘наружу, во двор’ [Wichmann 1987: 190]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *pedlō* ‘внешняя часть, наружная сторона’;

умой ‘хорошо, благополучно’ — литер. *умой*; ср. *umoi* (G, J) ‘хороший’ [Wichmann 1987: 297]; бесВ., средВ., южВБ. *umōj* ‘хороший, добрый’;

уно ‘много’ — литер. *уно*; ср. *uno* (G, S, M, J, MU), *ino* (J), *ino* (U) ‘много’ [Wichmann 1987: 298]; бавлПУ. *unō*, южВБ. *onō* ‘много, множество’ и др.

Б) /о/ в соответствии с литер. /й/:

каңол ‘приятный, спокойный’ — литер. *каньыл*; *каңолезлы* ‘его спокойствию’ POSS.3SG-DAT — литер. *каньылэзлы*; ср. *kañil* (G, U), *kañil* (M), *kañiŭ* (MU) ‘удобный, приятный; смиренный, тихий’ [Wichmann 1987: 89].

Таблица 7. Соответствия гласной /о/

гласная памятника		первый слог		непервый слог	
		/о/		/о/	
соответствия	литер.	/о/ (17)	/е/ (1)	/о/	/й/ (1)
	по [Wichmann 1987]	G o (17)	G e (1)	G o	G ĭ
		B o (11), u (1)	M e (1)	S o	M ĭ
S o (6)		J ě (1)	M o	MU ĭ	
M o (17)		MU ă (1)	J o	U ĭ	
J o (15)		U e (1)	MU o		
J o (1)			U o		
MU o (17)					
U o (15)					
по аудиословарям	бавлПУ. ɔ (15)		бавлПУ. ɔ		
	бесВ. ɔ (15)		бесВ. ɔ		
	средВ. ɔ (15)		средВ. ɔ		
	счК. ɔ (16)		счК. ɔ		
	южВБ. ɔ (15)		южВБ. ɔ		
ПУДМ	*э				

Употребление в первом слоге /o/ в соответствии с литературной /e/ однозначно объяснить сложно. Как видим, в памятнике в данном случае параллельно встречаются примеры как с гласной /o/, так и с гласной /e/. Однако наличие сразу нескольких нестандартных форм, по нашему мнению, все же исключает возможность опечатки. К тому же в материалах словаря [Wichmann 1987] в отдельных диалектах также зафиксированы варианты с огубленной гласной в первом слоге.

Случай употребления /o/ в соответствии с литературной /i/ во втором слоге, насколько нам известно, в современных удмуртских диалектах не представлен, к тому же, как видим, он не подтверждается материалами словаря Ю. Вихманна. Однако, на наш взгляд, в данном случае также не стоит исключать вероятность функционирования формы *каһол* на определенной территории проживания удмуртов в конце XIX в.

Употребление гласной /a/

1. В первом слоге.

/a/ в соответствии с литер. /a/:

адзье PRS.3SG — литер. *адӗе* (также и в двух других формах слова *адӗыны* ‘видеть, увидеть’); *адзьем* ‘увиденный’ — литер. *адӗем*; *адзьыса* ‘увидев’ — литер. *адӗыса*; *адзьемез* ‘его видение’ POSS.3SG — литер. *адӗемез*; ср. *ad'd'žin̄i* (G, B), *ad'd'žinj* (M, J, JI), *add'žinj* (J), *ad'd'žinj* (MU), *ad'd'žinj* (MU), *ad'd'j̄n̄i* (U) ‘видеть’ [Wichmann 1987: 2]; бавлПУ., южВБ. *адӗнэ*, бесВ. *адӗнэ*, средВ., счК. *адӗзини* ‘видеть, увидеть’ < ПУдм *а;

азыс ‘с места’ ELA — литер. *азысь*; *азыын* ‘перед’ — литер. *азыын*; *азылаӧ* ‘вперед’ — литер. *азылаӧ*; *азыла* ‘сначала’ — литер. *азыло*, *азылаик* ‘прежде всего’ — литер. *азыло ик*; *азылайез* ‘предыдущее’ — литер. *азылоез*; ср. *až* (G, M, J, MU, U), *ad'ž* (J), *aš* (U) ‘пространство перед чем-либо, передняя часть; место’ [Wichmann 1987: 11], *ažlañ* (G, B, M, JI) ‘вперед’, *ažla* (MU), *ažlo* (G, J, U) ‘прежде, раньше’ [Wichmann 1987: 13]; бесВ. *azpál*, средВ. *адӗ*, бавлПУ., счК., южВБ. *аз* ‘перед, передняя часть’ < ПУдм *а;

аресез ‘его возраст’ — литер. *аресэз*; ср. *ar* (G, B, M, J, MU, U) ‘год’ [Wichmann 1987: 7], *ares* (M, J, MU, U) ‘годовалый’ [Wichmann 1987: 8]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ar* ‘год; лета’ < ПУдм *а;

ацыд ~ *ацым* ‘ты сам’ — литер. *ачид*; ср. *at'sid* (G, B, U), *at'sid* (G), *(ton) at'sit* (U), *at'sid* (M, J), *ton at'sid* (M), *at'syd*, *ton at'syd* (MU) ‘ты сам’ [Wichmann 1987: 10];

буре эн вай ‘не упоминай добрым словом’ NEG.IMP.2SG — литер. *буре эн вай*; ср. *vaj̄n̄i* (G, B), *vaj̄ni* (S, M, J, MU), *vaj̄inj* (J, MU), *vaj̄n̄i* (U) ‘приносить, привозить’ [Wichmann 1987: 310]; бавлПУ. *vaj̄nэ*, бесВ. *vaj̄нэ*, средВ. *vaj̄ni*, счК. *vaj̄ini* ‘принести, привести’ < ПУдм *а;

валаса ‘понимая’ — литер. *валаса*; ср. *valàn̄i* (G, U), *valàn̄j* (S, M, J), *vãuàn̄j* (J, MU) ‘понимать’ [Wichmann 1987: 310]; бавлПУ., бесВ., южВБ. *valanэ*, средВ., счК. *valani* ‘понять, осмыслить’ < ПУдм *а;

каик ‘как’ — литер. *кадь*; ср. *kad'* (G, B, M, J) ‘похожий; как’ [Wichmann 1987: 86]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *kad'* ‘будто, словно, как, как будто, подобно’ < ПУдм *а;

ма ‘что’ — литер. *ма*; *мар* ‘что’ — литер. *мар*; *марке* ‘что-то’ — литер. *мар ке* (также и в четырех формах этого слова); ср. *ta* (G, B, J, MU), *tar* (G, B, M, J, MU, U) ‘что?’ [Wichmann 1987: 153]; бавлПУ., бесВ., южВБ. *tar*, средВ. *tárэ*, счК. *ta* ‘что’ < ПУдм *а;

матын ‘близко’ — литер. *матын*; *матынзе* ‘его ближнего’ POSS.3SG-ACC — литер. *матынзэ*; ср. *mat̄n* (G), *mat̄in* (M, J, MU), *mät̄in* (MU), *mät̄in* (U) ‘близко’ [Wichmann 1987: 156]; бавлПУ. *mat̄n*, бесВ., средВ., счК. *mat̄in*, южВБ. *mat̄én* ‘близко’ < ПУдм *а;

налпа ‘думай’ IMP.2SG — литер. *налпа*, *налпале* ‘думайте’ IMP.2PL — литер. *налпалэ*; *налпаса* ‘подумаю’ — литер. *налпаса*; *налпате* ‘не подумаю’ — литер. *налпате*; *налпан* ‘мысль; размышление’ — литер. *налпан* (также и в четырех формах этого слова); ср. *talpàn̄i* (G, U), *talpàn̄j* (M, J), *tãuràn̄j* (J), *pãuràn̄j* (MU) ‘думать, мыслить’ [Wichmann 1987: 155]; бавлПУ., южВБ. *talpanэ*, бесВ. *talpaekэ*, средВ., счК. *talpani* ‘думать, мыслить’ < ПУдм *а;

нас ‘дырявый’ — литер. *нась*; ср. *paś* (G, M, J, MU, U) ‘дыра; отверстие’ [Wichmann 1987: 189]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ., *раэ* ‘дыра; отверстие’ < ПУдм *а;

та ‘этот, эти’ — литер. *та*; *тазьы* ‘так’ — литер. *тазьы*; ср. *ta* (G, B, M, J, MU, U) ‘этот; он, она, оно’ [Wichmann 1987: 254], *taž* (G, B, U), *tažj*, *ta-žj* (M, J, MU), *taži* (MU), *ta-ži* (MU), *taž̄i*, *ta-ž̄i* (U) ‘так, таким образом’ [Wichmann 1987: 255]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ta* ‘этот’ < ПУдм *а.

2. В непервом слоге.

А) /a/ в соответствии с литер. /a/:

возьманы ‘охранять’ — литер. *возьманы*; *возьмаса* ‘охраняя’ — литер. *возьмаса*; *возьмаськыны* ‘оберегаться, остерегаться’ — литер. *возьмаськыны* (также и в одной форме этого слова); ср. *vožtàn̄i* (G), *vožtàn̄j* (S, M, J, MU) ‘беречь, охранять’ [Wichmann 1987: 325]; счК. *vožtan̄i* ‘беречь, оберегать’;

корка ‘дом’ — литер. *корка* (также и в двух формах этого слова); ср. *kor-ka* (G, B, M, J, MU, U) ‘дом’ [Wichmann 1987: 139]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *kərka* ‘дом; изба’;

ныналез ‘день’ АСС — литер. *нуналэз*; ср. *ninal* (G, B, M, J), *nināu*, *nināu*, *ninal*, *ninal* (J), *nināu* (J, MU), *nīnal* (U) ‘день’ [Wichmann 1987: 173]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ninál* ‘день’ и др.

Б) /a/ в соответствии с литер. /o/:

азьла ‘сначала’ — литер. *азьло*, *азьлаик* ‘прежде всего’ — литер. *азьло ик*; *азьлайез* ‘предыдущее’ — литер. *азьлоез*; ср. *azla* (MU), *azlo* (G, J, U) ‘прежде, раньше’ [Wichmann 1987: 13].

Таблица 8. Соответствия гласной /a/

гласная памятника		первый слог	непервый слог	
		/a/	/a/	
соответствия	литер.	/a/ (12)	/a/	/o/ (1)
	по [Wichmann 1987]	G a (12) B a (8) S a (2) M a (12) J a (10), a ~ ā (2) Л a (2) MU a (9), ā (2) U a (11)	G a B a S a M a J a, a ~ ā MU a, ā U a	G o J o MU a U o
	по аудиословарям	бавлПУ. a (11) бесВ. a (11) средВ. a (11) счК. a (11) южВБ. a (11)	бавлПУ. a бесВ. a средВ. a счК. a южВБ. a	
ПУдм		*a		

Случай употребления в памятнике гласной /a/ в соответствии с литературной /o/ во втором слоге, как видим, зафиксирован в трех формах (*азьла*, *азьлаик*, *азьлайез*). Функционирование данного варианта в удмуртских диалектах отмечено и в материалах словаря [Wichmann 1987], поэтому уместно предположить, что такая форма действительно употреблялась в речи удмуртов того времени и тем самым отражает диалектную особенность памятника.

3.2. Консонантизм

Консонантная система «Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда» состоит из 28 согласных фонем: /p/, /t/, /tʰ/, /k/, /b/, /d/, /dʰ/, /g/, /s/, /sʰ/, /ʃ/, /x/, /z/, /zʰ/, /ʒ/, /ʃ/, /v/, /č/, /čʰ/, /ʒʰ/, /m/, /n/, /nʰ/, /ŋ/, /l/, /lʰ/, /j/, /r/. При этом две из них — /tʰ/ и /x/ — употребляются только в заимствованиях: *графитыны* ‘графит’ (< рус. *графит*), *грифельдес* ‘ваш грифель’ POSS.2PL-ACC (< рус. *грифель*), *Христос* ‘Христос’ (< рус. *Христос*). Представленная система консонантизма отличается от современного литературного языка наличием заднеязычного носового сонанта /ŋ/, речь о котором более подробно пойдет ниже.

Система согласных в количественном отношении намного богаче вокализма. Однако в целях экономии места в данном случае мы не будем расписывать соответствие каждой согласной памятника литературной, а остановимся лишь на отдельных фонемах, в употреблении которых мы выявили определенные отклонения относительно норм современного удмуртского языка. При этом для стандартного соответствия в качестве примера приведем по три слова (при наличии), а для нестандартного перечислим все лексемы (словоформы), встречающиеся в текстовых материалах букваря.

Употребление согласной /nʰ/

1. В анлауте.

/nʰ/ в соответствии с литер. /nʰ/:

нум ‘имя’ — литер. *ним*, *нумез* ‘имя’ АСС — литер. *нумез*; *нумаскозы* ‘будут называться’ FUT-3-PL — литер. *нимаскозы*; ср. *nīt* (G, B, M, J, MU, U), *nīt* (B), *nīt* (J) ‘имя; название’ [Wichmann 1987: 176]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *nʰim* ‘имя’;

нуртыса ‘прижав’ — литер. *нуртыса*; ср. *nurtin̄* (G), *nurt-* (B), *nurtini* (MU) ‘давить’ [Wichmann 1987: 180].

2. В инлауте.

А) /n'/ в соответствии с литер. /n'/:

ваньбурез 'богатство' АСС — литер. *ваньбурез*; ср. *vañ-bur* (G, M, MU, U), *vañ-bur* (S, J, MU) 'все имущество, собственность, состояние' [Wichmann 1987: 307];

каньол 'приятный, спокойный' — литер. *каньыл*; *каньолезлы* 'его спокойствию' POSS.3SG-DAT — литер. *каньылэзлы*; ср. *kañʔl* (G, U), *kañʔl* (M), *kañʔi* (MU) 'удобный, приятный; смиренный, тихий' [Wichmann 1987: 89];

шоньер 'прямо, правильно; правильный' — литер. *шонер*; *шоньерзе* 'его правду' POSS.3SG-ACC — литер. *шонерзе*, *шоньерен* 'правдой' INS — литер. *шонерен*; ср. *šoñer* (G, MU, U), *šoñer* (M) 'прямой; прямо' [Wichmann 1987: 248]; бавлПУ. *ʃɔn'erak*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *ʃɔn'er* 'прямо' и др.

Б) /n'/ в соответствии с литер. /n'/:

Иньмар 'Бог' — литер. *Инмар*; ср. *inmar* (G, S, M, J), *iñmar* (B, J, MU), *immar* (U) 'бог' [Wichmann 1987: 65]; коми литер. *ен* [енм-] 'бог; небо', к.-з., к.-п., к.-я. *jen* 'бог' [КЭСКИЯ 1970: 99];

киньке 'кто-то' — литер. *кин ке*; *нинокиньлен* 'ни у кого' GEN — литер. *нинокиньлен*, *нинокиньлы* 'никому' DAT — литер. *нинокиньлы*; ср. *kin* (G, M, U), *kiñ* (B, J, MU), *kino* (M) 'кто?' [Wichmann 1987: 105]; бавлПУ., южВБ. *kin'*, бесВ., счК. *kin*, средВ. *kinə* 'кто'; сс., вс., лл., к.-п., к.-я. *kin*, лет. *kin'*, *kini* 'кто' [КЭСКИЯ 1970: 124];

пиньальюс 'дети' PL — литер. *пинальёс*, *пиньальюслес* 'от детей' PL-ABL — литер. *пинальёслес*; ср. *pinal* (G, M, U), *piñal*, *piñal'* (B), *piñá* (J, MU), *piñjá* (MU) 'молодой; ребенок' [Wichmann 1987: 196];

сьиьде 'твой глаз' POSS.2SG-ACC — литер. *сундэ*, *сьиьмаз* 'в его глаз' ILL-POSS.3SG — литер. *сунмаз*; *эн сьиьмаксы* 'не симпатизируй' NEG.IMP.2SG — литер. *эн сунмаксы*; ср. *śin* (G, M, J), *śiñ* (G, B, J, MU), *śiñ* (MU), *śim* (U) 'глаз' [Wichmann 1987: 235]; бавлПУ., южВБ. *cin'*, бесВ., счК. *cin*, средВ. *s'in* 'глаз'; коми литер. *син* [синм-] 'глаз' [КЭСКИЯ 1970: 256].

Б) /n'/ в соответствии с литер. /j'/:

пейьмытын 'в темноте' INE — литер. *пейьмытын*; ср. *pel'mīt* (G), *pel'mīt*, *pen'mīt* (J), *pejmīt* (G, U), *pejmīt* (M, MU), *pejmīt* (U) 'темный; темно' [Wichmann 1987: 192]; бавлПУ. *pejmət*, бесВ. *pejmét*, средВ., счК. *pejmīt*, южВБ. *pejmət* 'темный'; коми литер. *пемьд*, к.-я. *pi'mət* 'темный; темень', [КЭСКИЯ 1970: 219] < ПУ *pilmV 'темный' [UEW: 381].

3. В ауслaute.

А) /n'/ в соответствии с литер. /n'/:

азьлань 'вперед' — литер. *азьлань*; ср. *ažlañ* (G, B, M, JI) 'вперед' [Wichmann 1987: 13];

вань 'есть, имеется; весь, все' — литер. *вань*; ср. *vañ*, *vañm-* (G, B, MU), *vañ* (M, U), *vañ* (S), *vañm-* (J, MU) 'есть, имеется; весь' [Wichmann 1987: 307];

кунь 'три' — литер. *куинь*; ср. *kuñ* (G, B, M, J, MU, U), *kuñ* (J), *kuñ* (U) 'три' [Wichmann 1987: 142]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *kwin'* 'три'.

Б) /n'/ в соответствии с литер. /n'/:

инь 'небо; небесный' — литер. *ин*; ср. *in*, *inm-* (G, M, J, MU), *iñ*, *iñm-* (J, MU), *im* (U) 'небо' [Wichmann 1987: 65]; бавлПУ. *in'bám*, бесВ. *in/inbám*, средВ. *inbám*, счК. *in*, южВБ. *in'* 'небо'; коми литер. *ен* [енм-] 'бог; небо', к.-з., к.-п., к.-я. *jen* 'бог' [КЭСКИЯ 1970: 99].

Соответствие в букваре /n'/ литературной /n/ как в середине, так и в конце слова в целом характерно для говоров южной диалектной зоны, которая охватывает южное наречие с частью срединных говоров [Архипов 1981: 7; Загуляева 1981: 126; Загуляева 1982: 6; Кельмаков 1977: 38—39], а также зафиксировано в бесермянском наречии удмуртского языка [Люкина 2009: 237; Тепляшина 1970а: 79—80]. Данная особенность объясняется смягчением дентальной /n/ в позиции после /i/ [Кельмаков 2006: 107]. Отметим, что в указанной позиции в удмуртских диалектах смягчению подвержены и согласные /d/, /t/. Подобные примеры, хотя и единичны, но все же представлены и в букваре:

гидь-ка 'двор' — литер. *гидька*; ср. *gid* (G, M, J, U), *gid'*, *gig* (J), *gid'*, *dip'* (MU) 'хлев' [Wichmann 1987: 57]; бавлПУ. *gid'*, бесВ., средВ., счК. *gid* 'хлев, загон'; коми литер. *гид* 'небольшой теплый хлев, телятник' [КЭСКИЯ 1970: 76];

пуньиз 'против; навстречу' — литер. *пунит*; ср. *puñit* (M, JI, U), *pumid*, *pumit*, *pumit'* (G), *puñit'* (J, JI, MU) 'навстречу, вопреки, напротив' [Wichmann 1987: 212]; бавлПУ., бесВ. *pumit'ané*, средВ., счК. *pumitaní*, южВБ. *pumitané* 'встречать'; коми литер. *паныд* 'навстречу, напротив, против' [КЭСКИЯ 1970: 216].

Случай употребления /n'/ в соответствии с литературной /j/ не имеет регулярного характера, подтверждается лишь одной лексемой. Однако подобный вариант отмечен в словаре финского ученого и не раз был замечен автором статьи в речи носителей бавлинского говора, поэтому, по всей вероятности, зафиксированная в букваре форма также отражает диалектную особенность памятника.

Таблица 9. Соответствия согласной /n'/

		анлаут	инлаут			аусллаут	
согласная памятника		/n'/	/n'/			/n'/	
литер.		/n'/	/n'/	/n/ (4)	/j/ (1)	/n'/	/n/ (1)
СООТВЕТСТВИЯ	по [Wichmann 1987]	G <i>n'</i> B <i>n'</i> M <i>n'</i> J <i>n'</i> JI <i>n'</i> MU <i>n'</i> U <i>n'</i>	G <i>n'</i> B <i>n'</i> S <i>n'</i> M <i>n'</i> , <i>n'</i> J <i>n'</i> MU <i>n'</i> U <i>n'</i>	G n (3), n ~ <i>n'</i> (1) B <i>n'</i> (4) S n (1) M n (4) J n' (2), n ~ <i>n'</i> (2) MU <i>n'</i> (4) U m (2), <i>n'</i> (1), n (1)	G l' ~ <i>j</i> (1) M <i>j</i> (1) J l' ~ <i>n'</i> (1) MU <i>j</i> (1) U <i>j</i> (1)	G n' B n' S <i>n'</i> M n' J n' JI n' MU n' U n'	G n (1) M n (1) J n ~ <i>n'</i> (1) MU n ~ <i>n'</i> (1) U m (1)
	по аудиословарям	бавлПУ. n' бесВ. n' средВ. n' счК. n' южВБ. n'	бавлПУ. n' бесВ. n' средВ. n' счК. n' южВБ. n'	бавлПУ. n' (2) бесВ. n (2) средВ. n (2) счК. n (2) южВБ. n' (2)	бавлПУ. j (1) бесВ. j (1) средВ. j (1) счК. j (1) южВБ. j (1)	бавлПУ. n' бесВ. n' средВ. n' счК. n' южВБ. n'	бавлПУ. n' (1) бесВ. n (1) средВ. n (1) счК. n (1) южВБ. n' (1)

Употребление согласной /ŋ/

1. В анлауте /ŋ/ в букваре не встречается.

2. В инлауте.

А) /ŋ/ в соответствии с литер. /m/:

банде 'твое лицо' — литер. *бамдэ*; ср. *baŋ* (M, J, MU, U), *bam* (G), *ban* (B) 'лицо' [Wichmann 1987: 14]; *пунгиъ* 'против; навстречу' — литер. *пунит*; ср. *puŋit* (M, JI, U), *pumid*, *pumit*, *pumit'* (G), *puŋit'* (J, JI, MU) 'навстречу, вопреки, напротив' [Wichmann 1987: 212]; бавлПУ., бесВ. *pumit'ané*, средВ., счК. *pumitani'*, южВБ. *pumitané* 'встречать' < ПУ *paŋV 'встречаться' [UEW: 723];

пунгыз 'его конец' POSS.3SG — литер. *пумыз*; ср. *puŋ* (M, J, MU), *pum* (G) 'конец' [Wichmann 1987: 211]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *pum* 'конец' < ПУ *paŋe 'голова, глава' [UEW: 365].

Б) /ŋ/ в соответствии с литер. /n/:

чана 'галка' — литер. *чана*; ср. *iŋana* (G), *iŋaŋa* (S, M, JI, MU, U) 'галка' [Wichmann 1987: 272].

3. В аусллауте /ŋ/ в памятнике не встречается.

Таблица 10. Соответствия согласной /ŋ/

		анлаут	инлаут		аусллаут
согласная памятника			/ŋ/		
литер.			/m/ (3)	/n/ (1)	
СООТВЕТСТВИЯ	по [Wichmann 1987]		G m (3) B n (1) M ŋ (3) J ŋ (3) JI ŋ (1) MU ŋ (3) U ŋ (2)	G n (1) S ŋ (1) M ŋ (1) JI ŋ (1) MU ŋ (1) U ŋ (1)	
	по аудиословарям		бавлПУ. m (2) бесВ. m (2) средВ. m (2) счК. m (2) южВБ. m (2)		

Фонема /ŋ/, выявленная нами в букваре, вероятно, восходит к общепермскому *ŋ, который на данный момент практически вышел из употребления в силу ряда внутрисистемных факторов: «1) слабая функциональная нагрузка фонемы ŋ, выражающаяся в ее низкой частотности и ограниченной дистрибуции; 2) слабая включенность согласного ŋ в фонологическую систему прапермского (resp. праудмуртского) языка; 3) большая артикуляционная сложность фонемы ŋ» [Кельмаков 1993: 38]. Учитывая данные [UEW], уместно предположить, что этот специфический согласный был характерен и для прауральского языка.

В системе современного удмуртского литературного языка фонема /ŋ/ не представлена. В большинстве удмуртских диалектов на данный момент она уже полностью вытеснена носовыми согласными /m/, /n/, /n'/. Однако, по данным диалектологов, в отдельных говорах удмуртского языка /ŋ/ еще сохранилась. Наибольшей частотностью она обладает в периферийно-южном диалекте, но может встречаться и в отдельных говорах центрально-южного диалекта, бесермянского наречия и в увинско-вавожской группе срединных говоров [Кельмаков 2006: 82]¹¹.

Кроме перечисленных регулярных соответствий согласных, в букваре наблюдаются **единичные отклонения**, а именно употребление:

/l/ в соответствии с литер. /j/: *лугытын* 'на свету' INE — литер. *югытын*; *лугдозы* 'будут светиться' FUT-3-PL — литер. *югдозы*; ср. *jugīt* (G), *jugit* (S, M, J), *l'ugit* (J, MU), *d'ugit* (MU), *d'ugīt* (U) 'светлый, ясный' [Wichmann 1987: 82]; бавлПУ. *l'ugatané* 'рассветать, светать';

/n/ в соответствии с литер. /m/: *налпа* 'думай' IMP.2SG — литер. *малта*, *налпале* 'думайте' IMP.2PL — литер. *малпалэ*; *налпаса* 'подумаю' — литер. *малпаса*; *налпате* 'не подумаю' — литер. *малпате*; *налпан* 'мысль; размышление' (также и в четырех формах этого слова) — литер. *малпан*; ср. *malpànĭ* (G, U), *malpànĭ* (M, J), *māpànĭ* (J), *nāpànĭ* (MU) 'думать, мыслить' [Wichmann 1987: 155]; бавлПУ., южВБ. *malpané*, бесВ. *malpaskəné*, средВ., счК. *malpanĭ* 'думать, мыслить';

/s/ в соответствии с литер. /s/: *сузьоно* 'которое предстоит достать' — литер. *сузьено*; *сузьон* 'доставание' — литер. *сузьен*; ср. *sužnĭ* (M), *šuzĭ-* (G), *su'd'žinĭ* (J), *sužĭnĭ* (U) 'достать' [Wichmann 1987: 228]; бавлПУ. *сузьонé*, бесВ. *сузьонé*, средВ. *sužinĭ*, счК. *сузинĭ*, южВБ. *suctiekəné* 'дотянуться, дотягиваться, тянуться, доставать';

/t/ в соответствии с литер. /č/: *жескым* 'сладкий' — литер. *ческым*; ср. *t'seskīt* (G, U), *t'seskit* (S, M, J, MU), *t'eskīt* (B), *t'eskit* (MU) 'сладкий, вкусный' [Wichmann 1987: 282];

/č/ в соответствии с литер. /š/: *эн лукаскы* NEG.IMP.2SG — литер. *эн лукасскы*; ср. *lušškànĭ* (G), *lušškànĭ* (M), *luškànĭ* (MU), *lušškànĭ* (U) 'красть, воровать' [Wichmann 1987: 149].

Как видим, все приведенные нестандартные соответствия подтверждаются параллелями словаря [Wichmann 1987]. При этом аналогичные формы, насколько нам известно, встречаются и в современных удмуртских говорах, поэтому эти единичные отклонения, по нашему мнению, также отражают диалектные черты памятника.

4. Заключение

Итак, в целом на основе текстового материала «Букваря для вотяцких детей Сарапульского уезда» можно отметить довольно стройную графико-орфографическую систему источника, каких-либо серьезных отклонений от принятых норм нам выявить не удалось. При этом отличительной особенностью графики памятника является его фонематический принцип. Данная система была разработана Н. И. Ильминским и характерна для всех удмуртских памятников, изданных с середины 70-х до конца 90-х гг. XIX в. [Сахарных 2005: 64].

Что касается фонетических особенностей, анализ вокалической и консонантной систем букваря позволил нам выделить ряд отличительных черт, характерных для языка данного памятника:

- 1) употребление /i/ в соответствии с литер. /i/ в первом слоге перед палатальными согласными;
- 2) употребление /j/ в соответствии с литер. /u/ в первом слоге;
- 3) употребление /n'/ в соответствии с литер. /n/ после /i/;
- 4) употребление /ŋ/ в соответствии с литер. /m/ (/n/).

¹¹ Стоит отметить, что во время экспедиции 2013 г. в населенных пунктах, относящихся к различным диалектным группам удмуртского языка, фонему /ŋ/ нам зафиксировать не удалось. Возможно, это свидетельствует о том, что процесс вытеснения /ŋ/ другими носовыми согласными близится к концу (ср. бавлПУ. *зэн*, бесВ., средВ. *zĭn*, счК. *zĭm*, южВБ. *zĕn* 'запах; вонь' < ПУ *šajkV 'вкус, запах; пробовать, пахнуть' [UEW: 462]; бавлПУ., южВБ. *tein'é*, бесВ. *tein'á*, средВ. *tein'í*, счК. *tein'í* 'палец' < ПУ *čEŋV 'палец; сустав' [UEW: 49]; бавлПУ. *фэн*, бесВ. *tevn*, средВ., счК. *fin*, южВБ. *fen* 'дым' < ПУ *čijV (*čijV) 'дым; туман' [UEW: 59] и др.).

Из перечисленных особенностей первые три, как было показано выше, скорее всего, имеют инновационный характер, а четвертая — архаичный, при этом все они характерны для говоров южной диалектной зоны. Отметим также, что здесь мы учли только регулярные соответствия, т. е. те, которые подтверждаются тремя и более лексемами. Однако в букваре имеются также сравнительно многочисленные нестандартные соответствия, представленные лишь одним-двумя примерами, функционирование которых в удмуртских диалектах, как правило, также подтверждается материалами словаря [Wichmann 1987] и данными современных диалектов.

В таблице 11 мы привели все выявленные нестандартные соответствия как регулярного, так и единичного характера. Их сопоставление с материалама Ю. Вихманна показывает, что говор памятника наиболее близок к малмыжско-уржумскому диалекту (MU), поскольку в нем отражены 15 случаев из 21. Девять нестандартных соответствий имеют параллели в уфимском диалекте (U), по восемь в елабужском (J) и глазовском (G) диалектах, т. е. большая часть фонетических особенностей памятника характерна для говоров южной диалектной зоны удмуртского языка, однако присутствуют и признаки северных.

Таблица 11. Сопоставление нестандартных соответствий с материалами словаря Ю. Вихманна

[Букварь 1882]	литер.	[Wichmann 1987]
/i/	/i̇/	B, S, M, J, MU, U <i>i</i> B, U <i>î</i> , M, J <i>j</i> G <i>î</i> ~ <i>i</i>
	/e/	G, B, M, J, MU, U <i>e</i>
/i̇/	/u/	G, B, M <i>u</i> B, U <i>î</i> , MU <i>j</i> G, J <i>u</i> ~ <i>u</i> J, MU <i>u</i> J <i>u</i> ~ <i>u</i> ~ <i>j</i> MU <i>j</i> ~ <i>u</i>
	/i/	G, B, U <i>î</i> , M, J, MU <i>j</i> G, S, M, J, <i>i</i>
	/e/	B, S, M, MU, U <i>e</i> G <i>î</i> , MU <i>j</i>
	/ė/	S, M <i>ė</i> J, MU <i>ö</i> B, U <i>î</i> G <i>ė</i> ~ <i>î</i>
/ü/	/u/	G, J <i>u</i> G, MU <i>u</i>
	/ui̇/	G, B, M, J, MU, U <i>ui̇</i> J <i>u</i> U <i>u</i> ^{<i>i</i>}
/e/	/ė/	S, M, U <i>ė</i> G, MU <i>e</i> J <i>ö</i>
/o/	/ė/	G, M, U <i>ė</i> J <i>ö</i> MU <i>ö</i>
	/i̇/	G, U <i>î</i> , M, MU <i>j</i>
/a/	/o/	G, J, U <i>o</i> MU <i>a</i>
/l'/	/j/	G, S, M, J <i>j</i> J, MU <i>l'</i> MU, U <i>d'</i>
/n/	/m/	G, U, M, J <i>m</i> MU <i>n</i>

[Букварь 1882]	литер.	[Wichmann 1987]
/n'/	/n/	G, S, M, U n B, J, MU, U ṅ G, J n ~ ṅ U m
	/j/	M, MU, U ĵ G l' ~ ĵ J l' ~ ṅ
/ŋ/	/m/	M, J, JI, MU, U η G m B n
	/n/	S, M, JI, MU, U η G n
/s'/	/s/	M, JI, U s G ś
/t'/	/č'/	S, M, J, MU t'ṧ G, U t'ṧ B, MU t'
/č/	/š/	G, M t'ṧ MU ṧ U ṧ

В таблице 12 представлены все регулярные соответствия, которые нам удалось выявить в четырех переводных памятниках: «Наставлении христианском святителя Тихона» (1891) на казанском наречии, «Законе Божиим» (1912) на глазовском наречии, «Житии Св. Феодора» (1913) на елабужском наречии, «Букваре» (1882) на сарапульском наречии. Из этой таблицы также видно, что букварь имеет общие черты с «Наставлением христианским святителя Тихона» (1891) и «Житием Св. Феодора» (1913), в основе которых лежат говоры южного наречия. При этом из четырех особенностей, которые объединяют букварь с южноудмуртскими источниками, три (№ 1, 2, 5) являются инновационными по своему происхождению, т. е. на их основе мы можем судить о диалектной принадлежности памятника.

Таблица 12. Распределение основных фонетических особенностей в рассмотренных памятниках на четырех наречиях удмуртского языка

№ п/п	Фонетическая особенность	Наставление (каз.)	Житие (елаб.)	Букварь (сар.)	Закон Божий (глаз.)
1	Употребление /i/ в соответствии с литер. /j/ перед палатальными согласными	+	+	+	
2	Употребление /n'/ в соответствии с литер. /n/ после /i/	+	+	+	
3	Употребление в инлауте /č'/ в соответствии с литер. /š/ перед согласным	+	+		+
4	Употребление /ü/ в соответствии с литер. /u/ в первом слого	+	+		
5	Употребление /j/ в соответствии с литер. /u/ в первом слого	+		+	
6	Употребление /ŋ/ в соответствии с литер. /m/, /n/	+		+	
7	Употребление в инлауте /c/ в соответствии с литер. /č'/	+			+
8	Употребление /j/ в соответствии с литер. /i/ в первом слого	+			
9	Употребление /j/ в соответствии с литер. /e/ в первом слого	+			
10	Употребление /ü/ в соответствии с литер. /j/ в первом слого	+			
11	Употребление в анлауте /d/ в соответствии с литер. /j/	+			
12	Употребление в инлауте /z'/ в соответствии с литер. /ž'/	+			
13	Употребление в анлауте /č'/ в соответствии с литер. /č'/		+		
14	Употребление в анлауте /u/ в соответствии с литер. /v/ перед /a/				+
15	Употребление в анлауте /s'/ в соответствии с литер. /s/ перед /i/				+

В состав Сарапульского уезда в конце XIX в. входила территория современной Удмуртской Республики, на которой сегодня распространены южные кырыкмасские, срединные верхнеижские и средневосточные, а также частично северные верхнечепецкие говоры удмуртского языка. В связи с тем, что в результате анализа в букваре были выявлены различные фонетические особенности, характерные большей частью для южноудмуртского наречия, уместно было бы предположить, что в основе памятника лежат кырыкмасские говоры. Однако при описании букваря нами были учтены современные описания кырыкмасских говоров; их близость оказалась незначительной: была выявлена лишь одна общая инновационная черта — употребление /n/ в соответствии с литер. /n/ после /i/ [Кельмаков 1977: 38—39]. В связи с этим мы полагаем, что в основе «Букваря для вотяцких детей Сарапульского уезда», скорее всего, лежит один из говоров южной диалектной зоны, расположенный на границе срединных и центрально-южных говоров удмуртского языка, т. е. на настоящий момент это говор северной части Малопургинского района Удмуртской Республики. К сожалению, на сегодняшний день данная территория диалектологами изучена еще весьма слабо, вероятно, по этой причине для многих нестандартных соответствий мы зачастую не могли привести в статье конкретных параллелей из современных диалектных материалов, так что в будущем для подтверждения нашей гипотезы, несомненно, необходимо сопоставить полученные результаты с данными современных говоров этой территории.

Сокращения

Языки и диалекты

бавлПУ. — говор с. Покровский Урустамак (бавлинский говор периферийно-южного диалекта южного наречия удмуртского языка)

бесВ. — говор д. Ворца (бесермянское наречие удмуртского языка)

глаз. — глазовское наречие

елаб. — елабужское наречие

каз. — казанское наречие

ПУ — прауральский

ПУдм — праудмуртский

рус. — русский

сар. — сарапульское наречие

счК. — говор д. Кабаково (среднечепецкий диалект северного наречия удмуртского языка)

средВ. — говор д. Вылынгурт (срединный говор удмуртского языка)

южВБ. — говор с. Варклет-Бодья (центрально-южный диалект южного наречия удмуртского языка)

диалекты по [Wichmann 1987]

В — бесермянский диалект

G — глазовский диалект

J — елабужский диалект

Л — елабужский диалект по рукописному словарю В.

Ислентьева

М — малмыжский диалект

MU — малмыжско-уржумский диалект

S — сарапульский диалект

Sl — слободской диалект

U — уфимский диалект

языки и диалекты по [КЭСЯ 1970]

к-з. — коми-зырянские диалекты

вс. — верхнесысольский диалект

лет. — летский диалект

лл. — лузско-летский диалект

сс. — среднесысольский диалект

к.-п. — коми-пермяцкие диалекты

к.-я. — коми-язьвинский диалект

Глоссы

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо

1PST — первое (очевидное) прошедшее время

ABL — аблатив

ACC — аккузатив

DAT — датив

ELA — элатив

FUT — будущее время

GEN — генитив

ILL — иллатив

IMP — повелительное наклонение

INE — инессив

INS — инструменталис

NEG — отрицательный глагол
 PL — множественное число
 POSS — посессивный показатель

PRS — настоящее время
 SG — единственное число

Общие

диал. — диалект, диалектный
 литер. — литературная форма, литературный язык

разг. — разговорное слово или выражение

Литература

Архипов 1981 — *Г. А. Архипов*. Среднеуринский говор I // *Материалы по удмуртской диалектологии*. Ижевск, 1981. С. 5—44.

Безенова 2014 — *М. П. Безенова*. Удмуртский вокализм первого слога в историческом аспекте (на материале памятников письменности и современных диалектов). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014.

Безенова 2016а — *М. П. Безенова*. «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («*Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз*»): графические и вокалические особенности // *Урало-алтайские исследования*. 2016, 1 (20). С. 7—40.

Безенова 2016б — *М. П. Безенова*. «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («*Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз*»): особенности консонантизма // *Урало-алтайские исследования*. 2016, 3 (22). С. 46—63.

Безенова 2017 — *М. П. Безенова*. «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («*Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз*»): именная морфология // *Урало-алтайские исследования*. 2017, 2 (25). С. 7—24.

Безенова 2018 — *М. П. Безенова*. «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891) («*Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз*»): глагольная морфология // *Урало-алтайские исследования*. 2018, 1 (28). С. 7—22.

Безенова 2020а — *М. П. Безенова*. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: именная морфология // *Урало-алтайские исследования*. 2020, 1 (36). С. 53—70.

Безенова 2020б — *М. П. Безенова*. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: глагольная морфология // *Урало-алтайские исследования*. 2020, 3 (38). С. 19—32.

Безенова 2021а — *М. П. Безенова*. Фонетические особенности «Жития Св. Феодора» (1913) на удмуртском языке // *Урало-алтайские исследования*. 2021, № 2 (41). С. 21—50.

Безенова 2021б — *М. П. Безенова*. Морфологические особенности «Жития Св. Феодора» (1913) на удмуртском языке // *Урало-алтайские исследования*. 2021, № 3 (42). С. 19—32.

Безенова, Иткин, Переверзева 2019 — *Безенова М. П., Иткин И. Б., Переверзева С. И.* Еще раз об отражении йотированных гласных в удмуртском памятнике «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» // *Урало-алтайские исследования*. 2019, 4 (35). С. 7—17.

Безенова, Кондратьева 2019 — *Безенова М. П., Кондратьева Н. В.* К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: графика, орфография, фонетика // *Урало-алтайские исследования*. 2019, 3 (34). С. 7—52.

Букварь 1882 — *Букварь для вотяцких детей Сарапульского уезда*. Издание Православного Миссионерского Общества. Казань, 1882.

Загуляева 1981 — *Загуляева Б. Ш.* Говоры дд. Муважи и Чумали // *Материалы по удмуртской диалектологии*. Ижевск, 1981. С. 126—136.

Загуляева 1982 — *Загуляева Б. Ш.* Говоры удмуртов Кизнерского района // *Образцы речи удмуртского языка*. Ижевск, 1982. С. 5—27.

Каракулов 2006 — *Б. И. Каракулов*. Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII—XXI даурьёс (История удмуртского литературного языка: XVIII—XXI века). Ижевск, 2006.

Карпова 2005 — *Л. Л. Карпова*. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005.

Карпова 2018 — *Л. Л. Карпова*. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Дисс. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2018.

Кельмаков 1977 — *В. К. Кельмаков*. Краткая характеристика кыркмасских говоров южноудмуртского наречия I // *Вопросы удмуртской диалектологии*. Ижевск, 1977. С. 26—61.

Кельмаков 1992 — *В. К. Кельмаков*. К описательной и исторической фонетике бесермянского наречия // *Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах*. Ижевск, 1992. С. 33—107.

Кельмаков 1993 — *В. К. Кельмаков*. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск, 1993.

- Кельмаков 2006 — В. К. Кельмаков. Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006.
- КЭСЯ 1970 — В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. Москва, 1970.
- Лыткин, Тепляшина 1959 — В. И. Лыткин, Т. И. Тепляшина. Некоторые особенности глазовского диалекта // Записки. Вып. 19. Ижевск, 1959. С. 218—227.
- Люкина 2009 — Н. М. Люкина. Жувамский диалект удмуртского языка // Пермистика 10. Ижевск, 2009. С. 234—238.
- Сахарных 2005 — Д. М. Сахарных. О периодизации истории удмуртской письменности // VII научно-практическая конференция преподавателей и сотрудников УдГУ, посвященная 245-летию г. Ижевска. Материалы конференции. Часть 1. Ижевск, 2005. С. 63—65.
- Тепляшина 1957 — Т. И. Тепляшина. Фонетическая характеристика тыловайского говора // Записки. Вып. 18. Ижевск, 1957. С. 114—140.
- Тепляшина 1970a — Т. И. Тепляшина. Язык бесермян. М., 1970.
- Тепляшина 1970b — Т. И. Тепляшина. Нижнечепецкие говоры севернoudмуртского наречия // Записки. Вып. 21. Филология. Ижевск, 1970. С. 156—196.
- UEW — K. Rédei. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1989.
- Wichmann 1987 — Y. Wichmann. Wotjakischer Wortschatz / Aufgezeichnet Y. Wichmann. Bearb. T. E. Uotila, M. Korhonen. Hrsg. M. Korhonen. Helsinki, 1987. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 1987, XXI.)

References

- Arkhipov 1981 — G. A. Arkhipov. Sredneyurinskii govor I. In: Materialy po udmurtskoi dialektologii. Izhevsk, 1981. S. 5—44. {G. A. Arkhipov. Middle-Yuri dialect I. In: Materials on Udmurt dialectology. Izhevsk, 1981. P. 5—44.}
- Bezenova 2014 — M. P. Bezenova. Udmurtskii vokalizm pervogo sloга v istoricheskom aspekte (na materiale pamyatnikov pis'mennosti i sovremennykh dialektov). Diss. ... kand. filol. nauk. M., 2014. {M. P. Bezenova. Udmurt vocalism of the first vowel in historical aspect (on the materials of written monuments and modern dialects). PhD thesis. Moscow, 2014.}
- Bezenova 2016a — M. P. Bezenova. “Nastavlenie khristianskoe svyatitelya Tikhona na votskom yazyke” (1891) (“Žech kyl”es. Svyatoi Tikhonlen žechly dyshetem kyl”esyž”): graficheskie i vokalicheskie osobennosti. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2016, 1 (20). S. 7—40. {M. P. Bezenova. The Udmurt written monument “Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language” (1891): graphical and vocalic features. In: Ural-Altai Studies. 2016, 1 (20). P. 7—40.}
- Bezenova 2016b — M. P. Bezenova. “Nastavlenie khristianskoe svyatitelya Tikhona na votskom yazyke” (1891) (“Žech kyl”es. Svyatoi Tikhonlen žechly dyshetem kyl”esyž”): osobennosti konsonantizma. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2016, 3 (22). S. 46—63. {M. P. Bezenova. The Udmurt written monument “Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language” (1891): consonant features. In: Ural-Altai Studies. 2016, 3 (22). P. 46—63.}
- Bezenova 2017 — M. P. Bezenova. “Nastavlenie khristianskoe svyatitelya Tikhona na votskom yazyke” (1891) (“Žech kyl”es. Svyatoi Tikhonlen žechly dyshetem kyl”esyž”): imennaya morfologiya. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2017, 2 (25). S. 7—24. {M. P. Bezenova. “Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language” (1891): nominal morphology. In: Ural-Altai Studies. 2017, 2 (25). P. 7—24.}
- Bezenova 2018 — M. P. Bezenova. “Nastavlenie khristianskoe svyatitelya Tikhona na votskom yazyke” (1891) (“Žech kyl”es. Svyatoi Tikhonlen žechly dyshetem kyl”esyž”): glagol'naya morfologiya. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2018, 1 (28). S. 7—22. {M. P. Bezenova. The “Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language” (1891): verbal morphology. In: Ural-Altai Studies. 2018, 1 (28). P. 7—22.}
- Bezenova 2020a — M. P. Bezenova. K osobnostyam perevoda “Zakona Bozhiya” (1912 g.) na udmurtskii yazyk: imennaya morfologiya. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2020, 1 (36). S. 53—70. {M. P. Bezenova. The peculiarities of the translation of “God’s law” (1912) into Udmurt: noun morphology. In: Ural-Altai Studies. 2020, 1 (36). P. 53—70.}
- Bezenova 2020b — M. P. Bezenova. K osobnostyam perevoda “Zakona Bozhiya” (1912 g.) na udmurtskii yazyk: glagol'naya morfologiya. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2020, 3 (38). S. 19—32. {M. P. Bezenova. The peculiarities of the translation of “God’s law” (1912) into Udmurt: verbal morphology. In: Ural-Altai Studies. 2020, 3 (38). P. 19—32.}
- Bezenova 2021a — M. P. Bezenova. Foneticheskie osobennosti “Zhitiya Sv. Feodora” (1913) na udmurtskom yazyke. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2021, № 2 (41). S. 21—50. {M. P. Bezenova. Phonetic features of “The life of St. Theodore” (1913) written in the Udmurt language. In: Ural-Altai Studies. 2021, 2 (41). P. 21—50.}
- Bezenova 2021b — M. P. Bezenova. Morfologicheskie osobennosti “Zhitiya Sv. Feodora” (1913) na udmurtskom yazyke. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2021, № 3 (42). S. 19—32. {M. P. Bezenova. Morphological features of “The life of St. Theodore” (1913) written in the Udmurt language. In: Ural-Altai Studies. 2021, 3 (42). P. 19—32.}

Bezenova, Kondrat'eva 2019 — *M. P. Bezenova, N. V. Kondrat'eva*. K osobennostyam perevoda “Zakona Bozhiya” (1912 g.) na udmurtskii yazyk: grafika, orfografiya, fonetika. In: *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2019, 3 (34). S. 7—52. {*M. P. Bezenova, N. V. Kondrat'eva*. The peculiarities of the translation of “God’s law” (1912) into Udmurt: graphics, spelling and phonetics. In: *Ural-Altai Studies*. 2019, 3 (34). P. 7—52.}

Bukvar' 1982 — Bukvar' dlya votyatskikh detei Sarapul'skogo uezda. Izdanie Pravoslavnogo Missionerskogo Obshchestva. Kazan', 1882. {An ABC-book for the Votyak children of the Sarapul district. Published by the Orthodox Mission Society. Kazan, 1882.}

Itkin, Bezenova, Pereverzeva 2019 — *I. B. Itkin, M. P. Bezenova, S. I. Pereverzeva*. Eshche raz ob otrazhenii iotirovannykh glasnykh v udmurtskom pamyatnike “Nastavlenie khristianskoe svyatitelya Tikhona na votskom yazyke”. In: *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2019, 4 (35). S. 7—17. {*I. B. Itkin, M. P. Bezenova, S. I. Pereverzeva*. Reflection of iotated vowels in the Udmurt monument “Christian admonition of Saint Tikhon in the Votyak language” revisited. In: *Ural-Altai Studies*. 2019, 4 (35). P. 7—17.}

Karakulov 2006 — *B. I. Karakulov*. Udmurt literaturnoi kyllehn syuresehzh: XVIII—XXI daur"es (Istoriya udmurtskogo literaturnogo yazyka: XVIII—XXI veka). Izhevsk, 2006. {*B. I. Karakulov*. History of the Udmurt literary language: 18th — 21st centuries). Izhevsk, 2006.}

Karpova 2005 — *L. L. Karpova*. Srednechepetskii dialekt udmurtskogo yazyka: Obraztsy rechi. Izhevsk, 2005. {*L. L. Karpova*. Middle-Chepts dialect of the Udmurt language: Samples of speech. Izhevsk, 2005.}

Karpova 2018 — *L. L. Karpova*. Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: formirovanie i sovremennoe sostoyanie. Diss. ... dokt. filol. nauk. Izhevsk, 2018. {*L. L. Karpova*. Dialects of the Northern Dialect of the Udmurt Language: Formation and Current Status. Doctoral thesis. Izhevsk, 2018.}

Kel'makov 1977 — *V. K. Kel'makov*. Kratkaya kharakteristika kyrykmasskikh govorov yuzhnoudmurt'skogo narechiya I. In: *Voprosy udmurtskoi dialektologii*, 1977. C. 26—61. {*V. K. Kel'makov*. Brief description of the Kyrykmas dialects of the Southern Udmurt dialect I. In: *Questions of the Udmurt dialectology: Collection of papers and materials*. Izhevsk, 1977. P. 26—61.}

Kel'makov 1992 — *V. K. Kel'makov*. K opisatel'noi i istoricheskoi fonetike besermyanskogo narechiya. In: *Problemy sovremennoi udmurtskoi dialektologii v issledovaniyakh i materialakh*. Izhevsk, 1992. S. 33—107. {*V. K. Kel'makov*. To the descriptive and historical phonetics of the Besermyan dialect. In: *Problems of modern Udmurt dialectology in research and materials*. Izhevsk, 1992. P. 33—107.}

Kel'makov 1993 — *V. K. Kel'makov*. Formirovanie i razvitie fonetiki udmurtskikh dialektov. Izhevsk, 1993. {*V. K. Kel'makov*. Formation and development of phonetics of the Udmurt dialects. Izhevsk, 1993.}

Kel'makov 2006 — *V. K. Kel'makov*. Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: Uchebnoe posobie dlya vysshikh uchebnykh zavedenii. 2-e izd. Izhevsk, 2006. {*V. K. Kel'makov*. Short course of Udmurt dialectology: Textbook for higher educational institutions. 2nd ed. Izhevsk, 2006.}

KESKYa 1970 — *V. I. Lytkin, E. S. Gulyaev*. Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka. Moskva, 1970. {*V. I. Lytkin, E. S. Gulyaev*. Brief etymological dictionary of the Komi language. Moscow, 1970.}

Lytkin, Teplyashina 1959 — *V. I. Lytkin, T. I. Teplyashina*. Nekotorye osobennosti glazovskogo dialekta. In: *Zapiski*. Vyp. 19. Izhevsk, 1959. S. 218—227. {*V. I. Lytkin, T. I. Teplyashina*. Some features of the Glazov dialect. In: *Notes*. Is. 19. Izhevsk, 1959. P. 218—227.}

Lyukina 2009 — *N. M. Lyukina*. Zhuvamskii dialekt udmurtskogo yazyka. In: *Permistika 10*. Izhevsk, 2009. S. 234—238. {*N. M. Lyukina*. Zhuvam dialect of the Udmurt language. In: *Permistika 10: Questions of Perm and Finno-Ugric philology*. Izhevsk, 2009. P. 234—238.}

Sakharnykh 2005 — *D. M. Sakharnykh*. O periodizatsii istorii udmurtskoi pis'mennosti. In: VII nauchno-prakticheskaya konferentsiya prepodavatelei i sotrudnikov UDGU, posvyashchennaya 245-letiyu g. Izhevsk. Materialy konferentsii. Chast' 1. Izhevsk, 2005. S. 63—65. {*D. M. Sakharnykh*. On the periodization of the history of the Udmurt writing. In: 7th scientific-practical conference of teachers and staff of UdSU, dedicated to the 245th anniversary of Izhevsk. Conference materials. Part 1. Izhevsk, 2005. P. 63—65.}

Teplyashina 1957 — *T. I. Teplyashina*. Foneticheskaya kharakteristika tylovaikskogo govora. In: *Zapiski*. Vyp. 18. Izhevsk, 1957. S. 114—140. {*T. I. Teplyashina*. Phonetic characteristics of the Tylovai dialect. In: *Zapiski*. Is. 18. Izhevsk, 1957. P. 114—140.}

Teplyashina 1970a — *T. I. Teplyashina*. Yazyk besermyan. Moskva, 1970. {*Teplyashina T. I.* Beserman language. Moscow, 1970.}

Teplyashina 1970b — *T. I. Teplyashina*. Nizhnechepetskie govory severnoudmurt'skogo narechiya. In: *Zapiski*. Vyp. 21. Filologiya. Izhevsk, 1970. S. 156—196. {*T. I. Teplyashina*. Lower-Chepts dialects of the Northern Udmurt dialect. In: *Zapiski*. Is. 21. Philology. Izhevsk, 1970. P. 156—196.}

UEW — *K. Rédei*. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1989.

Wichmann 1987 — *Y. Wichmann*. Wotjakischer Wortschatz / Aufgezeichnet *Y. Wichmann*. Bearb. *T. E. Uotila, M. Korhonen*. Hrsg. *M. Korhonen*. Helsinki, 1987. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 1987, XXI.)

Zagulyaeva 1981 — *B. Sh. Zagulyaeva. Govory dd. Muvazhi i Chumali. In: Materialy po udmurtskoi dialektologii. Izhevsk, 1981. S. 126—136. {B. Sh. Zagulyaeva. Dialects of Muvazhi and Chumali villages. In: Materials on Udmurt dialectology. Izhevsk, 1981. P. 126—136.}*

Zagulyaeva 1982 — *B. Sh. Zagulyaeva. Govory udmurtov Kiznerskogo raiona. In: Obraztsy rechi udmurtskogo yazyka. Izhevsk, 1982. S. 5—27. {B. Sh. Zagulyaeva. Dialects of the Kizner district Udmurts. In: Speech samples of the Udmurt language. Izhevsk, 1982. P. 5—27.}*

Именная морфология в памятнике марийской письменности «Начатки христианского учения...» (1839/1841). Падеж

Ключева Мария Аркадьевна, Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва),
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (Йошкар-Ола);
keymachine@yandex.ru

Настоящая статья продолжает серию работ по изучению марийского текста книги «Начатки христианского учения...» (Казань, 1841). В предыдущей статье [Ключева 2021] была рассмотрена система спряжения глагола; в данной работе описывается именная морфология в [Начатки], а именно падежная система имен существительных в единственном числе. В продолжение этой работы будут рассмотрены категории числа и притяжательности. Анализ именной морфологии в [Начатки] проводится в сопоставлении с марийским литературным (лугово-восточным) языком и луговыми диалектами. Специфика системы склонения в памятнике проявляется прежде всего на фонетическом уровне — в вокализме безударных слогов и системе ударений. Результаты исследования падежной системы подтверждают сделанный ранее вывод о волжском говоре как диалектной основе исследуемого памятника.

Ключевые слова: финно-угорские языки, марийский язык, волжский говор марийского языка, памятники письменности, именная морфология, историческая диалектология, акцентология

NOUN MORPHOLOGY IN THE MONUMENT OF MARI WRITING “THE BEGINNINGS OF CHRISTIAN DOCTRINE ...” (1839/1841). THE CASE

Maria A. Klyucheva,
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow),
Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History (Yoshkar-Ola); keymachine@yandex.ru

This article continues the analysis of the Mari text of the book “The Beginnings of Christian doctrine ...”, published in Kazan in 1841. Previously (see [Klyucheva 2021]), the verb morphology (conjugation) in it was described. This work describes the noun morphology in “The Beginnings...” — the case system of nouns in the singular. In continuation of this work, we plan to consider the categories of number and possession. The case system in “The Beginnings...” includes all the 9 cases of the modern standard Mari (Meadow-Eastern) language and also abessive and ablative. The presence of the causative (case) with the indicator *-lanen* is questionable: it occurs in “The Beginnings...” in a single example with a pronoun. The analysis of noun morphology in “The Beginnings...” is made in comparison with the standard Mari (Meadow-Eastern) language and Meadow dialects. Its specificity lies primarily at the phonetic level: in the vocalism of unstressed syllables and the stress system. The system of vowels includes labial reduced *u* and *ü*. They are expressed in “The Beginnings...” by the letters *o*, *y*, *yo*, and are located on the border between the stem and the case affix (after labial vowels in the stem). In the standard language, only the non-labial reduced vowel *ə* occurs in this position. Such vowel harmony in the language of “The Beginnings...” corresponds to the western subdialects of the Meadow dialect, especially the Volga subdialect. As regards the stress system, in “The Beginnings...” in the comitative, dative, ablative, partly in the lative the stress is kept on the same syllable as in the nominative, while in the literary norm and in modern Meadow dialects all these case suffixes are under stress (only in the dative is the stress fluctuation allowed). This indicates changes in the system of stresses in the Meadow dialect since the creation of the monument. The article also shows examples of non-standard use of case forms (mainly inessive, accusative and genitive). They may reflect some poorly studied functions of cases in Meadow dialects. The results of the study of the case correlate with the previously obtained conclusions about the Volga dialect as the dialectal basis of this written monument. It reflects not only the modern, but also the historical features of this dialect.

Keywords: Finno-Ugric languages, Mari language, Volga dialect of the Mari language, written monuments, noun morphology, historical dialectology, accentology

Введение

В данной работе мы продолжаем изучение памятника марийской письменности «Начатки христианского учения или Краткая священная история и краткий катихизис, на черемиский язык лугового наречия переведенные в Казани 1839 года». Ранее был составлен электронный словарь-конкорданс по тексту этого памятника (размещен на сайте Lingvodoc) и описана система спряжения глаголов в нем [Ключева 2016; Ключева 2021]. Анализ глагольной морфологии показал, что диалектную основу исследуемого памятника составил волжский говор марийского языка. Данная статья посвящена анализу падежной системы имен существительных в единственном числе¹. Основным аспектом исследования являются фонетические особенности и система ударений в падежных формах. В дальнейшем исследовании именной морфологии в [Начатки] будут рассмотрены категория числа, система личных притяжательных суффиксов и склонение по падежам существительных с показателями числа и принадлежности.

1. Падежная система в современном литературном лугово-восточном марийском языке и луговых диалектах

В современном литературном лугово-восточном марийском языке выделяют девять падежей:

- именительный (номинатив) — с нулевым аффиксом,
- винительный (аккузатив) — показатели *-м, -ым,*
- родительный (генитив) — показатели *-н, -ын,*
- дательный (датов) — показатель *-лан,*
- местный (инессив) — показатель *-(ы)ште, -(ы)што, -(ы)штö,*
- направительный (иллатив) — показатель *-(ы)шке, -(ы)шко, -(ы)шкö,*
- обстоятельственный (латив) — показатель *-ш, -еш, -эш,*
- сравнительный (компаратив) — показатель *-ла,*
- совместный (комитатив) — показатель *-ге.*

Дополним этот стандартный список падежей еще одним:

- л и ш и т е л ь н ы й (а б е с с и в) — показатель *-де, -дегече.*

Сравнительный, совместный и лишительный падежи ранее называли «падежоподобными формами»; они, в отличие от остальных падежей, не имеют форм числа [СМЯ 1961: 69—71].

В современных грамматиках литературного марийского языка (мар. ЛВ) абессив не входит в систему падежей [Учаев 1991: 8—9; Riese et al. 2019: 68], хотя есть убедительные примеры его использования: *Удаде сайже ок лий* ‘Без худа добра не бывает’ (пословица) [СМЯ 1961: 70]; *Ай, эргым, трупкадегече кузе илем* ‘Ай, сынок, как же буду жить без трубки’ (из романа «Онго» (‘Круг’) Я. Ялкайна) [Ялкайн 1958: 46]. См. также примеры абессива в Национальном корпусе марийского языка: *киндыдегече* ‘без хлеба’, *шыдыдегече* ‘без злобы’, *черетде, черетдегече* ‘без очереди’, *шотде, шотдегече* ‘без счета’, *пальтодегече* ‘без пальто’, *йүкде, йүкдегече* ‘без звука’, *мутде, мутдегече* ‘без слов’, *кышадэ, кышадегече* ‘без следа’ и т. п. [КМЯ]. (Слова *йүкде* и *шотде* в этом списке могут определяться как наречия [МОМ 2011: 116, 337].) В современном литературном языке вместо лишительного падежа чаще используется конструкция с послелогом *деч посна* ‘без’.

Кроме перечисленных падежей, в некоторых говорах, например в Мари-Турекском районе (восточный ареал моркинско-сернурского говора) [Галкин 1964: 53] и соседнем с ним уржумском говоре, переходном между луговым и восточным наречиями [Иванов 1981: 51], зафиксирован так называемый отложительный падеж (аблатив) с показателем *-леч*, который в литературном языке замещен конструкциями с послелогам *деч(ын)* ‘от’ или *гыч(ын)* ‘из, с, из-за’. Марийские материалы Э. Беке позволяют увидеть картину достаточно широкого распространения аблатива в диалектах. Согласно Э. Беке, отложительный падеж фиксируется в речи всех носителей волжского говора (д. Кукшнур, Нурсола, Большие Маламасы Казанской губ.) [Веке 1957, I: 366, 506, 558, 560, 562, 564, 579, 580, 583, 587 и др.], уржумского говора (д. Сукса, Сабуял, Петрушин Уржумского у. Вятской губ.) [Веке 1961: 270, 300, 325, 347, 357, 372, 390, 393, 416 и т. д.], меньше — в речи носителей моркинско-сернурского говора (в основном, в местоимениях, лишь один пример с существительным) (д. Средний Ядыкбеяк Уржумского у. Вятской губ.) [Веке 1961, III: 137, 138, 148, 176]; не выявлен в материалах по йошкар-олинскому говору ввиду их скудности (д. Чихайдарово) [Веке 1957, I: 364—365]. В восточном наречии аблатив зафиксирован в малмыжском и бирском говорах [Веке 1961, IV: 29, 294], у прибельских мари [Сиивонен 2010: 15]. В яранском говоре

¹ Иногда — например, для иллюстрации употреблений аблатива и некоторых редких падежных форм — при недостатке примеров существительных в памятнике привлекаются и данные других частей речи.

северо-западного наречия (д. Туршемучаш) используется показатель аблатива *-лец* [Веке 1957, I: 137, 138, 148, 176]. В горном наречии — тоже показатель *-лец*, «в настоящее время встречается только в рамках местоимений, хотя раньше употреблялся шире» [Галкин 1964: 53] (со ссылкой на § 11 в [Castren 1845]). Е. И. Коведяева отмечает существование отложительного падежа в пермском (кунгурском) говоре восточного наречия; там он может иметь фонетический вариант *-лет'* [Коведяева 1978: 61, 147]. Существительные в аблативе были вполне употребительны в старомарийской литературе на луговом наречии, например, в [Евангелие 1906: 3 слл.], ср. [Васильев 1927: 68—69], а местоимения с показателем аблатива фиксируются практически во всех памятниках марийской письменности XIX — начала XX века.

Аблатив (с показателем *-лец*) и комитатив (с показателем *-ге*) считаются отмирающими падежами в современном марийском языке, компаратив (с показателем *-ла*) — неразвитым [Галкин 1964: 56].

В других наречиях — горномарийском и северо-западном — кроме падежей литературного лугово-восточного языка и абессива на *-де (-те)* зафиксирован еще причинный падеж (каузатив) на *-ланен (-ләннен)* [Иванов 1981: 82, 93; Иванов, Тужаров 1970: 110—111; Саваткова 2002: 93]. В северо-западном наречии каузатив распространен во всех говорах, кроме шарангского. В восточном наречии, в частности в прибельском диалекте, употребляется распределительный падеж (дистрибутив) с показателем *-лен/-ле* (в литературном языке заменяется сочетанием с послелогом *дене*) [Сиивонен 2010: 16—17]².

Звательная форма (иначе звательный падеж, вокатив) употребляется в марийском языке ограниченно, только с терминами родства. Ее показателем является *-й*, причем в горном наречии конечный гласный основы переходит в *и*, и показатель *-й* отпадает, например: *авай* 'мать-NOM' ~ мар. Г *ävä* — *авай* 'мать-VOC' ~ мар. Г *ävi* [Галкин 1964: 58—59]. В волжском говоре лугового наречия с одними терминами родства употребляются формы на *-й*, например: *авай* 'мать', *чачай* 'дед', *павай* 'бабушка', *акай* 'сестра', с другими — формы на *-и*, как в горном наречии, например: *ачий* 'отец-VOC' (с сохранением конечного *-й*) — литер. *ачай* (NOM *ача*); *айзи* 'старший брат-VOC' — литер. *изай* (NOM *иза*). И те, и другие употребляются не только в ситуации обращения, но и, выражая уменьшительно-ласкательное значение, при обозначении родственника в нарративе. Ср. формы, обозначенные Э. Беке как номинативы: бирск., малм., морк.-серн., волж. *aĩši*; волж. *aĩ*; мар. Г *ä·ti* [Веке 1997—2001, I: 80].

Особенности склонения в литературном лугово-восточном языке (на уровне фонетики)

Для **генитива, аккузатива, инессива и иллатива** существенно, каким звуком заканчивается основа слова:

— если основа существительного заканчивается на ударный гласный, он не меняется, например: *шинчá* 'глаз' — *шинчáн* (GEN), *шинчáм* (ACC) — *шинчáште* (INE) — *шинчáшке* (ILL); *күтү́* 'стадо' — *күтү́н* (GEN) — *күтү́м* (ACC) — *күтү́штө* (INE) — *күтү́шкө* (ILL); *Начí* 'Настя' — *Начíн* (GEN) — *Начíм* (ACC) — *Начíште* (INE) — *Начíшке* (ILL); *бюрó* 'бюро' — *бюрóн* (GEN) — *бюрóм* (ACC), *бюрóшто* (INE) — *бюрóшко* (ILL); *кафэ́* 'кафе' — *кафэ́н* (GEN) — *кафэ́м* (ACC), *кафэ́ште* (INE) — *кафэ́шке* (ILL);

— если на безударный гласный, он переходит в редуцированный *ы*, например: *кэ́че* 'день' — *кэ́чын* (GEN) — *кэ́чым* (ACC) — *кэ́чыште* (INE) — *кэ́чышке* (ILL); *кúдо* 'дом, летняя кухня' — *кúдын* (GEN) — *кúдым* (ACC) — *кúдышто* (INE) — *кúдышко* (ILL); *пóлко* 'полка' — *пóлкын* (GEN), *пóлкым* (ACC) — *пóлкышто* (INE) — *пóлкышко* (ILL); *кóргö* 'нутро' — *кóргын* (GEN), *кóргым* (ACC) — *кóргыштө* (INE) — *кóргышкө* (ILL); *пúрö* 'брага' — *пúрын* (GEN) — *пúрым* (ACC) — *пúрыштө* (INE) — *пúрышкө* (ILL).

Исключение из описанных правил составляет часть заимствованных из русского языка слов с основой на безударный гласный, которые склоняются по типу слов с основой на ударный гласный, то есть конечный безударный гласный основы сохраняется. В эту группу входят слова (в основном на *-е, -о*), которые в русском языке относятся к среднему роду, например: *кóфе, радио, фóто, многобóрье, Закавказье* и т. п. Примеры их склонения: *кóфе* 'кофе' — *кóфен* (GEN) — *кóфем* (ACC) — *кóфеште* (INE) — *кóфешке* (ILL); *ра́дио* 'радио' — *ра́дион* (GEN), *ра́диом* (ACC) — *ра́диошто* (INE) — *ра́диошко* (ILL); *Закавказье* — *Закавказье́н* (GEN) — *Закавказье́м* (ACC) — *Закавказье́ште* (INE) — *Закавказье́шке* (ILL) [МOM 2011: 10]. Аналогично склоняются слова с другими конечными гласными типа *ра́лли, сúши, канóэ*. Слова данной группы имеют свои фонетические особенности и в формах других косвенных падежей, и в формах с притяжательными суффиксами. Далее будем их называть «русскими исключениями» (rus excl.);

² Основное значение дистрибутива — «распределение предметов в определенном количестве, с признаком преувеличения: *šudám lu orva-len aštена* 'сено по десять возов заготавливаем', *kum kečə-len pörtäš o puro* 'аж по три дня в дом не заходит'» [Сиивонен 2010: 16—17].

— если на согласный, между основой слова и падежным аффиксом появляется соединительный безударный гласный *ы*, например: *пóрт* ‘дом’, *пóртын* (GEN), *пóртым* (ACC), *пóртыштö* (INE), *пóртышкö* (ILL)³.

В четырех рассмотренных падежных формах (генитиве, аккузативе, инессиве и иллативе), согласно современной литературной орфоэпической норме, ударение в слове не меняется, остается на том же гласном, том же слоге, что и в номинативе.

В местном падеже (инессиве) и направительном (иллативе) конечный гласный (*-e*, *-o* или *-ö*) безударен и зависит от качества ударного гласного в корне слова, т. е. определяется гармонией гласных, лабиальной и палатальной:

— если ударение в основе слова падает на гласный *a*, *e*, *э* или *и*, в формах инессива и иллатива в абсолютном конце слова выступает *-e* (аффиксы *-(ы)ште* и *-(ы)шке*);

— если ударение на огубленном *o* или *y* — аффиксы *-(ы)што* и *-(ы)шко*;

— если ударение на огубленном переднеязычном *ö* или *y̆* — аффиксы *-(ы)штö* и *-(ы)шкö*.

Примеры см. выше. В «русских исключениях» конечный гласный форм местного и направительного падежей определяется не по ударному, а по конечному безударному гласному основы слова, например: *радио* — *радиошто* (INE) — *радиошко* (ILL).

Особенностью **направительного** падежа является наличие **краткой формы** с усеченным конечным слогом, например (здесь и далее в скобках указывается количество употреблений этих форм в Национальном корпусе марийского языка [КМЯ]): при полной форме *солáшке* ‘в деревню’ (269 вхождений) — краткая форма *солáш* (493), *күтүшке* ‘в стадо’ (152) ~ *күтүш* (167), *млáндышке* ‘в землю’ (686) ~ *млáндыш* (2174), *пóртышкö* (1143) ~ *пóртыш* ‘в дом’ (3883). Таким образом, краткая форма направительного падежа весьма частотна, причем для слов с разными фонетическими типами основы⁴.

В местном и направительном падеже некоторые имена существительные с основой на *-ш* (главным образом, отглагольные имена с суффиксом *-маш*) наряду с нормативным склонением (как существительные с основой, заканчивающейся на согласный звук) могут иметь сокращенную форму и другого типа — с выпавшим предпоследним слогом, т. е. с падежными показателями *-те* вместо *-ыште* (INE), *-ке* вместе *-ышке* (ILL). Примеры: *погынымáш* ‘собрание’ (от *погынаш* ‘собираться’) — *погынымáшыште* (INE) (88) ~ *погынымáште* (711), *погынымáшышке* (ILL) (5) ~ *погынымáшке* (218); *мучáш* ‘конец’ — *мучáшыште* (INE) (220) ~ *мучáште* (2879), *мучáшышке* (ILL) (32) ~ *мучáшке* (1082); *пычкэмьш* ‘темнота’ — *пычкэмьшыште* (INE) (235) ~ *пычкэмьште* (489), *пычкэмьшышке* (ILL) (7) — *пычкэмьшке* (32). Как видим по [КМЯ], краткие формы для слов с основой на *-ш* значительно преобладают над полными. Более того, некоторые отглагольные имена на *-маш* представлены в [КМЯ] только в краткой форме, например: *илымáш* ‘жизнь’ (от *илаш* ‘жить’) — **илымáшыште* ‘в жизни’ (0) / *илымáште* (311), **илымáшышке* ‘в жизнь’ (0) ~ *илымáшке* (12). С другой стороны, существительные на *-аш* (без словообразовательного суффикса *-маш* в основе), например, *памáш* ‘родник’, *омáш* ‘шалаш’, представлены в [КМЯ] только в полной форме. Ср. также: *íлыш* ‘жизнь’ — *íлышыште* ‘в жизни’ (3040) ~ *íлыште* (2), *íлышышке* ‘в жизни’ (119) ~ **íлышке* (0).

В формах **обстоятельного падежа**, в отличие от рассмотренных выше падежей, ударение падает на последний слог⁵, и для этого падежа также существенны фонетические признаки основы слова:

— при основе на ударный гласный — он либо усекается, после чего следует суффикс латива *-эш*, либо сохраняется, и к нему добавляется суффикс латива *-ш*, например: *солá* ‘деревня, село’ — *солáш* ~ *солáэш* ‘в деревне’, *пу* ‘дерево’ — *пуэш* ‘в дереве’, *пасу́* ‘поле’ — *пасу́ш* ~ *пасу́эш* ‘в поле’, *ядро́*

³ В случае, если основа слова заканчивается на согласный *-й*, орфоэпическая норма отступает от орфографических правил. Уже в номинативе слова, заканчивающиеся на *-й*, произносятся, как правило, без конечного звука, т. е., например: *мү* ‘мед’ вместо *мүй*, *ни* ‘собака’ вместо *ний*, *мари* ‘мари’ вместо *марий* и т. п. А в рассмотренных падежных формах в таких словах опускается сочетание звука *-й* и последующего нормативного соединительного гласного *-ы-*, т. е. вместо нормативного орфографического *мүйын* обычное произношение — *мүн* (GEN), вместо *мүйым* — *мүм* (ACC), вместо *мүйыштö* — *мүштö* (INE), вместо *мүйшкö* — *мүшкö* (ILL). Таким образом, тип склонения слов с такой основой (на уровне орфоэпии, но не орфографии) — как у слов с конечным ударным гласным.

⁴ Заметим также, что краткие формы иллатива для слов с конечным ударным гласным (здесь *солáш* ‘в деревню’ и *күтүш* ‘в стадо’) совпадают с формами латива (омонимия падежных форм), поэтому приведенные выше числа (493 и 167 соответственно) обозначают лишь приблизительное количество вхождений форм иллатива в [КМЯ]. Тем не менее мы считаем эти данные достаточно показательными, поскольку, как позволяет судить анализ контекстов, формы латива в [КМЯ] в целом встречается гораздо реже, чем краткие формы иллатива.

⁵ Сомнения по поводу ударности этого суффикса возникают относительно некоторых русских заимствований, малоупотребительных в марийском языке, например *ралли* — *ра́ллиэш* (?) / *раллиэш* (?) / *ра́ллиш* (?)

‘ядро’ — *ядро́шш*, *изи́* ‘маленький’ — *изи́шш* ‘в маленьком’, *күтү́* ‘стадо’ — *күтү́шш* ~ *күтү́шш* ‘в стаде’⁶. При основе слова на ударный *-e* происходит стяжение гласного основы (*e*) и суффикса (*e*) в один звук, передаваемый графемой «е»: *кафе́* ‘кафе’ — *кафе́шш* ‘в кафе’ (но не **кафе́шш*);

— при основе на безударный гласный — он усекается, и к последнему согласному основы присоединяется падежный суффикс *-ешш*, например: *кóрно* ‘доро́га’ — *кóрне́шш* ‘в дороге’ (LAT); *кү́ртньö* ‘железо’ — *кү́ртне́шш* ‘в железе’, *ва́че* ‘плечо’ — *ваче́шш* ‘на плече’ и т. д. В «русских исключениях» конечный безударный гласный сохраняется (кроме *-e*), и к нему присоединяется суффикс *-эшш*, например: *фóто* — *фóтоэ́шш* ‘на фотографии’ (2), *ра́дио* — *ра́диоэ́шш* ‘на радио’; но *кóфе* — *кофе́шш* ‘в кофе’. Эти заимствования в обстоятельственном падеже очень редки, в [КМЯ] отмечены единичные фиксации;

— при основе на согласный — в лативе падежный суффикс *-ешш*, например: *сурт* ‘хозяйство’ — *сурте́шш* ‘в хозяйстве’; *пóрт* ‘дом’ — *пóрте́шш* ‘в доме’. При этом, если основа заканчивается на мягкий знак, в форме обстоятельственного падежа он не пишется, например: *сире́нь* ‘сирень’ — *сирене́шш* ‘в сирени’, *печа́ть* ‘печатать’ — *печате́шш* ‘в печати’ [МОМ 2011: 10]. Если основа заканчивается на *-й*, сочетание конечного согласного и падежного аффикса *-йешш* [jɛʃ] графически записывается как *-ешш*, например: *вуй* ‘голова’ — *вуйе́шш* (LAT), но не *вуйешш.

В остальных косвенных падежах литературного языка (в дативе, комитативе, симилиативе) а также в абессиве падежные маркеры — *-лан*, *-ге*, *-ла* и *-де* (*-дегече*, *-дегеч*) соответственно — присоединяются к основе слова однотипно.

Основы на ударный гласный и на согласный не претерпевают никаких изменений по сравнению с формой в номинативе, например: *книга́* ‘книга’ — *книгалáн* ~ *книгалáн* ‘книге’ — *книгагэ́* ‘с книгой’ — *книга́ла* ‘как книга’ — *книгаде́* ~ *книгадегэ́ч(е)* ‘без книги’; *вүр* ‘кровь’ — *вүрлáн* ~ *вүрлáн* ‘крови (DAT)’ — *вүргэ́* ‘с кровью’ — *вүрла́* ‘как кровь’ — *вүрдэ́* ~ *вүрдегэ́ч(е)* ‘без крови’⁷.

При основе на безударный гласный этот гласный переходит в *ы* (в «русских исключениях» сохраняется без изменений, как и ударный гласный): *ка́че* ‘жених’ — *качы́лáн* ~ *качы́лан* ‘жениху’ — *качыгэ́* ‘с женихом’ — *качы́ла* ‘как жених’ — *качыде́* ~ *качыдегэ́ч(е)* ‘без жениха’; *кóфе* ‘кофе’ — *кофелáн* ~ *кофелáн* ‘кофе (DAT)’ — *кофегэ́* ‘с кофе’ — *кофела́* ‘как кофе’ — *кофедэ́* ~ *кофедегэ́ч(е)* ‘без кофе’.

У этих падежей есть свои орфоэпические особенности на уровне ударения:

— в дативе ударение колеблется: может переходить на падежный суффикс *-лáн*, но может и оставаться на том же гласном основы слова, что и в номинативе;

— в симилиативе — при любой основе падежный суффикс *-ла*, он безударный;

— в комитативе — при любой основе падежный суффикс *-гэ́*, он обязательно под ударением;

— в абессиве — ударение *-де́*, *-дегэ́ч*, *-дегече́*, (как в отрицательных деепричастиях с этим показателем) [Куклин 2013: 126—129, 145].

Специфика склонения в луговых говорах проявляется в основном на уровне вокализма безударных слогов.

Западные говоры лугового наречия (волжский и йошкар-олинский) отличаются от литературного языка и моркинско-сернурского говора системой гласных звуков — наличием трех редуцированных: *ы*, *ү* (*ö*)⁸, *й* [Иванов 1981: 37—39, 43—45], тогда как в моркинско-сернурском говоре (и в литературном языке) только один редуцированный — неогубленный *ы*⁹. В склонении редуцированные звуки, согласно описанию выше, находятся на стыке основы слова и падежного аффикса в ACC, GEN, INE, ILL — при основе на согласный или безударный гласный; в DAT, COM, SIM, ABE — при основе на безударный гласный. В моркинско-сернурском говоре и литературном языке в этих позициях всегда выступает звук *ы*, а в за-

⁶ Какими фонетическими признаками основы определяется сохранение и/или отсечение конечного ударного гласного, не вполне ясно, в литературе этот вопрос не рассматривается. В [СМЯ 1961: 56] содержится лишь указание, что в словах с основой на ударный *-у* этот гласный сохраняется. Формы латива без стечения гласных (например, *солашш*, *пасушш*, *күтүшш* в приведенном выше ряду примеров) считаются более разговорными, просторечными.

⁷ В этом и следующем абзаце приводятся некоторые слова в абессиве, не зафиксированные в [КМЯ] ввиду редкости данных падежных форм (абессив не входит в число падежей литературного языка), но они соответствуют правилам грамматики лугового наречия марийского языка.

⁸ Записи *ү* и *ö* эквиваленты. В отечественной диалектологической литературе на основе кириллицы для записи огубленного редуцированного обычно использовалась графема *һ*, в материалах Э. Беке на основе латиницы — запись *ø* [Веке 1997—2001] или наклоненное «o» [Веке 1957, I; 1961, III; 1961, IV]. Звуки *ы* и *ү* в записи на основе латиницы передаются как *ə* и *ɯ* соответственно.

⁹ Лабиализованные редуцированные фонемы *ү*, *й* встречаются и в моркинско-сернурском говоре, но лишь факультативно «в примыкающих к волжскому и йошкар-олинскому говорам селениях» [МСГМЯ 2012: 12].

падных говорах лугового наречия вместо него может быть *ÿ*, *ÿ̃*, что определяется лабиальной и палатальной гармонией гласных. Если в основе слова гласный *ÿ* — на стыке основы и падежного аффикса в западных говорах тоже будет *ÿ*, если в основе *ÿ̃* — в рассматриваемой позиции *ÿ̃* или *ÿ̄* (непереднеязычный *ÿ* после основы на *ÿ̃* характерен для волжского говора [Грузов 1965: 144]). Примеры: зап. Л *лÿмÿн* ‘снег-GEN’ — литер. *лумын*, зап. Л *кÿртньÿм* и волж. *кÿртньÿм* ‘железо-ACC’ — литер. *кÿртньым*. Если в основе слова огубленные полного образования (*о, у, ъ, ы*) или неогубленные гласные — в западных говорах в падежном аффиксе звук *ы*, как в литературном языке. Но если огубленный звук полного образования в основе выступает в сочетании с губным согласным (*в, м, п, б*), то и в падежном аффиксе выступает огубленный редуцированный звук *ÿ* или *ÿ̃* (литер. *ы*), например: зап. Л *тупÿшко* ‘спина-ILL’ — литер. *тупышко*. Данные правила сингармонизма четко сформулированы для волжского говора в [Лаврентьев 1966: 181—185]. В йошкар-олинском гармония гласных устроена в целом аналогично, хотя детально не описана [Казанцев 1965: 5; Иванов 1981: 37—43].

2. Падежная система в [Начатки]

В [Начатки] представлены практически все падежи лугового наречия (включая аблатив, не применяющийся в литературном языке) и есть один пример местоимения в каузативе (падеже, известном в северо-западном и горном наречии, но не в луговом). Показатели литературных падежей в целом соответствуют литературной норме, однако наблюдаются отличия на уровне фонетики, графики и системы ударений.

В [Начатки] система букв для гласных звуков включает графемы: *а, о, у, е, э, ь, и, i, ió, iу, iю, ю, iу, v, v̂, ы, ы̂, я*. Специфический гласный *ö* марийского языка обычно передается графемой «iö», звук *ÿ* — графемами «ю», «iö», «iу», «iю», «iю», звук *ы* — графемами «ы», «ы̂», хотя может обозначаться и другими буквами (например, «е», «э», «а»). Отдельных графем для передачи огубленных редуцированных звуков (зап. Л *ÿ* и *ÿ̃*) в [Начатки] нет. Однако исходя из этого нельзя утверждать, что в говоре, лежащем в основе [Начатки], огубленные редуцированные совершенно отсутствуют. Логично ожидать, что они могли отражаться графемами, соответствующими гласным полного образования: буквами «о», «у» — звук *ÿ*, буквами «ю», «iö» — звук *ÿ̃*. В частности, если в тесте [Начатки] в рассматриваемой позиции (на стыке основы слова и падежного суффикса) окажутся графемы «о», «у», «ю», «iö», они достаточно надежно укажут на огубленный характер редуцированного (?) звука, как в западных луговых диалектах, вместо литер. и морк.-серн. *ы*. Учтем эти предварительные соображения в последующем анализе вокализма падежных суффиксов в [Начатки]: к примерам слов из памятника в дальнейшем изложении приводятся соответствия из литературного языка и волжского говора (когда форма волжского говора совпадает с литературной — только литературный вариант). Соответствия из йошкар-олинского говора не приводятся из следующих соображений. В йошкар-олинском говоре фонетика падежных аффиксов в основном совпадает с волжской (на уровне гласных звуков), однако йошкар-олинский говор имеет принципиальное отличие от двух других говоров лугового наречия на уровне консонантизма: в нем, как и в северо-западном наречии, отсутствует аффриката *ч*, и волж. и морк.-серн. *ч* всегда соответствует йошк. *ц*. (В моркинско-сернурском и волжском говорах, напротив, отсутствует аффриката *ц*.) В [Начатки] в системе согласных имеется буква *ч* и отсутствует *ц* (кроме как в заимствовании *церьке* ~ *церке* ‘церковь’), что исключает йошкар-олинский говор как возможную диалектную основу данного памятника.

2.1. Именительный падеж (номинатив)

Именительный падеж в [Начатки], как и в литературном языке, характеризуется нулевым аффиксом. В [Начатки] форма номинатива засвидетельствована примерно у 340 существительных, например: *аутань* ‘петух’ — литер. *агытан*, волж. *агүтан, авытан, сÿкÿрь* ‘хлеб’ — литер. *сÿкыр* ‘каравай, буханка’, волж. *сÿкÿр, киндэ* ‘хлеб’ — литер. *кинде, омасà* ‘дверь’ — литер. *омсá*, волж. *омасá, тиль* ‘облако’ — литер. *пыл*, волж. *пил, сортà* ‘свеча’ — литер. *сортá, таныкъ* ‘свидетель’ — литер. *таныкъ, кудалдэмашь* ‘оставление’ — литер. *кудалтымáш, возiомáшь (сирьмáшь)* ‘писание’ — литер. *возымáш (серымáш)*, волж. *воз’ымáш (воз’аш, сираш* ‘писать’), *кэдъ* ‘рука’ — *кэдъ* — литер. *кид*, волж. *кыд, шидарь* ‘звезда’ — литер. *шÿдыр*, волж. *шыдыр* и т. д.

2.2. Винительный падеж (аккузатив)

Показателем аккузатива в [Начатки] является *-мь* для слов с основой на гласный звук (литер. *-м*) и суффиксы *-омь, -умь, -юмь, -емь, -эмь, -имь, -амь, -ямь* — для слов с основой на согласный (литер. *-ым, зап. Л -ым, -ÿм, -ÿ̃м*).

Суффикс аккузатива (и генитива) всегда пишется слитно со словом, ударение в слове сохраняется на том же месте, что и в номинативе¹⁰. Графически конечный согласный суффикса в этих падежах замыкается в [Начатки] твердым знаком в соответствии с правилами орфографии русского языка времени создания памятника.

Отличия от литературной нормы наблюдаются на уровне фонетики.

Для слов с основой на ударный гласный их в аккузативе нет. Примеры: *Авѣмъ* 'мать' — литер. *авѣмъ*, *азѣмъ* 'младенца' ~ *Азѣмъ* — литер. *азѣмъ*, *аракѣмъ* 'вино' — литер. *аракѣмъ*, *Ачѣмъ* 'отца' ~ *ачѣмъ* ~ *Ачѣмъ* ~ *атѣмъ* — литер. *ачѣмъ*, *вимъ* (NOM *ви*) 'силу' — литер. *виѣмъ* (NOM *виѣ*), разг. *вимъ*, *вѣрѣмъ* 'веру' ~ *Вѣрѣмъ* — литер. *верѣмъ*, *иѣмъ* 'чѣрта' — литер. *иѣмъ*, *колоткѣмъ* 'гроб' — литер. *колоткѣмъ*, *коркѣмъ* 'ковш' — литер. *коркѣмъ*, *Кугарнѣмъ* 'пятницу' — литер. *кугарнѣмъ*, *Кугужѣмъ* 'царя' ~ *кугужѣмъ* — литер. *кугужѣмъ*, *кулмарѣмъ* 'рабыню' — литер. *кулмарѣмъ*, *кюмъ* 'камень' — литер. *кюмъ*, *кютумъ* 'стадо' — литер. *кютумъ*, *Мариѣмъ* 'Марию' — литер. *Мариямъ*, *молитвѣмъ* 'молитву' — литер. *молитвѣмъ*, *мюмъ* (NOM *мю*) 'мед' — литер. *мюѣмъ* (NOM *мюѣ*) ~ разг. *мюмъ*, *оксѣмъ* 'деньги' — литер. *оксѣмъ*, *олѣмъ* 'город' — литер. *олѣмъ*, *патѣмъ* 'ягненка' — литер. *пачѣмъ*, *пашѣмъ* 'работу' — литер. *пашѣмъ*, *письмѣмъ* 'письмо' — литер. *письмѣмъ*, *пумъ* 'дрова' — литер. *пумъ*, *Рушарнѣмъ* 'воскресенье' — литер. *рушарнѣмъ*, *саскѣмъ* 'плоды' ~ *саскѣмъ* — литер. *саскѣмъ*, *тунѣмъ* 'мир' — литер. *тунѣмъ*, волж. *тунъ* 'д'ж'ѣмъ, *тунѣмъ*, *шиндѣмъ* 'глаз(а)' — литер. *шиндѣмъ*, волж. *шынъ* 'д'ж'ѣмъ.

При основе на безударный гласный этот гласный сохраняется¹¹, а не переходит в редуцированный *ы*, как почти во всех соответствующих случаях в литературном языке. Примеры: *вѣлгодомъ* 'свет' — литер. *вѣлгыдымъ*, *мѣромъ* 'миро' — литер. *мѣромъ*, *мѣромъ* 'песню' — литер. *мѣрымъ*, волж. *мѣрумъ*, *ойгомъ* 'горе' — литер. *ойгымъ*, *пѣромъ* 'добро' — литер. *пѣрымъ*, волж. *пѣрымъ*, *родомъ* 'родню' — литер. *родымъ*, *шурномъ* 'хлеб (ниву)' — литер. *шурнымъ*; *ватѣмъ* 'жену' — литер. *ватымъ*, *икшебѣмъ* 'ребенка (детей)' — литер. *икшевымъ*, *кѣчемъ* 'солнце' — литер. *кѣчимъ*, *кѣндѣмъ* 'хлеб' — литер. *кѣндымъ*, *мѣнгемъ* 'столб' — литер. *мѣнгымъ*, *мюляндѣмъ* 'землю' — литер. *мляндымъ*, волж. *мюляндымъ*, *мюляндымъ*, *пушѣнгемъ* ~ *пушѣнгемъ* 'дерево' — литер. *пушѣнгымъ*, *тыльземъ* 'месяц' — литер. *тыльземъ*, волж. *тыльдъ* 'ж'ѣмъ, *тыльчимъ*, *тыльдъ* 'ж'ѣмъ¹², *тыльчимъ*, *Цѣрькѣмъ* ~ *цѣрькемъ* ~ *Цѣрькемъ* 'церковь' — литер. *цѣркымъ*, *шумѣтъ* *кѣчемъ* 'субботу' — литер. *шумѣткѣчимъ*, *ѣргѣмъ* 'сына' ~ *ѣргѣмъ* — литер. *ѣргымъ*, *ѣлмѣмъ* ~ *ѣлмѣмъ* 'язык' — литер. *ѣлмымъ*; *Азѣриѣмъ* 'Азарию' ~ *Азѣриѣмъ* — литер. *Азѣриямъ*, *ѣвамъ* 'Еву' — литер. *ѣвамъ*, *манѣтамъ* 'монету' — литер. *оксѣмъ*, разг. *манѣтымъ*, *Мессѣмъ* 'Мессию' — литер. *Мессѣмъ*, *молитвѣмъ* 'молитву' — литер. *молитвѣмъ*, разг. *молитвѣмъ*, *обѣдамъ* 'обиду' — литер. *обѣдемъ*, разг. и литер. мар. Г *обѣдамъ*, *Пѣсхамъ* 'Пасху' — литер. *Пѣсхамъ*, *сѣрствѣмъ* 'царство' — литер. *кугыжѣмъ* *нѣшымъ*, разг. *цѣрствѣмъ*; *ковѣнѣмъ* (NOM *ковѣнѣ*) 'говенье' — литер. мар. Г *ковѣнѣмъ*.

В отдельных случаях встречается переход безударного конечного гласного основы в *а* (литер. *ы*): *кѣшкѣмъ* 'змею' — литер. *кѣшкымъ*, волж. *кѣшкымъ* (литер. NOM *кишке*); *причѣсѣмъ* ~ *причѣсѣмъ* 'причастие (ACC)' — литер. *пѣрчѣшымъ*, разг. *причѣстѣмъ* (NOM *причѣстѣ* — литер. *пѣрчѣш*, разг. *причѣстѣ*); *благословѣнѣмъ* ~ *благословѣмъ* 'благословенье (ACC)' — литер. *суапландарѣмъ* *нѣшымъ*, разг. *благословѣнѣмъ*, *благословѣнѣмъ* (NOM *благословѣнѣ*)¹³, *благословѣтлымъ* (NOM *благословѣтлымъ*), *Евангѣлѣмъ* 'Евангелие (ACC)' ~ *Евангѣлѣмъ* — литер. *Евангѣлѣмъ* (NOM *Евангѣлѣ* — литер. *Евангѣлѣ*)¹⁴, *ревизѣмъ* 'ревизию' — литер. *ревизѣмъ* (литер. NOM *ревизѣ*). Но полной уверенности в этом переходе нет, поскольку формы номинатива этих существительных (кроме слов *причѣстѣ* и *Евангѣлѣ*) в [Начатки] отсутствуют¹⁵.

¹⁰ Имеются единичные исключения в словах с вариативным ударением: *молитвѣмъ* 'молитву' ~ *молитвѣмъ* — литер. *молитвѣмъ*.

¹¹ Исключение на уровне графики: конечный безударный *-о* номинатива переходит в графему «у» в аккузативе (литер. *ы*): *кѣрно* 'дорѣга' (NOM) > *кѣрнумъ* 'дорѣгу' (ACC) — литер. *кѣрнымъ*. Вероятно, то же со словом *кушмо* 'растущее', которое в памятнике встречается только в форме аккузатива: *кушмумъ* 'растущее (ACC)' — литер. *кушмымъ*.

¹² Буква «й» здесь и в подобных примерах ниже отражает графему *ј* в транскрипции Э. Беке.

¹³ Ср. NOM *ковѣнѣ* 'говенье'.

¹⁴ Ср. также в других падежах: *Евангѣлѣланъ* 'Евангелие-DAT' — литер. *Евангѣлѣланъ*; *Евангѣлѣмъ* 'Евангелие-INE' — литер. *Евангѣлѣмъ*.

¹⁵ В ряде примеров с притяжательным суффиксом *-же* (POSS.3SG) огласовка суффикса аккузатива через *а* (литер. *ы*) является фактом, но вариативность написания снова указывает на спорадический характер этого фонетического явления: *лѣмъжѣмъ* 'его имя' ~ *лѣмъжемъ* ~ *лѣмъжемъ* — литер. *лѣмъжымъ* (NOM *лѣмъ*), волж. *лѣмъжымъ*, *лѣмъжымъ*, *ѣргѣжѣмъ* 'его сына' ~ *ѣргѣжемъ* ~ *ѣргѣжемъ* — литер. *ѣргѣжымъ* (NOM *ѣрге*), *шѣлѣмъжѣмъ* 'его младшего брата' — литер. *шѣлѣмъжымъ* (NOM *шѣлѣ*).

При основе на согласный звук в [Начатки] гласный звук в суффиксе аккузатива передается практически всеми имеющимися графемами для гласных звуков (литер. только *ы*). При этом достаточно четко проявляет себя лабиальная гармония гласных.

а) При огубленной гласной в последнем слоге основы слова (*о, у, ю* [ү]) в [Начатки] суффиксы *-омь, -умь, -юмь* — литер. *-ым* — зап. Л *-ўм* (*-ўм, -ым*). Примеры¹⁶:

— *-омь*: *идоломь* ‘идола’ — литер. *идоным, кочошомь* ‘еду’ — литер. *кочышым, кўрукомь* ‘гору’ — литер. *курыкым, волж. кўрукўм, мбгуромь* ‘тело’ — литер. *могырым, омонь* ‘сон’ — литер. *омым, волж. омбным, полшомь* ‘помощь’ — литер. *польшым, рокомь* ‘землю’ — литер. *рокым, ўрлукомь* ‘семья’ — литер. *урлыкым, волж. ўрлўкўм, шюлюшомь ~ Шюлюшомь* ‘дух, дыхание’ — литер. *шўлышым, юкомь* ‘звук’ — литер. *йўкым* (аналогично: *Апостоломь, Богословомь, Диакономь, Енохомь, Исусомь, Осподомь, Саўломь, Христосомь*);

— *-умь*: *кўлумь* ‘раба’ — литер. *кулым, кўмулумь* ‘благодать’ — литер. *кумылым, волж. кўмўлўм, люмюмь* ‘имя’ — литер. *лўмым, волж. лўмўм, лўмўм, сарпушумь* ‘военный корабль’ — литер. *сарпўшым, сўртумь* ‘двор, хозяйство’ — литер. *суртым, тўлумь* ‘огонь’ — литер. *тулым, волж. тўлўм, ўшумь* ‘ум’ — литер. *ушым, волж. ўшўм*;

— *-омь ~ -умь*: *закономь ~ закўномь ~ закономь* ‘закон’ — литер. *закономь, сўдукумь ~ сўдукомь* ‘грех’ — литер. *сулыкым*.

Исключения: огубленный *ю* [ү], *й* [й], *о* в основе — но суффикс *-емь, -эмь, -амь, -ямь*: *йшкюжемь* ‘вола’ — литер. *йшкыжым, волж. йшкўжым, Нозь* ‘Ноя’ — литер. *Нойым, Осподямь* ‘Господа’ — литер. *Господьым, чо́намь* ‘душу’ — литер. *чоным*¹⁷.

В ряде слов губная гармония гласных выстраивается не по последнему, а по первому гласному основывы. В первом слоге *о, у, ю* [ү], *и* [й] — суффикс аккузатива *-омь*: *Йоанномь* ‘Иоанна’ — литер. *Йоанным, ковчегомь* ‘ковчег’ — литер. *ковчегым, бипомь* ‘изображение’ — литер. *ойытым, окшакомь* ‘хромого’ — литер. *окшакым, осаломь* ‘плохое’ — литер. *осалым, шомаккомь* ‘слово’ — литер. *шомакым; сюретомь ~ сюретамь* ‘картину’ — литер. *сўретым, шигаромь* ‘могилу’ — литер. *шўгарым, волж. шўгарым, изигаромь* ‘вещь, инструмент’ — литер. *ўзгарым, волж. ўзгарым*.

б) При неогубленной гласной в последнем слоге основы слова (*е, э, ы, и, а, я*) в [Начатки] суффиксы *-эмь, -емь, -амь* (после твердых согласных), *-имь, -ямь* (после мягких согласных)¹⁸ — литер. и диал. *-ым*. Примеры:

— *-эмь, -емь*: *Авелемь* ‘Авеля’ — литер. *Авелем, айдэмемь* ‘человека’ ~ *айдэмэмь* — литер. *айдемьым, вэремь* ‘место’ — литер. *верым, рэсэмь* ‘крест’ — литер. *ыресым, тэргэземь* ‘беспокойство’ — литер. *тургыжым, шытышемь* ‘росток’ — литер. *шытышым, эрыкэмь* ‘волю (свободу)’ — литер. *эрыкым, пиликшемь* ‘ухо (уши)’ — литер. *пылышым, волж. пылыкшым, пылышым, пйлыкшым, тэнгизэмь* ‘море’ — литер. *тенгызым, куатэмь* ‘силу’ — литер. *куатым, юмопундашемь* ‘небо (подножие Бога)’ — литер. *юмын пундашым, рашемь* ‘ясность’ — литер. *рашым, чэсемь* ‘честь’ — литер. *чесым, илижмашемь* ‘оживание’ — литер. *ылыжмашым, кудалдэмашемь* ‘оставление’ — литер. *кудалтымашым, волж. кудалдымашым, кўдалдымашым, кўдалтымашым, кырмашемь* ‘избиение’ — литер. *кырмашым, полишемашемь* ‘помощь’ — литер. *полишымашым, тынялмашемь* ‘начало’ — литер. *тўнгалмашым* (волж. *тўнгалаш* ‘начинать’), *Княземь* ‘князя’ — литер. *князьым*;

— *-эмь ~ -амь*: *кэдэмь* ‘руку’ ~ *кэдамь* — литер. *кидым, волж. кыдым*;

— *-амь*: *внечамь* ‘венец’ — литер. *венецым, мардэжамь* ‘ветер’ — литер. *мардежым, йнгамь* ‘человека’ — литер. *еным, волж. йынгомь, чапамь* ‘славу’ — литер. *чапым, шинджаламь* ‘соль’ — литер. *шинчалым, волж. шын’д’ж’алым*;

¹⁶ Далее в примерах литературной и диалектной лексики ударения не проставляются, если они не отличаются от ударений в [Начатки].

¹⁷ Ср. также следующие вариативные написания (лабиальная гармония то соблюдается, то нарушается): *вюдамь ~ вюдумь ~ вюдамь* ‘воду’ (по одному словоупотреблению) — литер. *вўдым, волж. вўдўм, вўдўм*; аналогично *вургэмомь ~ вургэмомь ~ вургэмэмь* ‘одежду’ — литер. *вургемым* (нестабильная лабиальная гармония по первому гласному основы).

¹⁸ Но мягким согласным *-ш’, -р’* в конце основы существительных в [Начатки] всегда соответствуют твердые *-ш, -р* литературного языка и луговых диалектов [Веке 1997—2001]. Согласно исторической грамматике марийского языка, фонема *ш’* в марийском и не существовала [Грузов 1965: 150]. Однако огласовка существительных с конечными *-шь, -рь* в аккузативе и генитиве через *и, я* (о генитиве см. п. 2.3) указывает, что создатели [Начатки] имели вполне четкое представление о мягкости конечных согласных в этих словах. О палатальности согласных в памятниках марийской письменности (при твердых соответствиях в литературном языке) см. также в [Ключева 2017а: 113—117].

— **-емъ ~ -имъ**: *ѝлишимъ ~ ѝлишемъ* ‘жизнь’ — литер. *иышым, колма́шимъ ~ колма́шемъ* ‘смерть’ — литер. *колымашым, пума́шемъ* ‘дар’ ~ *пума́шимъ* — литер. *пуымашым, шонма́шимъ* ‘мысли’ ~ *шонма́шемъ* — литер. *шонымашым*;

— **-имъ**: *ши́имъ* ‘серебро’ — литер. *шийым, io^дуряма́шимъ* ‘женщину’ — литер. *удыра́машым, волж. љдуря́машым, љдуря́машым, љдуря́машым*, аналогично во множестве отглагольных существительных на *-машь* (литер. *-маш*): *возі́ома́шимъ* ‘писание’ — литер. *возы́машым, волж. воз’ымашым, ильма́шимъ* ‘жизнь’ — литер. *иы́машым, ѝчутэ́ма́шимъ* ‘месть’ — литер. *ѝчым, кудалдэ́ма́шимъ* ‘оставление’ — литер. *кудалты́машым, кумалма́шимъ* ‘моление’ — *кумалмашым, кюштэ́ма́шимъ* ‘веление’ — литер. *кѝшты́машым, пунда́шимъ* ‘дно’ — литер. *пундашым, сирьма́шимъ* ‘писание’ — литер. *серы́машым* (волж. *сираш, с’ераш* ‘писать’), *сі́орма́шимъ* ‘обещание’ — литер. *сѝры́машым, сэрма́шимъ* ‘раздражение’ — литер. *сыры́машым, тэ́нэш пурма́шимъ* ‘крещение (< креститься)’ — литер. *тынеш пуры́машым, тэ́нэш пуртэ́ма́шимъ* ‘крещение (< крестить)’ — литер. *тынеш пурты́машым, тыниктэ́ма́шимъ* ‘учение’ — литер. *туныкты́машым* (волж. *тѝн’ыкташ, тѝнѝ’кташ* ‘учить’), *утарма́шимъ* ‘спасение’ — литер. *утары́машым, ѝндырма́шимъ* ‘страдание’ ~ *ѝндырма́шимъ* — литер. *индыры́машым* (волж. *ындыраш* ‘мучить’), *ѝнгшэ́ма́шимъ* ‘смирение’ — литер. *ѝнгы́шеммым, юшанма́шимъ* ‘надежду’ — литер. *ѝшанымашым*;

— **-ямъ**: *Аза́ріямыъ* ‘Азария’ — литер. *Азари́ым, Ана́ніямыъ* ‘Анания’ — литер. *Ананийым, Ева́нгелиямыъ* ‘Евангелие’ — литер. *Евангели́ым, Ра́ямыъ* ‘рай’ — литер. *райым; тэ́рямыъ* ‘истину’ ~ литер. *тѝрым, увэ́рямыъ* ‘новость’ — литер. *уверым, че́рямыъ* ‘болезнь’ — литер. *черым, вѝорямыъ* ‘кровь’ — литер. *вѝрым, волж. вѝрѝм, вѝрѝм, љдурямыъ* ‘деву’ — литер. *удырым, волж. љдурѝм, љдурѝм*.

В одном примере в первом слоге *я* — суффикс аккузатива *-эмъ*: *Святѝ́оэмыъ* ‘Святого’ — литер. *святойым*, т. е. здесь гармония гласных по первому слогу основы.

Случаи несоответствия лабиальной гармонии в словах с неогубленными гласными в корне — все в заимствованиях из русского и тюркских: неогубленный *е, љ, и, а, я, ы* в основе — но суффикс аккузатива **-ом** (литер. *-ым*): *завѝ́томыъ* ‘завет’ — литер. *заветы́м, ка́икомыъ* ‘птицу’ — литер. *кайы́кым, ка́лыкомыъ* ‘народ’ — литер. *калыкым, парэ́момыъ* ‘праздник’ — литер. *пайре́мым, пия́ломыъ* ‘счастье’ — литер. *пи́алым, санда́лыкомыъ* ‘мир, вселенную’ — литер. *санда́лыкым, сія́номыъ* ‘вред’ — литер. *зия́ным, тазáлыкомыъ* ‘здоровье’ — литер. *тазала́кым, тита́комыъ* ‘вину’ — литер. *тита́кым, ча́помыъ* ‘славу’ — литер. *ча́пым, шидáнгомыъ* ‘пшеницу’ — литер. *шыда́ным, я́зыкомыъ* ‘грех’ — литер. *су́лыкым, волж. язы́кым, я́цикомыъ* ‘ящик’ — литер. *яшлы́кым*, аналогично *Иерусали́момыъ* и в личных именах: *Авраáмомыъ, Ада́момыъ, Галиáфомыъ, Дави́домыъ, Исаáкомыъ, Исáвомыъ, Миса́иломыъ, Пэ́тромыъ, Савло́мыъ, Саму́иломыъ, Сі́оомыъ, Стефа́номыъ*.

Формы аккузатива с огубленными гласными в основе слова в [Начатки] вполне четко указывают на фонетику западных говоров лугового наречия. В этих формах, как мы и предполагали, на стыке основы слова и падежного суффикса графемы «о», «у» соответствуют огубленному редуцированному звуку *ѝ* волжского и йошкар-олинского говоров (литер. *ы*), а графема «ю» — звуку *ѝ* (литер. *ы*). Графемы «о», «у» в падежном аффиксе при «ю» в основе в примерах *вѝ́оомыъ ~ вѝ́оомыъ* ‘воду’ в [Начатки] определенно указывают на волжский говор, где встречается заднеязычный *ѝ* в падежном аффиксе при переднеязычном огубленном *ѝ* в основе (волж. *вѝ́дѝм, литер. вѝ́ды́м*).

Неоформленный винительный падеж¹⁹, т. е. с нулевым аффиксом, совпадающий с номинативом, в [Начатки] не обнаружен.

2.3. Родительный падеж (генитив)

Показателем генитива в [Начатки] является *-нъ, -(а)нъ* для слов с основой на гласный звук (литер. *-н*) и *-анъ, -янъ, -енъ, -энъ, -инъ* для слов с основой на согласный (литер. *-ын, зап. Л -ын, -ѝн, -ѝн*). По акцентуации показатель генитива аналогичен аккузативу.

Слова с основой на ударный гласный в генитиве в [Начатки] представлены следующими примерами: *Ава́нъ* ‘матери’ — литер. *аван, Ача́нъ* ‘отца’ ~ *ача́нъ ~ ача́нъ ~ Ачи́нъ* — литер. *ачан, вѝра́нъ* ‘веры’ ~ *Вѝра́нъ* — литер. *веран, ія́нъ* ‘чёрта’ — литер. *иян, кугужа́нъ* ‘царя’ — литер. *кугы́жан, Мари́янъ* ‘Марии’ — литер. *Мария́н, ола́нъ* ‘города’ — литер. *олан, пурса́нъ* ‘гороха’ — литер. *пурсан, волж. пырсан, пѝрсан*. Фонетических отличий от литературной нормы в этих формах (в суффиксах генитива) нет.

В существительных с основой на безударный гласный в генитиве он либо: а) сохраняется, как в номинативе (тот же принцип, что был в аккузативе); б) либо переходит в *а* (литер. соответствующие *ы*). Примеры:

¹⁹ О неоформленном винительном падеже в марийском языке см. [Галкин 1964: 45—46].

а) *айдэмень* ‘человека’ ~ *айдэмэнь* ~ *айдэмэнь* — литер. *айдемын, ватэнь* ‘жены’ — литер. *ватын, мяляндэнь* ‘земли’ — литер. *мландын, волж. мўл’андын, мўландын, пушёнгенъ* ~ *пушёнъгэнь* ‘деревя’ — литер. *пушенгын, Сэгченъ* ‘ангела’ — литер. *суксын, волж. сакчын, Эргэнь* ~ *эргэнь* ‘сына’ — литер. *эргын; Трѳицанъ* ‘Троицы’ — литер. *Троицын, моли́тванъ* ‘молитвы’ (NOM *молитва* ~ *моли́тва*) — литер. *молитван, Гуданъ* ‘Иуды’ — литер. *Иудан* (rus excl.);

б) **-V (-о, -е) > -а-**: *во́лгоданъ* ‘света’ (NOM *во́лгодо*) — литер. *волгыдын, пу́ранъ* ‘добра’ (NOM *пуро*) — литер. *порын, волж. пурын, Юманъ* ‘бога’ (NOM *Юмо*) — литер. *юмын, волж. юмўн, кы́шканъ* ‘змеи’ — литер. *кишкын, волж. кышкын, Церьканъ* ‘церкви’ (NOM *цёрьке* ~ *Церьке*) — литер. *черкын* (NOM *черке*).

В существительных с основой на твердый согласный суффикс генитива *-анъ* или *-энь* (значительно реже, только в библейских именах):

— **-анъ**: *аканъ* ‘цены’ — литер. *акын, Вениаминанъ* ‘Вениамина’ — литер. *Вениаминын, во́ликанъ* ‘скота’ — литер. *вольыкын, Дани́ланъ* ‘Даниила’ — литер. *Данилын, Иерусалиманъ* ‘Иерусалима’ — литер. *Иерусалимын, Исусанъ* ‘Иисуса’ — литер. *Иисусын, йн́ганъ* ‘человека’ — литер. *енгын, волж. ѳйнгын, Иосифанъ* ‘Иосифа’ — литер. *Иосифын, Ироданъ* ‘Ирода’ — литер. *Иродын, Завѳтанъ* ~ *завѳтанъ* ‘завета’ — литер. *заветын, Каинанъ* ‘Каина’ — литер. *Каинын, калыканъ* ~ *калыкканъ* ‘народа’ — литер. *калыкын, осаланъ* ‘зла’ — литер. *осалын, Пилатанъ* ‘Пилата’ — литер. *Пилатын, по́панъ* ‘попá’ — литер. *попын, рэсанъ* ‘креста’ — литер. *ыресын, сандáлыканъ* ~ *Сандáлыканъ* ‘мира (вселенной)’ — литер. *сандалыкын, Сауланъ* ‘Саула’ — литер. *Саулын, Сима́нъ* ‘Сима’ — литер. *Симын, Симво́ланъ* ~ *Сумво́ланъ* ‘символа’ — литер. *симво́лын, Си́ванъ* ‘Сифа’ — литер. *Сифын, Суксанъ* ‘ангела’ (NOM *суксь* ~ *Суксь*) — литер. *суксын* (NOM *суксо*), *урлуканъ* ‘рода (семени)’ — литер. *урлыкын, волж. урлукўн, Фараонанъ* ‘фараона’ — литер. *фараонын, Христосанъ* ‘Христа’ — литер. *Христосын, Шюлюшанъ* ‘духа’ ~ *шюлюшанъ* ‘духа’ — литер. *шўлышын*;

— **-энь, -енъ**: *Авраамэнь* ‘Авраама’ — литер. *Авраамын, Адамэнь* ‘Адама’ — литер. *Адамын, Давидэнь* ‘Давида’ — литер. *Давидын, Иаковэнь* ‘Иакова’ — литер. *Иаковын, Саму́илэнь* ‘Самуила’ — литер. *Самуилын*.

В существительных с основой на мягкий согласный (*р’, л’, й*) суффикс генитива — *-янъ*, реже (тоже только в библейских именах) — *-енъ, энъ*. Примеры:

— **-янъ**: *Авелянь* ‘Авеля’ — литер. *Авельын, Осподянь* ~ *Осподянь* ~ *Осподянь* ‘Господа’ — литер. *Господьын, Иессеянь* ‘Иессея’ — литер. *Иессейын, Левиянь* ‘Левия’ — литер. *Левийын, Моисеянь* ‘Моисея’ — литер. *Моисейын, Мюшкюрянъ* ‘живота’ — литер. *мўшкырын, волж. мўшкўрын, мўшкўрун, Раянь* ‘рая’ — литер. *райын, тэрянъ* ‘истины’ — литер. *тэрын, Юдурянъ* ‘девы’ — литер. *удырын, волж. удўрун, удўрун*;

— **-енъ, -энь**: *Алфээнъ* ‘Алфея’ — литер. *Алфейын, Изра́илень* ‘Израиля’ — литер. *Израильын, Лазаренъ* ‘Лазаря’ — литер. *Лазарьын, Но́энъ* ‘Ноя’ — литер. *Нойын*;

— **-инъ** (в отглагольных существительных на *-машь* (литер. *-маши*): *ильма́шинъ* ‘жизни’ — литер. *ильмашын, палма́шинъ* ‘познания’ — литер. *палымашын, утарма́шинъ* ‘спасения’ — литер. *утарымашын*, и с вариативным написанием: *пумáшинъ* ‘дара’ ~ *пумáшинъ* — литер. *пумáшын*).

Таким образом, в сравнении с аккузативом, в аффиксах генитива совсем не встречаются огубленные гласные *о, у, ю*. Генитив и аккузатив не являются в [Начатки] фонетически подобными падежами, в отличие от литературного языка и современных говоров (насколько мы можем о них судить).

2.4. Дательный падеж (датив)

В [Начатки] суффикс датива всегда *-лан* (литер. *-лан*), например: *ияланъ* ‘чёрту’ — литер. *иялан, онгаланъ* ‘доске’ — литер. *онгалан, Нойланъ* ‘Ною’ — литер. *Нойлан, Юдурьланъ* ‘деве’ ~ *Юдурьланъ* — литер. *удырлан, волж. удўрлан, удўрлан, Пётрьланъ* ‘Петру’ — литер. *Петрлан, Евангелияланъ* ‘Евангелию’ — литер. *Евангелийлан*.

Отличия употребления показателя датива в [Начатки] от литературной нормы заключаются в следующем:

а) В [Начатки] у существительных он всегда безударен²⁰ — в литературном языке ударение в дативе жестко не нормировано и отражает его лабильность в луговом наречии, в том числе в моркинско-сернурском говоре (ударение может перетягиваться с корня на суффикс датива, но может и оставаться на том же месте, что и в номинативе) [Коведяева 1970: 88]. В волжском говоре, по диалектологическим материалам Э. Беке, аффикс датива перетягивает на себя ударение с предшествующих слогов (*-ла́н*), хо-

²⁰ Исключение — два местоимения: *тыдла́нъ* ‘этому’ — литер. *тидла́н* ~ *ти́длан*, и *тудла́нъ* ‘ему’ ~ *Тудла́нъ* ~ *Тудла́нъ* (1) — литер. *тудла́н* ~ *ту́длан*.

тя в его сборнике встречаются примеры слов в дативе, ударение в которых не проставлено, например: *raǰotniklan^dže* ‘работник-DAT-POSS.3SG’, *kreš-afajlan* ‘крестной матери’ и др. [Веке 1957, I: 513, 474].

б) При основе на безударный гласный этот гласный сохраняется, как в номинативе (литер. *ы*, зап. *Л ы, ү*), например: *Юмолань* ‘богу’ — литер. *Юмылан*, волж. *Юмўлан, вóлгодолань* ‘свету’ — литер. *волгыдылан, мюляндэлань* ‘земле’ — литер. *мландылан*, волж. *мўл’андылан, мўландылан, вáтэлань* ‘жене’ — литер. *ватылан, кечелань* ‘дню’ — литер. *кечылан, сáрствалань* ‘царству’ — литер. *кугыжашылан, царствылан, Ёвалань* ‘Еве’ — литер. *Евалан* (rus excl.).

в) Суффикс датива иногда пишется слитно со словом, как в литературном языке (см. примеры выше, 13 существительных), но чаще раздельно, как послелог: *Ачй лань* ‘отцу’ — литер. *ачийлан, айдэмь лань* ‘человеку’ (НОМ *айдэмь*) — литер. *айдемылан* (НОМ *айдэме*), *урлукь лань* ‘роду’ — литер. *урлыкьлан, волж. ўрлўклан, идоль лань* ‘идолу’ — литер. *идоллан, сёрмашь лань* ‘обещанию’ — литер. *сёрымашьлан, илижмашь лань* ‘воскресению’ — литер. *ылыжмашьлан, Шюлюшь лань* ‘духу’ — литер. *шўлышылан, Ёаковь лань* ‘Иакову’ — литер. *Иаковлан* (аналогично: *Өомá лань, Моисей лань, Ахавь лань, Данийль лань, Мария лань, Ёосифь лань, Елисавета лань, Христось лань, Исусь лань, Апостоль лань, Пророкь лань, Осподь лань*).

Реже применяется запись суффикса датива через дефис: *могурь-лань* ‘телу’ — литер. *могырлан, Фарадонь-лань* ‘фараону’ — литер. *фараонлан, Ровоамь-лань* ‘Ровоаму’ — литер. *Ровоамлан*.

Часто наблюдается вариативность слитного, раздельного и/или дефисного написания этого суффикса в одном и том же слове, например: *цёрькелань* (1 вхождение) ~ *Цёрькелань* (2) ~ *Цёрьке лань* (2) ‘церкви’ — литер. *черкылан, кереметь лань* (2) ~ *кереметь лань* (1) ~ *кереметь-лань* (1) ‘керемету (чёрту)’ — литер. *кереметлан, Авраамь лань* (3) ~ *Авраамь-лань* (5) ‘Аврааму’ — литер. *Авраамлан, Адамь лань* (1) ~ *Адамь-лань* (1) ‘Адаму’ — литер. *Адамлан, эргэлань* (1) ~ *Эргэлань* (7) ~ *эргэ-лань* (1) ‘сыну’ — литер. *эргылан, кугужалань* (1) ~ *Кугужа-лань* (1) ‘царю’ — литер. *кугыжалан, кáлыкь лань* (6) ~ *кáлыкь-лань* (2) ‘народу’ — литер. *калыкьлан*.

Таким образом, показатель датива в какой-то мере воспринимался создателями текста как послелог.

2.5. Местный падеж (инессив)

Показателями инессива в [Начатки] являются суффиксы:

-штэ (для слов с основой на гласный) — литер. и диал. **-ште** (*-што, -штö*);

-уштэ, -ушто, -оштэ, -ошто, -юштэ, -штэ, -эштэ, -ыштэ, -яштэ, -яште, -иштэ, -тэ (для слов с основой на согласный) — литер. **-ыште, -ышто, -ыштö, -те**, зап. *Л -ыште, -ўшто, -ўштö, -ўштö, -те*.

Как и в литературном языке, суффиксы инессива (и иллатива) безударны, записываются слитно со словом²¹. Отличия от литературной нормы — на уровне вокализма.

В существительных с основой на ударный гласный отличия от литературной нормы представлены лишь на уровне графики: в памятнике оборотная буква *-э* — литер. *-е: олаштэ* ‘в городе’ — литер. *олаште, тыньжаштэ ~ тыняштэ* ‘в мире’ — литер. *тўняште*, волж. *тўн’джаште, тўн’аште, молитва штэ* ‘в молитве’ — литер. *молитваште, ойнаштэ* ‘на доске’ — литер. *онаште*, аналогично: *пашаштэ* ‘на работе’, *канагаштэ* ‘в книге’, *яслаштэ* ‘в яслях’, *колаткаштэ* ‘в гробу’, *арняштэ* ‘в неделе’, *кугарняштэ* ‘в пятницу’, *чурйштэ* ‘на лице’.

В словах с основой на безударный гласный этот гласный сохраняется (литер. *ы*, зап. *Л ы, ү, ў*). Гласный суффикса инессива в открытом слоге в абсолютном конце слова всегда *-э*, даже при огубленных гласных в основе слова. Примеры: *кечештэ ~ кечештэ* ‘в день’ — литер. *кечыште, мэнгештэ* ‘в столпе’ — литер. *менгыште, мюляндэштэ ~ мюландэштэ* ‘на земле’ — литер. *мландыште*, волж. *мўл’андыште, мўландыште, Цёрькаштэ ~ цёрькаштэ* ‘в церкви’ — литер. *черкыште, шюргюштэ* ‘в лице (в лицах)’ — литер. *шўргыштö*, волж. *шўргўштö, шўргўштö, кёргйштэ ~ кёргйштэ* ‘внутри’ — литер. *кёргыштö, Евангелияштэ* ‘в Евангелии’ — литер. *Евангелийыште*.

В существительных с основой на согласный звук гармония гласных для конечного открытого слога не регулярная. Но для соединительного гласного между основой и суффиксом инессива сингармонизм в [Начатки] достаточно последовательный; наблюдается соответствие: *о* в последнем закрытом слоге основы — *о* в суффиксе; *у, ю* в последнем слоге основы — *у, ю* в суффиксе (литер. всегда *ы*, в зап. *Л* диалектах — *ы, ү, ў*). Примеры:

²¹ Исключения (запись раздельно или через дефис): *мэнгештэ* ‘в столпе’ — литер. *менгыште, кёргйштэ ~ кёргйштэ* ‘внутри’ — литер. *кёргыштö, юкь-штэ* ‘в звуке’ — литер. *йўкыштö*. В последнем примере, по-видимому в связи с неслитным написанием, отсутствует соединительный гласный между основой слова, заканчивающейся на согласный, и показателем инессива.

— **-ошто, -оштэ** (литер. и диал. *-ышто*): *Вавилоношто* ‘в Вавилоне’ — литер. *Вавилоньшто*, *закношто* ‘в законе’ — литер. *законьшто*, *чоноштэ* ‘в душе’ — литер. *чоньшто*;

— **-ушто, -уштэ, -юштэ** (литер. *-ышто, -ыштө, зап. Л -ўшто, -ўштө, -ўштө*): *тулушто* ‘в огне’ — литер. *тульшто*, волж. *тулўшто, нұрушто* ‘в поле’ — литер. *нурьшто*, волж. *нұрўшто, ўиушто* ‘в уме’ — литер. *ушьшто*, волж. *ўшўшто, сұдушто* ‘в суде’ — литер. *судьшто, курумусто* ~ *курумушто* ‘в веке’ — литер. *курумышто, суртушто* ‘в хозяйстве’ — литер. *суртышто, могоурушто* ~ *могоуруштэ* ‘в теле’ — литер. *могырышто, юдушто* ~ *юдуштокъ* (ЕМРН) ‘в ночи’ — литер. *йўдыштө, йўдыштак*, волж. *йўдўштө, йўдўштө, вюдуштэ* ‘в воде’ — литер. *вўдыштө, волж. вўдўштө, вўдўштө, шюмюштэ* ‘в сердце’ — литер. *шўмыштө, волж. шўмўштө, шўмўштө*.

Эти примеры форм инессива четко указывают на гармонию гласных в позиции на стыке основы и падежного аффикса в [Начатки], как в волжском говоре, и, как и подобные примеры аккузатива (см. выше п. 2.2), подтверждают наличие огубленных редуцированных в говоре, составляющем диалектную основу [Начатки].

При неогубленном гласном в предпоследнем слоге основы (э, е, а, ы, и) соединительный гласный тоже неогубленный (-э-, -ы-, -и-, -я-) и зависит от твердости/мягкости последнего согласного основы. При конечном твердом согласном основы в [Начатки] выступает соединительный гласный э, ы; при конечном мягком согласном основы — и, я (литер. и диал. всегда ы)²². Примеры:

— **-эштэ**: *кэдэштэ* ‘в руке’ — литер. *кыдыште*, волж. *кыдыште, сэдэштэ* ‘в саду’ — литер. *сadyште, адэштэ* ‘в аду’ — литер. *адыште*;

— **-ыштэ**: *ковчэгыштэ* ‘в ковчеге’ — литер. *ковчегыште, Назарэтыштэ* ‘в Назарете’ — литер. *Назаретыште, сандалыкыштэ* ‘в мире (вселенной)’ — литер. *сандалыкыште, жапыштэ* ‘во время’ — литер. *жапыште, улакыштэ* ‘в уединенном месте’ — литер. *улакыште, эрыкыштэ* ‘в воле’ — литер. *эрыкыште, ырыштэ* ‘в пустыне’ — литер. *ырыште, Египетыштэ* ‘в Египте’ — литер. *Египетыште, Иерусалимыштэ* ‘в Иерусалиме’ — литер. *Иерусалимыште*;

— **-яштэ**: *паяштэ* ‘в части (в пае)’ — литер. *пайыште*;

— **-штэ** ~ **-яштэ**: *Рашштэ* ~ *Раяштэ* ‘в раю’ — литер. *райыште*;

— **-штэ**: *энэриштэ* ‘в реке’ — литер. *энерыште, пилиштэ* ‘в облаке’ — литер. *пылыште*, волж. *пилыште, пйлыште*;

— **-ыштэ** ~ **-яштэ**: *вэрыштэ* ‘в месте’ ~ *вэрыште* ~ *вэрыштэ* — литер. *верыште*²³.

При основах на *-и* в суффиксе инессива может выпадать один слог, т. е. суффикс имеет вид *-тэ* вместо *-ыште* (то же в литературном языке): *тынялмаштэ* ‘в начале’ — литер. *тўналмаште, коймаштэ* ‘в видении (видениях)’ — литер. *коймаште, юмопундаштэ* ~ *юмопундаште* ~ *юмо пундаштэ* ‘на небе (букв. подножии Бога)’ — литер. *юмын пундаште* ~ *юмын пундашыште, ужмаштэ* ‘в образе (под видом)’ — литер. *ужмаште, оло-маштэ* ‘в разговоре (разговорах)’ — литер. *ойлымаште* ~ *ойлымашыште*; но полное *чиктэмашыште* ‘в одежде’ — литер. *чиктымаште, ылышыште* ‘в жизни’ — литер. *ылышыште* ~ *ылыште*.

2.6. Направительный падеж (иллатив)

Показателями иллатива в [Начатки] являются суффиксы:

-шке, -шко (для слов с основой на гласный) — литер. и диал. **-шке, -шко (-шкө)**;

-ушко, -ошко, -ышке, -ышкэ, -ышко, -ашке, -яшке, -яшкэ [йашкэ], -ишке, -ышь, -ке (для слов с основой на согласный) — литер. **-ышке, -ышко, -ышкө, -ыш, -ке**, зап. Л **-ышке, -ўшко, -ўшкө, -ўшкө, -ыш, -ке**.

В словах с основой на ударный гласный (во всех примерах это ударный гласный *-а*) отличия от литературной нормы отсутствуют: *яслашке* ‘в ясли’ — литер. *яслашке, тэрмашке* ‘в тюрьму’ — литер. *тюрмашке, олашке* ‘в город’ — литер. *олашке, колаткашке* ‘в гроб’ — литер. *колоткашке, кумагашке (конгашке)* ‘в печь’ — литер. *конгашке*, волж. *кўмагашке*.

В словах с основой на безударный гласный этот гласный сохраняется (литер. и зап. Л ы): *мюляндэшке* ~ *мюляндэшке* ‘в землю’ — литер. *мландышке*, волж. *мўл’андыште, мўландыште, Церькашке* ~ *Церькашке* ‘в церковь’ — литер. *черкышке, Вифанашке* ‘в Вифанию’ — литер. *Вифанийышке* (предположительный NOM в памятнике *Вифаня* — литер. NOM *Вифаний*), *волгодошко* ‘на свет’ — литер. *волгыдышко, кйргйшко* ‘в нутро’ — литер. *кйргышкө*.

²² Исключение: суффикс *-штэ* при твердом конечном согласном в слове *мардэжыштэ* ‘в ветре’ (NOM *мардэжэ*) — литер. *мардежыште* (NOM *мардежэ*).

²³ Заметим, что в литературном языке конечные согласные основы в словах *вер* ‘место’, *энер* ‘река’, *пыл* ‘облако’ всегда твердые.

В словах с основой на согласный в качестве соединительного гласного в суффиксе илллатива выступают *у, о, е, ы, и, а, я* (литер. *ы*, зап. Л *ў, ѳ*). Выбор огубленного или неогубленного варианта определяется гармонией гласных.

Если в конечном слоге основы гласный *у, ю [ў]* — суффикс **-ушко**, если гласный *о* — суффикс **-ошко** (литер. *-ышко, -бішко*, зап. Л *-ўшко, -ѳшко, -ѳшко*). Примеры: *сарпўшүшко* ‘в военный корабль’ — литер. *сар пўшышко, сўлукушко* ‘в грех’ — литер. *сулыкышко, шўдушко* ‘в траву’ — литер. *шудышко, пулдўрушко* ‘в горницу (сени)’ — литер. *пудырышко, волж. пўлдўрўшко, сўдушко* ‘в суд’ — литер. *судышко, вўдушко* ‘в воду’ — литер. *вўдышко, волж. вўдўшко, вўдўшко; полóношко* ‘в полон (плен)’ — литер. *полонышко, Вавилóношко* ‘в Вавилон’ — литер. *Вавилонышко*²⁴.

Если в слоге перед суффиксом илллатива гласный неогубленный (*э, е, и, а*) — суффикс с неогубленной гласной **-ышке, -ашке** (после твердых согласных); **-ишке, -яшке** (после мягких). Примеры: *кэдышке* ‘в руку’ — литер. *кыдышке, волж. кыдышке, Назарэтышке* ‘в Назарет’ — литер. *Назаретышке, Египетышкэ ~ Египетышке* ‘в Египет’ — литер. *Египетышке, Иерусалимышке ~ Иерусалимышке* ‘в Иерусалим’ — литер. *Иерусалимышке; садашке* ‘в сад’ — литер. *садышке; вэрышке ~ веряшке ~ вэрышке* ‘в место’ — литер. *верышке* (НОМ *верь* — литер. *вер*); *энэрышке* ‘в реку’ — литер. *энэрышке* (НОМ *энэрь* — литер. *энэр*); *Раяшкэ* ‘в рай’ — литер. *Райышке*.

Как видно по всем приведенным выше примерам, гласные в суффиксе илллатива всегда подчиняются лабиальной гармонии гласных. Палатальной же гармонии для них в [Начатки] при губных гласных в основе не наблюдается (*кйбргйшко* ‘в нутро’ — литер. *кйргышко, вўдушко* ‘в воду’ — литер. *вўдышко, волж. вўдўшко*). Такой тип гармонии гласных (последовательная гармония по огубленности и непоследовательная по ряду) наиболее соответствует волжскому говору мар. Л [Грузов 1965: 144]. В главном маркерном моменте — на стыке основы слова, содержащей огубленные гласные, и падежного аффикса — в [Начатки] используются буквы «у», «о» (например, *пулдўрушко, вўдушко*), указывающие на огубленный характер этого звука (волж. *ў*). То же ранее было отмечено в аккумулятиве, илллативе, имеет место и в дативе (пример *Юмолань* ‘Богу’). Таким образом, данное фонетическое явление носит в [Начатки] системный характер.

В словах с основой на *-ш* — суффикс илллатива *-ке* (литер. *-ке ~ -ышке*), то есть происходит выпадение слога *-ыш-*: *юмопундашке* ‘на небо (подножие бога)’ — литер. *Юмын пундашке ~ пундашышке, олдалмашке* ‘во искушение (в обман)’ — литер. *ондалымашке ~ ондалымышышке, пычкемышке* ‘в темноту’ — литер. *пычкемышке ~ пычкемышышке*.

Краткая форма илллатива представлена в [Начатки] лишь одним надежным случаем: *кэдыш* ‘в руки’ — литер. *кыдыш*²⁵. Но еще в ряде случаев контекст указывает на возможность и краткого илллатива, и латива, хотя параллельный русский текст — скорее на латив: *арчаш* ‘в корзинке’ — литер. *арчаш, рокэш* ‘на земле’ — литер. *рокэш, энэрьш* ‘в реке’ — литер. *энэрьш* и др. (Подобные примеры мы рассматриваем в п. 2.7 как примеры латива.) Двойкой интерпретации поддается случай *рэсэш* ‘на крест, на кресте’, где перевод может указывать на илллатив, тогда как в современном марийском издании Нового Завета находим соответствия только в лативе — *ыресеш* [У Сугынь 2007: 103, 167, 216]; в [КМЯ] в аналогичных контекстах представлен и латив (*ыресеш*), и илллатив (*ыресыш, ыресышке*). Формы краткого илллатива и обстоятельственного падежа в [Начатки] полностью омонимичны, так как в этих падежных аффиксах гласный *е* и редуцированный *ы* передаются одной буквой (*е* или *э*). В литературном языке эти формы омонимичны только при основе на ударный гласный. Подробнее о специфике обстоятельственного падежа и его «конкуренции» с другими пространственными падежами в марийском см. [Бирюк, Рожанский 2002: 107—125].

2.7. Обстоятельственный падеж (латив)

Показателем латива в [Начатки] является *-шь, -эшь, -еш* — литер. и диал. *-ш, -эш, -еш*. Систематическое написание мягкого знака в суффиксе латива (и краткого илллатива) в абсолютном конце слова, скорее всего, является чисто графической чертой, связанной с особенностями русской орфографии, и не говорит о мягком произношении звука *ш* (?).

²⁴ Единичное исключение: *рйкышко* ‘в землю’ — литер. и волж. *рйкышко* (после слога с огубленным гласным *о* — суффикс с неогубленной соединительной гласной **-ышко**, как в литературном языке).

²⁵ В контексте речь идет о предании Христа в руки иудеев, и в современном издании Нового Завета на марийском в аналогичных случаях используется краткий и полный илллатив, например, *кыдышкыже* ‘в его (Пилата) руки’ [У Сугынь 2007: 102].

В формах латива в [Начатки] наблюдается принципиальное расхождение с литературной нормой в отношении ударения. Во всех случаях при основе на безударный гласный и в большинстве случаев с основой на согласный звук гласный латива остается в [Начатки] безударным, не перетягивает на себя ударение с корня, в отличие от литературной орфоэпии (обратные примеры единичны, см. в конце п. 2.7). Такое ударение в [Начатки] делает омонимию латива и краткого иллатива, о которой сказано выше, еще более выраженной и добавляет сомнений в их дифференциации. В волжском говоре ударение в лативе соответствует литературной норме [Веке 1957, I]. Тем самым латив (как и датив) в [Начатки] указывает на большее распространение наосновного ударения в марийском языке на момент создания памятника по сравнению с современной системой ударений, в том числе в волжском говоре. Примеры:

Основа на ударный гласный — суффикс латива *-шь, -ешь* — литер. и диал. *-ш, -эш*: *арчашь* ‘в корзинке’ — литер. *арчаш, иешь* ‘на годы’ — литер. *иеш*.

Основа на безударный гласный: суффикс латива *-ешь, -эшь* — литер. и диал. *-эш* (конечный гласный основы выпадает): *кечешь* ‘на день’ — литер. *кечэш* (NOM *кече*); *корнэшь* ‘на дороге’ — литер. *корнэш* (NOM *корно*); *мяляндэшь* ‘на земле’ — литер. *мландэш* (NOM *млände*), волж. *мүл’андэш, мүлэндэш*.

Основа на согласный: суффикс латива *-эшь, -ешь, -эшь, -эшь, -эшь* — литер. и диал. *-эш*: (*пурмула*) *кэдэшь* ‘по (правую) руку’ — литер. *пурла кидэш, пэшь* ‘на паи’ — литер. *пэш, кугуракэшь* ‘во властители (властелином)’ — литер. *кугуракэш, омонэшь* ‘во сне’ — литер. *омэш, волж. омөнеш, рэсэшь ~ рэсэшь* ‘на кресте, на крест’ — литер. *ыресэш, рокэшь* ‘на земле’ — литер. *рокэш, сэдэшь* ‘в саду’ — литер. *садэш, энэрешь* ‘в реке’ — литер. *энэрэш, Иорданэшь* ‘в Иордане’ — литер. *Иорданэш, эрыкэшь* ‘во власть’ — литер. *эрыкэш* (= ADV), *мяшкюрешь* (1 вхождение) ~ *мяшкюрэшь* (2 вхождения) ~ *мяшкюрэшь* (1 вхождение) ‘в животе’ — литер. *мүшкүрэш, волж. мүшкүрэш, вюдэшь* (10 вхождений) ~ *вюдэшь* (1 вхождение) ~ *вюдэшь* (1 вхождение) ‘в воду’ — литер. *вүдэш, волж. вүдэш, тутанэшь* ‘в топ (бурю)’ — литер. *түтанэш*.

2.8. Отложительный падеж (аблатив)

Отложительный падеж в современном литературном языке не используется, а в [Начатки] очень употребителен с существительными, а также местоимениями и номинализированными причастиями.

Показателем аблатива в [Начатки] является *лэчь*, в одном случае *-лэчень* (ср. литер. послелог *деч*, диал. мар. Л *-леч, -лечын*). Примеры: *Адамь лэчь ~ Адамь-лэчень* ‘от Адама’, *айдэмь лэчь ~ айдэмь лэчь* ‘от человека’, *Еврѣй кáлыкь лэчь* ‘от еврейского народа’, *Иáковь лэчь* ‘от Иакова’, *Иисусь Христось-лэчь* ‘от Иисуса Христа’, *Кáинь лэчь* ‘от Каина’, *кóкъ и лэчь* ‘от двух лет’, *колмáшь лэчь ~ кóломо лэчь* ‘от смерти’, *кóчо лэчь* ‘от горечи’, *Марія лэчь* ‘от Марии’, *Моисей лэчь* ‘от Моисея’, *ойремáшь лэчь* ‘от отделения’, *осáль лэчь* ‘от зла’, *Пилáть лэчь* ‘от Пилата’, *пушэнгэ лэчь* ‘от дерева’, *сiянь лэчь ~ сiянь лэчь* ‘от изъяна’, *Святóй Шóлюшь лэчь ~ Святóй шóлюшь лэчь* ‘от Святого Духа’, *Сiфь лэчь* ‘от Сифа’, *бiндырмáшь лэчь* ‘от страдания’, *языкь лэчь (сүлукь лэчь)* ‘от греха’, *мяляндэ-лэчь* ‘от земли’, *Хáмь-лэчь* ‘от Хама’, *кугужáлэчь* ‘от царя’, *Церькелэчь* ‘от церкви’, *юдурь лэчь ~ юдурь лэчь ~ Юдур лэчь* ‘от девы’, *пытáрмо лэчь* ‘от истребления’, *Күдо лэчь* ‘от которого’, *юломолэчь* ‘от сгорания’, *тудлэчь* ‘от того, от этого, от него’ (NOM *тудо*) и др.

Показатель аблатива записывается отдельно со словом (свыше 140 примеров), слитно (ок. 16), через дефис (ок. 12). Наблюдается также варианты с отдельным, слитным и дефисным написанием, например: *Юмо лэчь* (13) ~ *Юмо-лэчь* (1) ~ *Юмолэчь* (1) ‘от бога’, *языкь лэчь* (5) ~ *языкь-лэчь* (2) ‘от греха’, *урлукь лэчь* (1) ~ *урлукь-лэчь* (1) ‘от рода’, *ия лэчь* (2) ~ *ия-лэчь* (1) ‘от чёрта’, *ачá лэчь* (1) ~ *Ачá-лэчь* (1) ‘от отца’, *вóлгодо лэчь* (1) ~ *вóлгодолэчь* (1) ‘от света’.

Тип основы слова (на гласный, согласный звук) при присоединении к нему суффикса аблатива не имеет значения.

Слова в форме аблатива сочетаются в [Начатки] с послелогом *посна* ‘без’, *ожно* ‘после’, *вара* ‘потом’. Примеры:

— *Юмо лэчь посна* ‘без Бога’, *языкь (сүлукь) лэчь посна* ‘без греха’, *пичáль лэчь посна* ‘без ружья’, *икшебэ лэчь посна* ‘без ребенка’, *пiорь ии́гь лэчь посна* ‘без мужчины’, *ваштáлдэмáшь лэчь посна* ‘без изменения’;

— *Христось-лэчь óжно* ‘до (прежде) Христа’, *Утáриэ лэчь óжно* ‘до Спасителя’, *читэмáшь лэчь óжно* ‘до страстей’, *иля́неме лэчь óжно* ‘перед воскресением’, *кóломо лэчь óжно* ‘перед смертью’, *кайме лэчь óжно* ‘до ухода’ ~ *каймáшь лэчь óжно*, *мүрмо лэчь óжно* ‘до пения’;

— *врэмá лэчь вара* ‘после времени’, *Давидь лэчь вара* ‘после Давида’, *кандáкиь кече лэчь вара* ‘спустя восемь дней’, *лү кече лэчь вара* ‘спустя десять дней’, *нýлле кече эртымо лэчь вара* ‘после того как прошло сорок дней’, *сүдь лэчь вара* ‘после суда’, *тыжэмь и эртэмо лэчь вара* ‘после того как

прошло тысяча дней’, *шумàть кече лэчь вара* ‘после субботы’, *Чилà лэчь вара* ‘после всех’, *тудлэчь вара* ~ *Тудь лэчь вара* ~ *тудлэчь вара* ~ *туд-лэчь вара* ~ *тудлэчь вара* ‘после того’.

Особенно часто такое сочетание суффикса аблатива с послелогом *вара* (как и с послелогом *ожно*) выступает после отглагольного существительного на *-маш* или номинализованного причастия на *-ме* ~ *-мо*: *илижмаш лэчь вара* ~ *илижмо лэчь вара* ‘после воскресения’, *иштэме лэчь вара* ‘после делания’, *кайме лэчь вара* ~ *каймелэчь вара* ‘после ухода’, *колмаш лэчь вара* ~ *колмо лэчь вара* ~ *коломо лэчь вара* ~ *колломолэчь вара* ‘после смерти’, *кочмо лэчь вара* ‘после еды’, *кючемаш лэчь вара* ‘по вознесении’, *лэкмо лэчь вара* ‘после выхода’, *лыштэме лэчь вара* ‘после делания’, *моктэмаш лэчь вара* ‘после прославления’, *тыниктэмаш лэчь вара* ‘после учения’, *тэнэш пурмо лэчь вара* ‘после крещения (после того как крестился)’, *тэнэш пуртымаш лэчь вара* ‘после крещения (после того как крестил)’, *уэмдэмаш лэчь вара* ‘после обновления’, *шобмо лэчь вара* ‘после рождения’, *эртэмо лэчь вара* ‘по прошествии’.

Прочие сочетания с показателем аблатива, близкие послеложным конструкциям: *Юмо лэчь мóло* ‘кроме Бога’, *Ной лэчь мóло* ‘кроме Ноя’, *тэнэш пурмаш лэчь мóло* ‘кроме крещения’²⁶.

В современном литературном языке во всех данных конструкциях вместо форманта *лэч* используется послелог *деч*. Об аблативе на *-леч* в диалектах сказано выше (см. п. 1); в частности, он особенно распространен в волжском и уржумском говорах, а также в подговорах моркинско-сернурского говора, близких к ареалу уржумского говора.

Ударение в аблативе.

В существительных в [Начатки] аффикс аблатива *-лэчь* безударен²⁷, в полной форме (*-лэчень*) — под ударением (но при этом основа тоже ударна): *Адамь-лэчень* ‘от Адама’. В луговых диалектах, в том числе в волжском, этот суффикс перетягивает на себя ударение с корня и в краткой, и в полной форме, например: волж. *nižnale-ĩš posna* ‘без нужды (нужда-ABL без)’, *Petropkälè-ĩšän* ‘от Петровки’, *küptšüklè-ĩšän* ‘с подушки’, *ámñäle-ĩš posna* ‘без лошади’, *ñdñrle-ĩš* ‘у девушки [спрашивает]’, *maškale-ĩš* ‘у медведя [спрашивает]’ [Beke 1957, I: 558, 562, 564, 579, 580, 587], морк.-серн. *arñale-ĩš βara* ‘спустя неделю (неделя-ABL потом)’ [Beke 1961, III: 176], уржум. *purale-ĩš ò-žnā* ‘раньше пива (пиво-ABL раньше)’ [Beke 1961, III: 300].

2.9. Совместный падеж (комитатив) представлен в [Начатки] всего двумя словами (по одному вхождению каждое).

Показатель комитатива — *-ге* (с безударным гласным) — литер. и диал. *-гэ* (во всех луговых говорах под ударением): *абáге* ‘с матерью’ — литер. *авагэ*, *азáге* ‘с младенцем’ — литер. *азагэ*.

2.10. Сравнительный падеж (симиятив)

Показателем симиятива в [Начатки] является *-ла* (литер. *-ла*): *оксáла* ‘за деньги’ (1 вхождение) — литер. *оксáла*.

В тексте также встречается наречие *Греклá* ‘по-гречески’ (2 вхождения) — литер. *греклá*, образованное от существительного *грек* с помощью суффикса симиятива *-ла*. В отличие от существительного в симиятиве, в наречиях суффикс *-ла*, согласно литературной норме, несет на себе ударение [Куклин 2013: 146]. То же в волжском и других луговых говорах и в памятнике.

2.11. Лишительный падеж (абессив)

Существительные с аффиксом абессива в [Начатки] не встречаются.

В то же время формант абессива (литер. *-дэ*, *-дегэче*) сочетается с глагольными основами, образуя отрицательные деепричастия: *черьялнэдэ* ‘без болезни (букв. не заболевая)’ — литер. *черланыдэ*; *чарнэ дэгэче* ~ *чарнэ дэгэч* ~ *чарнэ дэгэчòкь* (ЕМРН) ‘беспрестанно, непрестанно (букв. не прекращая)’ — литер. *чарныдэ* (наречие) ~ *чарныдегэче*; *колдэгизе* ‘без смерти (букв. не умирая)’ — литер. *колыдэ*, *колдыгэче*. Ударение в словах с этими формантами в памятнике отличается от литературной нормы в краткой форме и варьируется в полной, тогда как во всех луговых диалектах ударение в абессиве соответствует литературной норме.

²⁶ Аналогично с местоимениями: *нуно лэчь мóло* ‘кроме них’, *Мынь лэчэмь мóло* ‘кроме Меня’, *никелэчь шүко* ‘больше всех (никто-ABL много)’, *нигу долэчàть сáэ* ‘лучше всех (никто-ABL-ЕМРН хороший)’ и т. п.

²⁷ Но в некоторых местоименных формах гласный суффикса аблатива под ударением: *тудлэчь* ‘от него’, *тыд-лэчь* ‘от сего’, но *нуно лэчь* ~ *Нунолэчь* ‘от них’.

2.12. Причинный падеж (каузатив)

Этот падеж представлен в [Начатки] единственным примером с местоимением, который может указывать на существование каузатива в истории лугового наречия (а не только северо-западного и горного, как известно по диалектологической литературе).

Показателем каузатива в [Начатки] является *-ланэнъ* (мар. Г, мар. СЗ *-ланен/-ләннен*): *тудланэнъ* 'потому (потому, из-за того, ради того)' (НОМ *тудо* 'тот, он').

Вся фраза с местоимением в каузативе выглядит достаточно сомнительно с точки зрения марийского синтаксиса, как пословная калька с русского. После вопроса катехизиса «*Моланъ тудомъ шиньжашь кюлешь*» («Почему оно [христианское учение] нужно?», букв. 'Почему (зачем) его нужно изучать?') — ответ «*Тудланэнъ, итá тудо видá мемáмъ Юмо дэкъ...*» («Потому, что ведетъ къ Богу», букв. 'Потому что оно ведет нас к Богу') [Начатки: 98—99]. Местоимение в каузативе находится здесь в позиции союза.

Мы не нашли аналогов формы с таким же значением (в функции союза) в горном и северо-западном наречиях. Современные носители горномарийского, по нашим опросам, слова *тыдыләннен* и даже существительных с аффиксом *-ланен* не знают (то есть этот падеж в современном горномарийском практически исчез).

2.13. Звательная форма (вокатив) встречается в [Начатки] в словах русского языка — обращениях к богу: *Осподи, Христѣ, Исусе*. Это иноязычная, искусственно внедренная в марийский язык конструкция.

В собственно марийской лексике в вокативе используется лишь слово *ачи* 'отец' (НОМ *Ачá ~ ачá ~ атя* — литер. *ачá*, диал. бирск., малм., морк.-серн., волж. *а́йси*, волж. *а́й*, мар. Г *ä́ti* [Веке 1997—2001, I: 80]) — ВОС литер. *ачáй*, волж. *ачíй*, мар. Г *áti* [Галкин 1964: 59]. Кроме ситуаций обращения (например, в молитве к Богу-Отцу), есть пример употребления основы *ачи* с показателем генитива: *Ачи́инъ* 'отца' — литер. *ачан*, что указывает на стертость звательного значения формы *ачи*, замещение его уменьшительно-ласкательным, с оттенком близости. Показательно следующее предложение из текста [Начатки], где одновременно присутствует и номинатив *ача* 'отец' (при упоминании Отца Небесного), и форма *ачи* (в контексте «вашего» Отца-Бога): *Юмо вгът Ачá юмопундáсэ ўло и тендáнъ Ачи́* («Ибо Богъ, Отецъ небесный, есть и ваш Отецъ») [Начатки: 156—157]. Форма *ачи* здесь выступает не как обращение — вокатив в функции номинатива.

Система падежных аффиксов в памятнике в сопоставлении с данными литературного языка и луговых говоров отражена в таблице 1. (В круглых скобках в таблице записывается конечный безударный гласный основы или звук, его замещающий.)

Выводы

Система падежей в [Начатки] в целом последовательно соответствует системе падежей современных луговых диалектов и литер. ЛВ языка. Это означает, что она сложилась достаточно давно и вполне устойчива. Вместе с тем в луговом наречии имеются диалектные особенности в системе вокализма падежных аффиксов, и они отражаются в тексте [Начатки]. Систематический характер в [Начатки] носит использование букв «о», «у», «ю» на стыке основы слов с огубленными гласными, заканчивающейся на согласный или безударный гласный, и падежного аффикса (ACC, DAT, INE, ILL). Это говорит о развитой губной гармонии гласных в языке [Начатки], как в западных диалектах мар. Л, где в этой позиции представлены звуки *ў, ў́*, тогда как в морк.-серн. говоре и литер. ЛВ — неогубленный редуцированный *ы*. Таким образом, гипотеза о том, что редуцированные огубленные гласные в [Начатки] имеются и передаются буквами, предназначенными для звуков полного образования («о», «у», «ю»), подтвердилась.

Поскольку система вокализма западных говоров марийского языка (волж. и йошк.) во многом совпадает, диагностическими для определения именно волжского говора как диалектной основы [Начатки] являются два момента:

а) консонантизм (в йошкар-олинском говоре отсутствует аффриката *ч*, в нем имеется только *ц*, тогда как в [Начатки] — всегда только *ч*, как в волжском говоре);

б) при переднеязычном огубленном звуке в основе слова («ю» [*յ*]) в падежных аффиксах в [Начатки] часто выступают буквы «о», «у», передающие звук *ў*, но не «ю» [*ў́*]. Подобное нарушение палатальной гармонии гласных в данной позиции при сохранении лабиальной характерно для волжского говора.

Система ударения в [Начатки] несколько отличается от литер. ЛВ и современных луговых диалектов, в частности, аффиксы комитатива (*-ге*), аблатива (*-леч*) и в ряде случаев латива (*-еш*) и датива (*-лан*) в именах существительных не перетягивают на себя ударение с основы слова. Поскольку современными

диалектологическими данными, в том числе по волжскому говору, это не подтверждается (кроме датива, где вариативность ударения возможна даже в литературном языке), можно говорить об отражении в [Начатки] более ранней системы ударений волжского говора. Безусловно, текст [Начатки] содержит ценную информацию об истории этого диалекта (в разных аспектах).

Таблица 1. Падежные суффиксы имен существительных в [Начатки]

Падеж	основа	[Начатки]	литер. мар. ЛВ = морк.-серн.	волж. говор	йошк. говор
NOM		∅	∅	∅	∅
	-Ů	-мь	-м	-м	-м
ACC	-V	-(о)мь, -(э)мь, -(е)мь, -(а)мь, -(я)мь	-(ы)м	-(ы)м, -(ŷ)м, -(ÿ)м	-(ы)м, -(ŷ)м, -(ÿ)м
	-К	-омь, -умь, -юмь, -емь, -эмь, -имь, -амь, -ямь	-ым	-ым, -ŷм, -ÿм	-ым, -ŷм, -ÿм
GEN	-Ů	-нъ	-н	-н	-н
	-V	-(а)нъ, -(э)нъ, -(е)нъ	-(ы)н	-(ы)н, -(ŷ)н, -(ÿ)н	-(ы)н, -(ŷ)н, -(ÿ)н
	-К	-анъ, -энъ, -енъ, -янъ, -инъ	-ын	-ын, -ŷн, -ÿн	-ын, -ŷн, -ÿн
DAT	-Ů, -К	-ланъ	-л ^{ан} ~ -лан	-л ^{ан} ~ -лан	-л ^{ан} ~ -лан
	-V	-(о)ланъ, -(э)ланъ, -(е)ланъ, -(а)ланъ	-(ы)л ^{ан} ~ -(ы)ланъ	-(ы)л ^{ан} ~ -(ы)лан, -(ŷ)л ^{ан} ~ -(ŷ)лан, -(ÿ)л ^{ан} ~ -(ÿ)лан	-(ы)л ^{ан} ~ -(ы)лан, -(ŷ)л ^{ан} ~ -(ŷ)лан, -(ÿ)л ^{ан} ~ -(ÿ)лан
INE	-Ů	-штэ	-ште (-што, -штö)	-ште (-што, -штö)	-ште (-што, -штö)
	-V	-(е)штэ, -(э)штэ, -(а)штэ, -(ю)штэ, -(iö)штэ, -(я)штэ	-(ы)ште, -(ы)што, -(ы)штö	-(ы)ште, -(ŷ)што, -(ŷ)штö, -(ÿ)штö	-(ы)ште, -(ŷ)што, -(ÿ)штö
	-К	-ушто, -уштэ, -ошто, -оштэ, -юшто, -штэ, -эштэ, -ыштэ, -яштэ ~ -яште, -иштэ, -тэ	-ыште, -ышто, -ыштö, -те	-ыште, -ŷшто, -ŷштö, -ÿштö, -те	-ыште, -ŷшто, -ÿштö, -те
ILL	-Ů	-шке, -шко, -шь	-шке, -шко, -шкö, -ш	-шке, -шко, -шкö, -ш	-шке, -шко, -шкö, -ш
	-V	-(э)шке, -(а)шке, -(о)шко, -(iö)шко	-(ы)шке, -(ы)шко, -(ы)шкö, -(ы)ш	-(ы)шке, -(ŷ)шко, -(ŷ)шкö, -(ÿ)шкö, -(ы)ш, -(ŷ)ш, -(ÿ)ш	-(ы)шке, -(ŷ)шко, -(ÿ)шкö, -(ы)ш, -(ŷ)ш, -(ÿ)ш
	-К	-ушко, -ошко, -ышке, -ышкэ, -ашке, -яшке, -яшкэ, -ишке, -ке	-ышке, -ышко, -ышкö, -ке, -ыш	-ышке, -ŷшко, -ŷшкö, -ŷшкö, -ке, -ыш, -ŷш, -ÿш	-ышке, -ŷшко, -ŷшкö, -ке, -ыш, -ŷш, -ÿш
ABL		-лэчь, -лэчень	— [послелог деч, дечын]	-лэч, -лэчын	нет данных
LAT	-Ů	-шь	-ш, -эш	-ш, -эш	-ш, -эш
	-V (> ∅)	-ешь, -эшь	-эш	-эш	-эш
	-К	-эшь, -ешь, -эшъ, -ешъ	-эш	-эш	-эш
COM		-ге	-гэ	-гэ	-гэ
SIM		-ла	-ла	-ла	-ла
ABE		— [-дэ, -дэгизе, дэгече, дэгечъ, дэгечокъ в CVB NEG]	-дэ, дегече	-дэ, дегече	-дэ, дегече
CAUS		[ланәнъ (только с местоимением)]	—	—	—
VOC		-(и)	-й	-й, -и	-й, -и

3. Особенности употребления падежных форм в [Начатки]

В тексте книги встречаются нестандартные случаи выбора падежной формы с точки зрения как современной литературной, так и диалектной грамматики лугового наречия марийского языка. В основном это касается инессива, аккумулятива и генитива.

В частности, необычно использование слова, обозначающего день недели, в инессиве: *кугарняшштэ* 'в пятницу (пятница-INE)' — литер. *кугарнян* 'пятница-GEN=ADV'. В [КМЯ] имеется единственный пример подобного употребления — *шумат-рушарняште* 'в субботу-воскресенье'. При этом в [Начатки] есть и более нормативный с современной точки зрения пример указания на день недели: *шуматъ кэчынь* 'в субботу' — литер. *шуматкечын*.

Другой случай необычного инессива в [Начатки]: *нылле кэчыштэ* 'сорок день-INE' в значении «через сорок дней» и *висле кэчыштэ* 'пятьдесят день-INE' в значении «через пятьдесят дней», тогда как в современном языке, согласно [КМЯ], такую конструкцию можно понять только как «в течение сорока (пятидесяти) дней». Для выражения значения «через сорок дней» в современном литер. ЛВ обычно используются фразы с послелогом: *нылле кече гыч* букв. 'сорок день из' или *нылле кече деч вара* букв. 'сорок день от потом'. Подобные конструкции (только с аблативом + послелог *вара*) также весьма употребительны в [Начатки], например: *кандакшы кече лэч вара* 'спустя восемь дней', *лү кече лэч вара* 'спустя десять дней', *нылле кече эртым лэч вара* 'после того как прошло сорок дней' и т. п., см. множество подобных примеров в п. 2.8. Они вполне приемлемы с точки зрения современных луговых диалектов, в том числе волжского²⁸.

Приведем также примеры использования инессива в [Начатки], которые являются редкими в литер. ЛВ языке, сопоставляя их с более типичными литер. формами:

— *нурмула кэдэштэ* («одесную Отца») 'правая рука-INE' ~ *нурмула кэдэшь* 'правая рука-LAT' — литер. *пурла кидеш* 'правая рука-LAT';

— *тыдэ юдушто* («в сію ночь») 'эта ночь-INE' — литер. *тиде йүдым* 'эта ночь-ACC=ADV'; *тыдэ юдуштокъ* («в сію самую ночь») 'эта ночь-INE-EMPH' — литер. *тиде йүдымак* 'эта ночь-ACC=ADV-EMPH'. Но чаще в [Начатки] встречается вполне стандартное *юдомъ* 'ночью' (5 вхождений);

— *чыла вэряштэ* 'езде (все место-INE)' ~ *чылà вэряштэ* — литер. *чыла вере* 'повсюду (все место-L_e=N_rel)';

Эти формы нельзя назвать ошибочными, так как их аналоги встречаются в [КМЯ]; скорее, они отражают определенные диалектные особенности в использовании падежей.

Отклонение от принципов устройства марийского синтаксиса в использовании генитива и аккумулятива (и в одном случае датива) проявляется в основном при склонении сочетаний из двух существительных, одно из которых определяемое слово, а второе — определение. Если в русском языке оба слова в таких сочетаниях при склонении получают одинаковую падежную форму, то в марийском склоняется только второе, определяемое (определение в марийском языке обязательно стоит на первом месте). В [Начатки] форму косвенного падежа нередко получают оба слова, и порядок слов также часто обратен нормативному для литературного языка. Примеры:

— *Кугужанъ Давидынъ* 'царя Давида (царь-GEN Давид-GEN)' — литер. *Давид кугужан* 'Давид-NOM царь-GEN';

— *Юманъ Ачанъ* 'Бога Отца (Бог-GEN Отец-GEN)' — литер. *Ача Юмын* 'Отец-NOM Бог-GEN';

— *Юманъ Осподянь* 'Бога Господа (Бог-GEN Господь-GEN)' — литер. *Господь Юмын* 'Господь-NOM Бог-GEN';

— *Азамъ Исусомъ* 'младенца Иисуса (младенец-ACC Иисус-ACC)' — литер. *Иисус азам* 'Иисус-NOM младенец-ACC';

— *Пэтромъ Апостоломъ* 'Петра Апостола (Петр-ACC Апостол-ACC)' — литер. *Петр Апостолым* 'Петр-NOM апостол-ACC';

— *оламъ Иерусалимомъ* 'город Иерусалим (город-ACC Иерусалим-ACC)' — литер. *Иерусалим олам* 'Иерусалим-NOM город-ACC';

— *Христосомъ Юмомъ* 'Христа Бога (Христос-ACC Бог-ACC)' — литер. *Христос Юмын* 'Христос-NOM Бог-ACC';

²⁸ В горном наречии формы в инессиве могут иметь значение «через (определенное время)», например: *kok ištä särnen toleš* 'через два года вернется'; *ik-kok kečäšte Petroyečä* 'через два дня Петров день' [Саваткова 2002: 103]. Это указывает на возможность существования таких форм и в других диалектах, в том числе в луговом наречии. Но пока эта возможность не подтверждается имеющимися диалектологическими материалами и требует дополнительного целенаправленного изучения.

— *Юдурьланъ Марія ланъ* ‘Дева Марии (Дева-DAT Мария DAT)’ — литер. *Мария Ўдырлан* ‘Мария-NOM Дева-DAT’.

Отдельную группу сомнительных фраз с аккузативом составляют выражения с глаголом «называть, именовать». В этих фразах существительное или местоимение, обозначающее того, кого назвали, и имя, которое он получил, оба ставятся в форму аккузатива (как калька с русского), тогда как в марийском литературном языке в аккузативе стоит лишь слово, означающее именуемого, а получаемое им имя, наименование — в номинативе в сочетании с деепричастием *манын* ‘говоря’²⁹:

— *люмдашъ тудомъ Иоанномъ* ‘именовать его Иоанном (именовать он-ACC Иоанн-ACC)’ — литер. *тудым Иоанн манын лумдаш* ‘он-ACC Иоанн-NOM говорить-CVВ именовать’;

— *люмдашъ Тудомъ Ачамъ* ‘именовать его Отцом (именовать он-ACC Отец-ACC)’ — литер. *Тудым Ача манын лумдаш* ‘Он-ACC Отец-NOM говорить-CVВ именовать’;

— *кудомъ* ⟨...⟩ *люмдэнь Богословомъ* ‘которого... назвал Богословом (который-ACC ⟨...⟩ именовал Богослов-ACC)’ — литер. *кудым Богослов манын лумден* ‘который-ACC Богослов-NOM говорить-CVВ именовал’;

— *люмдэнь Маріамъ Юманъ-Авамъ* ‘именовал Марию Божьей Матерью (именовал Мария-ACC Бог-GEN мать-ACC)’ — литер. *Мариям Юмын Ава манын лумден* ‘Мария-ACC Бог-GEN Мать-NOM говорить-CVВ именовал’;

— *люмдэве Тудомъ Исусъ Христосомъ* ‘нарекли его Иисусом Христом (нарекли Он-ACC Иисус-NOM Христос-ACC)’ — литер. *Тудым Исус Христос манын лумдышт* ‘Он-ACC Иисус-NOM Христос-NOM говорить-CVВ нарекли’;

— *люмдэве тудомъ Давидэнь Эргэмъ, Мессіамъ али Христосомъ* ⟨...⟩ ‘нарекли его Сыном Давида, Мессией или Христом (нарекли он-ACC Давид-GEN Сын-ACC, Мессия-ACC или Христос-ACC)’ — литер. *тудым Давидын Эрге, Мессия але Христос манын лумдышт* ⟨...⟩ ‘он-ACC Давид-GEN Сын-NOM, Мессия-NOM или Христос-NOM говорить-CVВ нарекли’³⁰.

Интересны также случаи нехарактерного для марийского языка согласования прилагательного с управляющим существительным по падежу (в аккузативе), например:

— *йокшаръшемъ тынъгиземъ* ‘Красное море (Красный-POSS.3SG-ACC море-ACC)’ — литер. *Йошкар тенгызым* ‘Красное-NOM море-ACC’;

— *пешь (жапсырь) кужомъ и пешь куатлэ айдемемъ* ‘очень длинного и очень сильного человека ~ «необыкновенного роста и силы» (‘очень длинный-ACC и очень сильный-NOM человек-ACC’ — литер. *пеш кужу да куатле айдемемъ* ‘очень длинный-NOM и сильный-NOM человек-ACC’.

Ср. в диалектологических материалах: *kemam šəyərəm āsten* ‘сапоги тесные сделал (сапоги-ACC тесный-ACC делать-PST2.3SG)’ [Tschermische Sätze 1978: 29].

У нас недостаточно данных по диалектам, чтобы точно оценить обнаруженные примеры нестандартного использования падежных форм как диалектные, исторические черты либо как ошибки переводчиков. Создатели текста [Начатки] не были носителями языка, и техника перевода на марийский была в основном пословной. Частично проблемы с синтаксисом в [Начатки] описаны в [Иванов 1975: 23—25]. Подробнее об истории создания книги и ее авторах см. также в [Ключева 2021].

Заклучение

Система падежей в [Начатки] включает в себя все 9 падежей современного литературного мар. ЛВ языка, а также лишительный падеж (абессив) и отложительный (аблатив). Таким образом, она полностью совпадает с падежной системой лугового наречия и, в частности, волжского говора мар. Л. Под вопросом остается наличие причинного падежа с показателем *-ланен*, который встречается в [Начатки] в единственном примере с местоимением. (Каузатив ранее фиксировался только в северо-западном и горном наречиях марийского языка.)

Наиболее существенные и показательные в плане диалектной атрибуции отличия падежной системы в [Начатки] от литературной нормы прослеживаются на уровне вокализма безударных слогов:

²⁹ Приведенные здесь нормативные для современного марийского литературного языка словосочетания с религиозной лексикой выверены по епархиальным изданиям [У Сугынь 2007; Марла молитва-влак 2005].

³⁰ Еще один пример несколько иного рода, но тоже с избыточным употреблением формы аккузатива: *эргэмъ, лумъ дэне Иоанномъ* ‘сына по имени Иоанн (сын-ACC имя с Иоанн-ACC)’ — литер. *Иоанн луман эргым* ‘Иоанн-NOM имя-ATTR сын-ACC’. Фразы с последовательностью двух слов в аккузативе могут встретиться в диалектологических материалах, например: *tudam kütüzəm āštāšəm* ‘(я) сделал его пастухом (он-ACC пастух-ACC делать-PST1.1SG)’ [Tschermische Sätze 1978: 28], но это единичные случаи.

— конечный безударный гласный основы существительного в позиции перед последующим падежным суффиксом сохраняется, как в номинативе (тогда как в современной орфографии он редуцируется в *ы*, сохраняясь лишь в некоторых «русских исключениях»);

— в закрытых слогах в падежных суффиксах (в ACC, INE, ILL, DAT) системный характер носит лабиальная гармония гласных, как в западных говорах лугового наречия, (волжском и йошкар-олинском). Графемы «о», «у», «ю» в этих слогах в [Начатки] передают редуцированный огубленный $\ddot{y}$ ($\ddot{y}$), а неогубленный звук в этих позициях передается графемами «э», «е», «а», «ы» (после твердых согласных), «я», «и» (после мягких) (литер. всегда «ы»);

— при огубленных переднеязычных гласных в основе слова (буква «ю» — звук $\ddot{y}$ или $\ddot{y}$) и соблюдении лабиальной гармонии гласных в последующих слогах палатальная гармония часто нарушается, как это свойственно волжскому говору: на стыке основы слова и падежного аффикса (при гласной «ю» в основе) чаще пишется буква «у», обозначающая звук $\ddot{y}$, а не «ю» (звук $\ddot{y}$), ср. литер. *ы*, волж. $\ddot{y}$, $\ddot{y}$, йошк. $\ddot{y}$;

— безударный гласный в абсолютном конце слова (в инессиве и иллативе) в малой степени подвержен гармонии гласных; при губных гласных в основе имеют место процессы несистематической делябилизации, как в современных подговорах моркинско-сернурского говора.

Дополнительно отметим, что многие примеры слов из памятника, приведенные в тексте статьи, содержат в себе отличные от современной литературной нормы фонетические соответствия словам волжского говора как на уровне вокализма, так и на уровне консонантизма, не только в падежных аффиксах, но и **в основе слова**. Их описание может составить тему отдельного исследования.

Информативен исследуемый памятник и в плане ударения. В комитативе, дативе, аблативе (за исключением некоторых местоимений), отчасти в лативе в [Начатки] сохраняется ударение на том же слоге, что и в номинативе, тогда как в литературной норме (и, насколько известно, в луговых диалектах) все эти падежные суффиксы ударны, то есть перетягивают на себя ударение с корня (лишь в дативе допустима вариативность ударения). Это указывает на изменения в системе ударений в луговом наречии со времени создания памятника.

На уровне графики в [Начатки] имеет место тенденция к раздельному написанию суффиксов датива, аблатива, абессива, отчасти инессива: вероятно, авторы книги воспринимали их в качестве послелогов.

В статье приведены также случаи нестандартного, с точки зрения современного литературного языка, использования падежных форм (в основном инессива, аккумулятива и генитива). Они могут отражать некоторые слабо изученные функции падежей в луговых диалектах.

Результаты анализа падежной системы в [Начатки] соответствуют ранее полученным на основе изучения его глагольной морфологии выводам о волжском говоре как диалектной основе этого памятника марийской письменности [Ключева 2017б, 2021]. На волжский говор указывают главным образом фонетические данные (вокализм безударных слогов): наличие огубленных редуцированных в падежных аффиксах и тип гармонии гласных (см. в Выводах параграфа 2, п. «б»). Некоторые особенности системы ударений и употребления падежных форм в [Начатки] не находят прямого соответствия в современных луговых говорах (в том числе, возможно, по причине их недостаточной изученности). Текст [Начатки] отражает не только дошедшие до наших дней, но и исчезнувшие ныне черты лугового наречия и волжского говора.

Сокращения

Глоссы

1, 3 — 1, 3 лицо

ABE — абессив

ABL — аблатив

ACC — аккумулятив

ADV — наречие

ATTR — атрибутив

CAUS — каузатив

COM — комитатив

CVB — деепричастие

DAT — датив

EMPH — усилительная частица

GEN — генитив

ILL — иллатив

INE — инессив

L_e — латив реляционных имен с показателем -e

LAT — латив

N_rel — реляционное имя (наречие, послелог)

NEG — отрицательная форма

NOM — номинатив

POSS.3SG — притяжательный суффикс 3-го лица, единственного числа

PST1.1SG — 1-е прошедшее время, 1-е лицо, единственное число

PST2.3SG — 2-е прошедшее время, 3-е лицо, единственное число

SG — единственное число

SIM — симилятив

VOC — вокатив

Общие

-К — основа слова на согласный	букв. — буквально
rus excl. — русские исключения (заимствованные из русского языка слова с основой на безударный гласный, который сохраняется в формах со словоизменительными аффиксами)	губ. — губерния
-V̇ — основа слова на ударный гласный	д. — деревня
-V — основа слова на безударный гласный	диал. — диалектный
	литер. — литературный (лугово-восточная литературная норма)
	разг. — разговорный
	у. — уезд

Языки и диалекты

бирск. — бирский говор мар. В	мар. Г — горное наречие марийского языка
волж. — волжский говор мар. Л	мар. Л — луговое наречие марийского языка
зап. Л — западные говоры мар. Л (волж. и йошк.)	мар. ЛВ — лугово-восточный литературный марийский язык
йошк. — йошкар-олинский говор мар. Л	мар. СЗ — северо-западное наречие марийского языка
малм. — малмыжский говор мар. В	морк.-серн. — моркинско-сернурский говор мар. Л
мар. — марийский	уржум. — уржумский говор мар. В
мар. В -- восточное наречие марийского языка	

Литература

Бирюк, Рожанский 2002 — *О. Л. Бирюк, Ф. И. Рожанский*. Третий лишний (обстоятельственный падеж в системе пространственных падежей марийского языка) // Исследования по теории грамматики. Вып. 2. Грамматикализация пространственных значений в языках мира / Ред. *В. А. Плунгян*. М., 2002. С. 107—125.

Васильев 1927 — *В. М. Васильев*. Элементарная грамматика марийского языка. Пособие при изучении марийского языка. Краснококшайск, 1927.

Галкин 1964 — *И. С. Галкин*. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. I. Йошкар-Ола, 1964.

Грузов 1965 — *Л. П. Грузов*. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. Йошкар-Ола, 1965.

Евангелие 1906 — Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на черемисском языке. Издание Британского и Иностранного Библейского Общества. Казань, 1906.

Иванов 1975 — *И. Г. Иванов*. История марийского литературного языка. Йошкар-Ола, 1975.

Иванов 1981 — *И. Г. Иванов*. Марий диалектологий. Университетсе студент-влаклан тунемме книга (Марийская диалектология. Учебник для студентов университета). Йошкар-Ола, 1981 (на марийском языке).

Иванов, Тужаров 1970 — *И. С. Иванов, Г. М. Тужаров*. Северо-западное наречие марийского языка. Йошкар-Ола, 1970.

Казанцев 1965 — *Д. Е. Казанцев*. Фонетические особенности йошкар-олинского говора марийского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1965.

Ключева 2016 — *М. А. Ключева*. Словарь по памятнику письменности «Начатки христианского учения» 1841 (2016) // <http://lingvodoc.ispras.ru/#/>, 2016.

Ключева 2017a — *М. А. Ключева*. Первые марийские буквари (лугового наречия) 1870-х гг. Ч. 2. Особенности консонантизма // Урало-алтайские исследования. 2017, 4 (27). С. 113—137.

Ключева 2017b — *М. А. Ключева*. О диалектной основе памятника марийской письменности «Начатки христианского учения или Краткая священная история и краткий катехизис, на черемисский язык лугового наречия переведенный в Казани 1839 года» // Филологические исследования — 2017. Фольклор, литературы и языки народов европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (9—13 октября 2017 г., Сыктывкар) / Отв. ред. *Ю. А. Крашенинникова*. Сыктывкар, 2017. С. 146—149. (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН).

Ключева 2021 — *М. А. Ключева*. Глагольная морфология в памятнике марийской письменности «Начатки христианского учения...» (1839 / 1841) // Урало-алтайские исследования. 2021, 1 (40). С. 31—46.

КМЯ — Корпус марийского языка: электронный ресурс / МарНИИЯЛИ // <http://corp.marnii.ru>

Коведяева 1970 — *Е. И. Коведяева*. Проблемы акцентуации марийского языка. М., 1970.

Коведяева 1978 — *Е. И. Коведяева*. Типологическая эволюция системы локальных падежей в истории марийского языка // Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам. М., 1978. С. 49—154.

Куклин 2013 — *А. Н. Куклин*. Олык-эрвел марий фонетика: Тунемме книга (Фонетика лугово-восточных мари [лугово-восточного марийского языка]. Учебное пособие). Йошкар-Ола, 2013. (на марийском языке)

- Лаврентьев 1966 — Г. И. Лаврентьев. Волжский говор марийского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола — Тарту, 1966.
- Марла молитва-влак 2005 — Марла молитва-влак (Марийские молитвы). Йошкар-Ола, 2005 (на марийском языке).
- МММ 2011 — Марий орфографий мутер (Марийский орфографический словарь). Йошкар-Ола, 2011 (на марийском языке).
- МСГМЯ 2012 — Л. И. Барцева, В. Н. Васильев, И. Г. Иванов, Л. С. Матросова, З. В. Учаев. Моркинско-сернурский говор марийского языка. Йошкар-Ола, 2012.
- Начатки — Начатки христианского учения или Краткая священная история и краткий катихизис, на черемиский язык лугового наречия переведенные в Казани 1839 года. Казань, 1841.
- Саваткова 2002 — А. А. Саваткова. Горное наречие марийского языка. Сомбатхей, 2002.
- Сиивонен 2010 — А. Т. Сиивонен. Исследование марийского диалекта в иноязычном окружении. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- СМЯ 1961 — Современный марийский язык. Морфология / Отв. ред. Н. Т. Пенгитов. Йошкар-Ола, 1961.
- У Сугынь 2007 — У Сугынь (Новый Завет) / Библийым кусарыше институт, Хельсинки 2007. Йошкар-Ола, 2007 (на марийском языке).
- Учаев 1991 — З. В. Учаев. Краткий грамматический очерк марийского языка // В. М. Васильев, А. А. Саваткова, З. В. Учаев. Марийско-русский словарь — Марла-рушла мутер. Йошкар-Ола, 1991. С. 463—509.
- Ялкайн 1958 — Ялкайн Я. Онго (Круг): роман. Йошкар-Ола, 1958. (на марийском языке)
- Beke 1957, I — Ö. Beke. Mari szövegek (Tscheremissische texte). K. I. Budapest, 1957.
- Beke 1961, III — Ö. Beke. Mari szövegek (Tscheremissische texte). K. III. Budapest, 1963.
- Beke 1961, IV — Ö. Beke. Mari szövegek (Tscheremissische texte). K. IV. Budapest, 1963.
- Beke 1997—2001 — Ö. Beke. Mari nyelvjárásai szótár (= Tscheremissisches Wörterbuch). T. I—IX. Szombathely, 1997—2001.
- Castren 1845 — M. Castren. Elementa grammatices tscheremissae. Kuopio, 1845.
- Riese et al. 2019 — T. Riese, J. Bradley, M. Schötschel, T. Yefremova. Mari (Марий йылме) An Essential Grammar for International Learners [Draft edition]. Vienna, 2019. URL: <https://www.univie.ac.at/maridict/site-2014/grammar/eg-temp.pdf>.
- Tscheremissische Sätze 1978 — Tscheremissische Sätze gesammelt von Yrjö Wichmann, herausgegeben von Alho Alhoniemi und Sirkka Saarinen. (SUST 163). Helsinki, 1978.

References

- Beke 1957, 1 — Ö. Beke. Mari szövegek (Tscheremissische texte). K. I. Budapest, 1957.
- Beke 1961, 3 — Ö. Beke. Mari szövegek (Tscheremissische texte). K. III. Budapest, 1963.
- Beke 1961, 4 — Ö. Beke. Mari szövegek (Tscheremissische texte). K. IV. Budapest, 1963.
- Beke 1997—2001 — Ö. Beke. Mari nyelvjárásai szótár (= Tscheremissisches Wörterbuch). T. I—IX. Szombathely, 1997—2001.
- Biryuk, Rozhanskii 2002 — O. L. Biryuk, F. I. Rozhanskii. Tretii lishnii (obstoyatel'stvennyi padezh v sisteme prostranstvennykh padezhei mariiskogo yazyka). In: Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 2. Grammatikalizatsiya prostranstvennykh znachenii v yazykakh mira / Red. Plungyan V. A. M., 2002. S. 107—125. {O. L. Biryuk, F. I. Rozhanskii. Three's a crowd (Adverbial case among the locative cases in Mari language). In: Studies in the theory of grammar. Issue 2: Grammarization of spatial meanings in the languages of the world / Ed. Plungyan V. A. Moscow, 2002. P. 107—125.}
- Castrén 1845 — M. Castrén. Elementa grammatices tscheremissae. Kuopio, 1845.
- Evangelié 1906 — Gospoda nashego Iisusa Khrista Svyatoe Evangelié ot Matfeya, Marka, Luki i Ioanna na chere-missskom yazyke. Kazan', 1906. {Our Lord Jesus Christ The Holy Gospel of Matthew, Mark, Luke and John in the Chere-mis language. Kazan, 1906.}
- Galkin 1964 — I. S. Galkin. Istoricheskaya grammatika mariiskogo yazyka. Morfologiya. Ch. I. Ioshkar-Ola, 1964. {I. S. Galkin. Historical grammar of the Mari language. Morphology. Part I. Yoshkar-Ola, 1964.}
- Gruzov 1965 — L. P. Gruzov. Fonetika dialektov mariiskogo yazyka v istoricheskom osveshchenii. Ioshkar-Ola, 1965. {L. P. Gruzov. Phonetics of dialects of the Mari language in historical perspective. Yoshkar-Ola, 1965.}
- Ivanov 1975 — I. G. Ivanov. Istoriya mariiskogo literaturnogo yazyka. Ioshkar-Ola, 1975. {I. G. Ivanov. History of the Mari literary language. Yoshkar-Ola, 1975.}
- Ivanov 1981 — I. G. Ivanov. Marii dialektologii. Universitetyse student-vlaklan tunemme kniga (Mariiskaya dialektologiya. Uchebnik dlya studentov universiteta). Ioshkar-Ola, 1981. (na mariiskom yazyke) {I. G. Ivanov. Mari dialectology. A textbook for universities. Yoshkar-Ola, 1981. (in Mari)}
- Ivanov, Tuzharov 1970 — I. S. Ivanov, G. M. Tuzharov. Severo-zapadnoe narechie mariiskogo yazyka. Ioshkar-Ola, 1970. {I. S. Ivanov, G. M. Tuzharov. North-Western dialect of the Mari language. Yoshkar-Ola, 1970.}

Kazantsev 1965 — *D. E. Kazantsev*. Foneticheskie osobennosti ioshkar-olinskogo govora mariiskogo yazyka. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tartu, 1965. {*D. E. Kazantsev*. Phonetic features of the Yoshkar-Ola dialect of the Mari language. Summary of a PhD thesis. Tartu, 1965.}

Klyucheva 2016 — *M. A. Klyucheva*. Slovar' po pamyatniku pis'mennosti "Nachatki khristianskogo ucheniya" 1841 (2016). In: <http://lingvodoc.ispras.ru/#/>, 2016. {*M. A. Klyucheva*. Dictionary of "Beginning of the Christian doctrine", 1841. In: <http://lingvodoc.ispras.ru/#/>, 2016.}

Klyucheva 2017a — *M. A. Klyucheva*. Pervye mariiskie bukvari (lugovogo narechiya) 1870-kh gg. Ch. 2. Osobennosti konsonantizma. In: *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2017, 4 (27). S. 113—137. {*M. A. Klyucheva*. The first Mari alphabet books of the meadow dialect (1870s): Part II. Features of Consonantism. In: *Ural-Altaiic Studies*. 2021, 4 (27). P. 113—137.}

Klyucheva 2017b — *M. A. Klyucheva*. O dialektnoi osnove pamyatnika mariiskoi pis'mennosti "Nachatki khristianskogo ucheniya ili Kratkaya svyashchennaya istoriya i kratkii katekhizis, na cheremiskii yazyk lugovogo narechiya perevedennyi v Kazani 1839 goda". In: *Filologicheskie issledovaniya — 2017. Fol'klor, literatury i yazyki narodov evropeiskoi chasti Rossii: formy, modeli, mekhanizmy vzaimodeistviya*. Sbornik statei po itogam Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (9—13 oktyabrya 2017 g., Syktyvkar) / Otv. red. *Yu. A. Krashennnikova*. Syktyvkar, 2017. S. 146—149. (Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya RAN). {*M. A. Klyucheva*. On the dialect basis of the monument of Mari writing "The Beginnings of Christian Doctrine or Concise Sacred History and a Concise Catechism, translated into the Cheremis language of the Meadow dialect in Kazan in 1839". In: *Philological studies — 2017. Folklore, literature and languages of the peoples of the European part of Russia: forms, models, mechanisms of interaction*. Collection of papers on the results of the All-Russian Scientific Conference (October 9—13, 2017, Syktyvkar) / Ed. *Yu. A. Krashennnikov*. Syktyvkar, 2017. P. 146—149. (Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences).}

Klyucheva 2021 — *M. A. Klyucheva*. Glagol'naya morfologiya v pamyatnike mariiskoi pis'mennosti "Nachatki khristianskogo ucheniya..." (1839/1841). In: *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2021, 1 (40). S. 31—46. {*M. A. Klyucheva*. Verb morphology in the monument of Mari writing "The Beginnings of Christian doctrine ..." (1839/1841). In: *Ural-Altaiic Studies*. 2021, 1 (40). P. 31—46.}

KMYa — Korpus mariiskogo yazyka: elektronnyi resurs / MarNIIYaLI {Mari Corpus}. URL: <http://corp.marii.ru>

Kovedyaeva 1970 — *E. I. Kovedyaeva*. Problemy aktsentuatsii mariiskogo yazyka. M., 1970. {*E. I. Kovedyaeva*. Problems of accentuation of the Mari language. Moscow, 1970.}

Kovedyaeva 1978 — *E. I. Kovedyaeva*. Tipologicheskaya evolyutsiya sistemy lokal'nykh padezhei v istorii mariiskogo yazyka. In: *Istoriko-tipologicheskie issledovaniya po finno-ugorskim yazykam*. M., 1978. S. 49—154. {*E. I. Kovedyaeva*. Typological evolution of the system of local cases in the history of the Mari language. In: *Historical and typological research on the Finno-Ugric languages*. Moscow, 1978. P. 49—154.}

Kuklin 2013 — *A. N. Kuklin*. Olyk-erVEL marii fonetika: Tunemme kniga (Fonetika lugovo-vostochnykh mari [lugovo-vostochnogo mariiskogo yazyka]. Uchebnoe posobie). Ioshkar-Ola, 2013. (na mariiskom yazyke) {*A. N. Kuklin*. Phonetics of Meadow-Eastern Mari. Yoshkar-Ola, 2013. (in Mari)}

Lavrent'ev 1966 — *G. I. Lavrent'ev*. Volzhskii govor mariiskogo yazyka. Diss. ... kand. filol. nauk. Ioshkar-Ola — Tartu, 1966. {*G. I. Lavrent'ev*. Volga dialect of the Mari language. PhD thesis. Yoshkar-Ola — Tartu, 1966.}

Marla molitva-vlak 2005 — Marla molitva-vlak (Mariiskie molitvy). Ioshkar-Ola, 2005. (na mariiskom yazyke) {Mari prayers. Yoshkar-Ola, 2005. (in Mari)}

MOM — Marii orfografii muter (Mariiskii orfograficheskii slovar'). Ioshkar-Ola, 2011. (na mariiskom yazyke) {Mari orthographic dictionary. Yoshkar-Ola, 2011. (in Mari)}

MSGMYa 2012 — *L. I. Bartseva, V. N. Vasil'ev, I. G. Ivanov, L. S. Matrosova, Z. V. Uchaev*. Morkinsko-sernurskii govor mariiskogo yazyka. Ioshkar-Ola, 2012. {*L. I. Bartseva, V. N. Vasil'ev, I. G. Ivanov, L. S. Matrosova, Z. V. Uchaev*. Morki-Sernur dialect of the Mari language. Yoshkar-Ola, 2012.}

Nachatki — Nachatki khristianskogo ucheniya ili Kratkaya svyashchennaya istoriya i kratkii katekhizis, na cheremiskii yazyk lugovogo narechiya perevedennyye v Kazani 1839 goda. Kazan', 1841. {The Beginnings of Christian Doctrine. Kazan, 1841.}

Riese et al. 2019 — *T. Riese, J. Bradley, M. Schötschel, T. Yefremova*. Mari (Марий йълме) An Essential Grammar for International Learners [Draft edition]. Vienna, 2019. URL: <https://www.univie.ac.at/maridict/site-2014/grammar/eg-temp.pdf>

Savatkova 2002 — *A. A. Savatkova*. Gornoe narechie mariiskogo yazyka. Sombatkhei, 2002. {*A. A. Savatkova*. Hill dialect of the Mari language. Szombathely, 2002.}

Siivonen 2010 — *A. T. Siivonen*. Issledovanie mariiskogo dialekta v inoyazychnom okruzhenii. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. M., 2010. {*A. T. Siivonen*. Study of the Mari dialect in a foreign language environment. Summary of a PhD thesis. Moscow, 2010.}

SMYa — Sovremennyyi mariiskii yazyk. Morfologiya / Otv. red. *N. T. Pengitov*. Ioshkar-Ola, 1961. {Modern Mari language. Morphology. Yoshkar-Ola, 1961.}

Tscheremissische Sätze 1978 — Tscheremissische Sätze gesammelt von Yrjö Wichmann, herausgegeben von Alho Alhoniemi und Sirkka Saarinen. (SUST 163). Helsinki, 1978.

U Sugyn' 2007 — U Sugyn' (Novyi Zavet) / Bibliiym kusaryshe institut, Khel'sinki 2007. Ioshkar-Ola, 2007 (na mariiskom yazyke). {New Testament / Bibliiym kusaryshe institut, Khel'sinki 2007. Yoshkar-Ola, 2007 (in Mari).}

Uchaev 1991 — Z. V. Uchaev. Kratkii grammaticheskii ocherk mariiskogo yazyka. In: V. M. Vasil'ev, A. A. Savatkova, Z. V. Uchaev. Mariisko-russkii slovar' — Marla-rushla muter. Ioshkar-Ola, 1991. S. 463—509. {Z. V. Uchaev. A concise grammatical sketch of the Mari language. In: V. M. Vasil'ev, A. A. Savatkova, Z. V. Uchaev. The Mari-Russian Dictionary — Marla-Rusla Muter. Yoshkar-Ola, 1991. P. 463—509.}

Vasil'ev 1927 — V. M. Vasil'ev. Elementarnaya grammatika mariiskogo yazyka. Posobie pri izuchenii mariisk. yazyka. Krasnokokshaisk, 1927. {V. M. Vasiliev. Elementary grammar of the Mari language. Krasnokokshaisk, 1927.}

Yalkain 1958 — Ya. Yalkain. Оҥго (Круг): roman. Ioshkar-Ola, 1958 (na mariiskom yazyke). {Ya. Yalkain. Circle: novel. Yoshkar-Ola, 1958 (in Mari).}

Изменение этноязыковой территории западных и южных манси в XVII—XX вв.

Часть I. Предуралье и бассейн Туры

Коряков Юрий Борисович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Институт языкознания РАН (Москва); ybkoryakov@gmail.com

В данной статье рассматриваются изменения этноязыковой территории манси (вогулов) в Предуралье и в бассейне Туры на протяжении XVII—XX вв. На большей части этих земель манси и мансийские языки исчезли не позднее начала — середины XIX в. Но в разных частях ассимиляция и вытеснение манси происходило немного по-разному и с разной скоростью.

Целью данной статьи является сведение воедино и систематизация сведений о распространении манси и мансийских языков в западной и южной части своего ареала на протяжении XVII—XX вв. В качестве материала для исследования использовались как первичные источники XVII—XIX вв., так и работы исследователей XIX—XXI вв. Особое внимание уделяется переписным материалам, а также данным по плательщикам ясака XVII в.

Результатом работы является подробная реконструкция географического распространения и демографического состояния манси (вогулов) в данном регионе после XVII в. Для всех упоминаемых в более ранних работах топонимов сделана географическая привязка, а также диахроническое соотнесение объектов из разных временных пластов. Для удобства изложения рассматриваемая территория разбита на несколько подареалов. Особое внимание было уделено времени исчезновения мансийских языков в каждом подареале и более точной географической привязке известных мансийских словарей XVIII—XIX вв. Собранные и систематизированные сведения иллюстрируются подробными этнолингвистическими картами, позволяющими сравнить ситуацию с манси и мансийским языком в разные века.

Такой анализ, построенный по ареальному принципу и с сопровождением проанализированных сведений подробными картами, делается впервые. Результаты работы, включая карты, могут быть востребованы специалистами разных профилей, в т. ч. лингвистами, занимающимися мансийской диалектологией и топонимией, этнографами и историками.

Ключевые слова: мансийский язык, вогулы, лингвогеография

CHANGES IN THE ETHNO-LINGUISTIC TERRITORY OF THE WESTERN AND SOUTHERN MANSI IN THE 17th—20th CENTURIES. PART I. CIS-URALS AND THE TURA BASIN

Yuri B. Koryakov, National Research University Higher School of Economics,
Institute of Linguistic RAS (Moscow); ybkoryakov@gmail.com

This article examines the changes in the ethno-linguistic territory of the Mansi (Voguls) in the Cis-Urals and in the Tura basin during the 17th—20th centuries. In most of these lands, the Mansi and Mansi languages disappeared no later than the early / middle 19th century. But the assimilation and displacement of the Mansi took place a little differently and at different speeds in different parts.

The purpose of this article is to bring together and systematize information about the distribution of the Mansi and Mansi languages in the western and southern parts of their range during the 17th—20th centuries. Both primary sources of the 17th—19th centuries and the works of researchers of the 19th—21st centuries were used as material for the study. Particular attention is paid to census data, as well as data on yasak payers of the 17th century.

The result of the work is a detailed reconstruction of the geographical distribution and demographics of the Mansi in this region after the 17th century. All toponyms mentioned in earlier works were georeferenced, and diachronic correlation of objects from different time layers was made. For convenience of presentation, the territory under consideration is divided into several sub-areas. Special attention was paid to the time of the disappearance of the Mansi languages in each sub-area and more accurate georeferencing of the known Mansi dictionaries of the 18th—19th centuries. The collected and systematized information is illustrated by detailed ethno-linguistic maps, which make it possible to compare the situation with the Mansi and the Mansi language in different centuries.

Such an analysis, based on the areal principle and accompanied by detailed maps, is being done for the first time. The results of the work, including maps, can be used by specialists of various profiles, incl. linguists studying Mansi dialectology and toponymy, ethnographers and historians.

Keywords: Mansi language, Voguls, linguistic geography

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-78-10139.

Введение

В данной статье мы подробно рассмотрим изменения этноязыковой территории манси в Предуралье и в бассейне Туры на протяжении XVII—XX вв. По современному административному делению это соответствует востоку Пермского края, западно-центральным районам Свердловской области и юго-востоку Республики Коми. Мансийский язык на этих территориях был утрачен большей частью в XVIII — начале XIX вв. В следующей работе будут рассмотрены западные манси северной части бассейна Тавды, где мансийский язык сохранялся вплоть до начала, а кое-где и до середины XX в.

XVII в. выбран как время окончательного вхождения данных территорий в состав России, административного их обустройства и, что самое важное, обложения ясаком местного населения. Именно на данных по плательщикам ясака (ПЯ) основываются наши первые подробные сведения о расселении манси. В течение последующих веков происходило, с одной стороны, сокращение этой территории, особенно ее южной и юго-западной частей, за счет ассимиляции сибирскими татарами и русскими, а с другой — расширение на север и частично на северо-восток, за счет переселения групп манси.

О лингвонимах

До середины XX в. единственным названием на русском и европейских языках было *вогулы* и *вогульский* (еще ранее *вогуличский*) язык (соответственно венг. *vogul*, фин. *voguli*, нем. *Wogul*, *Wogulisch*, англ. *Vogul*), название «манси» впервые было использовано в заглавии книги в [Остроумов 1904], в качестве лингвонима по-русски «мансийский» стали использовать В. Н. и И. Я. Чернецовы [Чернецова 1935; Чернецов, Чернецова 1936], а в написании латиницей одним из первых был Дьёрдь Лако [Lakó 1957]. При этом если в русском «вогульский» в качестве лингвонима практически больше не использовался, то в других языках его использование продолжалось еще многие годы. На сегодняшний день последней монографией, в названии которой используется это слово, является [Riese 2001], которая так и называется *Vogul*.

Далее в тексте, когда речь идет о времени до начала XX в., используются преимущественно слова «вогулы, вогульский», после этого — только «манси, мансийский».

Источники

Наиболее ранняя реконструкция этноязыкового состава территорий, заселенных вогулами, представлена в работе Б. О. Долгих [1960]. Она основана на данных по ПЯ в течение всего XVII в.

Данные по XVIII — 1-й пол. XIX вв. основываются в основном на описаниях путешественников и исследователей того времени (например, С. Ремезова, Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, П. С. Палласа, А. Эрмана, Г. П. Гельмерсена), проанализированных во многих более современных работах. Языковые данные за XVIII в. проанализированы в работах Я. Гуи (в частности, [Gulya 1958]), Ю. В. Норманской [2020] и И. В. Федотовой [2021].

С конца XIX в. мы располагаем достаточно подробными данными о распространении мансийского народа и о сохранности мансийских языков в разных местах его проживания, а также подробными лингвистическими сведениями о мансийских языках. Прежде всего, данные об этнической принадлежности деревень начинают появляться в поселенных списках соответствующих губерний (Пермская [СНМПГ 1905] и Тобольская [ВНМ-10-11 1895; СНМТГ 1904]). Затем проводится первая Российская перепись населения, результаты которой доступны на уровне поселений (Тобольская губерния [Патканов 1911]) или волостей/уездов (Пермская губерния [ПВПНРИ 1904]). Наконец, места проживания манси посещаются несколькими венгерскими и финскими учеными, которые среди прочего составили подробные карты этих мест (Регули, Папай) и провели подробное статистическое исследование мансийских деревень (Каннисто).

Следующим надежным источником является перепись населения 1926 года, однако для территорий, рассматриваемых в данной работе, ее сведения уже нерелевантны, так как к этому времени все местные вогулы были полностью ассимилированы [СНПУО-10 1928; СНПУО-11 1928].

Большой объем архивных и других данных проанализирован в работах З. П. Соколовой [1983; 1990; 2009], а также в работах других исследователей XX—XXI вв., ссылки на которых даются в соответствующих местах.

История административного деления в XVII—XXI вв.

Территория расселения манси неоднократно претерпевала административные изменения, поэтому в данном разделе мы приведем краткий обзор основных вех этого процесса. Ниже в составе более круп-

ных образований упоминаются в основном только те составные единицы (как правило, уезды), на территории которых жили вогулы.

Вогульские земли в Предуралье к началу XVII в. входили в состав следующих уездов: Соликамского, Чердынского, Уфимского [Долгих 1960: 18—19; Водарский 1977: 233—263]. В 1660-х гг. из Соликамского был выделен Кунгурский уезд. Фактически отдельной единицей являлись вотчины **Строгановых**, занимавшие земли от Соликамска и р. Яйвы (Соликамский уезд) на севере до ср. течения р. Чусовой на юге и позднее вошедшие в Пермский уезд [Карта 1862].

В 1580-е гг. в Зауралье, на территориях Сибирского ханства, присоединенных к России, был образован **Тобольский разряд**. Вогулы населяли следующие **уезды** в его составе: Тобольский (создан в 1587 г.), Пельмский (1593), Березовский (1593), Верхотурский (1598) и Туринский (1600) [Долгих 1960: 20, 28, 34, 56, 64]. В 1687—93 гг. Верхотурский, Пельмский и Туринский уезды выделялись в отдельный Верхотурский разряд [Петрова 2003: 12]. Границы уездов XVII в. показаны на картах 3—5.

В 1708 г. большая часть вогульских земель вошла в **Сибирскую губернию**, кроме Уфимского уезда, который вошел в Казанскую губернию [Петрова 2003: 12].

В 1719 г. Сибирская губерния была разделена на три **провинции**: Вятскую, Соль-Камскую (Соликамский и Чердынский уезды, которые включали вогульские земли к западу от Урала) и Тобольскую (вкл. в т. ч. Верхотурский, Берёзовский, Пельмский, Тобольский и Туринский уезды) [Петрова 2003: 5, 12; Софронов 2007: 75].

В 1724 г. Кунгурский уезд был передан из Вятской провинции в Соликамскую [ПСЗРИ-07 1830: 501]. В 1727 г. Вятская и Соликамская провинции были переданы в Казанскую губернию [Петрова 2003: 12], а из Тобольской последовательно выделялись всё новые провинции на востоке и юге. В 1737 году Соликамская провинция Казанской губернии переименована в Кунгурскую, в 1745 — в Пермскую [Арсеньев 1848: 87, 96].

В 1781 г. было образовано **Пермское наместничество** из территории ликвидированной Пермской провинции Казанской губернии, западной части Тобольской провинции Сибирской губернии и северной части Уфимской (Красноуфимский уезд) провинции Оренбургской губернии. Оно состояло из **Пермской** (вкл. в т. ч. Красноуфимский и Пермский (образованы в 1781), Чердынский, Соликамский и Кунгурский уезды) и **Екатеринбургской** (вкл. в т. ч. Верхотурский и Ирбитский уезды) областей [ПСЗРИ-21 1830: 21; Трапезников 1998: 15].

В 1780—1782 гг. Тобольская провинция была преобразована в **Тобольское наместничество** в составе двух областей (Тобольской и Томской) [Петрова 2003: 13; Софронов 2007: 76—78].

В 1796/97 г. были образованы **Пермская** и **Тобольская губернии**. В первую вошли земли западных и южных вогулов (в т. ч. Чердынский, Соликамский, Пермский, Кунгурский, Красноуфимский и Верхотурский уезды; территории современных Пермского края и Свердловской области) [Трапезников 1998: 21], во вторую — земли северных и восточных вогулов (в т. ч. Берёзовский, Туринский и Тобольский уезды; территория современного Ханты-Мансийского округа и северо-запада Свердловской области) [Петрова 2003: 13]. Это деление сохранялось вплоть до преобразований советского времени и показано на карте 1, наряду с современным административным делением.

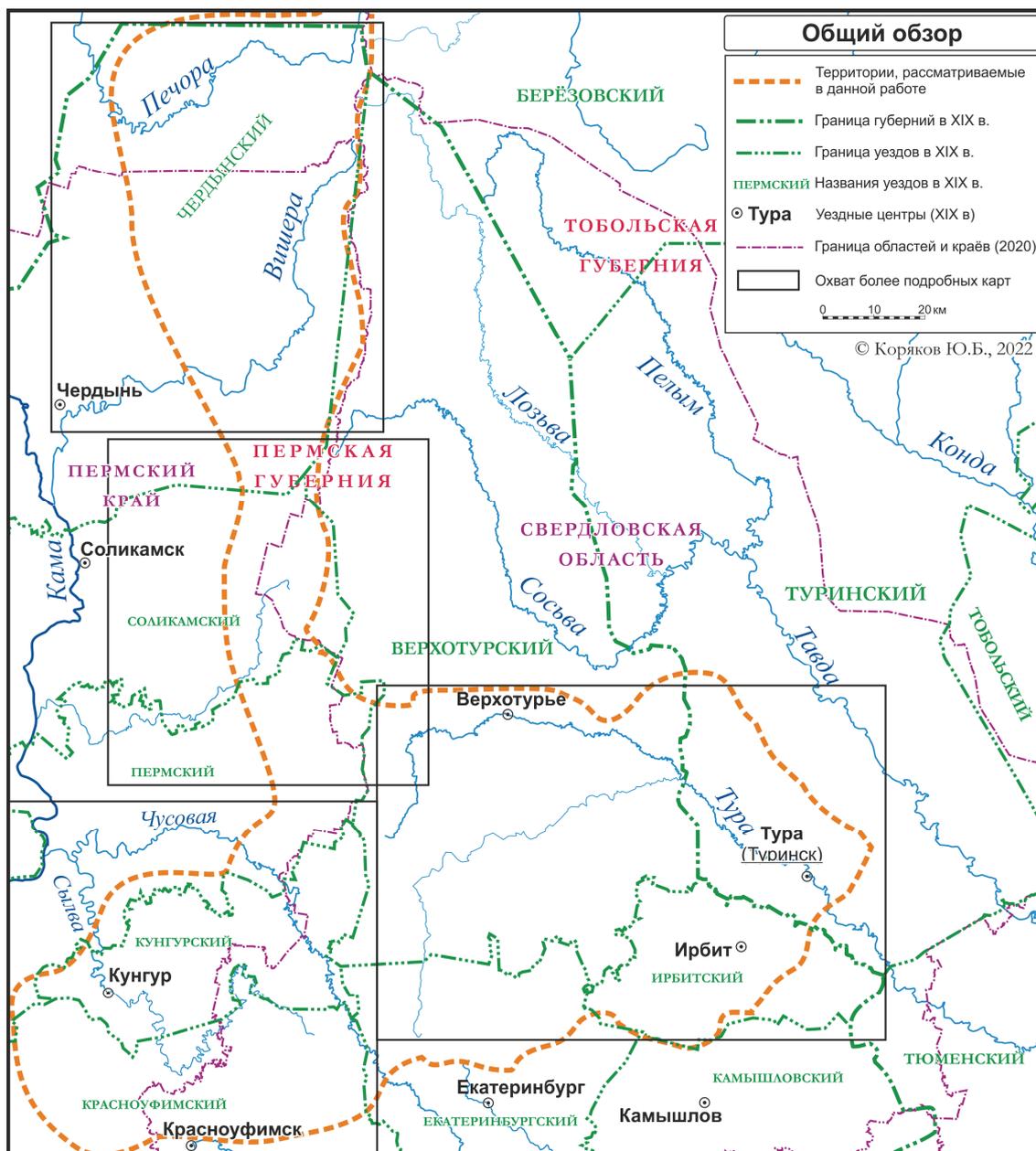
В 1919 г. из Пермской губернии была выделена **Екатеринбургская**. В 1920 г. Тобольская губерния была переименована в Тюменскую [Петрова 2003: 58].

В 1923 г. все земли вогулов оказались в составе **Уральской области**, где они были представлены в Верхне-Камском, Ирбитском, Тагильском, Тобольском округах. Окончательно исчезло вогульское население территорий, вошедших в состав Кунгурского, Пермского и Свердловского округов [Петрова 2003: 58]. В 1930 г. округа были ликвидированы (за исключением Тобольского), основной административной единицей стал район [Петрова 2003: 9—10, 65]. В том же году был образован Остяко-Вогульский национальный округ (переименован в 1940 г. в Ханты-Мансийский) [Петрова 2003: 213].

В 1934 г. Уральская область разделена на три области — **Свердловскую** (включавшую нынешний Пермский край), Челябинскую и Обско-Иртышскую область (ныне Тюменскую с округами). Обско-Иртышская в том же году была включена в Омскую область [Петрова 2003: 10, 63]. В 1938 г. из Свердловской была выделена **Пермская** область (с 1947 по 1957 гг. называлась Мблотовской областью) [Указ 1938]. В 1944 г. из состава Омской была выделена **Тюменская** область, включавшая в т. ч. ХМАО [Петрова 2003: 10]. Наконец, в 2003 г. Пермская область объединилась с Коми-Пермяцким автономным округом с образованием Пермского края.

Таким образом, наиболее стабильной единицей административного деления были уезды. На рассматриваемых территориях большая их часть существовала с конца XVI в., лишь несколько уездов возникло позже: Кунгурский (1648), Красноуфимский (1781), Пермский (1781).

Ниже для территориальных групп дается привязка к уездам (в границах XVII и конца XIX вв.) и современному административному делению (на 2020 г.).

Карта 1. Административное деление рассматриваемой территории в XIX в. и 2020 г. и расположение более подробных карт

По территориальным группам

В данном разделе рассматривается история вогулов и мансийских языков по отдельным территориальным группам. Эти группы в целом коррелируют с реками и частично соответствуют ясачным волостям XVII в. Для рассматриваемого в работе региона эти группы можно разделить на следующие более крупные ареалы: Предуралье (его средняя часть: верховья рек Печора, Вишера, Косьва, Ирень, Сылва, Чусовая, Уфа) и бассейн Туры (вкл. бассейны рек Аят и Мулгай).

Предуралье

Хотя ранее предполагалось довольно широкое распространение мансийских языков на запад от Урала [Теплоухов 1924; Kannisto 1927], более тщательный анализ мансийских топонимов и субстратной лексики в русских говорах говорит о том, что граница манси не уходила в большинстве мест дальше западных предгорий Урала [Напольских 2015: 192—193; Смирнов 2012: 73; Гайдамашко 2022: 44].

Рассмотрим эти мансийские территории по бассейнам отдельных рек.

Печора

Верховья Печоры входили в XVII—XIX вв. в состав Чердынского уезда (с 1796 г. в составе Пермской губернии), поэтому верхнепечорских вогулов часто рассматривают вместе с вишерскими вогулами. Лишь в 1949 г. верховья Печоры были переданы в Троицко-Печорский район Коми АССР. Среднее течение Печоры относилось к Усть-Сысольскому уезду, позднее вошедшему в Вологодскую губернию, а в XX в. — в состав Коми АССР.

Долгих [1970: 35] и Лашук [1958: 117—118] считают, что в XVI—XVII вв. Печора в районе примерно от устья Илыча (Ольса) до устья Щугора (Сакурьи) осваивалась вогулами, родственными сосьвинско-ляпинским вогулам. По данным 1607 г. известны «печерские остяки» «за каменем» на р. Пеыре (Долгих предполагает, что это р. Печора): 9 ПЯ, всего ок. 36 чел. [Долгих 1960: 25—26].

В то же время, в XV—XVII вв., бассейн Печоры осваивался русскими с юга, из Прикамья. В 1678 г. верхнепечорские и верхневишерские вогулы пишут податную царю, прося защиты от русских переселенцев. Однако «в XVII в. русская колонизация замедлилась, поскольку и без того суровые природно-климатические условия Русского Севера ухудшились во время “малого ледникового периода”» [Алейников 2017: 4]. Согласно грамоте, выданной в 1775 г. взамен сгоревшей челобитной, поданной в 1678 г. царю, вогульские владения включали тогда верховья Печоры вверх от Усть-Волосницы (совр. Волосница) [Глушков 1900: 8—9]. С нач. XIX в., в связи с улучшением климата, русская колонизация продолжилась. В верховьях Печоры были основаны несколько деревень. Основной была **Усть-Унья**, основанная в 1800-е гг. выходцами с р. Колвы, которые «недалеко от устья Уньи встретили чумы вогулов и взяли себе в жены вогулок» [Варсановьева 1929: 78]. «Манси постепенно переселялись в верховья р. Унья, частично к вершинам Уральского хребта и притокам р. Сосьвы» (Архив Института этнологии и антропологии РАН. Фонд Пермско-Печорского отряда. Д. 7958. Л. 4 об.—5, цит. по [Чагин 2012: 144]), где сформировалась группа так называемых *уньинских* вогулов. Возможно, именно эта группа (вместе с вишерскими вогулами) послужила основой для верхнелозьвинских вогулов (Бахтияровы). Во всяком случае, не позднее конца XIX в. сложилась система выпаса оленей, при которой «горные хребты и отроги в верховьях Печоры и Илыча *занимали* летние пастбища северо-сосьвинских манси, а в верховьях Уньи и Вишеры — верхнелозьвинских» [Алейников 2017: 9]. В то же время Варсановьева пишет, что «ко времени организации заповедника в 1930 г. вогулы лишь изредка посещали бассейн Верхней Печоры. Они кочевали только по вершинам Уральского хребта и не спускались в область западных предгорий» [Варсановьева 1929]. При этом у каждой семьи был свой наследуемый участок пастбищ, часто привязанный к определенной вершине, а также таежные охотничьи и рыболовные угодья. В конце 1920-х гг. эта система начала разрушаться, «и вновь приходящие из Сибири оленщики самовольно начинают селиться на Уральских вершинах, не считаясь с мнением их исконных владельцев...» [Варсановьева 1929: 97]. Как пишет Чагин [2012: 148], «впоследствии манси, которых мы рассматривали, сосредоточились в бассейне р. Лозьвы, где часть их проживает в настоящее время», однако когда именно манси перестали приходить на летние пастбища в верховья Уньи и Печора, точно неизвестно; возможно, окончательно это произошло лишь с утратой оленеводства в 1950—1970-е гг. [Фёдорова 2016: 2].

Бассейн Вишеры

Весь бассейн Вишеры в 1598 г. был включен в Верхотурский уезд, а в 1607 г. передан в Чердынский. Эта территория оставалась в Чердынском уезде Пермской губернии вплоть до преобразований советского времени. По состоянию на 2020 г. эта территория входит в Чердынский и Красновишерский районы Пермского края.

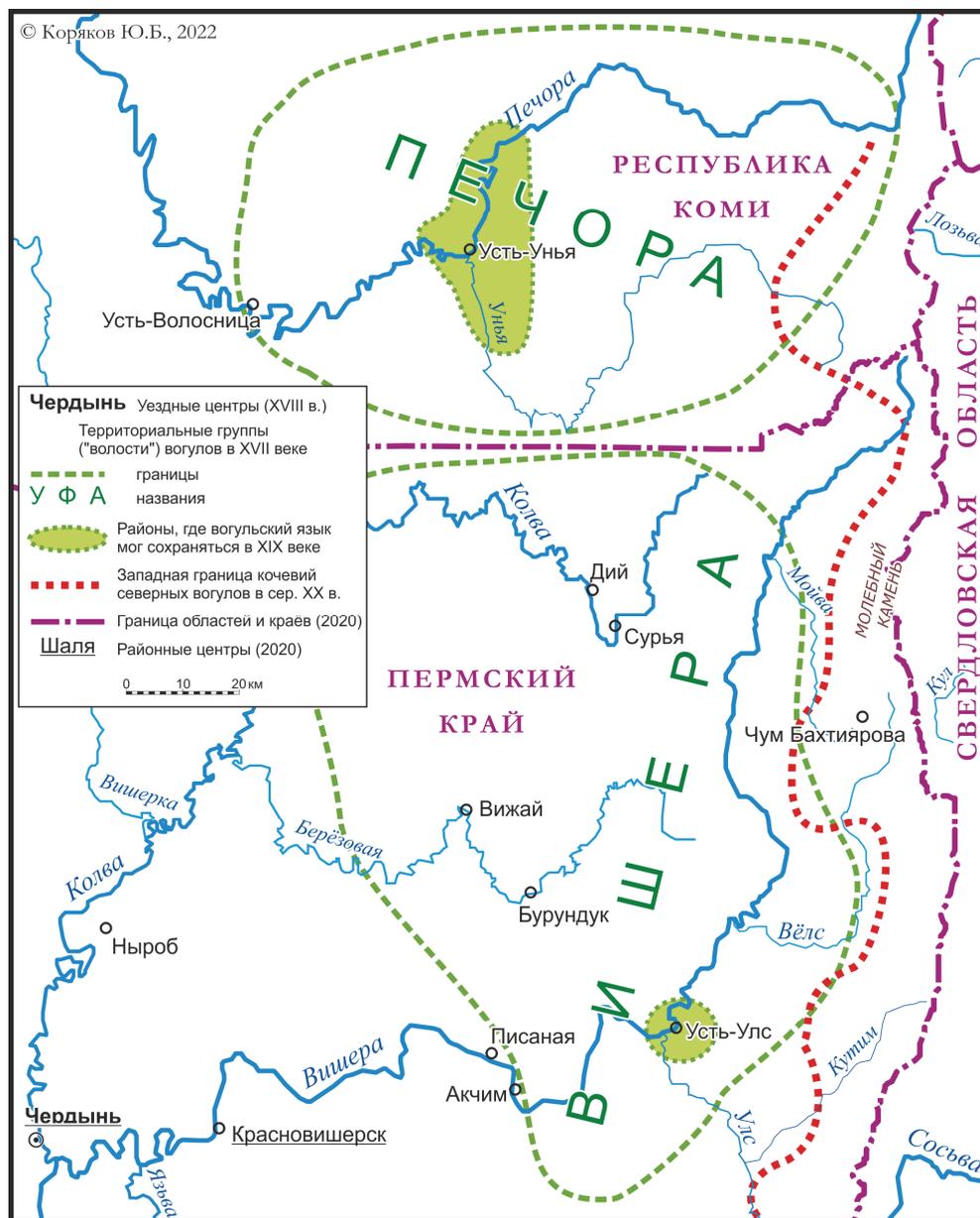
Колва (приток Вишеры)

В XVI—XVII вв. вогулы жили на верхней Колве, а коми-пермяки — на нижней и, возможно, средней [Гайдамашко 2022: 41—42]. По данным Долгих, в 1607 г. предположительно на р. Берёзовой (приток Колвы, где позднее было село Бурундук, см. карту 2) располагались юрты сотника Бурундука (8 ПЯ, ок. 40 чел.) [Долгих 1960: 25—26].

Вогулы отмечались здесь и в XVIII в. при Генеральном межевании: они жили около **Ныроба** и занимались лесными промыслами. По данным 8-й ревизии (1830-е гг.), в Чердынском уезде по Колве было 60 вогульских семей, а в 1850-х гг. — 71 семья [Полякова 2001: 56—57]. Однако по переписи 1897 г. уже ни одного вогула на Колве не было записано.

Вишера

Среди вишерских вогулов следуют различать оседлое населения (по языку изначально западномансийское, но рано русифицированное) и кочевых оленеводов предгорий Урала, тесно связанных с манси верховий Лозьвы и говоривших по-северномансийски.

Карта 2. Бассейн Вишеры и верховья Печоры

В верховьях Вишеры, по данным Долгих, на 1607 г. был известен юрт на р. Велсуе (совр. Вёлс, 18 чел. ПЯ, ок. 70 чел.) [Долгих 1960: 25—26].

«В XVIII в., по данным ревизских переписей (сказок) и исповедных росписей церковных метрических книг, ... незначительное число вогулов продолжало жить на Вишере и Чусовой (ТФ ГАТО. Ф. 154—156)» [Соколова 2009: 84]. Архимандрит Платон Любарский в 1787 г. отмечает на р. Вишере три вогульские деревни [Кривошеков 1914: 747].

Чердынские и вишерские вогулы, по сведениям А. Регули, еще в начале XVIII в. мигрировали на восточный склон Урала в районы верховьев Лозьвы и в ее междуречье с Ивделью из-за богатых охотничьих угодий. И эти места были им дарованы «особой грамотой императрицы Екатерины II» [Регули 1849: 162]. В XVIII в. происходили также отдельные переселения внутри мансийской территории, в т. ч. в обратном направлении, т. е. с Лозьвы на Вишеру [Долгих 1960: 24].

По воспоминаниям, собранным Белдыцким [1899: 27], еще в 1840-х гг. «Усть-Улс населяли исключительно оседлые вогулы». Постепенно туда стали переселяться русские охотники из деревень Акчима и Писаной, население стало смешиваться, язык был утрачен, и к началу XX в. в этом селе оставалось 12 вогульских дворов и около 100—120 чел. вогульского происхождения.

По сведениям Антала Регули, в середине XIX в. в селе Усть-Улс оставалось всего три вогульские семьи [Páray 1906: 358], а во всем Чердынском уезде перепись населения 1860 г. выявила 69 манси [Gulya 1958: 42]). На истоке реки Вишера жил один из информантов Регули (в 1843—1844 гг.) Алексей Казимов (Богатый, Хозумов или Хозимов). Как предполагает Г. Секей [2012: 96], топоним *Waigon päng kväll* «Избушка мужчины с седым волосом» на карте Регули указывает именно на этого информанта.

В конце XIX в. профессор Крылов, путешествовавший по Вишере, пишет, что по воспоминаниям стариков-охотников, вогульские юрты раньше стояли по берегам Вишеры и ее притоков, выше современной деревни Акчима [Манси Вишеры б/д].

Как пишет Глушков: «Во второй половине 19 столетия перекочевало на р. Лозьву и ее притоки и остальное вогульское население; осталось только несколько семейств, теперь совершенно обрусевших, населяющих деревню Усть-Улс и носящих фамилию Соловаровых. Усть-Улс — последняя деревня на Вишере» [Глушков 1900: 11]. По данным переписи 1897 г., в Чердынском уезде оставалось 79 вогулов [ПВПНРИ 1904: 96], все — в д. Усть-Ульс Сыпучинской волости Чердынского уезда [СНМПГ 1905: 365]. Усть-улсуйский диалект рассматривается в работе [Kannisto 1918].

Помимо оседлых усть-улсуйских вогулов в конце XIX — начале XX в. в верховья Вишеры на летние пастбища приходили несколько семей оленеводов манси, носивших фамилию Бахтияровы [Соколова 2009: 84]. На юге они достигали истоков р. Язьва (горы Кваркуш), на севере — истоков р. Вишера (Молбный Камень) и занимали всё пространство между верхним течением р. Вишера и верховьями правых притоков верхней Лозьвы и верхней Сосьвы [Глушков 1900: 11; Алейников 2017: 6]. Вся южная и центральная часть заповедника «Вишерский», простирающаяся от гор Мартай и Нятай-Тумп в сторону Большой Мойвы и Ниолса, были родовыми угодьями мансийского рода Бахтияровых. К северу от них располагаются земли соседнего рода лозьвинских манси — Анямовых [Манси Вишеры б/д].

Те же Бахтияровы (позднее Бахтияровы) продолжали кочевать на водоразделах Колвы, Вишеры и Уньи и в течение всего XX в., вплоть до 1980-х гг. Тогда здесь было много оленьих пастбищ. В 1980-90-х гг. перегонные тропы были заброшены и сильно заросли.

Е. Г. Фёдорова по результатам своей поездки к ивдельским манси в 1987—1988 гг. упоминает Юрты Бахтияровы в верховьях р. Вишера [Фёдорова 2000, 13; Фёдорова 2002, 115]. На картах они фигурируют под названием «Чум Бахтиярова», между истоками рек Мойва и Вёлс (оба — притоки Вишеры).

В нач. XXI в. с р. Кул (приток р. Вижай, Свердловская область) сюда переселилась одна из семей Бахтияровых, которые с помощью администрации и работников заповедника «Вишерский» частично восстановили перегонные тропы [Карцев, Казанцев 2012]. После смерти в 1997 г. предыдущего главы рода Николая Якимовича Бахтиярова его подростки окончательно забросили свой старинный оленеводческий промысел. Некогда многочисленное поголовье домашних оленей быстро сошло на нет. Ныне вишерские Бахтияровы не имеют собственного стада и обеспечивают себя в основном за счет работы в заповеднике [Манси Вишеры б/д]. Как пишет Слинкина [2015: 15], на территории Вишерского заповедника живут двоюродные братья Бахтияровы — Алексей (лаборант научного отдела заповедника на кордоне «Лиственничный») и Михаил (инспектор охраны на базе бывшей метеостанции «Мойва»).

Язьва (приток Вишеры)

Хотя по данным переписи Яхонтова 1579 г. всё течение Язьвы выше впадения Глухой Вильвы — ныне занятое коми-язьвинцами — принадлежало вогулам [Белавин и др. 2009: 3], в XVII в. вогулы на Язьве не упоминаются. В то же время, согласно грамоте, выданной в 1775 г. взамен сгоревшей челобитной, поданной в 1678 г. царю и хранившейся в с. Верх-Язьва, земельные угодья новокрещенных яшашных вогулов включали среди прочего верховья реки Язьвы [Глушков 1900: 8—9; Кривошеков 1914: 747]. Дорусская топонимия же средней и нижней Язьвы «имеет отчетливо выраженный пермский характер» [Смирнов 2012: 74].

Косьва (приток Камы)

В XVII в. бассейн Косьвы целиком находился во владениях Строгановых. В XVIII в. верхняя часть бассейна Косьвы относилась к Соликамскому уезду, позднее включенному в состав Пермской губернии. По состоянию на 2020 г. эта территория входит в Александровский и Кизеловский районы Пермского края и в городской округ Карпинск Свердловской области.

По данным Долгих, на 1625—26 гг. был известен вогульский юрт на р. Косьве (8 ч. ПЯ, ок. 30 чел.), которые позднее слились с русскими [Долгих 1960: 24]. Хотя считается, что в XVIII в. на Косьве угорского населения не оставалось [Соколова 2009: 305], концом этого века датируется мансийский словник, собранный для словаря П. С. Палласа в Соликамском уезде [Федотова 2021]. Так как в других местах этого уезда вогулы не отмечались, можно предположить, что этот словарь отражает речь косьвинских вогулов. На материале субстратных заимствований в русские говоры Гайдамашко выделяет яйвинско-коосьвинский (центральный) мансийский ареал, соответствующий данной группе вогулов [Гайдамашко 2022: 52—53].

Усьва и Койва

Усьва и Койва — крупные северные притоки р. Чусовая. В XVII в. эти земли находились во владениях Строгановых. В XVIII в. они относились к Пермскому уезду Пермской губернии. По состоянию на 2020 г. эта территория входит в Горнозаводский район Пермского края.

Карта 3. Верховья Косьвы, Усьвы и Койвы

По данным Долгих, на 1626 г. один из юртов Баянковой сотни (позднее называлась волостью «вверх Туры реки») — юрт «вверх Усьвы реки» (9 чел. ПЯ, ок. 45 чел. всего) — занимал территории в верхнем течении рек Усьва и Койва. По его сведениям, вогулы сохранялись здесь в течение XVII в., а затем, видимо, растворились среди пришлого русского населения [Долгих 1960: 21—26].

Чусовая

В 1598 г. среднее и верхнее течение реки Чусовой (приток Камы) было включено в Верхотурский уезд, а в 1607 передано в Чердынский. В 1648 г. эта территория вошла в Кунгурский уезд, который позднее был включен в состав Пермской губернии. При этом в XVII в. эти земли находились во владениях Строгановых. По данным Генерального межевания Пермской губернии 1780—1790 гг., предполагаемая территория вогулов была разделена между Пермским и Кунгурским уездами. В конце XIX в. эта территория входила в основном в Кунгурский уезд Пермской губернии. По состоянию на 2020 г. эта территория находится на границе Свердловской области (Кушвинский район и Городской округ Нижний Тагил) и Пермского края (Лысьвенский и Горнозаводский районы).

По данным Долгих, на 1625—26 гг. в верхнем бассейне реки Чусовой («Верх Чусовой реки») жили «татары» (1 юрт «верхних терсяков», которых Долгих считает башкирами; 16 взрослых + 3 подростка) и чусовские вогулы. Татары в 1630 г. бежали в Тюменский уезд к соплеменникам. Вогульским числился юрт Копчика Ямашева: 30 ПЯ, всего около 120 чел.. В 1710 г. из 76 ПЯ 33 были уже русскими [Долгих 1960: 23].

Карта 4. Бассейн Чусовой и Уфы

В течение XVII и XVIII вв. чусовские вогулы частично переселились на северо-восток (на Сосьву, Лозьву, Пелым), частично ассимилировались русскими и башкирами/татарами [Соколова 2009: 84, 87—89].

В XVIII в. Миллер упоминает на реке Чусовой деревни *Garewal biul* (*Babonkina*, Бабёнки) и *Kopsich biul* (Копчик, позднее с. Луговое) [Миллер 1941: 218] и деревню в среднем течении р. Серебряной [Смирнов 1996: 55]. Георги, посетивший в 1773 г. Чусовую, описал те же две вогульские деревни Бабёнки и Копчик [Georgi 1775: 596—600]. В Бабёнках часть населения уже тогда была русской. В 1843—1845 гг. чусовских вогулов встречал А. Регули [Páray 1906: 367—368]. Неизвестно точно, когда здесь был забыт вогульский язык. Так, по сообщению членов экспедиции, посланной от Казанского общества естествоиспытателей в Богословский край «для исследования диких вогулов», Н. Сорокина и Н. Малиева, посетивших летом 1872 года Бабёнки и Копчик, жители указанных деревень совершенно не умели говорить на родном языке [Чупин 1877: 102]. По данным на 1864 г., в Кунгурском уезде жило 162 вогула [Мозель 1864: 295].

По данным переписи 1897 г., родным вогульский язык в Кунгурском уезде указало 193 чел., все в сельской местности [ПВПНРИ 1904: 96]. Однако, учитывая вышеизложенные свидетельства, приходится считать, что имеется в виду этническая принадлежность.

В д. Копчики в 1902 г., по данным Остроумова, проживало 72 вогула, обложенных ясаком [Остроумов 1904: 27]. По данным Списка населенных мест Пермской губернии за 1904 г. [СНМПГ 1905: 105—106], в Кыновской волости Кунгурского уезда вогулы сохранялись лишь в одной деревне (см. табл. 1).

Таблица 1. Вогульские деревни на Чусовой

Стр.	Деревни	Сельское общество	Всего, чел.	Вогулы	Русские
106	Копчик	Копчиковское	266	157	109
105	Бабенка	Подзаводское	65	0	65

По данным переписи 1926 г., в обеих деревнях (Ослянский сельсовет Тагильского округа Уральского области) числились только русские [СНПУО-11 1928: 54].

Что интересно, по мнению местных жителей в сер. XX в., вогульскими считались не только Бабёнки и Копчик, но и все низовские деревни: Стерляжье, Чизма, Коноваловка, а еще ниже — Усть-Койва [Гринкевич б/д: 5], хотя по данным даже начала XX в. вогулов там (Кузье-Александровская волость Пермского уезда) не числилось [СНМПГ 1905: 251].

Ирень и Сылва

Бассейн рек Сылва (приток Чусовой) и ее главного левого притока Ирени в 1598 г. были включены в Верхотурский уезд, а в 1607 г. переданы в Чердынский. В XVII в. эти земли были включены в Кунгурский уезд, но находились во владениях Строгановых. К концу XVIII в. часть территорий Кунгурского уезда была передана в соседние уезды, так что большая часть бассейна верхней Сылвы и Ирени (так называемое Сылвенско-Иренское поречье) оказалась в Красноуфимском уезде Пермской губернии. По состоянию на 2020 г. эта территория находится в основном в Пермском крае (Кунгурский, Ординский, Берёзовский, Кишертский, Суксунский, Уитский и частично Лысьвенский и Октябрьский районы) и в приграничных районах Свердловской (Шалинский и Красноуфимский) области.

По данным переписи М. Кайсарова, в 1623—24 г. на Сылве и Ирени было 72 юрты, в которых числилось 86 мужчин, по-видимому, глав семей. Из этих юрт четыре были черемисские (т. е. марийские), одна мордовская, а остальные — «татарские и остяцкие» [Кунгурская 1623—1624]. Согласно описанию в переписи, эти юрты занимали территорию бассейна Сылвы вверх от места впадения Ирени (район города Кунгур), включая бассейн самой Ирени. Вопросы этнической принадлежности здешних «остяков» касается А. А. Преображенский, который на основе анализа большого количества старых документов приходит к выводу, что «применительно к началу XVII в. правильнее было бы признать население в районе Сылвы мансийским, а не хантским» [Преображенский 1956: 12—13].

Согласно историческим свидетельствам (Акты археографической..., т. III, № 118; Верхотурские грамоты, ч. 1, 1982: 22—23, цит. по [Соколова 2009: 87]), вогулы терпели постоянные притеснения от Строгановых, активно осваивавших эти земли и согнавших вогулов со старых мест [Белавин и др. 2009: 3; Полякова 2001: 56—57]. Как следствие, сылвенские и иренские вогулы постепенно переселялись отсюда на восток и северо-восток: на Сосьву, Лозьву, Пелым [Соколова 2009: 87].

Хотя в Переписной книге 1678—1679 гг. вогулы не числились среди нерусского населения (упоминаются татары, черемисы, вотяки) (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 226. Л. 353—353 об., цит. по [Чагин 2013: 6—7]), по сведениям на конец XVIII в. вогулы сохранялись в деревне Шигаевой на реке Сылве. По данным на 1872 г., там всё еще жили обруселые вогулы [Чупин 1873: 334—360]. По данным Списка населенных мест Пермской губернии за 1904 г., в деревне Шигаева (Вогульцы) Сылвинской волости Красноуфимского уезда жили только русские (несмотря на название) [СНМПГ 1905: 91].

Уфа

В XVII в. земли верховой Уфы относились к Верхотурскому уезду. В 1781 г. они отошли к вновь созданному Красноуфимскому уезду Пермской области, затем Пермской губернии. По состоянию на 2020 г. эта рассматриваемая территория входит в Ачитский, Нижнесергинский и Бисертский районы Свердловской области.

По данным Долгих, на 1625—26 гг. в верхнем бассейне р. Уфа («Верх Уфы реки») жили татары и вогулы. Они были представлены одним юртом («верх уфинские татаровья»; 17 взрослых ПЯ и 3 подростка, всего ок. 80 чел.). Долгих считал, что часть из них являются предками башкир, часть — вогулами, на основании того, что в конце XIX в. здесь жили вогулы. Часть верхуфимских «татар» (башкир) в 1641, 1646 и 1648 гг. «отошла на Уфу», остальные вместе с аятскими вогулами в 1663 г. в количестве 52 чел. «изменили и отъехали в поле» [Долгих 1960: 23—24].

По мнению Соколовой, «к началу XVIII в. исчезло угорское население с Уфы, Аязозера. К этому времени, очевидно, полностью закончились процессы тюркизации части угорского населения на Уфе...» [Соколова 2009: 89]. Это мнение согласуется с данными Долгих, поэтому пока не до конца понятно, связаны ли упоминаемые Долгих верхуфимские татары/вогулы с вогулами XIX в. на р. Бисерт, которая является самым северным притоком Уфы.

По данным на 1864 г., в Красноуфимском уезде жило 229 вогулов [Мозель 1864: 295]. В частности, [Чупин 1873: 334—360] упоминает, что вогулы жили, смешанно с русскими, в деревнях Кисловой и Бисертской.

По данным переписи 1897 г., родным вогульский язык в Красноуфимском уезде указало 389 чел., все в сельской местности [ПВПНРИ 1904: 96]. По всей видимости, имеется в виду всё-таки этническая принадлежность, а не владение языком.

По данным Списка населенных мест Пермской губернии за 1904 г. [СНМПГ 1905: 77, 82—83], в Красноуфимском уезде вогулы были представлены в шести населенных пунктах. Кроме того, как вогульские в других источниках упоминаются еще пять населенных пунктов. Все они были расположены на р. Бисертъ или ее притоках и перечислены в таблице 2.

Таблица 2. Вогульские населенные пункты в Красноуфимском уезде

Стр.	Сельское общество	Населенный пункт	Всего, чел.	Вогулы	Русские
Кленовская волость					
82	Кленовское	с. Кленовское	2295	91	2204
		в. Екимовский	73	9	64
83		в. Шигаинский	151	0	151
		в. Отевский	125	0	125
		в. Савинский	59	0	59
		д. Морозовка			
		д. Киселевка	141	0	141
	Талицкое	д. Талица	332	113	219
	Накаряковское	д. Накарякова	450	98	352
	Половинское	д. Половинка	124	4	120
	Ольховское	д. Ольховка	181	12	169
Бисертская вол.					
77	Старо-Верх-Бисертское	д. Старо-Верх-Бисерт.	503	0	54, черемисы 449
Всего				327	

Основываясь на данных 1909 г., Фиельструп [1926: 16—17, 24] добавляет еще выселок Цыбинский.

При этом Остроумов считает, что вогулы Красноуфимского уезда — это «или совершенно обрусевшие выходцы из вогул, переселившиеся из Верхотурского или Чердынского у. у. или, быть может, оно (= население) тоже ошибочно названо вогулами на основании обложения ясаком, как это произошло с татарами Иленских юрт Ирбитского уезда» [Остроумов 1904: 25] (об иленских «вогулах» см. ниже).

По переписи 1926 г., вышеописанные деревни входили в состав Бисертского района Свердловского округа Уральской области, во всех них числились только русские [СНПУО-10 1928: 22—25].

Бассейн Туры

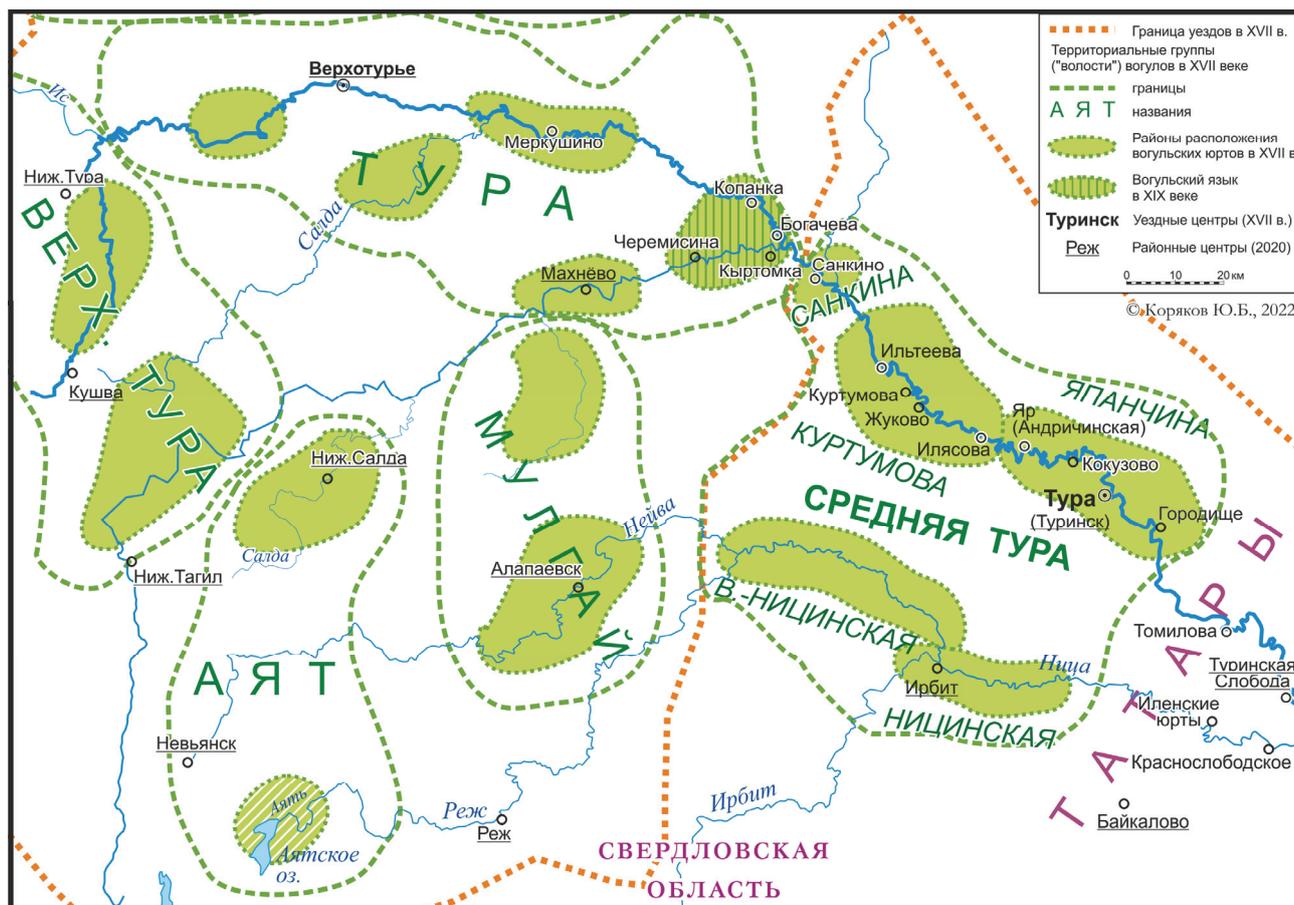
Бассейн Туры включает в себя территории, относившиеся в XVII в. к трем разным уездам: Верхотурскому (его южная часть), Туринскому и Тюменскому. Территории Верхотурского уезда (Аят, Мулгай, Верхняя Тура и Тура) мы рассматриваем ниже не по рекам, а по ясачным волостям, следуя изложению Долгих, который использовал материалы ясачной книги Верхотурского уезда за 1625—1626 гг. (ЦГА-ДА, ф. 214, кн. 10, лл. 2—51) [Долгих 1960: 24—27].

Аят

Начиная с XVII в. и вплоть до начала XX в. территории этой волости относились к Верхотурскому уезду, позднее вошедшему в Пермскую губернию. По состоянию на 2020 г. эта территория входит в Невьянский, Пригородный и Верхнесалдинский районы Свердловской области.

По данным Долгих, на 1625—26 гг. в окрестностях Аятского озера (Аятская волость, «волость в поле над Аят озером», ранее Койбагишева сотня) жило 39 ПЯ (и 4 подростка), что, по оценке Долгих, составляло всего ок. 175 чел. Они были представлены следующими юртами: 2 юрта на «другой» Салве¹ (тагилские вогулы, 10 ПЯ, ок. 45 чел.), «булкурцы да шигирцы» (этническая принадлежность не указана,

¹ Видимо, имеется в виду Салда — приток Тагила, в отличие от Салды — притока Туры.

Карта 5. Бассейн Туры

по мнению Долгих — вогулы; 1 ПЯ, 4 чел.), юрт в поле на оз. Аят («татары», т. е. башкиры-терсяки по мнению Долгих, один тюменский татарин и «остяки», или вогулы по мнению Долгих; 28 ПЯ, 112 чел.) [Долгих 1960: 21, 24—26].

Мнение Долгих о том, что местные остяки являлись на самом деле вогулами, основывается, в частности, на записях у Миллера о том, что в других документах по р. Реж вверх от нижнего Сапа упоминаются вогульские аятские пашни [Миллер 1941: 536], и на известии о сборе в 1625 г. «на Ояти» двухсот луков вогулов [Миллер 1941: 321].

В течение последующих 40 лет численность ПЯ в этой волости то возрастала (до 53 в 1630—34 гг.), то снижалась (до 28 в 1645 г.). В 1663 г. числилось еще 34 ПЯ, а в 1671 — уже всего два, и дальше они исчезают совсем. Как пишет Долгих, в 1663 г. вместе с верхуфимскими (вогулами и) татарами они «изменили и отъехали в поле». Это произошло, очевидно, в связи с появлением в 1662—1663 гг. калмыков на юге Верхотурского уезда. Если кто-то остался, то они, видимо, слились с русскими [Долгих 1960: 21, 23—24].

Мулгай (Мугай)

Мулгаем раньше называлась река Мугай, приток р. Тагил. Начиная с XVII в. и вплоть до начала XX в. территории этой волости относились к Верхотурскому уезду, позднее вошедшему в Пермскую губернию. По состоянию на 2020 г. эти земли находятся на территории Алапаевского района и города Алапаевска Свердловской области.

По данным Долгих, на 1626 г. «невьянские остяки и мулгарские вагуличи» (или сотня Акбервы Алагузова, позднее — волость на р. Мулгае) жили в трех юртах: юрт Акберва (3 чел. ПЯ), юрт на р. Невье (видимо, это река Нейва, 4 чел.) и юрт на р. Абаре (Мулгаре?, 11 ч.). Общая численность ПЯ составляла 18 чел., что, по оценке Долгих, соответствовало 70 чел. Затем эта численность постепенно снижалась, в 1671 г. достигла 2 чел., а в 1691 г. ПЯ вообще не числятся. Затем, с 1701 г., они появляются вновь, но это уже были в основном русские. Так, в 1710 г. из 23 ПЯ 22 были русскими и только 1 вогул. Таким образом, местные немногочисленные вогулы либо куда-то переселились, либо слились с русскими и обрусели [Долгих 1960: 21—26].

Верхняя Тура (вкл. Верхний Тагил)

Начиная с XVII в. и вплоть до начала XX в. территории этой волости относились к Верхотурскому уезду, позднее вошедшему в Пермскую губернию. По состоянию на 2020 г. на этой территории располагались Нижнетуринский район и городской округ Красноуральск и частично Кушвинский, Пригородный районы и городской округ Нижний Тагил Свердловской области.

По данным Долгих, на 1626 г. Баянкова сотня (позднее называлась волостью «вверх Туры реки») была представлена тремя юртами: юрт тагильских вогулов (6 чел. ПЯ) на р. Салве, юрт «вверх Туры реки» (6 чел.) и юрт «вверх Усьвы реки» (9 чел.). Усьва — это приток р. Чусовая, так что третий юрт располагался в Предуралье (см. выше). Общая численность ПЯ в Верхотурском уезде (первые два юрта) составляла 18 чел., что по оценке Долгих соответствовало 65 чел. Эта численность оставалась относительно стабильной (в пределах от 15 до 28 чел. во всех трех юртах) в течение XVII в., но среди вогулов стали селиться русские. Так, в 1710 г. из 28 ПЯ четверо уже были русскими [Долгих 1960: 21—26].

В «Чертежной книге» С. Ремезова 1701 г. вогульские юрты обозначены вдоль всего течения р. Южной Сосьвы, а также в верховьях р. Туры (в районе вогульских д. Палкина и Чумпина), выше г. Верхотурья, и в верховьях ее притока р. Салды. В тех же местах фиксируются наиболее крупные скопления мансийских топонимов [Смирнов 1996: 51; 55]. Как пишет Гуя, «в XVIII в. в западных волостях по Чусовой, Тагилу, верховьям Туры население говорило по-мансийски» [Gulya 1958: 41—45].

Нет точных свидетельств, когда именно местные вогулы растворились среди русских, но в XIX в. они уже не упоминаются.

Тура

Несмотря на название, эта волость находилась также по сути в верховьях Туры, лишь чуть ниже предыдущей волости. Начиная с XVII в. и вплоть до начала XX в. эта территория относилась к Верхотурскому уезду, позднее вошедшему в Пермскую губернию. По состоянию на 2020 г. эта территория входит в Верхотурский и Серовский районы и муниципальное образование Махнёвское Свердловской области.

По данным Долгих, на 1625—26 гг. Белгилдина сотня туринских вогулов (позднее называлась «**волостью на Туре реке**» или Туринской волостью) была представлена пятью юртами: юрт на р. Салде (12 чел. ПЯ), два юрта р. Туре (3 чел. и 13 чел.), юрт в устье р. Тагила (12 чел.) и юрт на Тагиле (8 чел.). В 1601 г. сюда еще входил юрт Неромкары, на месте которого был построен город Верхотурье. Общая численность ПЯ составляла 56 чел., что, по оценке Долгих, составляло всего 225 чел. Численность в течение XVII в. оставалась довольно стабильной (между 45 и 57), но в 1710 г. из 57 ПЯ 12 уже были русскими [Долгих 1960: 21—26].

В XVIII в. здесь еще сохранялось вогулоязычное население. Так, материалы по диалекту окрестностей нижнего течения р. Тагил XVIII в. рассматриваются в работе [Gulya 1958], который по фонетическим признакам однозначно причисляет его к южным диалектам.

По данным Списка населенных мест Пермской губернии за 1904 г., русскоязычные вогулы сохранялись в нескольких деревнях Верхотурского уезда в районе впадения реки Тагил в Туру [СНМПГ 1905: 9—10].

По переписи 1926 г., во всех этих деревнях (Болотовский и Фоминский сельсоветы Махневского района и Отрадненский сельсовет Верхотурского района Тагильского округа Уральской области) числились только русские [СНПУО-11 1928: 18, 66, 68].

Таблица 3. Вогульские деревни района впадения Тагила в Туру

Волость и сельское общество	Населенный пункт	Население, чел.	Река
Махневская			
Фоминское	д. Черемичина	14	Тагил
Болотовское	д. Богачева	41	Тура
	д. Кыртомкова	41	Тагил
Меркушинская			
Отрадновское	д. Копанская	52	Тура

Средняя Тура

Средней Турой мы будем обозначать земли, образовывавшие в XVII в. Туринский уезд. Они включали район среднего течения Туры (от места чуть ниже устья р. Тагил почти до устья Ницы) и Ницы (от устья р. Реж почти до самого впадения в Туру, включая бассейн р. Ирбит). В конце XIX в. эта территория была разделена между Туринским уездом Тобольской губернии (долина реки Туры) и Ирбитским уездом Пермской губернии (бассейн Ницы). По состоянию на 2020 г. эта территория входит в состав Алапаевского, Туринского и Ирбитского районов Свердловской области.

Среди исследователей нет единства относительно этнического и языкового состава данных земель в XVII—XVIII вв. В источниках начиная с 1620-х гг. люди, платившие ясак в Туринском уезде, назывались только татарами. До этого употреблялись названия *остяки* и *татары*, а иногда и *вогулы*. Миллер считал, что это были подвергшиеся татарскому влиянию вогулы или вогулы, возглавляемые татарским князем [Миллер 1937: 476—477]. Бахрушин писал, что в Туринском уезде «манси, жившие среди татар и сами сильно отатарившиеся, не поддаются выделению из общей массы местного населения: русские документы жителей одних и тех же юртов называют попеременно то татарами, то вогуличами, то остяками» [Бахрушин 1955: 88]. Долгих считал, что «исходя из того, что название «остяк» на Южном Урале обозначало коренных его жителей — угров, в отличие от пришельцев тюрков («татар»), мы можем считать население Туринского уезда вогулами, подвергшимися татарскому влиянию» [Долгих 1960: 35]. Соколова пишет, что «этнический состав населения низовьев Туры изменился с приходом сюда татар и основанием Чимги-тура, вероятно, еще до XIII в., а в верховьях Туры, возможно, в XIII в., когда часть вогулов стала уходить из Пермской земли на земли остяков. На Средней Туре и Нице в XV—XVI вв. жили татары и остяки, остяцкая племенная верхушка была, видимо, связана браками с татарами» [Соколова 2009: 91]. По данным XVIII в. Соколова пишет, что состав фамилий остававшихся тогда селений на Туре — остяцкий, русский и татарский [Соколова 2009: 92]. В отличие от вогулов соседнего Верхотурского уезда, обитатели Туринского уезда занимались земледелием.

Не принимая окончательного решения о языковом и этническом составе местного населения, рассмотрим более подробно состав юртов, их местоположение и дальнейшую историю.

По данным на 1600—1601 гг. в Туринском уезде выделялось 16 селений-юрт, которые Долгих группирует в пять волостей (групп юртов) [Долгих 1960: 35—39]. Первые три волости располагались по р. Туре, последние две — по р. Нице.

1. **Япанчина** волость включала юрты Япанчина, Ямбаева, Кокузова и Индричьева (Ургунчина). Они располагались на р. Туре в пределах 15—20 км выше и ниже города Туры (современный Туринск, ранее Япанчин). В 1629 г. в этой волости насчитывалось 44 ПЯ, или всего ок. 175 чел. В 1706 г. было 43 ПЯ. Позднее земли Япанчина и Ямбаева юртов вошли в Коркинскую волость. В XVIII в. яшашное население числилось в Япанчином юрте и Ембаевских юртах, численность населения известна лишь по последним (22 чел. в 1789 г.) [Соколова 1983: 95—96, 313—316]. К концу XIX в. все деревни полностью обрусели [ВНМ-10-11 1895: 78—79; Соколова 2009: 92]. Потомки Кокузова юрта, видимо, сохранялись в деревне Кокузова Шухруповской волости Туринского округа [ВНМ-10-11 1895: 84], к XIX в. полностью обрусевшей. Потомки Индричьева юрта жили в деревне Андричьева (Андричинская, совр. Яр), входившей в конце XIX в. в Куртумовскую инородческую волость. По данным переписи 1897 г., в ней жили в основном «коренные тюрки», большей частью русскоязычные (см. таблицу 5) [Патканов 1911: 83].

2. **Куртумова** волость состояла из юртов Илясова, Тюрютиева, Куртумова (Колмакова) и Байгарин. Они располагались на р. Туре выше Япанчиной волости, в западной части современного Туринского района (Туринский городской округ). В 1629 г. в этой волости насчитывалось 27 ПЯ, или всего ок. 110 чел. В 1706 г. было 30 ПЯ [Долгих 1960: 35—39]. В XVIII в. яшашное население числилось в Куртумовой (включая д. Кыртомка), Илясовой и Илтеевой волостях, а также в селе Жуково, однако его численность неизвестна [Соколова 1983: 95—96, 313—316]. Потомки юртов Куртумовой волости (в широком смысле) жили в трех деревнях, входивших в конце XIX в. в Куртумовскую инородческую волость: Ильтеева, Куртумова и Илясова. По данным переписи 1897 г., в них числились в основном «коренные тюрки» (тобольские татары инородцы), большей частью русскоязычные (см. таблицу 5) [Патканов 1911: 83].

3. **Санкина** волость состояла всего из одного Санкина юрта. Она располагалась ниже впадения реки Тагил в Туру, где и сейчас находится деревня Санкина. В некоторых источниках он включается в Верх-Ницынскую волость. В 1629 г. в этой волости насчитывалось 18 ПЯ, или всего ок. 75 чел. В 1706 г. было 11 ПЯ. В XVIII в. яшашное население числилось в Жуковской (Санкиной) волости (включая д. Крылышково), однако его численность неизвестна [Соколова 1983: 95—96, 313—316]. Уже в конце XIX в. в д. Санкинское числились только русские [ВНМ-10-11 1895: 78].

По данным XVIII в. Соколова выделяет еще несколько юртов (селений, тогда также называвшихся «волостями»), точное местоположение которых и соотношение с волостями XVII в. неизвестно. Это

Багтурасова волость, Батырева волость и деревня, д. Крылышково, Пронькина волость, Томилова волость и деревня. По более поздним картам известна деревня Томилова заметно ниже по течению Туры, однако неясно, та же это деревня или нет.

Таблица 4. Сводная таблица населения (бывших) ясачных деревень Средней Туры в конце XIX в. [СНМТГ 1904: 202—203, 206, 215; Патканов 1911: 78—87]

Группа юртов	Волости и селения	Всего	Рус.	Коренн. тюрки*	Татарский яз.	Русский яз.
VII. Куртумовская инор. вол.						
Куртумова	д. Ильтеева (Байгарина)	76	9	67	5	62
Куртумова	д. Куртумова	81	5	76	16	60
Куртумова	д. Илясова (Калтышева)	40	2	38	0	38
Япанчина	д. Андричинская	63	10	53	5	48
Жуковская волость						
Куртумова	с. Жуково	404	404			
Санкин	с. Санкинское	256	256			
Шухруповская волость						
Япанчина	д. Кокузова	419	419			

* Коренн. тюрки = Тобольские татары инородцы (так у Патканова).

4. **Верх-Ницынская** волость включала юрты Нагаева, Тентюкова, Ермолаева и Колмакова. Они располагались в долине р. Ницы от слияния рек Нейва и Реж почти до самого впадения р. Ирбит. В 1629 г. в этой волости насчитывалось 16 ПЯ, или всего ок. 65 чел. В течение XVII в. их численность снижалась, и в начале XVIII века эта волость совсем исчезла.

5. **Ницынская** волость состояла из юртов Кичюбаева, Зензярова и Илчибаева. Здесь также фактически находился Тюрютиев юрт Куртумовой волости. Они занимали земли по р. Нице от впадения р. Ирбит и ниже по течению на 25—30 км (северо-восточная часть современного Ирбитского района). В 1629 г. в этой волости насчитывалось 16 ПЯ, или всего ок. 65 чел. В течение XVII в. их численность снижалась, и в начале XVIII в. эта волость совсем исчезла.

Всего в пяти волостях в начале XVII в. жило 484 чел. в 16 юртах, а к началу XVIII в. сохранилось лишь 7 юрт и в них — 336 чел. [Долгих 1960: 35]. Долгих считает, что причиной уменьшения населения были набеги калмыков и «измена» населения. Вероятно, часть населения уже в это время уходила на Тавду и Иртыш [Соколова 2009: 91].

Как считает Соколова, «**туринские** манси уже в XIX в. полностью слились с татарами и русскими» [1990: Табл. 109—112].

Нижняя Тура / Иленские юрты

Начиная с XVII в. земли ниже по Нице относились к Тюменскому уезду, позднее вошедшему в Тобольскую губернию. В XVIII в. нижняя часть течения Ницы (почти до самого впадения в Туру) перешла в состав Ирбитского уезда Пермской губернии, где и оставалась до преобразований советского времени. По состоянию на 2020 г. эта территория входит в Байкаловский район Свердловской области.

Долгих считал, что эта территория была населена тюменскими (сибирскими) татарами Иленской волости [Долгих 1960: 45]. Однако в разных источниках XIX в. некоторая часть местного населения имела то татарами, то вогулами.

Так, по данным переписи 1897 г. родным вогульский язык в Ирбитском уезде указало 260 чел., все в сельской местности [ПВПНРИ 1904: 96]. Остроумов пишет, что в Ирбитском уезде числится 141 душа ясачных вогулов, живущих в Краснослободской и Нижне-Иленской волостях [Остроумов 1904: 27]. Но, по данным 1904 г., в Нижне-Иленской волости Ирбитского уезда числились Иленские татарские юрты (совр. Юрты), где жило 330 чел., все — татары [СНМПГ 1905: 47], а в селе Краснослободском Ирбитского уезда из 1285 жителей 26 было записано вогулами [СНМПГ 1905: 45]. По данным переписи 1926 г. в д. Илено-Вогульские Юрты Ирбитского округа жило 485 чел., все татары [СНПУО-3 1928: 14].

Как пишет Чупин: «По официальным сведениям значатся еще ясачные Вогулы в Ирбитском уезде в Иленских юртах. Но г. Бульчев, самовидец этих инородцев, утверждает, что они Татары, ни языком, ни образом жизни, ни религией, ни обычаями, ни очертанием лиц несколько не отличающиеся от сосед-

ственных Тюменских Татар, и притом считающие сами себя Татарами, а вовсе не Вогулами. На вопрос Булычева, они объяснили ему, что их называют Ясашными Вогулами потому, что они сравнены в правах с Вогулами, обитающими в Туринском уезде на р. Тавде, и притом их стали называть так лишь с первой четверти настоящего столетия, до того же назывались они Ясашными Татарами» [Чупин 1873: 334—360]. Той же точки зрения придерживается и Остроумов: «В Ирбитском уезде “Иленские” татары попали в “вогулы” из-за ясака, которым они платят свои подати, давно уже покупая шкурки зверей для этого на Ирбитской ярмарке» [1904: 11].

Таким образом, можно считать, что так называемые «иленские вогулы» являлись и по происхождению, и по языку сибирскими татарами.

Заключение

Таким образом, в данной статье рассмотрены процессы постепенного исчезновения мансийского (вогульского) населения и мансийского языка на территориях Среднего Предуралья и в бассейне Туры. В разных частях этого ареала процессы ассимиляции происходили с разной скоростью. Это было связано в основном с направлениями русской колонизации. К сер. XIX в. вогулы сохранялись лишь отдельными островками: в верховьях Вишеры, в двух деревнях на Чусовой, в верховьях Сылвы и Бисерти (приток Уфы) и в районе впадения Тагила в Туру.

Помимо общего интереса для вопросов этноязыковой истории Урала и мансийского народа, результаты данной работы могут служить для более точной локализации сохранившихся архивных мансийских словариков и других материалов, точная привязка которых в источнике, как правило, не указана.

Сокращения

ПЯ — плательщик ясака

Литература

- Алейников 2017 — *А. А. Алейников*. Население и особенности трансформации природных ландшафтов бассейна Верхней Печоры до начала русской колонизации в XV—XIX вв. // *Russian Journal of Ecosystem Ecology*. 2017. Vol. 2 (3). С. 1—16.
- Арсеньев 1848 — *К. Арсеньев*. Статистические очерки России. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1848.
- Бахрушин 1955 — *С. В. Бахрушин*. Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири в XVI—XVII вв. М., 1955.
- Белавин и др. 2009 — *А. М. Белавин, В. А. Иванов, Н. Б. Крыласова*. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009.
- Белдыцкий 1899 — *Н. П. Белдыцкий*. Очерки Вишерского края. Пермь, 1899.
- Варсанофьева 1929 — *В. А. Варсанофьева*. Географический очерк бассейна р. Унья // *Северная Азия: общественно-научный журнал*. 1929, 1. С. 77—109.
- ВНМ-10-11 1895 — Волости и населенные места 1893 года. Вып. 10 и 11. Тобольская и Енисейская губернии. СПб., 1895.
- Водарский 1977 — *Я. Е. Водарский*. Население России в конце XVII — начале XVIII века. М.: Наука, 1977.
- Гайдамашко 2022 — *Р. В. Гайдамашко*. Типы финно-угорского субстрата в Пермском крае (на материале апеллативной лексики русских говоров): предварительные наблюдения // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. 2022. Т. 18 (в печати).
- Глушков 1900 — *И. Н. Глушков*. Чердынские вогулы. Этнографический очерк // *Этнографическое обозрение*. 1900. Кн. XIV, № 2. С. 15—64.
- Гринкевич б/д — *С. А. Гринкевич*. Вогулы реки Чусовой // *Народная энциклопедия Лысьвы*. <http://enc.lysva.ru/>
- Долгих 1960 — *Б. О. Долгих*. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // *Труды ИЭ АН СССР*, Новая серия. 1960. Т. LV.
- Долгих 1970 — *Б. О. Долгих*. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970.
- Карта 1862 — Карта на земли, пожалованные фамилии Господ Строгановых от государей царей и великих князей в Перми Великой по грамотам с 7066 по 7209 год. СПб.: 1862. <http://zz-project.ru/karty/1763-1862-karta-na-zemli-stroganovykh>

Карцев, Казанцев 2012 — *А. Карцев, А. Казанцев*. Покинутый мир чердынских манси // Ураловед 04.04.2012. <https://uraloved.ru/ludi-urala/mir-cherdinskih-mansi>

Кривошеков 1914 — *И. Я. Кривошеков*. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь: Чердынское Уездное земство, 1914.

Кунгурские 1623—1624 — Кунгурские писцовые книги татар, письма и меры Михаила Кайсарова 1623—1624 гг. <http://zz-project.ru/1623-1624-cherdynskij-uezd/398-kungurskiya-pistsovyua-knigi-tatar-pisma-i-mery-mikhaila-kajsarova-1623-1624-g>

Лашук 1958 — *Л. П. Лашук*. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958.

Манси Вишеры б/д — Манси Вишеры // Государственный природный заповедник Вишерский. <http://www.vishersky.ru/mansi-vishery>

Миллер 1937 — *Г. Ф. Миллер*. История Сибири. Т. I. М.—Л., 1937.

Миллер 1941 — *Г. Ф. Миллер*. История Сибири. Т. II. М.—Л., 1941.

Мозель 1864 — *Х. Мозель*. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. Часть 1. СПб., 1864.

Напольских 2015 — *В. В. Напольских*. Очерки по этнической истории. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2015.

Норманская 2020 — *Ю. В. Норманская*. Словари пермских манси «аборигенов Сибири», собранные П. С. Паласом в XVIII веке // Урало-алтайские исследования. 2020, 3 (38). С. 71—80.

Остроумов 1904 — *Н. Г. Остроумов*. Вогулы-манси. Историко-этнографический очерк. Пермь, 1904.

Патканов 1911 — *С. Патканов*. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 2. СПб., 1911.

ПВПНРИ 1904 — Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи. XXXI. Пермская губерния / Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1904.

Петрова 2003 — Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII—XX вв.) / *Петрова В. П.* (отв. ред.). Тюмень: ТюменНИИГипрогаз, 2003.

Полякова 2001 — *О. В. Полякова*. К вопросу о расселении угров на Западном Урале в Средневековье и в Новое время // Труды КАЭЭ ПГПУ. 2001. Вып. 1—2. С. 53—58.

Преображенский 1956 — *А. А. Преображенский*. Очерки колонизации западного Урала в XVII—начале XVIII в. М., 1956.

ПСЗРИ-07 — Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649—1825 гг. (в 45 тт.) / Под рук. М. М. Сперанского. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Том 7. Ст. 4529.

ПСЗРИ-21 — Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649—1825 гг. (в 45 тт.) / Под рук. М. М. Сперанского. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Том 21. Ст. 15113.

Регули 1849 — Перевод письма Венгерского путешественника г-на Регули к члену Русского Географического Общества, академику П. И. Кепшену, от 21 января 1847 года // Записки Русского Географического Общества. Книжка III. СПб., 1849.

Секей Г. 2012 — *Г. Б. Секей*. Топонимия верхнего течения реки Лозьва и прилегающих территорий на рукописном плане карты Антала Регули (Karte Nro I. 1844) // Вопросы ономастики. 2012, 2 (13). С. 18—42.

Слинкина 2015 — *Т. Д. Слинкина*. Мансийские селения верхнего течения Тагыт-Я (р. Северная Сосьва): исчезнувшие и существующие // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации. Материалы научно-практической конференции 20 декабря 2014 г. Ханты-Мансийск, 2015. С. 147—161.

Смирнов 1996 — *О. В. Смирнов*. Субстратная мансийская топонимия в горной части Урала // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. трудов. Екатеринбург, 1996. С. 51—74.

Смирнов 2012 — *О. В. Смирнов*. Субстратная мансийская топонимия на территории бывшего проживания манси // Вопросы ономастики. 2012, 1 (12). С. 43—79.

СНМПГ 1905 — Список населенных мест Пермской губернии. Издание Пермского Губернского Земства 1904 года. Пермь, 1905.

СНМТГ 1904 — Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск, 1904.

СНПУО-10 1928 — Список населенных пунктов Уральской области. Том X. Свердловский округ. Свердловск, 1928.

СНПУО-11 1928 — Список населенных пунктов Уральской области. Том XI. Тагильский округ. Свердловск, 1928.

Соколова 1983 — *З. П. Соколова*. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. М., 1983.

Соколова 1990 — *З. П. Соколова*. Эндогамный ареал и этническая группа (на материалах хантов и манси). М., 1990.

Соколова 2009 — *З. П. Соколова*. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М., 2009.

Софронов 2007 — *В. Ю. Софронов*. Культурное наследие Западной Сибири. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2007.

Теплоухов 1924 — *А. Ф. Теплоухов*. Следы бывшего пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народом // Записки Уральского общества любителей естествознания. 1924. № 39.

Трапезников 1998 — *В. Н. Трапезников*. Летопись города Перми. Пермь: Гос. архив Пермской области, 1998.

Указ 1938 — Указ от 3.10.1938 о разделении Свердловской области РСФСР на Пермскую и Свердловскую области. Президиум ВС СССР. 1938. https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_3.10.1938_о_разделении_Свердловской_области_РСФСР_на_Пермскую_и_Свердловскую_области.

Фёдорова 2000 — *Е. Г. Фёдорова*. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб., 2000.

Фёдорова 2002 — *Е. Г. Фёдорова*. Манси-оленьеводы Урала // Языки и культура народов ханты и манси. Ч. 1: Этнология, социология, экономика. Томск, 2002. С. 113—120.

Фёдорова 2016 — *Е. Г. Фёдорова*. К истории оленеводства северных манси // Экология древних и традиционных обществ. Материалы V Международной научной конференции. Тюмень, 2016. С. 261—263.

Федотова 2021 — *И. В. Федотова*. Диалектное членение мансийского языка в диахронии по данным базисной лексики // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 2. С. 338—346.

Фиельструп 1926 — *Ф. А. Фиельструп*. Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926.

Чагин 2012 — *Г. Н. Чагин*. Манси Северного Урала: хозяйство, мировоззрение, связи с другими народами в первой трети XX в. // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. Вып. 1 (18). С. 144—150.

Чагин 2013 — *Г. Н. Чагин*. Этническая ситуация в Сылвенско-Иренском бассейне в XVII—XVIII веках (к проблеме формирования этнической карты Урала) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. Вып. 2 (22). С. 5—11.

Чернецов, Чернецова 1936 — *В. Н. Чернецов, И. Я. Чернецова*. Краткий мансийско-русский словарь. М., Л.: Учпедгиз, 1936.

Чернецова 1935 — *И. Чернецова*. Мансийские сказки. Л.: Худ. лит., 1935.

Чупин 1877 — *Н. К. Чупин*. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. II. Вып. 4-й. Пермь, 1877.

Georgi 1775 — *I. G. Georgi*. Bemerkungen einer Reise in Russischen Reich. Band 2. St. Petersburg, 1775.

Gulya 1958 — *J. Gulya*. Egy 1736-ból származó manysi nyelvemlék (Előzetes közlés) // Nyelvtudományi Közlemények. 1958. 60. P. 41—45.

Kannisto 1918 — *A. Kannisto*. Ein Wörterverzeichnis eines ausgestorbenen wogulischen Dialekts in den Papieren M. A. Castréns // Journal de la Société Finno-Ougrienne 30.8. 1913—1918.

Kannisto 1927 — *A. Kannisto*. Über die früheren Wohngebiete der wogulen im lichte der Ortsnamenforschung // Finisch-ugrische Forschungen. Helsinki, 1927. N. 18. B. 1—3. P. 57—89.

Lakó 1957 — *Gy. Lakó*. Nordmansische Sprachstudien // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1957, 6. P. 347—423.

Pápay 1906 — *I. Pápay*. Reguly Antal urali térképe // Földrajzi közlemények. 1906. XXXIV. kötet. 9. szám. 349—370. o.

Riese 2001 — *T. Riese*. Vogul. München: Lincom Europa, 2001.

References

Aleinikov 2017 — *A. A. Aleinikov*. Naselenie i osobennosti transformatsii prirodnykh landshaftov basseina Verkhnei Pechory do nachala russkoi kolonizatsii v XV—XIX vv. In: Russian Journal of Ecosystem Ecology. 2017. Vol. 2 (3). S. 1—16. {A. A. Aleinikov. Population and features of the transformation of natural landscapes in the Upper Pechora basin before the beginning of Russian colonization in the 15th—19th centuries. In: Russian Journal of Ecosystem Ecology. 2017. Vol. 2 (3). P. 1—16.}

Arsen'ev 1848 — *K. Arsen'ev*. Statisticheskie ocherki Rossii. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1848. {K. Arseniev. Statistical essays of Russia. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1848.}

Bakhrushin 1955 — *S. V. Bakhrushin*. Nauchnye trudy. T. III. Izbrannye raboty po istorii Sibiri XVI—XVII vv. ch. 2. Istoriya narodov Sibiri v XVI—XVII vv. M., 1955. {S. V. Bakhrushin. Scientific works. T. III. Selected works on the history of Siberia in the 16th—17th centuries. Part 2. History of the peoples of Siberia in the 16th—17th centuries. Moscow, 1955.}

Belavin i dr. 2009 — *A. M. Belavin, V. A. Ivanov, N. B. Krylasova*. Ugry Predural'ya v drevnosti i srednie veka. Ufa, 2009. {A. M. Belavin, V. A. Ivanov, N. B. Krylasova. Ugrians of the Cis-Urals in antiquity and the Middle Ages. Ufa, 2009.}

Beldytskii 1899 — *N. P. Beldytskii*. Ocherki Visherskogo kraja. Perm', 1899. {N. P. Beldytsky. Essays on the Vishersky region. Perm, 1899.}

Chagin 2012 — *G. N. Chagin*. Mansi Severnogo Urala: khozyaistvo, mirovozzrenie, svyazi s drugimi narodami v pervoi tretii XX v. In: Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2013. Vyp. 1 (18). S. 144—150. {G. N. Chagin. Mansi

of the Northern Urals: economy, worldview, relations with other peoples in the first third of the 20th century. In: Bulletin of the Perm University. Series: History. 2013. Issue. 1 (18). P. 144—150.

Chagin 2013 — G. N. Chagin. Etnicheskaya situatsiya v Sylvensko-Irenskom basseine v XVII — XVIII vekakh (k probleme formirovaniya etnicheskoi karty Urala). In: Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya. 2013. Vyp. 2 (22). S. 5—11. {G. N. Chagin. Ethnic situation in the Sylva-Iren basin in the XVII-XVIII centuries (on the problem of formation of the ethnic map of the Urals). In: Bulletin of the Perm University. Series: History. 2013. Issue. 2 (22). P. 5—11.}

Chernetsov, Chernetsova 1936 — V. N. Chernetsov, I. Ya. Chernetsova. Kratkii mansiisko-russkii slovar'. M., L.: Uchpedgiz, 1936. {V. N. Chernetsov, I. Ya. Chernetsova. Short Mansi-Russian Dictionary. Moscow, Leningrad: Uchpedgiz, 1936.}

Chernetsova 1935 — I. Chernetsova. Mansiiskie skazki. Leningrad: gos. izd. «Khudozhestvennaya literatura», 1935. {I. Chernetsova. Mansi tales. Leningrad: State ed. "Khudozhestvennaya literatura", 1935.}

Chupin 1877 — N. K. Chupin. Geograficheskii i statisticheskii slovar' Permskoi gubernii. T. II. Vyp. 4-i. Perm', 1877. {N. K. Chupin. Geographical and statistical dictionary of the Perm Governorate. T. II. Issue. 4th. Perm, 1877.}

Dolgikh 1960 — B. O. Dolgikh. Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII v. In: Trudy IE AN SSSR, Novaya seriya. 1960. T. LV. {B. O. Dolgikh. Clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century. In: Proceedings of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR, New series. 1960. Vol. LV.}

Dolgikh 1970 — B. O. Dolgikh. Ocherki po etnicheskoi istorii nentsev i entsev. M.: Nauka, 1970. {B. O. Dolgikh. Essays on the ethnic history of the Nenets and Enets. Moscow: Nauka, 1970.}

Fedorova 2000 — E. G. Fedorova. Rybolovy i okhotniki basseina Obi: problemy formirovaniya kul'tury khantov i mansi. SPb., 2000. {E. G. Fedorova. Fishermen and hunters of the Ob basin: issues of the formation of the Khanty and Mansi culture. St. Petersburg, 2000.}

Fedorova 2002 — E. G. Fedorova. Mansi — olenevody Urala. In: Yazyki i kul'tura narodov khanty i mansi. Ch. 1: Etнологиya, sotsiologiya, ekonomika. Tomsk, 2002. S. 113—120. {E. G. Fedorova. Mansi reindeer herders of the Urals. In: Languages and culture of the peoples of the Khanty and Mansi. Part 1: Ethnology, sociology, economics. Tomsk, 2002. P. 113—120.}

Fedorova 2016 — E. G. Fedorova. K istorii olenevodstva severnykh mansi. In: Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tyumen', 2016. S. 261—263. {E. G. Fedorova. On the history of reindeer breeding in the northern Mansi. In: Ecology of ancient and traditional societies. Proceedings of the V International Scientific Conference. Tyumen, 2016. P. 261—263.}

Fedotova 2021 — I. V. Fedotova. Dialektoe chlenenie mansiiskogo yazyka v diakhnologii po dannym bazisnoi leksiki. In: Vestnik ugrovedeniya. 2021. T. 11. № 2. S. 338—346. {I. V. Fedotova. Dialect division of the Mansi language in diachrony according to the basic vocabulary. In: Bulletin of Ugric Studies. 2021. V. 11. No. 2. S. 338—346.}

Fiel'strup 1926 — F. A. Fiel'strup. Etnicheskii sostav naseleniya Priural'ya. L., 1926. {F. A. Fiel'strup. The ethnic composition of the population of the Urals. Leningrad, 1926.}

Gaidamashko 2022 — R. V. Gaidamashko. Tipy finno-ugorskogo substrata v Permskom krae (na materiale apellyativnoi leksiki russkikh govorov): predvaritel'nye nablyudeniya. In: Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvistiicheskikh issledovaniy. 2022. T. 18 (v pechati). {R. V. Gaidamashko. Types of the Finno-Ugric Substratum in the Perm Territory (Based on Appellative Vocabulary of Russian Dialects): Preliminary Observations. In: Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research. 2022. Vol. 18 (in press).}

Georgi 1775 — I. G. Georgi. Bemerkungen einer Reise in Russischen Reich. Band 2. St. Petersburg, 1775.

Glushkov 1900 — I. N. Glushkov. Cherdynskie voguly. Etnograficheskii ocherk. In: Etnograficheskoe Obozrenie. 1900. Kn. XIV, № 2. S. 15—64. {I. N. Glushkov. Cherdyn Voguls. Ethnographic essay. In: Ethnographic Review. 1900. B. XIV, No. 2. P. 15—64.}

Grinkevich b/d — S. A. Grinkevich. Voguly reki Chusovoi. In: Narodnaya entsiklopediya Lys'vy. <http://enc.lysva.ru/> {Grinkevich S. A. Voguls of the Chusovaya River. In: People's Encyclopedia of Lysva. <http://enc.lysva.ru/>}

Gulya 1958 — J. Gulya. Egy 1736-ból származó manysi nyelvemlék (Előzetes közlés). In: Nyelvtudományi Közlemények. 1958. 60. P. 41—45.

Kannisto 1918 — A. Kannisto. Ein Wörterverzeichnis eines ausgestorbenen wogulischen Dialekts in den Papieren M. A. Castréns. In: Journal de la Société Finno-Ougrienne 30.8. 1913—1918.

Kannisto 1927 — A. Kannisto. Über die früheren Wohngebiete der wogulen im lichte der ortsnamenforschung. In: Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki, 1927. N. 18. B. 1—3. P. 57—89.

Karta 1862 — Karta na zemli pozhalovannyya familii Gospod Stroganovykh ot gosudarei tsarei i velikikh knyazei v Permi Velikoi po gramotam s 7066 po 7209 god. SPb.: 1862. <http://zz-project.ru/karty/1763-1862-karta-na-zemli-stroganovykh> {Map of the lands granted to the family of the Lord Stroganovs from the sovereigns of the kings and grand dukes in Perm the Great according to letters from 7066 to 7209. St. Petersburg: 1862. <http://zz-project.ru/karty/1763-1862-karta-na-zemli-stroganovykh>}

Kartsev, Kazantsev 2012 — A. Kartsev, A. Kazantsev. Pokinutyi mir cherdynskikh mansi. In: Uraloved 04.04.2012. <https://uraloved.ru/ludi-urala/mir-cherdinskikh-mansi> {A. Kartsev, A. Kazantsev. The abandoned world of the Cherdyn Mansi. In: Uraloved 04.04.2012. <https://uraloved.ru/ludi-urala/mir-cherdinskikh-mansi>}

Krivoshchekov 1914 — I. Ya. Krivoshchekov. Slovar' geograficheskogo-statisticheskii Cherdynskogo uezda Permskoi gubernii. Perm': Cherdynskoe Uezdnoe zemstvo, 1914. {I. Ya. Krivoshchekov. Geographical and statistical dictionary of Cherdynsky district of the Perm Governorate. Perm: Cherdynskoye Uyezdnoe Zemstvo, 1914.}

Kungurskie 1623—1624 — Kungurskie pistsovye knigi tatar, pis'ma i mery Mikhaila Kaisarova 1623—1624 g. <http://zz-project.ru/1623-1624-cherdynskij-uezd/398-kungurskiya-pistsovyaya-knigi-tatar-pisma-i-mery-mikhaila-kaisarova-1623-1624-g> {Kungur scribal books of the Tatars, letters and measures of Mikhail Kaisarov 1623—1624 <http://zz-project.ru/1623-1624-cherdynskij-uezd/398-kungurskiya-pistsovyaya-knigi-tatar-pisma-i-mery-mikhaila-kaisarova-1623-1624-g>}

Lakó 1957 — Gy. Lakó. Nordmansische Sprachstudien. In: Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1957. 6. P. 347—423.

Lashuk 1958 — L. P. Lashuk. Ocherk etnicheskoi istorii Pechorskogo kraja. Syktyvkar, 1958. {L. P. Lashuk. Essay on the ethnic history of the Pechora region. Syktyvkar, 1958.}

Mansi Vishery b/d — Mansi Vishery. In: Gosudarstvennyi prirodnyi zapovednik Visherskii. <http://www.vishersky.ru/mansi-vishery> {Mansi Vishery. In: Vishera State Nature Reserve. <http://www.vishersky.ru/mansi-vishery>}

Miller 1937 — G. F. Miller. Istoriya Sibiri. T. I. M.—L., 1937. {G. F. Miller. History of Siberia. T. I. Moscow—Leningrad, 1937.}

Miller 1941 — G. F. Miller. Istoriya Sibiri. T. II. M.—L., 1941. {G. F. Miller. History of Siberia. T. II. Moscow—Leningrad, 1941.}

Mozel' 1864 — Kh. Mozel'. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Permskaya guberniya. Chast' 1. SPb., 1864. {H. Mosel. Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Perm Governorate. Part 1. St. Petersburg, 1864.}

Napol'skikh 2015 — V. V. Napol'skikh. Ocherki po etnicheskoi istorii. Kazan': «Izdatel'skii dom «Kazanskaya nedvizhimost'», 2015. {V. V. Napol'skikh. Essays on ethnic history. Kazan: Publishing house «Kazanskaya nedvizhimost'», 2015.}

Normanskaya 2020 — Yu. V. Normanskaya. Slovarei permskikh mansi «aborigenov Sibiri», sobrannye P. S. Pallasom v XVIII veke. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2020. № 3 (38). S. 71—80. {Yu. V. Normanskaya. Dictionaries of the Perm Mansi "natives of Siberia", collected by P. S. Pallas in the 18th century. In: Ural-Altai Studies. 2020. No. 3 (38). P. 71—80.}

Ostroumov 1904 — N. G. Ostroumov. Voguly-mansi. Istoriko-etnograficheskii ocherk. Perm', 1904. {N. G. Ostroumov. Voguls-Mansi. Historical and ethnographic essay. Perm, 1904.}

Pápay 1906 — I. Pápay. Reguly Antal urali térképe. In: Földrajzi közlemények. 1906. XXXIV/9. szám. P. 349—370.

Patkanov 1911 — S. Patkanov. Statisticheskaya dannyya, pokazyvayushchiya plemennoi sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev (na osnovanii dannyykh spetsial'noi razrabotki materiala perepisi 1897 g.). T. 2. S.-Peterburg, 1911. {S. Patkanov. Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, the language and clans of indigenous people (based on data from the 1897 census). T. 2. St. Petersburg, 1911.}

Petrova 2003 — V. P. Petrova. (otv. red.) Administrativno-territorial'noe delenie Tyumenskoi oblasti (XVII—XX vv.). Tyumen': TyumenNIIGiprogaz, 2003. {V. P. Petrova. (ed.) Administrative-territorial division of the Tyumen region (XVII—XX centuries). Tyumen: TyumenNIIGiprogaz, 2003.}

Polyakova 2001 — O. V. Polyakova. K voprosu o rasselenii ugrov na Zapadnom Urale v Srednevekov'e i v Novoe vremya. In: Trudy KAEE PGPU. 2001. Vyp. 1-2. S. 53—58. {O. V. Polyakova. To the question of the resettlement of the Ugrians in the Western Urals in the Middle Ages and in the New Age. In: Proceedings of the KAEE PGPU. 2001. Issue. 1—2. P. 53—58.}

Preobrazhenskii 1956 — A. A. Preobrazhenskii. Ocherki kolonizatsii zapadnogo Urala v XVII—nachale XVIII v. M., 1956. {A. A. Preobrazhensky. Essays on the colonization of the Western Urals in the 17th—early 18th centuries. Moscow, 1956.}

PSZRI-07 — Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Pervoe. 1649—1825 gg. (v 45 tt.) / pod ruk. M. M. Speranskogo. SPb: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. — Tom 7. St. 4529. {Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st Collection. 1649—1825 (in 45 volumes) / under supervision of M. M. Speransky. St. Petersburg: PH II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. Volume 7. Art. 4529.}

PSZRI-21 — Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie Pervoe. 1649—1825 gg. (v 45 tt.) / pod ruk. M. M. Speranskogo. SPb: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. — Tom 21. St. 15113. {Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st Collection. 1649—1825 (in 45 volumes) / under supervision of M. M. Speransky. St. Petersburg: PH II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. Volume 21. Art. 15113.}

PVPNRI 1904 — Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi Imperii. XXXI. Permskaya guberniya / pod red. N. A. Troinitskogo. SPb.: Tsentral'nyi statisticheskii komitet MVD, 1904. {The first general census of the population of the Russian Empire. XXXI. Perm Governorate / ed. by N. A. Troinitsky. St. Petersburg: Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904.}

Reguli 1849 — Perevod pis'ma Vengerskogo puteshestvennika g-na Reguli k chлену Russkogo Geograficheskogo Obshchestva, akademiku P. I. Keppenu, ot 21 yanvarya 1847 goda. In: Zapiski Russkogo Geograficheskogo Obshchestva.

Knizhka III. SPb., 1849. {Translation of a letter from the Hungarian traveler Mr. Reguli to a member of the Russian Geographical Society, Academician P. I. Koeppen, dated January 21, 1847. In: Notes of the Russian Geographical Society. Book III. St. Petersburg, 1849.}

Riese 2001 — T. Riese. *Vogul*. München: Lincom Europa, 2001.

Sekei 2012 — G. B. Sekei. Toponimiya verkhnego techeniya reki Loz'va i privileyushchikh territorii na rukopisnom plane karty Antala Reguli (Karte Nro I. 1844). In: *Voprosy onomastiki*. 2012. № 2 (13). S. 18—42. {G. B. Székely. Toponymy of the Upper Lozva River and Adjacent Territories on the Manuscript Plan of the Antal Reguli Map (Karte Nro I. 1844) // *Issues of Onomastics*. 2012. No. 2 (13). P. 18—42.}

Slinkina 2015 — T. D. Slinkina. Mansiiskie seleniya verkhnego techeniya Tagyt-Yā (r. Severnaya Sos'va): ischeznuvshie i sushchestvuyushchie. In: *Korennye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: traditsii i innovatsii. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii 20 dekabrya 2014 g. Khanty-Mansiisk, 2015*. S. 147—161. {T. D. Slinkina. Mansi villages of the upper reaches of the Tagyt-Yā (Northern Sosva river): disappeared and existing. In: *Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations. Proceedings of the scientific and practical conference on December 20, 2014. Khanty-Mansiysk, 2015*. P. 147—161.}

Smirnov 1996 — O. V. Smirnov. Substratnaya mansiiskaya toponimiya v gornoi chasti Urala. In: *Onomastika i dialektnaya leksika : sb. nauch. trudov*. Ekaterinburg, 1996. S. 51—74. {O. V. Smirnov. Substrate Mansi toponymy in the mountainous part of the Urals. In: *Onomastics and dialect vocabulary: Collected works*. Yekaterinburg, 1996. P. 51—74.}

Smirnov 2012 — O. V. Smirnov. Substratnaya mansiiskaya toponimiya na territorii bylogo prozhivaniya mansi. In: *Voprosy onomastiki*. 2012. № 1(12). S. 43—79. {O. V. Smirnov. Substrate Mansi toponymy on the territory of the former area of the Mansi. In: *Issues of onomastics*. 2012. No. 1(12). P. 43—79.}

SNMPG 1905 — Spisok naseleennykh mest Permskoi gubernii. Izdanie Permskogo Gubernskogo Zemstva 1904 goda. Perm', 1905. {List of populated areas of the Perm Governorate. Edition of the Perm Provincial Zemstvo in 1904. Perm, 1905.}

SNMTG 1904 — Spisok naseleennykh mest Tobol'skoi gubernii. Tobol'sk, 1904. {List of populated areas of the Tobolsk Governorate. Tobolsk, 1904.}

SNPUO-10 1928 — Spisok naseleennykh punktov Ural'skoi oblasti. Tom X. Sverdlovskii okrug. Sverdlovsk, 1928. {List of populated areas in the Ural oblast. Volume X. Sverdlovsk District. Sverdlovsk, 1928.}

SNPUO-11 1928 — Spisok naseleennykh punktov Ural'skoi oblasti. Tom XI. Tagil'skii okrug. Sverdlovsk, 1928. {List of populated areas in the Ural oblast. Volume XI. Tagil district. Sverdlovsk, 1928.}

Sofronov 2007 — V. Yu. Sofronov. *Kul'turnoe nasledie Zapadnoi Sibiri*. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet, 2007. {V. Yu. Sofronov. *Cultural heritage of Western Siberia*. Yekaterinburg: Ural State University, 2007.}

Sokolova 1983 — Z. P. Sokolova. *Sotsial'naya organizatsiya khantov i mansi v XVIII—XIX vv.: Problemy fratirii i roda*. M., 1983. {Z. P. Sokolova. *Social organization of the Khanty and Mansi in the 18th—19th centuries: Issues of phratry and clan*. Moscow, 1983.}

Sokolova 1990 — Z. P. Sokolova. *Endogamnyi areal i etnicheskaya gruppa (na materialakh khantov i mansi)*. M., 1990. {Z. P. Sokolova. *Endogamous area and ethnic group (on the materials of the Khanty and Mansi)*. Moscow, 1990.}

Sokolova 2009 — Z. P. Sokolova. *Khanty i mansi: vzglyad iz XXI v. M., 2009*. {Z. P. Sokolova. *Khanty and Mansi: a view from the XXI century*. Moscow, 2009.}

Teploukhov 1924 — A. F. Teploukhov. *Sledy bylogo prebyvaniya ugorskogo naroda v smezhnykh chastyakh Permskoi i Vyatskoi gubernii i posleduyushchaya smena ego permskim i russkim narodom*. In: *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya*. 1924. № 39. {A. F. Teploukhov. *Traces of the former stay of the Ugriic people in the adjacent parts of the Perm and Vyatka Governorates and the subsequent replacement of it by the Perm and Russian people*. In: *Notes of the Ural Society of Natural Science amateurs*. 1924. No. 39.}

Trapeznikov 1998 — V. N. Trapeznikov. *Letopis' goroda Permi*. Perm': Gos. arkhiv Permskoi oblasti, 1998. {V. N. Trapeznikov. *Chronicle of the city of Perm*. Perm: State archive of the Perm region, 1998.}

Ukaz 1938 — Ukaz ot 3.10.1938 o razdelenii Sverdlovskoi oblasti RSFSR na Permskuyu i Sverdlovskuyu oblasti. Prezidium VS SSSR. 1938. https://ru.wikisource.org/wiki/Ukaz_Prezidiuma_VS_SSSR_ot_3.10.1938_o_razdelenii_Sverdlovskoi_oblasti_RSFSR_na_Permskuyu_i_Sverdlovskuyu_oblasti. {Decree of October 3, 1938 on the division of the Sverdlovsk region of the RSFSR into the Perm and Sverdlovsk oblasts. Presidium of the USSR Armed Forces. 1938. https://ru.wikisource.org/wiki/Decree_of_the_VS_USSR_Prezidium_dated_3.10.1938_on_the_division_of_the_Sverdlovsk_oblast_of_the_RSFSR_into_Perm_and_Sverdlovsk_oblasts.}

Varsanof'eva 1929 — V. A. Varsanof'eva. *Geograficheskii ocherk basseina r. Un'ya*. In: *Severnaya Aziya: obshchestvenno-nauchnyi zhurnal*. 1929. № 1. S. 77—109. {V. A. Varsanofyeva. *Geographical outline of the Unya river basin*. In: *North Asia: social scientific journal*. 1929. No. 1. S. 77—109.}

VNM-10-11 1895 — Volosti i naseleennye mesta 1893 goda. Vyp. 10 i 11. Tobol'skaya i Eniseiskaya gubernii. S.-Peterburg, 1895. {Volosts and populated places of 1893. Issue 10 and 11. Tobolsk and Yenisei Governorates. St. Petersburg, 1895.}

Vodarskii 1977 — Ya. E. Vodarskii. *Naselenie Rossii v kontse XVII — nachale XVIII veka*. M.: Nauka, 1977. {Ya. E. Vodarsky. *Population of Russia at the late 17th — early 18th century*. Moscow: Nauka, 1977.}

**Распределение переднеязычных щелевых согласных
в говорах карельского языка Средней Карелии
(на основе применения алгоритма «анализ когнатов»
лингвистической платформы ЛингвоДок)**

Новак Ирина Петровна, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск);
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); novak@krc.karelia.ru

В статье представлены результаты анализа дистрибуции переднеязычных щелевых согласных в группе говоров карельского языка Средней Карелии. Интенсивные внутренние миграции карелов исследуемой территории послужили причиной сложения здесь довольно непростой картины анализируемого явления: выбор согласного зависит от целого ряда факторов, выступающих в различных комбинациях. Применение алгоритма «анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок к диалектным данным середины XX столетия позволило определить конкретные фонетические позиции начала и середины слова, влияющие на распределение возможных вариантов переднеязычных щелевых согласных. Визуализация результатов исследования на карте позволяет сделать вывод об ареальной природе диалектно-дифференцирующего фонетического явления; она также демонстрирует, что основные изоглоссы дистрибуции свистящих и шипящих согласных не совпадают с границами диалектов и наречий карельского языка.

Ключевые слова: карельский язык, диалектология, лингвистическая география, диалектометрия, диалектная классификация, анализ когнатов, кластерный анализ, фонетический маркер, переднеязычные щелевые согласные

**DISTRIBUTION OF FRONT FRICATIVE CONSONANTS
IN KARELIAN SUB-DIALECTS OF MIDDLE KARELIA
(BASED ON APPLICATION OF THE COGNATE ANALYSIS ALGORITHM
OF LINGVODOC LINGUISTIC PLATFORM)**

Irina P. Novak, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, RAS (Petrozavodsk),
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); novak@krc.karelia.ru

The article reports the results of an analysis of the distribution of front fricative consonants in the Middle Karelian group of Karelian sub-dialects. The study area was chosen due to its position at a transition between Karelian supradialects, where two opposite sibilant presentation systems collide. Intensive migrations of Karelians inside the study area have generated a fairly sophisticated situation with the phenomenon in question: which consonant variant is used depends on quite a few factors (opening or closing position in the word, presence of the vowel *i* in the immediate vicinity, front or back vocalism of the word, quality of the second component in consonant blends), which appear in different combinations across the distribution range. Application of the cognate analysis algorithm of LingvoDoc linguistic platform to the thematic dictionaries, which were made using the “Programs for collecting material for the dialectal atlas of the Karelian language” filled out in the mid-20th century in 146 settlements in Karelia, permitted determining which specific word beginning and middle phonetic positions influence the distribution of possible variants of front fricatives in the Middle Karelian sub-dialect group. Visualization of the results in a map brings about the conclusion about the areal nature of the dialect differentiating phonetic phenomenon, on the one hand, and demonstrates that the main sibilant distribution isoglosses do not coincide with the boundaries of Karelian dialects and supradialects in the traditional division, on the other.

Keywords: Karelian language, dialectology, linguistic geography, dialectometry, dialect division, cognate analysis, cluster analysis, phonetic marker, front fricative consonants

Исследование проведено в рамках бюджетного финансирования КарНЦ РАН (Тема № 121070700122-5). Работы по внесению и обработке словарей на платформе ЛингвоДок выполнены при поддержке гранта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных».

1. Введение

Настоящая статья представляет собой продолжение исследования, посвященного анализу одного из важнейших фонетических маркеров карельской диалектной речи — дистрибуции переднеязычных щелевых согласных, которая зависит от большого числа факторов, выступающих в говорах в самых различных комбинациях [Новак 2021]. Для работы был привлечен обширный объем диалектных данных по 146 говорам карельского языка Республики Карелия. Этот материал был выбран из заполненных в 1937—1973 гг. «Программ по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка» [Программы]. Объем базы данных исследования составил около 37,5 тыс. диалектных единиц [Mugteh]. Привлечение к работе метода кластерного анализа и компьютерной программы кластеризации, визуализирующей результаты сравнения диалектных материалов говоров на карте, позволило автоматически просчитать и сопоставить все возможные комбинации анализируемого фонетического явления, благодаря чему удалось провести его изоглоссы и выявить их основные пучки. Материалы базы данных также были обработаны при помощи алгоритма «анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок, что, с одной стороны, позволило проверить достоверность результатов применения диалектометрического метода, а с другой, выявить группу говоров карельского языка, распределение вариантов переднеязычных щелевых согласных в которых требует дополнительного исследования. Речь идет о пограничной между наречиями карельского языка зоне, территорию которой изоглоссы пересекают в самых различных направлениях. В рамках настоящего этапа исследования предполагается обработать материалы группы карельских говоров Средней Карелии при помощи инструмента «анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок с целью определить конкретные фонетические позиции начала и середины слова, влияющие на распределение переднеязычных щелевых согласных.

Результаты анализа в рамках статьи визуализируются в виде карт, построенных в трех разных программах:

- 1) картографический сервис «Google Карты»: карты 1, 3;
- 2) картографический модуль базы данных “Mugteh”: карты 2, 4 (правая), 5 (правая), на которых представлены все говоры интересующего нас региона;
- 3) инструмент «Поиск и построение карт» лингвистической платформы ЛингвоДок: карты 4 (левая), 5 (левая), 6, демонстрирующие поведение анализируемого явления в отобранных для исследования говорах.

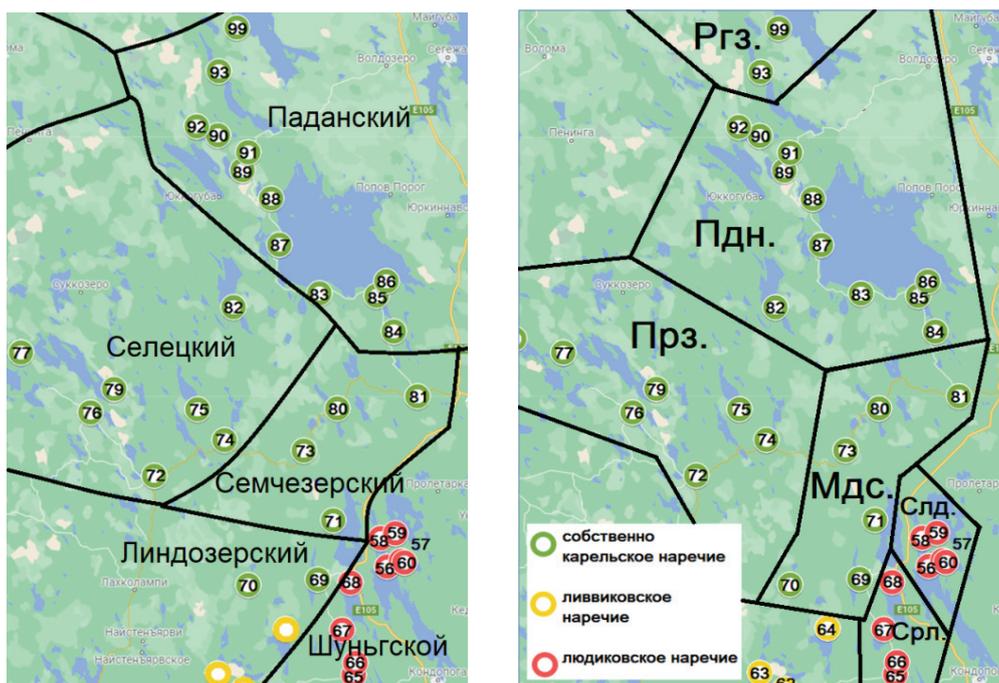
2. Специфика анализируемой группы говоров

Аналізу подвергается группа говоров карельского языка, расположенных в Средней Карелии (Сегозерье и прилегающий регион) на территориях современных Муезерского, Кондопожского, западной части Медвежьегорского и северных окраин Суоярвского районов. Согласно административному делению XV—XVIII вв., речь идет о четырех Лопских погостах (Паданский, Селецкий, Семчезерский, Линдозерский) и Шуньгском Заонежском погосте (карта 1, левая). В XIX—XX вв. это были земли Ругозерской, Паданской, Поросозерской, Мяндусельгской волостей Повенецкого уезда, а также Кондопожской и Спасопреображенской волостей Петрозаводского уезда Олонецкой губернии (карта 1, правая). Следует отметить, что именно это волостное деление послужило основой в процессе разработки диалектной карты карельского языка. Название и границы волостей Повенецкого уезда совпадают с соответствующими южнокарельскими диалектами собственно карельского наречия (ругозерский (ргз.), паданский (пдн.), поросозерский (прз.), мяндусельгский (мдс.)), а территории Кондопожской и Спасопреображенской волостей Петрозаводского уезда соответствуют севернолюдиковскому (слд.) и среднелюдиковскому (срл.) диалектам людиковского наречия.

Территория интересна в том плане, что именно по ней проходит граница наречий карельского языка (собственно карельского, ливвиковского и людиковского) и, соответственно, располагаются их периферийные говоры и «зона вибрации». Эта граница совпадает, с одной стороны, с границей древневепского и древнесаамского ареалов, а с другой — с административными границами Лопских и Заонежских погостов Новгородской земли, а также Повенецкого и Петрозаводского уездов Олонецкой губернии. Очевидно, наличие этих административных границ сыграло важнейшую роль в формировании современной диалектной карты карельского языка в регионе.

Кроме того, район Сегозерья представляет собой и переходную этнокультурную зону. Специалистами отмечается наличие здесь элементов как северокарельской, так и южнокарельской культур [Материальная культура 1981: 5—6].

Исторически ареал, расположенный южнее границы наречий карельского языка, являлся вепским [Муллонен 2010: 17—23]. Именно результатом вепско-карельского контактирования языковеды объяс-

Карта 1. Анализируемая группа говоров карельского языка с границами погостов (левая) и волостей/диалектов (правая)¹

няют формирование южных (ливвиковского и людиковского) карельских наречий [Itkonen 1971: 179, 182]. Севернее же проживали саамы. Корела начала проникать на север современной Карелии вплоть до Кольского полуострова в промысловых целях в период Средневековья. Оседлое же освоение территории выходцами из Корельского уезда (с 1610 г. — Кексгольмского лена) произошло в XVI—XVII вв. в результате военного противостояния России и Швеции, арена действий которого затронула историческую родину «корелы» [История Карелии 2001: 59—65].

Нужно отметить, что заселение карелами земель Карелии не было одномоментным, см. [История Карелии 2001: 139—180]. Историки выделяют два основных этапа массового переселения карелов из Северо-Западного Приладожья:

1) начало XVII в., когда переселенцы оседали на землях монастырей и помещиков, где у них была возможность скрыться и избежать возвращения обратно. По приблизительным подсчетам тогда могло переселиться около 2 тыс. семей;

2) конец 1650-х — начало 1660-х гг., когда основной поток карелов двинулся на Бежецкий Верх через Олонецкий перешеек, где осела значительная часть переселенцев (более 10%). На этом этапе правительство способствовало переселению, чем объясняется его масштабность — Кексгольмский лен покинуло тогда около 22 тыс. человек [Чернякова 1989: 4—15].

Именно на вторую половину XVII в. приходится основной всплеск роста числа дворов в Лопских погостах. Согласно историческим документам, от 1597 до 1670-х гг. он составил 60%, а на рубеже XVII—XVIII вв., наоборот, произошло запустение территории на 43% [Чернякова 1998: 271—273]. Такой упадок был вызван неурожайными годами, а также предпринимаемыми шведами рейдами в селения Средней Карелии, в результате которых было сожжено большое число дворов и убито много местных жителей. Так, например, согласно воспоминаниям жителей д. Сельги, по причине голода местное население ушло в центральную Россию [Virtaranta 1961: 42—44]. Аналогичные воспоминания сохранились о населенных пунктах Дёрккала [Муллонен 2001: 26] и Лиликов Наволок, жители которых ушли на Бежецкий Верх, где переселенцам-карелам все еще предоставляли землю и льготы [Чернякова 2001: 55]. В 1742 г. в Селецком погосте было уничтожено 3 деревни и убито 50 человек из 100, остальные разбежались [История Карелии 2001: 188]. Вследствие подобных событий могло полностью смениться население целых деревень. Многочисленные внутренние миграции карелов региона, также подтверждаемые документально, сопровождалась интенсивными контактами между представителями разных говоров и даже наречий карельского языка, что, в свою очередь, не могло не оставить отпечатка, о чем свидетельствуют результаты первого этапа исследования, см. [Новак 2021].

¹ Нумерация говоров совпадает с их нумерацией в предыдущей статье [Новак 2021].

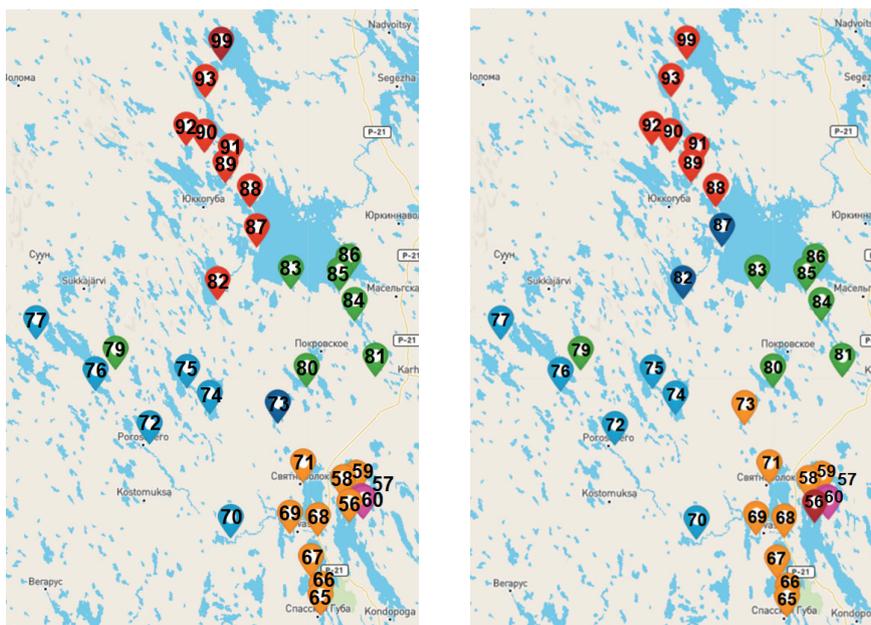
3. Варианты распределения переднеязычных щелевых согласно алгоритму кластерного анализа в свете исследований Д. В. Бубриха и П. Виртаранта

Анализ говоров рассматриваемого региона производится на базе заполненных в середине XX в. «Программ по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка», хранящихся в Научном архиве Карельского научного центра РАН, [Программы]. Дистрибуции свистящих/шипящих согласных в вопроснике уделено довольно много внимания: 316 вопросов в первом издании [Программа 1937: 57—87] и 200 — во втором [Программа 1946: 43—53]. Все имеющиеся материалы по 146 говорам Карелии были перенесены в базу данных “Murreh” и закодированы, что позволило обработать их при помощи программы кластерного анализа [Novak, Penttonen 2021].

Как отмечает в своем исследовании Д. В. Бубрих, изначально граница между противоположными северной и южной областями распределения вариантов переднеязычных щелевых согласных карельского языка полностью совпадала с границей между собственно карельским наречием с одной стороны и ливвиковским и людиковским — с другой, см. на карте 1 справа [Бубрих 1947: 157—158]. Применение статистического алгоритма кластеризации дало возможность установить, что основной пучок изоглосс анализируемого явления расположился значительно севернее этой границы. Кроме того, на периферии собственно карельского (паданские, поросозерские и мяндусельские говоры), а также людиковского (севернолюдиковские говоры) наречий в результате перекрестного влияния южнокарельской и севернокарельской систем распределения свистящих и шипящих произошло их смешение во всевозможных комбинациях.

В ходе настоящего исследования использован новый модуль кластеризации² диалектной базы карельского языка “Murreh”, в отличие от предыдущего варианта [см. Новак 2021] предоставляющий возможность выбирать разные иерархические и итеративные методы, а также ограничивать круг говоров для анализа. Экспериментально была доказана эффективность совместного применения к имеющемуся данным итеративного метода k-средних в совокупности с иерархическим методом полной связи. На первом этапе программа делит все объекты (пункты кластеризации, содержащие предварительно закодированный диалектный материал) на определенное число кластеров методом полной связи (объекты, обнаруживающие минимальное число отличий, от уровня к уровню объединяются в более крупные группы). Затем в каждом из полученных кластеров обчисляется центроид (эталон), обнаруживающий некую усредненную для всей группы картину анализируемого явления. Далее происходит подсчет количества отклонений компонентов образованных кластеров от центроидов с возможностью перераспределения, что особо актуально для переходных говоров. Подробнее о методах кластерного анализа см., напр., [Ду-гушкина 2020: 113—115; Бурева 2007: 16—22].

Для статьи было подготовлено несколько кластерных карт (в разных уровнях), визуализирующих распределение переднеязычных щелевых согласных в позициях начала и середины слова (карта 2).

Карта 2. Дистрибуция переднеязычных щелевых согласных начала слова (левая) и середины слова (правая)

² Модуль разработан ведущим инженером-исследователем ИПМИ КарНЦ РАН Н. Б. Крижановской.

Сопоставление этих карт позволяет говорить о наличии в исследуемом регионе четырех крупных групп говоров, отдельные из которых обнаруживают в своем составе подгруппы:

— северо-западная группа (красный кластер) характеризуется преимущественным употреблением шипящих в начале заднерядных слов. Согласно позиции середины слова группа разделяется на два кластера: северный, в котором шипящие выступают в позициях не перед и не после гласного *i*, и переходный южный (синий на правой карте). По позиции начала слова некоторые отличия обнаруживает самый северный говор д. Коргуба (99) (коричневый кластер на левой карте);

— в северо-восточной группе (зеленый кластер), как и в северо-западной, шипящие в начале слова используются лишь в словах заднерядного вокалического оформления, но в меньшем количестве, а середине слова наличие шипящих вовсе не свойственно. К зеленому кластеру примыкает также говор д. Гимолы (79), для которого, однако, характерно полное отсутствие шипящих в позиции начала слова;

— в юго-западном кластере (голубой) в позиции начала слова шипящие употребляются перед гласными *i*, *y*, а в середине — только перед гласным *i*;

— в юго-восточном кластере (оранжевый) шипящие используются преимущественно в позиции начала слов переднерядного вокалического оформления, а также в середине слова в положении после и перед гласным *i*. Некоторые отличия обнаруживает самая восточная группа (малиновый кластер на обеих картах), а также говоры д. Юстозеро (73, синий кластер на левой карте) и Лычный Остров (56, коричневый кластер на правой карте), см. [Новак 2021: 111—117].

На особый статус карельских говоров анализируемой территории отдельное внимание в своих исследованиях обращали Д. В. Бубрих [Бубрих 1947] и П. Виртаранта [Virtaranta 1946], описавшие представленную в них систему переднеязычных щелевых согласных³.

Согласно Бубриху, на рассматриваемой территории проходят границы трех основных областей трактовки свистящих и шипящих согласных:

— подобласти А.2. (северные говоры люд.), А.4. (койкарско-святнаволоцкие говоры с. к.), А.5. (юстозерские говоры с. к.) и А.6. (линдозерские, совдозерские, янгозерские и поросозерские говоры с. к.) южной области с доминирующим использованием свистящих согласных (*s, *z* > *s*, *z*, **s'*, *z'* > *š*, *ž*);

— подобласти Б.1. (говоры юго-западного Сегозерья с. к.) и Б.2. (говоры северо-западного Сегозерья с. к.) северной области с преимущественным употреблением шипящих согласных (*s, *z* > *š*, *ž*, **s'*, *z'* > *s'*, *z'*);

— средняя область В (юго-восточные паданские говоры и северные мяндусельгские говоры с. к.), для которой характерно использование свистящих согласных [Бубрих 1947: 130—151].

Из описанных в исследовании Виртаранта групп на анализируемой территории представлены следующие:

— группа 2 (северные паданские говоры), в которой шипящие согласные представлены в начале слов заднерядной огласовки, а также в середине слова (кроме позиции перед и после *i*);

— группа 3 (средние паданские говоры), где, в отличие от предыдущей группы, *š* в начале слова является в позиции перед *e*, а в середине исчезает ограничение позицией после *i*;

— группа 4 (западные поросозерские, юго-восточные паданские и северные мяндусельгские говоры) с преимущественным употреблением свистящих согласных;

— группа 5 (северо-западные поросозерские говоры), в которой шипящие не встречаются;

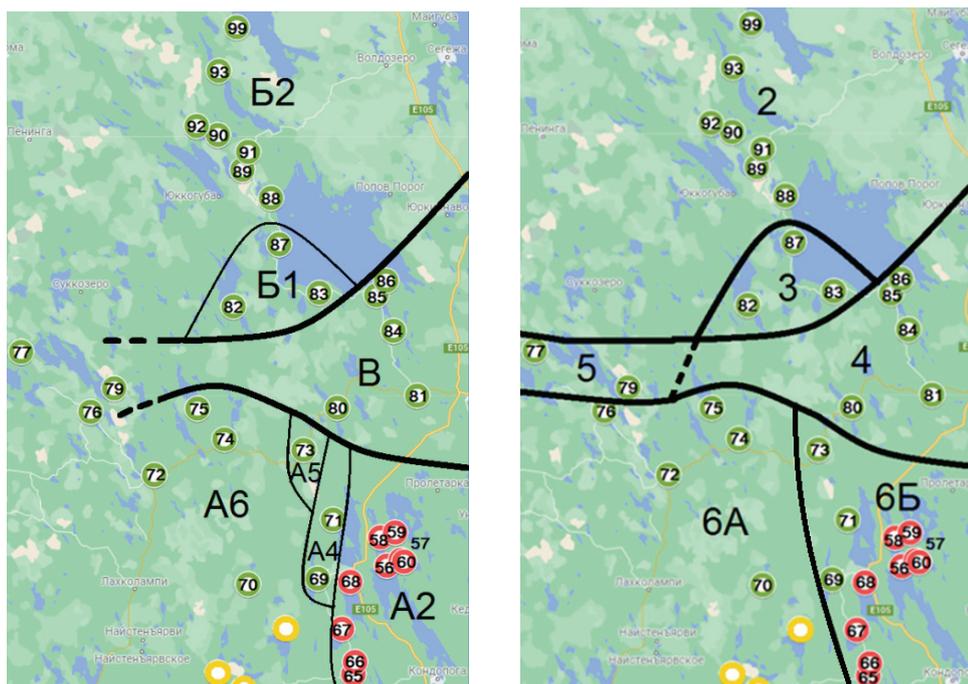
— группа 6 (юго-восточные поросозерские и южные мяндусельгские говоры с. к., а также северные людиковские говоры), где шипящие представлены в начале слов переднерядной огласовки, а в середине слова — в позиции перед *i* [Virtaranta 1946: 5—35].

Описанные в исследованиях языковедов подобласти и группы схематично можно отметить на картах (карта 3), которые наглядно демонстрируют, что зоны распределения переднеязычных щелевых, выделенные языковедами, практически совпадают. Отличие заключается лишь в том, что юго-восточная группа, описанная Виртаранта, Бубрихом поделена на три более мелкие подобласти; кроме того, самые западные поросозерские говоры были оставлены Бубрихом за рамками исследования. Относительно правой карты стоит отметить, что с точки зрения позиции начала слова группы 4 и 5 не обнаруживают отличий, поэтому граница между ними нанесена пунктирной линией.

Сравнение полученных карт между собой и с кластерными картами (карта 2) демонстрирует следующие отличия:

1) согласно Бубриху, говор д. Евгора (83) отнесен в ту же подобласть Б2, что и говоры д. Паданы (87) и Сельги (82) (карта 3, левая), тогда как на кластерной карте между этими говорами проходит четкая граница: говоры д. Паданы и Сельги входят либо в красный, либо формируют самостоятельный синий кластер, тогда как говор д. Евгора всегда притягивается к зеленому кластеру (карта 2), совпадающему с областью В по Бубриху. Виртаранта в своем исследовании этот говор отдельно не рассматривает;

³ Анализ и сравнение этих работ представлены в предыдущей статье автора [Новак 2021: 106—108].

Карта 3. Зоны дистрибуции переднеязычных щелевых согласных обследуемой территории согласно Д. В. Бубриху (левая) и П. Виртаранта (правая)

2) наличие отличительных особенностей в системе переднеязычных щелевых согласных говора д. Юозеро (73) отмечено Бубрихом (карта 3, левая) и прослеживается на кластерной карте (карта 2, левая), тогда как Виртаранта не отделяет этот говор от остальных юго-восточных говоров анализируемой территории (карта 3, правая);

3) говоры соседних деревень Койкары (69) и Святнаволок (71), выделенные Бубрихом в отдельную подобласть А4 (карта 3, левая), на кластерной карте (карта 2), а также карте, составленной на основе исследования Виртаранта (карта 3, правая), не обнаруживают каких-либо существенных отличий от расположенных восточнее говоров;

4) в отличие от классификаций Бубриха и Виртаранта (карта 3), алгоритм кластеризации по ряду параметров обособил говоры людиковских деревень Ояжа (60) и Владимирская (57), а также говор д. Лычный Остров (56) в самостоятельные группы (карта 2).

Важно также отметить, что сравнение всех карт настоящего раздела с диалектной картой территории, представленной в разделе 1 (карта 1, правая), обнаруживает несовпадение основных изоглосс анализируемого явления с границами диалектов и даже наречий карельского языка: четкие изоглоссы проходят внутри территорий паданского и мяндусельгского собственно карельских диалектов, тогда как, например, на границу собственно карельского и людиковского наречий не накладывается ни одной изоглоссы, отражающей дистрибуцию свистящих и шипящих согласных.

4. Определение условий дистрибуции переднеязычных щелевых согласных

В отличие от алгоритма кластерного анализа, который призван обрабатывать большие объемы данных, предоставляя при этом усредненный вариант, алгоритм «анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок⁴ дает возможность детальной проработки явления по каждой фонетической позиции. В связи с этим, с целью определения условий распределения вариантов переднеязычных щелевых согласных и уточнения границ ареалов исследуемого фонетического явления, материал диалектной базы данных карельского языка был интегрирован в ЛингвоДок [Словари]. Возможность применения инструмента «анализ когнатов» обеспечивает выборочный характер языковых данных, несмотря на сравнительно небольшой объем, а также анкетная специфика их получения (однотипность материалов). Инструмент, сравнивая материалы словарей по ряду параметров (начальный гласный, начальный согласный, гласный первого слога, согласный после гласного первого слога, гласный второго слога), находит надежные, сомнительные и единичные ряды соответствий. Соотнесение надежных рядов позиций начала

⁴ <http://lingvodoc.ispras.ru/>

слова позволяет программе рассчитать расстояние между говорами, представленными в словарях, и распределить их по группам, см. [Норманская 2020: 632—638].

Результаты сравнения диалектных материалов алгоритм «анализ когнатов» представляет в виде таблицы с подробными списками соответствий, позволяющими выделить основные фонетические позиции, влияющие на распределение в говорах переднеязычных щелевых согласных. Предварительная работа с инструментом показала, что оптимальное количество словарей, подверженных обработке, не должно превышать 20. Это объясняется необходимостью внесения некоторой редакторской правки по объединению рядов: ручному переносу сомнительных рядов в надежные, а единичных — в сомнительные. Появление единичных и сомнительных рядов связано с дефицитом диалектного материала, демонстрирующего распределение переднеязычных щелевых в определенных фонетических позициях. Редакторская работа со списками слов, представленными большим количеством столбцов, является довольно трудной задачей и может привести к пропуску важных соответствий. Поэтому далее предлагается провести подробный анализ результата обработки инструментом 20 словарей и выявить основные условия распределения свистящих и шипящих согласных в говорах анализируемого региона.

4.1. Отбор словарей

В целях сокращения количества словарей для более качественной обработки их диалектного материала алгоритмом «анализ когнатов» предлагается руководствоваться следующими критериями:

— включение в анализ до четырех говоров (словарей) из каждого кластера, сформированного в процессе применения алгоритма кластеризации как ко всей совокупности говоров, представленных в базе, см. [Новак 2021: 127], так и к говорам анализируемой территории (карта 2);

— в крупных кластерах предпочтение отдается говорам, находящимся на периферии;

— обязательное включение в анализ говоров, «кочующих» из кластера в кластер на разных кластерных картах;

— отбор наиболее полно и качественно заполненных словарей.

Исходя из приведенных критериев было выбрано 20 словарей: Коргуба (99), Лазарево (92), Венгигора (90), Паданы (87), Сельги (82), Евгора (83), Карельская Масельга (85), Мяндусельга (80), Чебино (81), Гимолы (79), Ключина гора (77), Совдозеро (74), Линдозеро (70), Юостозеро (73), Святнаволок (71), Койкары (69), Тивдия (58), Лычный Остров (56), Ояжа (60), Владимирская (57).

Применение алгоритма «анализ когнатов» к диалектному материалу отобранных словарей позволило получить подробную таблицу, в которой по говорам представлены соответствия вариантов переднеязычных щелевых согласных в позициях начала слова и после ударного (первого) гласного слова, т. е. в середине слова.

4.2. Анализ распределения переднеязычных щелевых согласных начала слова

Редакторская работа с рядами соответствий и привлечение к анализу данных «единичных рядов» позволили выделить перечень основных позиций начала слова (таблица 1), влияющих на распределение свистящих/шипящих согласных в анализируемых говорах, которые можно разделить на три группы (без учета биений):

1) перед переднерядными гласными *i*, *y*: перед дифтонгом *ie*, перед долгим *ii*, перед одиночным *i*, перед *y* (в том числе в составе дифтонга);

2) перед переднерядными гласными *ä*, *e*: перед гласным *ä* (в том числе в составе дифтонга), перед дифтонгом *eä/iä* (синхронно в анализируемых говорах), перед дифтонгом *ei*, перед одиночным *e*;

3) перед заднерядными гласными: перед гласным *a* (в том числе в дифтонгах, восходящих к прибалтийско-финскому праязыковому **aa*), перед гласными *u*, *o*.

Следует обратить внимание на тот факт, что исконной карельской лексике не свойственно употребление сочетаний согласных в абсолютном начале слова, в связи с чем круг анализируемых фонетических позиций ограничивается лишь положением перед гласными звуками (одиночными, долгими и дифтонгами).

Сводную картину распределения свистящих и шипящих согласных начала слова в зависимости от фонетической позиции в говорах карельского языка Средней Карелии можно представить в виде таблицы 2. Первоочередную роль в анализируемом процессе играет положение переднеязычного щелевого перед гласными верхнего подъема *i* (независимо от огласовки слова) и *y*. В оставшихся позициях значение имеет передне- или заднерядная огласовка слова.

На следующем этапе работы, согласно алгоритму «анализ когнатов», на основании выявленных рядов соответствий все говоры попарно сравниваются, производится подсчет числа переходов между ними,

Таблица 1. Списки рядов соответствий

	Влади- мирская	Ояжа	Тивдия	Лычный Остров	Койкары	Свят- наволок	Юоззеро	Линдозеро	Совдозеро	Клюшина гора
	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
‘сито’	šieglu	šieglu	šiegl	šieglā	šieglā	šieglā	šieglā	šieglā	šieglā	šieglā
‘гриб’	šieni	šieni	šien'	šieni	šien'i	šien'i	šien'i	šieni	šieni	šien'i
‘семя’	šiemen	šiemen	šiemen'	šiemen	šiemen	šiemen	šiemen	šiemen	šiemen	šiemen
	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ / [s]	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
‘сиг’	šiigu	šiigu	šiig	šiiga	šiiga	šiiga	šiiga	šiiga	šiiga	šiiga
‘передвигает’	šiirdäy	šiirdäy	šiärdav	šiirdäy	šierdäv	šierdäu	šierdäu	šiirdäy	šiirdäu	šiirdäv
‘крыло’	šiibi	šiibi	šiibe	šiibi	šiibi	šiibi	šiibi	šiibi	šiibi	šiibi
‘сковородник’	žiizma	žiizma		šiizma	šiizm	šiizma	šiizma	šiizma	šiizma	šiizma
‘леска’	šiimu	šiimu	šiim	šiima	šiima	šiima	šiima	šiima	šiima	šiima
‘мимо’	šiiričči	šiiričči	šiiriči	šiiričči	šiir'ičči	šiir'ičči	šiiričči		s'iričči	
	ʃ / [s]	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ / [s]	ʃ
‘завязка’	šide	šide	šide	šide	šid'e	šid'e	šive	šide	šije	šije
‘связывает’	šidou	šidou	šidov	šidou	šidou	šidou	šidou	šidou	s'idou	šidov
‘место’	šija	šija	šija		šija	šija	šija	šija	šije	šija
‘свинья’	šiga	šiga	šiga	šiga		šiga	šiga		šiga	šiga
‘тамошний’	šigäläine	šigäläini	šigäläin'e	šigäläne	šigäläne	šigäl'äne	šigäl'an'e	šigäläne	šigäläne	šigäl'äne
‘глаз’	šilmy	šilmy	šil'm	šilmä	šil'me	šil'mä	šil'mä	šilmä	šilmä	šil'mä
‘синий’	šinine	šinene	šin'in'e	šinine	šin'ine	šin'ine	šin'ine	šinine	šinini	šinine
‘поясница’	šivu	šivu	šivu	šivu	šivud	šivut	šivut	šivu	sivu	šivu
‘тем’			šil	šillä	ših	šil	šil'l'ä	šil	s'illä	šil'l'ä
‘ящерица’	žiželi	žišeli						šizeli	sizeli	šizali
‘тебя’	sinud	šinud	šindäi	šinda	šinda	šiuda	šiuda	šiuda	s'iuda	šiuda
‘сестра’	sizär	sizär	siz'är'	sizar	sizar	sizar	sizar	sizär	sizär	šizär
‘испражнения’	šittu	šittu	šitta	šittä	šitta	šitta	šitta	šitte	šitta	šitta
	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
‘глубокий’	šyvä	šyvä	šyvä	šyvä	šyvä	šyvä	šyvä	šyvä	šyvä	šyvä
‘слюна’	šylgi	šylgä	šyl'g'	šylgi	šyl'gi	šyl'gi	šyl'gi	šylgi	šylgi	šyl'gi
‘сажень’	šyli	šyli	šyl'i	šyli	šyl'y	šyl'y	šyl'i	šyli	šyli	šyl'i
‘суёт’	šydiä	šydiä		sydäy	šydeäu	šydoäv	šyd'yäu	šydeäu	šydeäu	šydeäy
‘осень’	sygyzy	sygyzy	šygyz	šygys	šyvys	šygys	šyvys	šyvys	šyvys	šyyš
‘ест’	šyö	šyö	šyöv	šyöy	šyöu	šyöu	šyöu	šyöu	šyöu	šyöv
‘наживка’	šyöttö	šyöttö		šyöttö						
	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	[s]	[s]	[s]
‘жеребенок’	šälgy	šälgy								säl'gy
‘плотва’	šärgi	šärgi	šärg'	šärgi	šärgi	šärgi	šärgi	särgi	s'ärgi	särgi
‘наживка’			šättäd		šättä	šättä	šättä	sättä	s'ättä	sättä
‘хлебает’	šärbäy	šärbäy	šärbäv	särbäy	šärbäu	šärbäu	šärbäu	särbäu	särbäu	särbäv
‘язь’	šäynä	šäynä		šäynä	säyn'ä	šäyn'ä	šäun'ä	säynä	s'äynä	säyn'ä
	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	[s]	[s]	[s]
‘погода’	šiä	šie	šigä		šeä	šeä	šiä	seä	s'eä	seä
‘нутро’							šiämi		s'eämi	seämi
‘голень’	šiäri	šiäri	šiär'	šiäri	šeär'i	šeär'i	šiär'i	seäri	seäri	seär'i

⁵ Серым цветом в таблице залиты примеры, отличающиеся от доминирующей ситуации в конкретной позиции данного говора. Когда в ряду соответствий представлены два и более отличия, в заглавную строку выносятся оба варианта через знак /, обозначающий биение, характерное, главным образом, для говоров зоны вибрации. При этом на первом месте стоит вариант, доминирующий в конкретной позиции. Единичные отличия в данном случае не учитываются, поскольку на фоне остального диалектного материала выглядят как следствие заимствования (на-

переднеязычных щелевых согласных начала слова⁵

Гимолы	Мяндусельга	Чебино	Карельская Мясельга	Евгора	Сельги	Паданы	Венггора	Лазарево	Коргуба
[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]
s'igla	s'iegla	s'iegla	s'iegla	s'iegla	s'iegla	siegla	s'iegla	s'iegla	siegla
s'ien'i	s'ien'i	s'ien'i	s'ien'i	s'ien'i	sien'i	s'ieni	s'ien'i	s'ieni	sieni
	s'iemen	s'iemen	s'iemen	s'iemen	s'iemen	siemen	s'iemen	siemen	siemen
[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]
	s'iiga	s'iiga	s'iiga	s'iiga	s'iiga	siiga	s'iiga	s'iiga	siiga
	s'iir'd'äu	s'iird'av	s'iir'd'av	s'iir'däv		s'iird'äy	s'iirdäy		siirdäy
s'iibi	s'iibi	s'iibi	s'iibi	s'iibi	s'iibi	s'iibi	s'iibi	s'iib'i	siibi
s'iizma	siiz'im	s'iiz'ma	s'iizma	s'iizma	s'iizma	s'iizma	s'iizma	s'iizme	šiizma
	s'iima	s'iima	s'iima	s'iima	s'iima	siima	s'iima	s'iima	siima
	s'iir'ičči	s'iir'ičči	s'iir'ičči	s'iiričči		s'iiričči	s'iir'ičči		
[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]
	s'ive	s'ije	s'ive	s'ive	s'ie	sie	s'ieh	s'ije	side
	s'idou	s'idov	s'idov	s'idov	s'idov	sidou	s'idou	s'idov	sidou
	s'ija	s'ija	s'ija	s'ija	s'ija	s'ia	s'ija	s'ija	sija
	s'iga	s'iga	s'iga	s'iga	s'iga	sigä	s'iga	s'iga	sigä
	s'igäl'äne	s'igäl'äne	s'igäl'äne	s'igäl'an'e	s'igäl'äne	s'igäläne	s'igäl'an'i	s'igäl'ani	sigäläne
	s'il'mä	s'il'mä	s'il'mä	s'il'mä	s'il'mä	s'ilmä	s'il'mä	s'il'mä	silmä
	s'in'ine	s'in'ine	s'in'in'e	s'in'ine	s'in'ine	sinine	sin'in'i	s'in'in'e	sinine
sivu	s'ivut	s'ivu	s'ivu	s'ivu	s'ivu	sivu	s'ivu	s'ivut	sivu
			s'il'l'ä	s'il'l'ä	s'il'l'ä	s'illä	s'il'l'ä	s'il'l'ä	sillä
s'iz'al'i	s'iz'el'i	s'iz'el'i	s'iz'el'i	s'iz'el'i	siz'al'i	s'izäli	s'iz'el'i	s'iz'el'i	
	s'inda	siuda	s'iuda	s'iuda	s'iuda	silma	s'ilma	s'iuda	silma
sizär	s'izar	s'izar				s'izar	s'izar		sizar
sitta	šitta	šitta	s'itta	s'itta	šitta	šitta	šitta	šitta	sitta
[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]
s'yvä	s'yvä	s'yvä	s'yvä	s'yvi	s'yvä	s'yä	s'yvä	s'yvä	syvä
	s'yl'gi	s'yl'gi	s'yl'gi	s'yl'gi	s'yl'gi	s'ylgi	s'ylgi	s'yl'gi	sygi
	s'yl'i	s'yl'i	s'yl'i	s'yl'i	s'yl'i	s'yli	s'yl'i	s'yl'i	syli
	s'yd'iaü	s'yd'iaü	s'yd'iaü	s'yd'eäv	s'yd'eäv	s'yd'ey	s'yd'eäy	s'ydäv	sydeäy
s'yvys	s'yvys	syvys	s'yvys	s'yvys	s'yyš	s'yyš	s'yyš	s'yyš	sygyzy
	s'yöu	s'yöv	s'yöv	s'yöv	s'yöv	s'yöy	s'yöy	s'yöv	šyöy
						s'yött'ö		s'yöttö	šyöttö
?	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]
		s'al'gy					säl'gy		sälgy
	s'ärgi	s'ärgi	s'ärgi	s'ärgi	s'ärgi	särgi	s'ärgi	s'ärg'i	särgi
	s'ät't'ä	s'ät't'ä	s'ät't'ä						
	s'ärbäu	s'ärbäv	s'ärbäv	s'ärbäv	s'ärbäv	s'ärbäy	s'ärbäy	s'ärbäv	šärbäy
	s'äyn'ä	s'äyn'ä	s'ävn'ä	s'äyn'ä	s'äyn'ä	s'äyn'ä	s'äyn'eä	s'äynä	säynä
[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]
	s'ia	s'ia	s'e	s'eä	s'eä	s'ia	s'eä	s'ia	
	s'iämi	s'iämi	s'iämi	s'eämi	s'eämys't'ä	s'eemi	s'eämi	s'iämi	seämi
seär'i	s'iär'i	s'iär'i	s'iär'i	s'eär'i	s'eär'i	seeri	seär'i	s'iär'i	seäri

пример, южнокарельское оформление лексемы *sizär* 'сестра', встречающееся наряду с повсеместно распространенной в регионе собственно карельской формой *šikko*) или, вероятно, как следствие ошибочной фиксации. Из имеющихся в базе 67 вопросов по анализируемому явлению в позиции начала слова за рамками таблицы оставлены 7 вопросов, ответы на которые представлены менее чем в пяти словарях.

Таблица 1. Списки рядов соответствий переднеязычных

	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ] / [s]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ] / [s]	[s]	[s]	[s]
‘стена’	šeiny	šeiny	šein'	šeinä	šein'ä	šein'ä	šein'ä	seinät	s'einä	sein'ä
‘шест’	šeibáz	šeibäs	šeibáz	šeibáš	šeibäs	šeibäs	šeibäs	seiväs	s'eibäs	seiväs
‘стоит’	šeizou	šeizou	šeizov	seižuu	šeizou	šeizou	šeizou	seizou	seizou	seizov
‘стоять’	šeizou	šeizou	šeizu	šeizuo	šeizuo	šeizuo	šeizou	seizuo	s'eizuo	seizuo
‘семь’	šeičemen	šeiččemen	šeiččemen	šeiččemen	šeiččeme	šeiččemen	šeiččemen	šeiččemen	šeiččemen	šeiččemen
	[s] / [ʃ]	[s] / [ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[s]	[s]	[s]
‘спина’	šelgy	šelgy	šel'g'	šēlgä	šel'gä	šel'gä	šel'gä	selgä	s'elgä	sel'gä
‘кузнец’	šep̄py	šep̄py	šep'p'	šēppä	šeppe	šep̄pi	šēppä	seppä	s'eppä	seppä
‘передок саней’	sebä	sebä	šebä	šebä	šebä	šebä	šebä	sebä	s'ebä	sebä
‘ясный’	selged	selget	šel'ged	šelgel	šel'gie	šel'gie	šel'gie	selgie	selgie	sel'gie
‘разрез’		sebä	šebäduz	šebalus						sebalus
‘тот’	seže	seže		seže			seže		seže	seže
‘этими’				šezilla					sežillä	sežil'l'ä
‘ошибается’	šegoï	šegou	šegov	šegou	šegou	šegou	ševottau	segou	s'egou	segov
	[ʃ] / [s]	[ʃ] / [s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s] / [ʃ]	[s]	[s]	[s]
‘глина’	savi	savi	savi	savi	savi	savi	savi	savi	savi	savi
‘сто’	sada	sada	sada	sada	sada	sada	sada	sada	sada	sada
‘сумка’	šalgu	šalgu			šalkke	šalkku	šalkku	šalkku	šalkku	šalkku
‘осока’	šara-heiny	šara heiny	sara-hein'	sara-heinä	sara hein'ä	sara-heinä	šara-heinä	sara-heinä	sara-heinä	sara-heinä
‘выдра’				šagarve	sagarvo	soarava	suarva	sagarvo	soarva	soarova
‘развилаина’	šuaru	šuaru	suar	sar		soara	suarat	soara	soara	soara
	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]
‘палец’	sormi	sormi	sor'm'	sormi	sormi	sormi	sormi	sormi	sormi	sormi
‘лыжа’	suksi	suksi	sukš	sukset	sukset	sukset	sukši	sukši	sukset	sukši
‘выполняет’		šuurittau	suorittav	suorittau	suor'ittav	suor'ittau	suor'ittau	suorittau	suorittau	suorittav

т. е. формируется матрица анализируемого явления. Число переходов равно количеству отличий между столбцами таблицы 2. Одно отличие соответствует одному переходу. Случаи, когда для одного говора характерно наличие обоих вариантов переднеязычных щелевых (биение), а для другого лишь одного варианта, обсчитываются как 0,5 единицы. Так, например, между говорами Ояжа (60) и Тивдия (58) в таблице 2 обнаружен один полный переход (позиция So/u) и два отличия по биениям (позиции Se и Sa), т. е. в данном случае число переходов равно 2 (1+0,5+0,5). Подсчет числа соответствий по результату распределения переднеязычных щелевых согласных в группе говоров карельского языка Средней Карелии (таблица 2) позволяет получить точную матрицу явления (таблица 3).

Согласно результатам, четко выделяется три основных позиции дистрибуции переднеязычных щелевых начала слова:

1) по позиции **перед переднерядными гласными i, y** говоры распределились на две группы:

— Владимирская (57), Ояжа (60), Тивдия (58), Лычный Остров (56), Койкары (69), Святнаволоок (71), Юостозеро (73), Линдозеро (70), Совдозеро (74), Ключина гора (77), с преимущественным употреблением шипящих;

— Гимолы (79), Мядусельга (80), Чебино (81), Карельская Масельга (85), Евгора (83), Сельги (82), Паданы (87), Венгигора (90), Лазарево (92), Коргуба (99), в которой, напротив, используются свистящие;

2) позиция **перед переднерядными гласными e, ä** перераспределила говоры на две другие группы:

— Владимирская (57), Ояжа (60), Тивдия (58), Лычный Остров (56), Койкары (69), Святнаволоок (71), Юостозеро (73), обнаруживающая шипящие согласные;

— Линдозеро (70), Совдозеро (74), Ключина гора (77), Гимолы (79), Мядусельга (80), Чебино (81), Карельская Масельга (85), Евгора (83), Сельги (82), Паданы (87), Венгигора (90), Лазарево (92), Коргуба (99), с представительством свистящих переднеязычных щелевых;

3) по позиции **перед заднерядными гласными** сформировалось две отличных от предыдущих группы:

щелевых согласных начала слова (*продолжение*)

[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s] / [ʃ]
	s'ein'ä	s'ein'ä	s'ein'ä	s'ein'ä	s'ein'ä	sein'ä	sein'ä	s'ein'ä	seinä
seibäs	s'eiväs	seiväs	s'eibäs	s'eibäs	seibäš	seibäš	s'eibäš	seibäš	šeiväs
seizou	seizov	s'eizou	s'eizou	s'eizov	s'eizov	seizou	seiz'ou	seizov	seizou
seizou	seizuo	s'eizuo	s'eizuo	s'eizuo	s'eizuo	seizua	s'eizuo	s'eizua	seizuo
	šeiččymen	šeiččemen	šeiččimen	šeiččimen	šeiččimen	šeiččemen	šeiččemen	šeiččemen	šeiččemen
[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[s] / [ʃ]	[s] / [ʃ]
sel'gä	s'el'gä	s'el'gä	s'el'gä	s'el'gä	s'elgä	selgä	sel'gä	s'el'gä	selgä
seppä	s'eppi	s'eppä	s'eppä	s'eppä		s'eppä	s'eppä	s'eppä	seppä
	s'ebä	s'ebä	s'ebä	s'ebä	s'ebä	s'ebä	s'ebä	s'ebä	
	s'el'gie	s'el'gie	s'el'gie	s'el'gie	s'elgie	selgiä	sel'gie	s'elgie	šelgie
								s'ebätaa	šeballuš
	seze	s'ez'id'ä	s'ez'id'ä	s'ez'e	šeže	seže	sezidä	šeže	šeže
	s'ez'il'l'ä	seze	s'ez'il'l'ä	s'ez'il'l'ä	sežellä	sez'illa	sez'illa	šeži'l'l'ä	sezilla
	s'ego	s'egov	s'egov	s'egov	s'egov	segou	s'egou	šegov	segou
[s]	[s] / [ʃ]	[ʃ] / [s]	[ʃ] / [s]	[ʃ] / [s]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]
savi	savi	savi	savi	savi	šavi	šavi	šavi	šavi	šavi
sada	sada	sada	sada	sada	šada	šada	šada	šada	šada
salku	šalkku	šalkku	šalku	šalku	šalku	šalkku	šalkku	šalku	šalgu
sarahein'ä	šara-hein'ä	šara-hein'ä	sara	šaraheinä	šaraheinä	šara	šarahein'ä	šara	šara-heinä
	soarava	suarava	šagara	šagara		šoorava	šoarava	šagara	šuarava
soara		šuara	šuara	šoara	šoara	šoor	šoara	šoor	šoara
[s]	[s]	[s]	[s]	[s]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]	[ʃ]
	sormi	sormi	sormi	sormi	šormi	šormi	šormi	šormi	šormi
suksi	sukset	suks'i	suks'i	suks'i	šukšet	šuksi	šukši	šukšet	šukšet
suor'ittav	suor'ittav	suor'ittav	suor'ittav	suor'ittav	šuurittav	šuurittau	šuurittau	šuur'ittav	šuurittau

— Владимирская (57), Ояжа (60), Тивдия (58), Лычный Остров (56), Койкары (69), Святнаволок (71), Юостозеро (73), Линдозеро (70), Совдозеро (74), Ключина гора (77), Гимолы (79), Мяндусельга (80), Чебино (81), Карельская Масельга (85), Евгора (83), с преимущественным употреблением свистящих;

— Сельги (82), Паданы (87), Венгигора (90), Лазарево (92), Коргуба (99), в которой употребляются шипящие согласные.

Таким образом, на карте, основанной на результатах применения алгоритма «анализ когнатов», следует наметить четыре группы:

1) Владимирская (57), Ояжа (60), Тивдия (58), Лычный Остров (56), Койкары (69), Святнаволок (71), Юостозеро (73), где в позиции перед любыми переднерядными гласными выступает преимущественно шипящий согласный, а перед заднерядными — свистящий. Центральные говоры группы (д. Тивдия (68), Койкары (69) и Святнаволок (71)) не обнаруживают между собой каких-либо отличий. Некоторые отличия демонстрируют говоры д. Ояжа (60), Юостозеро (73) и особенно Владимирская (57), для которых в позиции перед заднерядным гласным *a* возможно использование шипящего, а в позиции перед одиночным гласным *e* — свистящего (в говоре д. Владимирская также в позиции перед одиночным *i*). Из группы также выделяется говор д. Лычный Остров (56), для которого возможным является употребление свистящего согласного в позиции перед долгим *ii* и дифтонгом *ei*;

2) Линдозеро (70), Совдозеро (74), Ключина гора (77), отличия между которыми отсутствуют или минимальны (0,5). Шипящие переднеязычные щелевые здесь возможны исключительно в позиции перед переднерядными гласными *i* и *y*;

3) Гимолы (79), Мяндусельга (80), Чебино (81), Карельская Масельга (85), Евгора (83), где во всех позициях употребляются свистящие переднеязычные щелевые. Исключение обнаруживает лишь позиция перед заднерядным *a*, в которой в говорах группы Мяндусельга (80), Чебино (81), Карельская Масельга (85), Евгора (83) возможно употребление шипящего согласного, что является очевидным влиянием со стороны диалектов, расположенных севернее;

Таблица 2. Распределение переднеязычных щелевых согласных начала слова⁶

Наречие		людиковское				собственно карельское															
Диалект		слд.				мдс.			прз.			мдс.			пдн.					ргз.	
Позиция	Говор	Владимирская (57)	Ояжа (60)	Тивдия (58)	Лычный Остров (56)	Койкары (69)	Свягнаволок (71)	Юозеро (73)	Линдозеро (70)	Совдозеро (74)	Клошина гора (77)	Гимолы (79)	Мяндусельга (80)	Чебино (81)	Карельская Масельга (85)	Евгора (83)	Сельги (82)	Паданы (87)	Венгигора (90)	Лазарево (92)	Коргуба (99)
		Перед	Sie	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	s	s	s	s	s	s	s	s	s
i, y	Sii	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ/s	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s
	Si	ʃ/s	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ/s	ʃ	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s
	Sy	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s
Перед	Sä	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	s	s	s	?	s	s	s	s	s	s	s	s	s
	Se/iä	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s
	Sei	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ/s	ʃ	ʃ	ʃ/s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s/f
	Se	s/ʃ	s/ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s/f	s/f
Перед	Sa	ʃ/s	ʃ/s	s	s	s	s	s/f	s	s	s	s	s/f	ʃ/s	ʃ/s	ʃ/s	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
	So/u	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
Говор		57	60	58	56	69	71	73	70	74	77	79	80	81	85	83	82	87	90	92	99

4) Сельги (82), Паданы (87), Венгигора (90), Лазарево (92), Коргуба (99), которой свойственно употребление шипящих переднеязычных щелевых в позиции перед заднерядными гласными и свистящих — перед переднерядными. Некоторые особенности из проанализированных обнаруживают самые северные говоры этой группы (д. Лазарево (92), Коргуба (99)), в которых в позиции перед гласным *e* возможно использование шипящего, что характерно для собственно карельских говоров Северной Карелии.

Сравнение результатов применения к одним и тем же языковым данным алгоритмов «анализ когнатов» (карта 4, левая⁷) и «кластерный анализ» (на карте 4 (правая) представлен более высокий уровень кластеризации по сравнению с картой 2 (левая)) в данном случае демонстрирует их полную идентичность. Наличие некоторых отличий в говорах д. Коргуба (99), Юозеро (73), Владимирская (57), Ояжа (60), проявившееся на более низком уровне кластеризации (карта 2, левая), нашло отражение и в сводной таблице в виде биений (таблица 2). Кроме того, в таблице, в отличие от кластерной карты, обнаруживается наличие незначительных отличий в говорах д. Лычный Остров (56), Лазарево (92) и Совдозеро (74).

4.3. Анализ распределения переднеязычных щелевых согласных середины слова (в позиции после гласного первого слога)

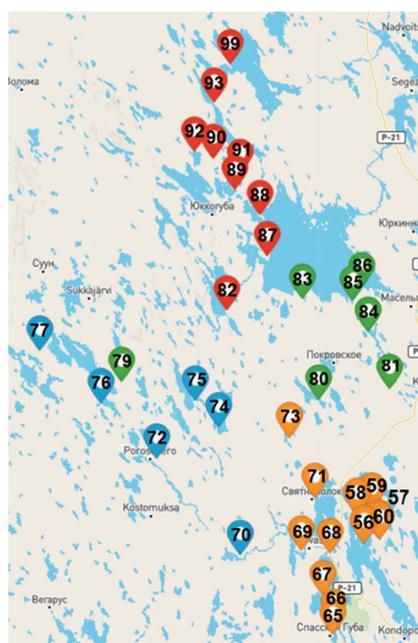
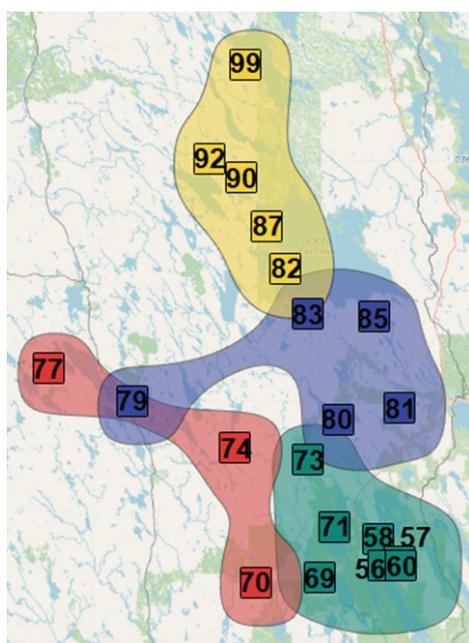
Аналогичным образом было проанализировано поведение свистящих/шипящих середины слова. В надежные ряды программа автоматически отнесла позицию *iS*, в сомнительные — позиции *VkSV*, *VrSi*, *VpSi*, *VSrV*, *VSi*, *iSkV*, *VSkV*. Остальные позиции были выявлены в процессе редакторской работы со списками единичных рядов. Результат анализа представлен в виде таблицы 4 и сводной таблицы 5.

⁶ В первых двух строках таблицы представлена традиционная система деления исследуемых говоров на наречия и диалекты, в третьей строке названия говоров залиты согласно их разбиению на кластеры (карта 2, левая), внутри таблицы заливка сделана исходя из результатов сравнения различных позиций без учета биений, в нижней строке представлен результат деления говоров на группы согласно алгоритму «анализ когнатов». S — любой переднеязычный щелевой согласный.

⁷ http://lingvodoc.ispras.ru/map_search/6K3KM

Таблица 3. Матрица соответствий по начальному согласному⁸

Ояжа (60)	Тивдия (58)	Лычный Остров (56)	Койкары (69)	Святнаволоок (71)	Юостозеро (73)	Линдозеро (70)	Совдозеро (74)	Клюшина гора (77)	Гимолы (79)	Мяндусельга (80)	Чебино (81)	Карельская Масельга (85)	Евгора (83)	Сельги (82)	Паданы (87)	Венгигора (90)	Лазарево (92)	Коргуба (99)	
0,5	1,5	2,5	1,5	1,5	1,5	4,5	4	4,5	6,5	7	7	7	7	8,5	8,5	8,5	8	7,5	Владимирская (57)
	1	2	1	1	1	4	4,5	4	7	7,5	7,5	7,5	7,5	9	9	9	8,5	8	Ояжа (60)
		1	0	0	1	4	4,5	4	7	8,5	8,5	8,5	8,5	10	10	10	9,5	9	Тивдия (58)
			1	1	1	4	4,5	4	6	7,5	7,5	7,5	7,5	9	9	9	8,5	8	Лычный Остров (56)
				0	1	4	4,5	4	7	8,5	8,5	8,5	8,5	10	10	10	9,5	9	Койкары (69)
					1	4	4,5	4	7	8,5	8,5	8,5	8,5	10	10	10	9,5	9	Святнаволоок (71)
						4	4,5	4	7	8	8	8	8	9	9	9	8,5	8	Юостозеро (73)
							0,5	0	4	4,5	4,5	4,5	4,5	6	6	6	6,5	7	Линдозеро (70)
								0,5	3,5	4	4	4	4	5,5	5,5	5,5	6	6,5	Совдозеро (74)
									4	4,5	4,5	4,5	4,5	6	6	6	6,5	7	Клюшина гора (77)
										0,5	0,5	0,5	0,5	2	2	2	2,5	3	Гимолы (79)
											0	0	0	1,5	1,5	1,5	2	2,5	Мяндусельга (80)
												0	0	1,5	1,5	1,5	2	2,5	Чебино (81)
													0	1,5	1,5	1,5	2	2,5	Карельская Масельга (85)
														1,5	1,5	1,5	2	2,5	Евгора (83)
															0	0	0,5	1	Сельги (82)
																0	0,5	1	Паданы (87)
																	0,5	1	Венгигора (90)
																		0,5	Лазарево (92)

Карта 4. Зоны дистрибуции переднеязычных щелевых согласных начала слова согласно результатам применения алгоритма «анализ когнатов» в сравнении с кластерной картой

⁸ Градация заливки от белого к темно-серому цвету совпадает с ростом количества переходов и меняется через полторы единицы.

Таблица 4. Списки рядов соответствий переднеязычных

	Владимир- ская	Ояжа	Тивдия	Лычный Остров	Койкары	Свят- наволоок	Юозезеро	Линдозеро	Совдозеро	Клюшина гора
	i ʒ з. о.	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ/z]	[ʒ/z]	[ʒ/z]	[z]	[z]	[z]	[z]
‘пшеница’	nižu	nižu	nižu	nižu	n'ižu	n'ižu	n'izu	nizu	nizu	n'izu
‘игра’	kiža	kiža		kiža	kiža	kiža	kiza	kiza	kiza	kiza
‘большой’	ižo	ižo						izolline		
‘ругат’	piža	piža				piža			piza	piza
‘капля’	pizar	pizar	pizareh	pizareh	pizareh	pizara		pizar	pizar	pizara
‘сестра’				sizar	sizar	sizar	sizar	sizär	sizär	šizär
	i ʒ V п.о.	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]	[z]	[z]	[z]	[z]
‘хозяин’	ižändä	ižändä	ižand	ižändä	ižändä	ižändä	ižändä	izändä	izändä	izändä
‘добавляет’	ližädäy	ližädäy	ližadav		l'ižeäu	ližöäu	l'ižiäu	lizeäu	lizeäu	l'izeäv
‘отец’	ižä	ižä	iža	ižä	ižä	ižä	ižä	izä		
‘держится’	pižyu	pyžyy	pyžyv	pyžyy	pyžyu	pyžyu	pyžyu	pyzyu	pyzyy	pižyv
‘прибавляя’	ližätēs	ližädēs	ližates	ližateš	l'ižates	l'ižates		lizätēs	lizätessä	l'izätessä
‘пазуха’	žiželi	žišeli						šizeli	sizeli	šizali
‘сестра’	sizär	sizär	siz'är'							
	Vi ʒ/z V	[ʒ/z]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]	[z/ʒ]	[z/ʒ]	[z/ʒ]	[z]
‘пять’	viiži	viiži	viiž	viiži	viiž	viiži	viiži	viiži	viiži	viiži
‘сковородник’	žižma	žižma		šiižima	šiižm	šiižma	šiižma	šiižma	šiižma	šiižma
‘умный’	viizas	viizas			viizas	viizas	viizas	viizas	viizas	viizas
‘оглобли’	aižat	aižat	aiž	aiža	aižu	aižu	aiža	aiza	aiza	aiza
‘другими’	toižilla	toižilla	toižil	toižilla	toižil'	toižil	toizet	toižilla	toizet	toižilla
‘другие’	toižet	toižet	toižed	toižet	toižet	toižet		toizet	toižilla	toizet
‘бедро’	reiži	reiži		reiži	reiži	reiži	reiži	reiži	reiži	reiži
‘колея’	raiživo	raiživo								
‘нарыв’	paizo	paizo				paiži		paize	paiže	paize
‘стоит’	šeizou	seizou	šeižov	seižuu	šeižou	šeižou	seizou	seizuo	s'eizuo	seizov
	i ʃk з.о.	[ʃk]	[ʃk]	[ʃk]	[ʃk]	[ʃk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]
‘бросает’	viškou	viškou	viškov		viškou	viškou	viskov	viskou	viskoau	viskov
‘затылок’	niška	niška			n'iška	n'iška	n'iska	niska	niska	niska
‘ерш’	kiiškoi	kiiškoi	kiiškad	kiiškoi						kiiska
‘ленивый’	lašku	lašku	lašk	lašk	laiška	laiška	laiška	laiska	laiska	laiska
‘тащит’	kiškou	kiškou	kiškov	kiškou	kiškov	kiškou	kiskou	kiskou	kiskou	kiskov
	i/y ʃk/sk п.о.	[ʃk/sk]	[ʃk/sk]	[ʃk]	[ʃk]	[ʃk]	[ʃk]	[sk]	[sk]	[sk]
‘бьет’	išköy	išköy	išköv	išköy	išköu	išköu	išköu	isköu	isköu	is'köv
‘охапка’	yskä	ys'kä	yskä	yška	yškä	yškä	yškä	yskä	yskä	yskä
	i/y/*i ʃt з.о.	[ʃt]	[ʃt]	[ʃt]	[ʃt]	[ʃt]	[st]	[st]	[st]	[st]
‘жены’	naištu	naišty		naišta				naista		naista
‘помнит’	muštau	muštau	muštav	muštau		muištau	muistau	muistau	muistau	muistav
‘трясет’	pudištau	pudižtau	pudištav			puištau	puistau	puistav	puistau	puistav
‘сидит’	istuvu	istuvi	ištuv	ištuu	ištuu	ištuu	istuu	istuu	istuu	istuv
‘вертикально’	pyšty	pišty	pyšty	pyšdy	pyšty	pyšty	pyščy	pysty	pysty	pisty

⁹ Почти из 150 вопросов словарей на дистрибуцию свистящих/шипящих в позиции после гласного первого слога за рамками таблицы остался 31 вопрос. Это падежные именные словоформы, в которых переднеязычный целевой выступает в окончании (напр., *kädes/käes* ‘в руке’), заимствования (напр., *vesselä* ‘веселый’), лексемы, об-

щелевых согласных середины слова⁹

Гимолы	Мяндү-сельга	Чебино	Карельская Масельга	Евгора	Сельги	Паданы	Венггора	Лазарево	Коргуба
[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[ʒ]	[ʒ/z]	[z]	[z]	[z]
n'izu	n'izu				nižu	nižu		n'izu	
kiza	kiza	kizata	kiza	kiza	kiža	kiža	kiz'a	kiza	kiza
						ižo			izo
							pizama		piza
pizara	pizareh	pizarel	pizara	pizarane	pižara	pizar	pizara	pizara	pizara
sizär	s'izar	s'izar				s'izar	s'izar		sizar
[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]
iz'ändä	iz'an'dä	iz'an'dä	iz'ändä	iz'an'dä	iz'an'dä	iz'ändä	iz'ändä	iz'an'dä	iz'ändä
	liz'äiv	l'iz'äiu	l'iz'äiv	l'iz'äiv	liz'eäv	liz'ey	l'iz'eäy	l'iz'ev	lizeäy
iz'ä	iz'ä	iz'ä				iz'ä	iz'ä	iz'ä	izä
pizyy	pyz'yv	pyz'yy	pyz'yv	pyz'yv	pyz'yv	pyz'yy	pyzyy	pyz'yv	pyzyy
	l'izät'es'sä	l'iz'ät'es'sä	l'iz'ät'es'sä	l'iz'ät'es'sä	liz'ät'es'sä	liz'ät'es'sä	l'iz'äteššä	l'iz'äteššä	lizäteššä
s'iz'äl'i	s'iz'el'i	s'iz'el'i	s'iz'el'i	s'iz'el'i	siz'äl'i	s'izäli	s'iz'el'i	s'iz'el'i	
[z]	[z/ʒ]	[z/ʒ]	[z]	[z]	[z/ʒ]	[z/ʒ]	[z]	[z]	[z]
viiz'i	viiz'i	viiz'i	viiz'i	viiz'i	viiz'i	viiz'i	viiz'i	viiz'i	viizi
s'iizma	siiz'im	s'iiz'ma	s'iizma	s'iizma	s'iizma	s'iizma	s'iizma	s'iizme	šiizma
viizas	viizas	viizas			viizaš	viizaš	viizaš	viizaš	viizaš
aiza	aiža	aiža	aiža	aiža	aiza	aiz'a	aiz'a	aiza	aiza
toiz'illa	toizet	toiz'illa	toizella	toiz'illa	toizilla	toiz'illa	toiz'illa	toiz'illa	toizet
toizet	toiz'illa	toizet	toizet	toizet	toižet	toižet	toiz'et	toiz'et	toizilla
reizi	reiži	reiži	r'eiz'i	reiz'i	reizi	reiz'i	reiz'i	r'eiz'i	reizi
raizivo						raiz'ivo			raizivo
paize	paize	paize	paiz'i		paizo	paize	paiz'e	paiz'e	paize
seizou	seizuo	s'eizuo	s'eizou	s'eizov	s'eizov	seižua	seiz'ou	seizov	seizou
[sk]	[sk]	[ʃk]	[ʃk]	[ʃk]	[ʃk]	[ʃk]	[ʃk/sk]	[sk/ʃk]	[sk]
viskuau	viskou	viskuau	viskov	viskov		viškou	viškou	viškov	visko
n'iska					niška	niška	n'iška	niška	niska
			kiško	kiško	kiško	kiiška	kii's'ko	kisko	kiisko
laiska	laiška	laiška	laiška	laiška	laiška	laiška	lais'ka	laiska	laiska
kiskou	kiskov	kiškou	kiškov	kiškov	kiškov	kiškou	kiškou	kiskov	kiskou
[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk/ʃk]	[sk]	[sk/ʃk]
is'köy	is'köu	is'köu	is'köv	is'köv	is'köv	is'köy	is'köy	is'köv	isköy
yskä	ys'kä	ys'kä	ys'kä	ys'kä	yskä	ys'kä	yškä	yškä	yškä
[st]	[st]	[st]	[st]	[st]	[st]	[st]	[st]	[st]	[st]
	naista	naista	naista	naista	naista	naista	naista	naista	naista
muistau	muistuv	muistav	muistav	muistav	muistav	muistau	muistau	muistav	muistau
	puistav	puistau	puistav	puistav	puistav	puistau	puistau	puistav	puistau
istuu	istuv	istuu	istuv	istuv	ištuv	ištuu	ištuu	ištuv	istuu
pysty	pys't'y	pys't'y	pys't'y	pys't'y	pys't'y	pys't'y	pys'ty	pysty	pystyy

наруживающие в людиковских говорах отсутствие чередования согласных (напр., *šugyžu/šuuš* 'осень'), а также слова с конечным *s/š* (напр., *mieš* 'мужчина').

Таблица 4. Списки рядов соответствий переднеязычных

	i/y/*i[ft] п.о.	[ft]	[ft]	[ft]	[ft]	[ft]	[st]	[st]	[st]	[st]
‘спорит’	kiištāy	kiištāy	kiištāv		kiištāu	kiištāu	kiiščāu	kiistāu	kiistāu	kiistāv
‘кострика’	pāštār	pāštār	paštār	pāštār		pāiššār	pāiššār	pāissār	pāissār	pāissār
‘колет’	pyštāy	pyštāy	pyštāv	pyštāy	pyštāu	pištāu	pistia	pystāu	pistāu	pistāv
‘продвигается’	edištuy	edištuy	eistyv	eištuy		eištyu	eištyu	eistyu	eistyv	eistyv
	V[ʒ/z]i з.о.	[ʒ/z]	[ʒ]							
‘новый’	uūži	uūži	uuž	uūži						
‘год’	vuoži	vuoži	vuoži	vuoži	vuoži	vuoži	vuoži	vuoži	vuoži	vuoži
‘моча’	kuži	kuži	kuži	kuži	kuži	kuži	kuži	kuži	kuži	kuži
‘поднялся’	nouž	nouže	nouž	nouži						
‘шесть’	kuuži	kuuži	kuuž		kuuž	kuuži	kuuži	kuuži	kuuži	kuuži
‘ложка’	lužikku	lužikku	lužik	lužikka						
‘дело’	ažie	ažie	ažijad	ažie		ažie		ažie	ažie	ažie
‘сочный’	razie	razie			ražie	ražie	ražie	ražie	ražie	ražie
‘кошка’	kazi	kazi	kaži							
‘правда’	tozi	tozi	toži	toži	toži	toži		toži	toži	toži
‘сват’				kozie	kožie	kožita	kožiččija	kožiččija	kožiččija	kožiččija
‘темный’	muzava	muzava	muzav	mužedaine	muz'ie	muz'ie	mužie	muzie	mužie	mužie
	V[ʒ]i п.о.	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ]
‘мыл’	peži	peži	peži	peži	peži	peži	peži	peži	peži	peži
‘болеет’		lašiy							lašiu	l'āživ
‘знал’	tiež	tiež	t'iež	tiež	t'ieži	t'ieži	t'ieži	tieži	t'ieži	t'ieži
‘избавился’	piāži	piāži	piāži		peāži	peāži	piāži	peāži	peāži	peāži
‘полный’	tāyži	tāyži	t'āuž	tāyži	tāyži	tāyži	t'āuži	tāyži		t'āyži
‘вода’	veži	veži	veži	veži	veži	veži	veži	veži	veži	veži
‘рука’	kāzi	kāzi	kāži							
	[rʒ]i	[rʒ]	[rʒ]	[rʒ]	[rʒ]	[rʒ]	[rʒ]	[rʒ]	[rʒ]	[rʒ]
‘рукоятка’	varži	varži	varž	varži						
‘бревно’	parži	parži		parži	parži	parži	parži	parži	parži	hirži
‘страдает’	kāržiu	kāržiy				kāržiu	kāržiu	kāržiu	karžiu	kārživ
	[nʒ]i	[nʒ]	[nʒ]	[nʒ]	[nʒ]	[nʒ]	[nʒ]	[nʒ]	[nʒ]	[nʒ]
‘ноготь’	kynži	kynži	kyndži	kynži	kyndži		kyndži	kyndži	kyndži	kynži
‘испытывал’	tunž	tunž	tunž	tunž			tunži	tunži	tunži	tunži
‘первый’	enžimāine	enžimmāine		enžimāine		endžimāne	en'džimās	endžimāne	endžimāne	enžimāne
	[kʃ]i з.о.	[kʃ]	[kʃ]	[kʃ]	[kʃ]	[kʃ]	[kʃ]	[kʃ]	[kʃ]	[kʃ]
‘бежал’	juokši	juokši	d'uokš	juokši	d'uokši	d'uokši	juokši	d'uokši	d'uokši	d'uokši
‘два’	kakši	kakši	kakš	kakš	kakš	kakši	kakši	kakši	kakši	kakši
‘лыжа’	suksi	suksi	sukš	sukši						
	[kʃ]i п.о.	[kʃ]	[kʃ]	[kʃ]	[kʃ]	[kʃ]	[kʃ]	[kʃ]	[kʃ]	[kʃ]
‘взбил’	piekš	piekš	piekš	piekš	piekši	piekši	piekši	piekši	piekši	pieksi
‘выдумывает’	kekšiu	kekšiy		kekšiy	kekšiu	kekšiu	kekšiu	kekšiu	kekšiu	kekšiv
‘один’	ykši	ykši	ykš	ykš	ykš	ykši	ykši	ykši	ykši	ykši
‘отправился’	lākši	lākši	lākš	lākši					lākši	l'ākši
	[ps]i	[ps]	[pʃ]							
‘ребенок’	lapsi	lapsi	lapš	lapši						
‘зрелый’	kypsi	kypsi	kypši							
‘доил’	lypši	lypši	lypš	lypši	l'ypši	l'ypši	l'ypši	lypši	lypši	l'ypši

щелевых согласных середины слова (*продолжение*)

	[st]	[st]	[st]	[st]	[st]	[st]	[st]	[st]	[st]
	kiis't'äv	kiis't'äu	kiis't'äv	kiis't'äv	kiis't'äv	kiis't'äy	kiistäy	kiis't'av	kiistäy
	päis's'är	pais's'är	päis's'är	päis's'är	päissär	päissär	päis's'är	päis's'är	päisär
pistäy	pis't'äv		pis't'äv	pis't'äv	pis't'äv	pis't'ay	pistäy	pistav	pistäy
	eis't'yu	eis'tyv	eis't'yv	eis't'yv	eis't'yv	eis't'yy	eištyy	eis't'yv	eistyy
	[z/3]	[z/3]	[z/3]	[z/3]	[z/3]	[z/3]	[z/3]	[z/3]	[z/3]
uuzi	uuzi	uuzi	uuzi	uuzi	uuzi	uuzi	uuzi	uuzi	uuzi
vuozı	vuozı	vuozı	vuozı	vuozı	vuozı	vuozı	vuozı	vuozı	vuozı
kuzı	kuzı		kuzı	kuzı	kuzı	kuzı	kuzı	kuzı	kuzı
nouzi	nouzı	nouzı	nouzı	nouzı	nouzı	nouzi	nouzı	novzı	nouzi
kuuzı	kuuzı	kuuzı	kuuzı	kuuzı	kuvzi	kuuzı	kuuzı	kuuzı	kuuzı
luzikka	luz'ikka	lus'ikka	luz'ikka	luz'ikka	luzikka	luzikka	luz'ikka	luz'ikka	luzikka
azie	az'ie	az'ie	az'ie	azie	az'ie	az'ia	az'ie	az'ia	azie
razie	razie	razie	razie	razie	razie	ražua			razie
kazı	kazı	kazı	kazı	kazı	kazı	kazı	kazı	kazı	kazi
tozi	tozi	tozi	tozi	tozi	tozi	tozi	tozi	tozi	tozi
koz'iččija	koziččija mies	koz'ita	koz'ita	koz'ita	koizömieš	koz'iččija	koizoo	kozie-mies	
		muz'ie	muz'ie	muz'ie		muzia	muz'ie	mužie	mužie
	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]
pezı	pezı	pezı	pezı	pezı	pezı	pezı	pezı	pezı	pezi
l'äz'iu	l'äz'yv	l'äz'yy	l'äz'iv	l'äz'yv	läz'yy	läz'iy	l'äz'yy	l'äz'iv	läziy
t'izı	t'iezi		t'iezı		tiezi				tiezi
peäzı	piäzı	piäzı	piäzı	peäzı	peäzı	peezi	peäzi	piäzı	peäzi
t'äyzi	t'äuzı	t'äyzi	t'äyzi	t'äyzi	täyzı	t'äyzi	t'äyzi	t'äyzi	täyzi
	vezı	vezı	vezı	vezı	vezı	vezı	vezı	vezı	vezi
käzı	käzı	käzi	käzı	käzı	käzı	käzı	käzı	käzı	käzi
	[rz]	[r3]	[r3]	[r3]	[r3]	[r3]	[r3]	[r3]	[r3]
varzı	varzi	varzi	varzi	varzi	varzi	varzi	varzi	varzi	varzi
hirzi	hirzi	hirzi	hirzi	hirzi	hirzi	hirzi	hirzi	hirzi	hirzi
kärziu	kärziu	kärziu	kärz'iv	kärz'iv	kärz'iv	kärziy	kärziy	käz'iv	kärziu
	[n3/nz]	[n3]	[nz/n3]	[nz/n3]	[n3]	[nz]	[nz]	[nz]	[nz]
kyn'zi	kyn'dzi	kyn'dzi	kyn'dzi	kyn'dzi	kyndzi	kynzı	kynzı	kynzı	kynzi
tunzi					tunzi				tunzi
en'zimäne	endzimäne	endzimäne	enzimäne	en'zimane	en'dzimane	enz'imäne	enzimän'ı	enz'imäne	enzimäne
	[kʃ]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[kʃ]
d'uokši	juoksı	juoksı	juoksı	d'uoksı	d'uoksı	juoksi	d'uoksi	d'uoksı	duokši
kakši	kaksı	kaksı	kaksı	kaksı	kaksı	kaksı	kaksı	kaksı	kaksi
suksi	suksı	suksı	suksı	suksı	šukši	šuksi	šuksi		šukši
	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]	[ks]
	pieksı	pieksı	pieksı	pieksı	pieksı	pieksı	piksi	pieksı	piksi
kekšiü	keksıv	keksıu	keksıv	keksıv	keksıv	keksıy	kekšiü	keksıv	kekšiü
yksi	yksı	yksı	yksı	yksı	yksı	yksı	yksı	yksı	yksi
l'äksı	l'äk'sı	läksı	l'äksı	läksı	läksı	läksı	läksı	l'äksı	läksi
	[ps]	[ps]	[ps]	[ps]	[ps]	[ps]	[ps]	[ps]	[ps]
lapsı	lapsı	lapsı	lapsı	lapsı	lapsı	lapsı	lapsı	lapsı	lapsı
kypsi	kypsı	kypsi	kypsı	kypsı	kypsı	kypsı	kypsı	kypsı	kypsä
l'ypsı	lypsı	lypsı	l'ypsı	l'ypsı	lypsı	lypsı	lypsı	lypsı	lypsı

Таблица 4. Списки рядов соответствий переднеязычных

	[ʃk/sk]i	[ʃk/sk]	[ʃk]	[ʃk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]
‘тронул’	koški	koški	koški	koški	koski	koski	koski	koski	koski	koski
‘вдова’	leški	leški	lešk	lešk	l'eski	l'eski	l'eski	leski	leski	l'eski
‘середина’	keski	keski	kešk	keškel	keski	keski	keski	keski	keski	keski
‘велел’	käški	käški	käški	käški	käski	käski	käski	käski	käski	käski
‘веля’	käskedes	käskedes	käskedes	käskedeš	käskies	käskies		käskies	käskiessä	käskiessä
	[st]i	[st]	[st]	[ʃt]	[st]	[st]	[st]	[st]	[st]	[st]
‘черными’	mustil	mustil	mustil'	muštilla	mussil'	mussil	mussilla	mussil	mussilla	mussilla
	V[z]V з.о.	[z]	[z]	[ʒ]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]
‘мочится’	kuzou	kuzou	kuzov	kužou	kuzou	kuzou			kuzou	kuzov
‘побег’	veza	veza	vezad	veža	veza	veza		veza	veza	veza
‘попал’	ozaiž	ozaišč	ozaiž	ožaiž	ozai	ozai	ozai	ozai	ozaži	ozaiži
‘левый’										vazain
‘встает’	nouzou	nouzou	novzov	nouzou	nouzov	nouzou	nouzov	nouzou	nouzou	novzov
‘ровный’	tazane	tazane						tazat		tazane
‘ели’	kuuzet	kuuzet	kuuzed	kuužet	kuuzet	kuuzet	kuuzet	kuuzet	kuuzet	kuuzet
‘когда’	konzu	konzu	konz	konž	konza	konza	konza	konza	konza	konza
	V[z]V п.о.	[z]	[z]	[ʒ/z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[z]
‘лето’	kezä	kezä	keza		kesä	kezä	kezä	kezä	kezä	kezä
‘отходит’	piäzöy	piäzöy	piäzov	pežöy	peäzöu	peäzöu	piäzöu	peäzöu	peäzöu	peäzöv
‘моет’	pezöy	pezöy	pezov	pežöy	pezöv	pezöu	pezöu	pezöu	pezöu	pezöv
‘гнездо’	pezä	pezä	pezä	pezä	pezä	peza	peza	pezä	pezä	pezä
‘устает’	väžyy	väžyy	väzyv	väžyy	väzyi	väzyv		väzyu	väžyy	väzyv
‘спрашивает’	kyžyy	kyžyy	kyzyv	kyžyy	kyžyv	kyžyu	kyžyu	kyzyu	kyžyy	kyžyv
	V[ʒr]V	[ʒr]	[ʒr]	[ʒr]	[ʒr]	[ʒr]	[ʒr]	[ʒr]	[ʒr]	[ʒr]
‘овес’	ozra	ozra	ozr	ozra	ozra	ozra	ozra	ozra	ozra	ozra
‘острога’						azrain	azrain	azrain	azrain	azrain
‘прядет’	kežrädäy	kežrädäy	kežrädav	kežrädäy	kežreäu	kežröäu	kežriäu	kežröäu	kežreäu	kežreäv
	V[ʒv]V	[ʒv]	[ʒv]	[ʒv/ʒv]	[ʒv/ʒv]	[ʒv/ʒv]	[ʒv]	[ʒv]	[ʒv]	[ʒv]
‘растет’	kazvau	kazvau	kazvav	kazvau	kazvau	kazvau	kazvau	kazvau	kazvau	kazvav
‘гной’				vižvad	vižvoau	vižvuan	vizvuau	vizvoau	vizvouu	vizva
	V[sk]V з.о.	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]
‘трогает’	koskou	koskou	koskov	koskou	kosku	koskou	koskou	koskou	koskou	koskov
‘пресный’	riesku	riesku	riesk	rieska	r'ieska	r'ieska	r'ieska	rieska	rieska	rieska
	V[sk]V п.о.	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]
‘велит’	käsköy	käsköy	käsköv	käsköy	käsköv	käsköu	käsköu	käsköu	käsköu	käsköv
	V[st]V з.о.	[st]	[st]	[ʃt]	[st]	[st]	[st]	[st]	[st]	[st]
‘лопатка’	lastaine	lastaine		laštaini		laštane	laštane	laštane	lastane	lastane
‘черный’	mustu	mustu	must	musta	mušta	musta	musta	muste	musta	musta
‘шагает’	astuu	astuu	astuv	aštuu	astuv	astuu	astuu	astuv	astuv	astuv
‘ребенка’	laštu	laštu	lastuine	laštuine		lastune	lastu	lastu	lastu	lastune
‘учится’	opastuu	opaštau	opastav	opaštau	opasta	opastau	opastav	opastau	opastau	opastav
	V[st]V п.о.	[st]	[st]	[ʃt]	[st]	[st]	[ʃt]	[st]	[st]	[st]
‘тешет’	vestäy	vestäy	vestäv	veštäy	vestäv	vestäu	veščäu	vestäu	vestäu	vestäv

щелевых согласных середины слова (*продолжение*)

[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[ʃk]	[ʃk]	[ʃk]
koski	koski	koski	koski	koski	koški	koški	koški	koški	koški
	les'ki	les'ki	les'ki	l'es'ki	les'ki	les'ki	l'eški	leški	leški
	kes'ki	kes'ki	kes'ki	kes'ki	kes'ki	keski	keški	keški	keški
	käs'ki	käs'ki	käs'ki	käs'ki	käs'ki	käs'ki	käški	käški	käški
	käs'kies's'ä	käs'kies's'ä	käskies's'ä	käskies's'ä	käskies's'ä	käs'kies's'ä	käskieššä	käs'kieššä	käskieššä
[st]	[st]	[st]	[st]	[st]	[ʃt]	[ʃt]	[ʃt]	[ʃt]	[ʃt]
mussilla	mussilla	mussilla	mussilla	mussilla	muštilla	muššila	muššilla	muššilla	muššilla
[z]	[z]	[z]	[z/ʒ]	[z]	[ʒ]	[ʒ]	[ʒ/z]	[ʒ]	[ʒ]
kuzou	kuzov		kuzov	kuzov	kužov	kužou	kuzou	kužov	kužou
veza	veza	veza	veža	veza	veža	veža	veža	veža	veža
	ozaz'i	ozai	ozaz'i	ozai	ožaz'i	ožazi	ožaz'i	ožai	ožai
	vazain	vazain	vazen	vazain	važain	važain	važain	važain	važain
nouzou	nouzov		novzov	novzov	novžov	noužou	noužou	noužou	novzo
		tazane			tažaine	tažane	tazan'i		tažane
kuužet	kuužet	kuužet	kuužet	kuvžet	kuužet	kuužet	kuužet	kuužet	kuužet
	konza	konza	konza	konza	konža	konža	konža	konža	konža
[z]	[z]	[z]	[z]	[z]	[ʒ/z]	[ʒ/z]	[ʒ/z]	[ʒ]	[ʒ]
kezä	kez'ä	kez'ä	kez'ä	kez'ä	kez'ä	kez'ä	kežä	kežä	kežä
peäzöy	peäz'öv	piäz'ou	piäz'öv	peäz'öv	peäžöy	peežoy	piäžöy	piäžöv	piäžöy
pezöy	pez'ou	pez'ou	pez'öv	pez'öv	pežöv	pežöy	pežöy	pežöv	pežöy
pezä	pezo	pezo	pezo	pezo	pežo	pežo	pežo	pežo	pežä
		väzyy				väz'yy	väz'yy		
kyzyu	kyz'yv	kyzyu	kyz'yv	kyz'yv	kyz'yv	kyz'yy	kyz'yy	kyžyv	kyzy
[zr]	[zr]	[zr]	[zr]	[zr]	[zr]	[zr]	[zr]	[zr]	[zr]
ozra	ozra	ozra	ozra	ozra	ozra	ozra	ozra	ozra	ozra
azrain	azrain	azrain	azrain	azrain		azrain	azrain	azrain	azrain
kezrät'ä	kezreäv	kezi'äu	kezi'äv	kezreäv	kezreäv	kezrey	kezi'äy	kezi'äv	kezi'äy
[zv]	[zv]	[zv]	[zv]	[zv]	[ʒv]	[ʒv]	[ʒv/zv]	[ʒv]	[ʒv]
kazvau	kazvav	kasvau	kazvav	kazvav	kažvav	kažvau	kazvau	kažvav	kažvau
vizva	vizvauan	vizvuan	vizvies'a	viz'vie	vižva	vižva	vižva	vižvata	vižava
-	[sk/ʃk]	[sk/ʃk]	[sk/ʃk]	[ʃk]	[ʃk]	[ʃk]	[ʃk]	[ʃk]	[ʃk]
	koskov	koskou	koskov	koškov	koškov	koškou	koškou	koškov	koškou
	r'ieška	r'ieška	r'ieška	r'ieška	rieška	rieška	rieška	r'ieška	rieška
-	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]	[sk]
	käs'köv	käs'köu	käs'köv	käs'köv	käs'köv	käs'köy	käs'köy	kös'köv	käšköy
[st]	[st]	[st]	[st]	[st]	[ʃt]	[ʃt]	[ʃt]	[ʃt]	[ʃt]
	lastane	lastane	lassat	lasta	laštane	laštane	laštan'i	laštane	lašta
musta	musta	musta	musta	musta	mušta	mušta	mušta	mušta	mušta
astuu	as'tivo	astuv	astuv	astuv	aštuv	aštuu	aštuu	aštuv	aštu
	lastune	lastune	lastune	lastu	laštune	laštune	laštun'i	laštune	laštuine
	opastav	opastau	opastav	opastav	opaštav	opaštav	opaštav	opaštav	opaštav
[st]	[st]	[st]	[st]	[st]	[st]	[st]	[st]	[ʃt]	[ʃt]
vestäu	ves'täu	ves'täu	ves'täv	ves'täv	ves'täv	ves'täy	ves'täy	veštäv	veštäy

Таблица 4. Списки рядов соответствий переднеязычных

	V[k/ps]V з.о.	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]
‘лыжи’	sukset	sukset	suksed	sukset	sukset	sukset	sukset	sukset	sukset	sukset	sukset
‘бежит’	juoksou	juoksou	d'uoksov	juokšou	d'uoksov	d'uoksov	d'uoksou	juoksov	juoksou	d'uoksov	
‘дети’	lapset	lapset	lapsed	lapset	lapset	lapset	lapset	lapset	lapset	lapset	
	V[k/ps]V п.о.	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	
‘взбивает’	pieksäy	piekzäy	pieksäv	pieksäy	pieksäu	pieksäu	pieksäu	pieksäu	pieksäu	pieksäv	
‘доит’	lypsäy	lypsäy	lypsäv	lypsäy	l'ypsäu	lypsau	lypsäu	lypsäu	lypsäu	l'ypsäv	

Таблица 5. Распределение переднеязычных щелевых согласных, выступающих в позиции после гласного первого слога¹⁰

Наречие		людиковское				собственно карельское																
Диалект		слд.				мдс.				прз.		мдс.		пдн.						ргз.		
Говор		Владимирская (57)	Ояжа (60)	Тивдия (58)	Лычный Остров (56)	Койкары (69)	Свягнаволок (71)	Юостзеро (73)	Линдозеро (70)	Совдозеро (74)	Клюшина гора (77)	Гимолы (79)	Мяндусельга (80)	Чебино (81)	Карельская Масельга (85)	Евгора (83)	Сельги (82)	Паданы (87)	Венгигора (90)	Лазарево (92)	Коргуба (99)	
		Позиция																				
После i / y / *i	iSV з.о.	з	з	з	з/z	з/z	з/z	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з/z	з	з	з	
	iSV п.о.	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	
	ViSV	з/z	з/z	з	з	з	з	з/z	з/z	з/z	з	з	з/z	з/z	з	з	з/z	з/z	з	з	з	
	iSk з.о.	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ/s	s/ʃ	s	
	i/ySk п.о.	ʃ/s	ʃ/s	ʃ/s	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	s/ʃ	s	s/ʃ
	i/y/*iSt з.о.	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
	i/y/*iSt п.о.	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
Перед i	VSi з.о.	з/z	з/z	з	з	з	з	з	з	з	з/z	з/z	з/z	з/z	з/z	з/z	з/z	з/z	з/z	з/z	з/z	
	VSi п.о.	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	
	VrSi	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	
	VnSi	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з/z	з	з	з/z	з/z	з	з	з	з	з	з	
	VkSi з.о.	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	
	VkSi п.о.	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	
	VpSi	s	s	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	
	Vski	ʃ/s	ʃ/s	ʃ	ʃ	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	ʃ	ʃ	ʃ
	VSti	s	s	s	ʃ	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ
В остальных позициях	VSV з.о.	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з/z	з	з	з	з/z	з	з	
	VSV п.о.	з	з	з	з/z	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з/z	з/z	з/z	з	з	
	VsrV	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	
	VsvV	з	з	з	з/z	з/z	з/z	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з	з/z	з	з	
	VskV з.о.	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	-	s/ʃ	s/ʃ	s/ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	
	VskV п.о.	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	-	s	s	s	s	s	s	s	s	s	
	VStV з.о.	s	s	s	ʃ	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	
	VStV п.о.	s	s	s	ʃ	s	s	ʃ	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	ʃ	ʃ	
	VkSV, VpSV з.о.	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	ʃ	
	VkSV, VpSV п.о.	s	s	s	s	s	s	s	s	s	s	ʃ	s	s	s	s	s	s	ʃ	ʃ	ʃ	
	Говор	57	60	58	56	69	71	73	70	74	77	79	80	81	85	83	82	87	90	92	99	

¹⁰ В верхней части таблицы названия говоров залиты согласно их разбиению на кластеры (карта 2, правая). В таблице заливка сделана исходя из результатов сравнения трех основных позиций без учета биений. Более светлым оттенком залиты ячейки, выбывающие из общей картины. В нижней строке представлено деление говоров на группы

щелевых согласных середины слова (*продолжение*)

[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	[k/pʃ]	[k/pʃ]	[k/pʃ]	[k/pʃ]	[k/pʃ]
sukset	sukset	sukset	sukset	sukset	šukšet	šukšet	sukšet	šukšet	šukšet
d'uokšou	juoksov	d'uoksou	juoksov	d'uoksov	djuokšov	juokšou	d'ukšou	d'uokšov	juksou
lapset	lapset	lapset	lapset	lapset	lapšet	lapšet	lapšet	lapšet	lapšet
[pʃ]	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	[k/ps]	[k/pʃ]	[k/pʃ]	[k/pʃ]
	pieks'äv	pieks'äu	pieks'äv	pieks'äv	pieks'äv	pieks'äy	piekšäy	piekšäv	piekšäy
l'ypšäu	l'yps'än	l'yps'äu	l'yps'äv	l'yps'äv	lyps'äv	lyps'äy	l'ypšäy	lypšäv	lypšäy

Таблица 6. Матрица соответствий по согласному, выступающему в позиции после гласного первого слога¹¹

Ояжа (60)	Тивдия (58)	Лычный Остров (56)	Койкары (69)	Святнаволок (71)	Юостзеро (73)	Линдозеро (70)	Совдозеро (74)	Клюшина гора (77)	Гимолы (79)	Мяндусельга (80)	Чебино (81)	Карельская Масельга (85)	Евгора (83)	Сельги (82)	Паданы (87)	Венгигора (90)	Лазарево (92)	Коргуба (99)	
0	2,5	8,5	4	4	7,5	7,5	7,5	8	10	9,5	8,5	10	10	13,5	15	16	19	18	Владимирская (57)
	2,5	8,5	4	4	7,5	7,5	7,5	8	10	9,5	8,5	10	10	13,5	15	16	19	18	Ояжа (60)
		6	2,5	2,5	7	7	7	7,5	12,5	12	11	12,5	12,5	16,5	17,5	17,5	20,5	19,5	Тивдия (58)
			5,5	5,5	9	12	12	12,5	17,5	17	16	16,5	17,5	14	14,5	15,5	15,5	14,5	Лычный Остров (56)
				0	5,5	6,5	6,5	7	12	11,5	10,5	12	12	15,5	16	18	21	20	Койкары (69)
					5,5	6,5	6,5	7	12	11,5	10,5	12	12	15,5	16	18	21	20	Святнаволок (71)
						3	3	3,5	9,5	8	9	10,5	10,5	16	16,5	16,5	17,5	15,5	Юостзеро (73)
							0	0,5	5,5	5	6	7,5	7,5	13	13,5	14,5	16,5	15,5	Линдозеро (70)
								0,5	5,5	5	6	7,5	7,5	13	13,5	14,5	16,5	15,5	Совдозеро (74)
									6	5,5	6,5	7	7	13,5	14	14	16	15	Клюшина гора (77)
										4	5	4,5	4	11,5	11	9	11	10	Гимолы (79)
											1	2,5	2,5	8	8,5	9,5	11,5	12,5	Мяндусельга (80)
												1,5	1,5	7	7,5	9,5	11,5	13,5	Чебино (81)
													1	7,5	7	8	10	12	Карельская Масельга (85)
														7,5	7	8	10	12	Евгора (83)
															1,5	6,5	6,5	8,5	Сельги (82)
																5	5	6	Паданы (87)
																	3	4	Венгигора (90)
																		2	Лазарево (92)

в соответствии с дистрибуцией переднеязычных щелевых середины слова. S — любой переднеязычный щелевой согласный, V — любой гласный кроме *i*, з.о. — заднерядная огласовка слова, п.о. — переднерядная огласовка слова.

¹¹ Градация заливки от белого к темно-серому цвету совпадает с ростом количества переходов и меняется через 5 единиц.

На основе представленных таблиц и матрицы можно говорить о трех основных позициях распределения переднеязычных щелевых согласных середины слова:

1) по позиции **после гласного *i*** говоры распределились по двум группам:

— Владимирская (57), Ояжа (60), Тивдия (58), Лычный Остров (56), Койкары (69), Святнаволок (71) с шипящими во всех позициях;

— Юостозеро (73), Линдозеро (70), Совдозеро (74), Ключина гора (77), Гимолы (79), Мяндусельга (80), Чебино (81), Карельская Масельга (85), Евгора (83), Сельги (82), Паданы (87), Венгигора (90), Лазарево (92), Коргуба (99) с преимущественным употреблением свистящих. Шипящие здесь появляются в сочетании *Sk* в словах заднерядной огласовки, а также нерегулярно в некоторых других позициях, при этом видно, что говор д. Юостозеро является переходным;

2) согласно позиции **перед гласным *i*** говоры делятся также на две, но отличные от предыдущих, крупные группы:

— Владимирская (57), Ояжа (60), Тивдия (58), Лычный Остров (56), Койкары (69), Святнаволок (71), Юостозеро (73), Линдозеро (70), Совдозеро (74), Ключина гора (77), где непосредственно перед гласным *i* выступает шипящий согласный. Лишь в говорах д. Владимирская (57) и Ояжа (60) отмечается использование свистящих в некоторых лексемах. В случае же, когда между переднеязычным и гласным *i* появляется какой-либо согласный, ситуация представлена обратным образом, т. е. доминирует употребление свистящего согласного за исключением говора д. Лычный Остров. Использование сочетания *ski* также встречается в говорах д. Владимирская, Ояжа и Тивдия, но нерегулярно;

— Гимолы (79), Мяндусельга (80), Чебино (81), Карельская Масельга (85), Евгора (83), Сельги (82), Паданы (87), Венгигора (90), Лазарево (92), Коргуба (99), где, за исключением сочетания *rSi*, преимущественным является употребление свистящих согласных. При продвижении на север (от говора д. Сельги, а интенсивнее — от говора д. Венгигора) начинает проявлять себя условие удаленности переднеязычного согласного от гласного *i*, что позволяет анализировать эти случаи в совокупности со следующей основной позицией;

3) по остальным позициям (**не перед и не после *i***) четко выделяются две группы:

— Владимирская (57), Ояжа (60), Тивдия (58), Лычный Остров (56), Койкары (69), Святнаволок (71), Юостозеро (73), Линдозеро (70), Совдозеро (74), Ключина гора (77), Гимолы (79), Мяндусельга (80), Чебино (81), Карельская Масельга (85), Евгора (83), для которой характерно преимущественное употребление свистящих. Наличие заметных исключений обнаруживает говор д. Лычный Остров (56);

— Сельги (82), Паданы (87), Венгигора (90), Лазарево (92), Коргуба (99), в которой первоочередное значение приобретает условие рядности гласных слова: в словах заднерядного вокалического оформления употребляются шипящие, а в переднерядных словах — свистящие, при этом при продвижении на север процент свистящих и в них сокращается.

На основе этих наблюдений и данных матрицы (таблица 6) можно составить карту распределения переднеязычных щелевых согласных середины слова (карта 5, левая), представленную четырьмя основными группами:

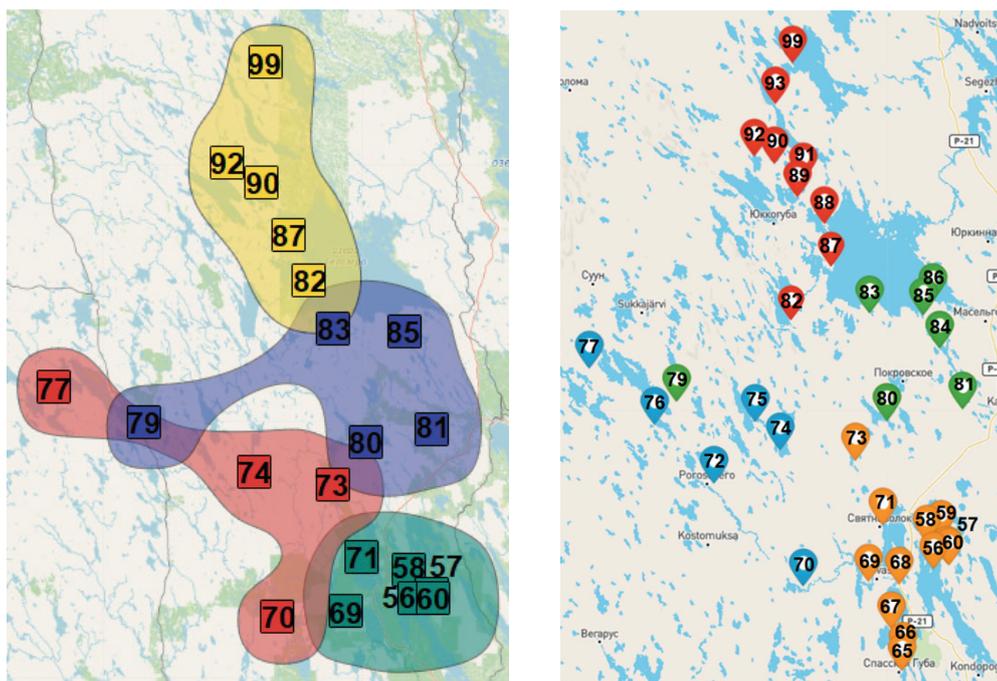
1) Владимирская (57), Ояжа (60), Тивдия (58), Лычный Остров (56), Койкары (69), Святнаволок (71), в которой в позиции до и после гласного *i* употребляются шипящие согласные, а в остальных позициях — свистящие. На общем фоне выделяется говор д. Лычный Остров (56), а также говоры д. Владимирская (57) и Ояжа (60);

2) Юостозеро (73), Линдозеро (70), Совдозеро (74), Ключина гора (77), для которой характерно употребление шипящих лишь в позиции перед гласным *i*. Некоторые особенности, свойственные переходным говорам, обнаруживает говор д. Юостозеро (73);

3) Гимолы (79), Мяндусельга (80), Чебино (81), Карельская Масельга (85), Евгора (83), с преимущественным употреблением свистящих. Некоторое число черт переходных говоров здесь демонстрируют говоры д. Гимолы (79) и Евгора (83);

4) Сельги (82), Паданы (87), Венгигора (90), Лазарево (92), Коргуба (99), где в позиции до и после гласного *i* употребляются в основном свистящие согласные, а в остальных позициях — шипящие. В данной группе некоторые особенности, пересекающиеся с соседними группами, обнаруживают на юге территории говоры д. Сельги (82) и Паданы (87), а на севере — говор д. Коргуба (99).

Как наглядно демонстрирует карта 5, алгоритмы «анализ когнатов» и «кластерный анализ» (более высокий уровень кластеризации по сравнению с картой 2, правой) показали некоторые отличия: речь идет о говоре д. Юостозеро (73), отнесенного на картах к разным группам. В остальном результаты совпали. Отразившееся на кластерной карте (карта 2, правая) наличие некоторых особенностей в говорах д. Владимирская (57) и Ояжа (60), Лычный Остров (56), а также в говорах д. Сельги (82) и Паданы (87) четко прослеживается и в таблице, составленной с применением алгоритма «анализ когнатов» (таблица 5). В данной таблице также проявляются некоторые отличия в периферийных говорах сформировавшихся групп: Гимолы (79), Евгора (83) и Коргуба (99), что не нашло отражения на кластерных картах.

Карта 5. Зоны дистрибуции переднеязычных щелевых согласных середины слова согласно результатам применения алгоритма «анализ когнатов»¹² в сравнении с кластерной картой

5. Заключение

На основе применения алгоритма «анализ когнатов» к материалам словарей, содержащих диалектные данные по распределению переднеязычных щелевых согласных начала и середины слова в говорах карельского языка Средней Карелии, удалось уточнить диалектные границы исследуемого фонетического явления (карта 6). Говоры анализируемой территории распределились между четырьмя крупными группами:

1) **юго-восточная группа**, представленная севернолюдиковскими (Владимирская (57), Ояжа (60), Тивдия (58), Лычный Остров (56)) и собственно карельскими южными мяндусельскими говорами (Койкары (69), Святнаволоки (71)): шипящие употребляются в начале слов переднерядного вокалического оформления, а также в середине слов в позиции до и после гласного *i*.

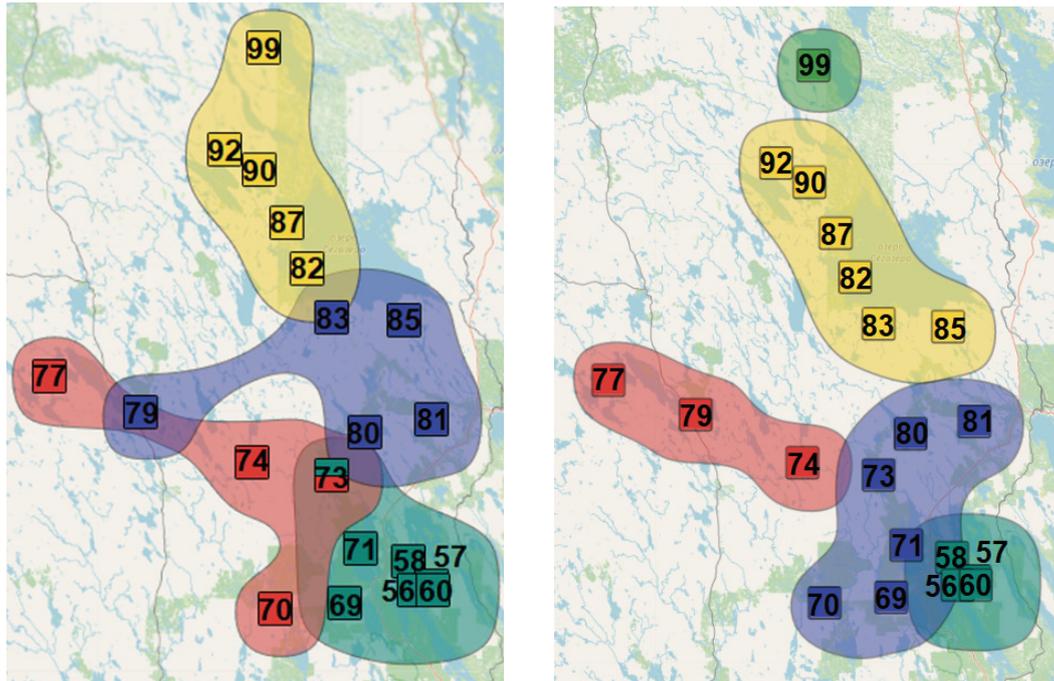
Говор д. Юостозеро (73) является переходным между этой и следующей группами, поскольку в нем позиция начала слова ведет себя как в юго-восточной группе, а позиция середины слова — как в юго-западной, но и внутри них обнаруживаются особенности, свойственные переходным говорам;

2) **юго-западная группа**, которую составили собственно карельские мяндусельский говор д. Линдозеро (70) и поросозерские говоры д. Совдозеро (74) и Ключина гора (77): шипящие возможны лишь в позиции перед переднерядными гласными *i* и *y* как в начале, так и в середине слова. Очевидно, именно данная позиция исторически является наиболее сильной. В остальных же случаях в результате воздействия двух диаметрально противоположных систем с северо-востока и юго-востока в данной группе сохранились лишь свистящие согласные;

3) **центральная группа**, в состав которой вошли собственно карельские северные мяндусельские (Мяндусельга (80), Чебино (81)), южные паданские (Карельская Масельга (85), Евгора (83)) и поросозерский говор д. Гимолы (79): характерно доминирующее употребление свистящих во всех позициях. Таким образом, центральная группа, расположенная между двумя группами с противоположным представителем явления, отличается практически полным нивелированием дистрибуции в пользу свистящих;

4) **северная группа**, представленная собственно карельскими центральными (Сельги (82), Паданы (87)) и северными (Венгигора (90), Лазарево (92)) паданскими, а также соседним с ними восточным ружозерским говором д. Коргуба (99): в начале слова шипящие используются в словах заднерядного вокалического оформления, свистящие — переднерядного; в середине слова в позиции до и после гласного *i* употребляются в основном свистящие согласные, а в остальных позициях — шипящие. В данной группе первоочередное значение приобрело условие рядности гласных слова.

¹² http://lingvodoc.ispras.ru/map_search/bRjCQ

Карта 6. Сводная карта дистрибуции переднеязычных щелевых согласных говоров карельского языка Средней Карелии (левая) в сравнении с традиционным диалектным делением группы анализируемых говоров (правая)¹³

Визуализация результатов на карте в режиме ареалов (карта 6, левая) наглядно демонстрирует, что явление дистрибуции переднеязычных щелевых согласных в говорах карельского языка Средней Карелии имеет чистую ареальную природу, т. е. природа анализируемого явления регулярна, несмотря на наличие некоторых особенностей и биений, проявляющихся, главным образом, в переходных говорах.

Сравнение сводной карты, демонстрирующей основные ареалы исследуемого фонетического явления в группе говоров анализируемой территории, с традиционной диалектной картой карельского языка (карта 6) указывает на то, что изоглоссы распределения вариантов переднеязычных щелевых согласных, признанного одной из основных диалектно-дифференцирующих черт карельского языка, не совпадают с границами его диалектов и даже с границей собственно карельского и людиковского наречий (граница между зеленым и синим ареалами на правой карте), а, наоборот, разрезают территории традиционно выделяемых диалектов на две, а в случае с мяндусельскими говорами даже на три части. Такое явление в переходной между наречиями и диалектами зоне является естественным и объясняется наличием интенсивных междиалектных контактов. Результаты исследования указывают на необходимость дальнейшего изучения анализируемого фонетического явления и в других говорах с целью установления его природы: инновационной или, как ранее считалось, архаической и диалектно-дифференцирующей.

Сокращения

Наречия и диалекты карельского языка

с.к. — собственно карельское наречие
 люд. — людиковское наречие
 мдс. — мяндусельский
 пдн. — паданский
 прз. — порозерский

рбл. — ребольский
 ргз. — ругозерский
 слд. — севернолюдиковский
 срл. — среднелюдиковский

Список пунктов, представленных на картах (с указанием диалекта)

56 — Лычный Остров (слд.)
 57 — Владимирская (слд.)
 58 — Тивдия (слд.)

59 — Лижмозеро (слд.)
 60 — Ояжа (слд.)
 65 — Спасская Губа (срл.)

¹³ http://lingvodoc.ispras.ru/map_search/VmL3i; http://lingvodoc.ispras.ru/map_search/VsDL7

66 — Мунозеро (срл.)	81 — Чебино (мдс.)
67 — Пялозеро (срл.)	82 — Сельги (пдн.)
68 — Уссунa (срл.)	83 — Евгора (пдн.)
69 — Койкары (мдс.)	84 — Саезеро (пдн.)
70 — Линдозеро (мдс.)	85 — Карельская Масельга (пдн.)
71 — Святнаволок (мдс.)	86 — Петельнаволок (пдн.)
72 — Поросозеро (прз.)	87 — Паданы (пдн.)
73 — Юостозеро (мдс.)	88 — Сондалы (пдн.)
74 — Совдозеро (прз.)	89 — Сяргозеро (пдн.)
75 — Янгозеро (прз.)	90 — Венгигора (пдн.)
76 — Кудагуба (прз.)	91 — Шалговаара (пдн.)
77 — Ключина гора (прз.)	92 — Лазарево (пдн.)
79 — Гимолы (прз.)	93 — Кузнаволок (прз.)
80 — Мяндусельга (мдс.)	99 — Коргуба (прз.)

Л и т е р а т у р а

- Бубрих 1947 — *Д. В. Бубрих*. Свистящие и шипящие согласные в карельских диалектах // Ученые записки ЛГУ. 1947, 2. С. 129—159.
- Буреева 2007 — *Н. Н. Буреева*. Многомерный статистический анализ с использованием ППП “STATISTICA”. Нижний Новгород: ННГУ, 2007.
- Дугушкина 2020 — *Н. В. Дугушкина*. Обзор популярных методов кластеризации в машинном обучении // Научкосфера. 2020, 7. С. 112—118.
- История Карелии 2001 — История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001.
- Материальная культура 1981 — Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX — начала XX века. Л.: Наука, 1981.
- Муллонен 2001 — *И. И. Муллонен*. История Сегозерья в географических названиях // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2001. С. 11—38.
- Муллонен 2010 — *И. И. Муллонен*. Формирование диалектной карты карельского языка в контексте карело-вепсского контактирования // *Karelia Written and Sung. Representations of Locality in Soviet and Russian Contexts*. Kikumora Publications Aleksanteri Series. 3. Jyväskylä, 2010. P. 16—28.
- Новак 2021 — *И. П. Новак*. Применение методики кластеризации в решении проблем диалектного членения карельского языка (на примере дистрибуции переднеязычных щелевых согласных) // Урало-алтайские исследования. 2021, 2. С. 103—132.
- Норманская 2020 — *Ю. В. Норманская*. Коми-язьвинский — диалект коми-пермяцкого или отдельный язык? // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020, 4. С. 268—241.
- ОФУЯ 1975 — Основы финно-угорского языкознания: прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М.: Наука, 1975.
- Программа 1937 — Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка. Петрозаводск: КНИИК, 1937.
- Программа 1946 — Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1946.
- Программы — Программы по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка // Научный архив КарНЦ РАН: Ф. 1. Оп. 38. Д. 16—170, 261—263, 267, 268, 276; Оп. 43, № 43—74, 116—132, 138, 140, 179—181, 195, 219—225, 274, 275. Петрозаводск, 1937—1950.
- Словари — Словари карельского языка на лингвистической платформе Lingvodoc // http://lingvodoc.ispras.ru/dashboard/dictionaries_all.
- Чернякова 1989 — *И. А. Чернякова*. К вопросу о судьбах «карельских выходцев» в XVII веке. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1989.
- Чернякова 1998 — *И. А. Чернякова*. Карелия на переломе эпох. Петрозаводск: ПетрГУ, 1998.
- Чернякова 2001 — *И. А. Чернякова*. Сегозерье: от Средневековья н Новому времени // Деревня Юккогуба и ее округа. Петрозаводск: ПетрГУ, 2001. С. 39—60.
- Itkonen 1971 — *T. Itkonen*. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty // Virittäjä. 1971, 78. S. 153—185.
- Murreh — Диалектная база карельского языка Murreh // <http://murreh.krc.karelia.ru>.

- Novak, Penttonen 2021 — I. Novak, M. Penttonen. Analysis of Karelian dialect division based on algorithmic clustering // *Linguistica uralica*. 2021, 2. P. 81—101.
- Virtaranta 1946 — P. Virtaranta. *Eteläkarjalaisten murteiden s.* Helsinki: SKS, 1946.
- Virtaranta 1961 — P. Virtaranta. *Tverin karjalaisten entistä elämää.* Porvoo; Helsinki: WSO, 1961.

References

- Bubrikh 1947 — D. V. Bubrikh. Svistyashchie i shipyashchie soglasnye v karel'skikh dialektakh. In: *Uchenye zapiski LGU*. 1947, 2. S. 129—159. {Bubrikh D. V. Hissing and hushing consonants in Karelian dialects. In: *Bulletin of the Leningrad State University*. 1947, 2. P. 129—159.}
- Bureeva 2007 — N. N. Bureeva. Mnogomernyi statisticheskii analiz s ispol'zovaniem PPP "STATISTICA". Nizhnii Novgorod: NNGU, 2007. {N. N. Bureeva. Multivariate statistical analysis using STATISTICS PPP. Nizhny Novgorod: NNGU, 2007.}
- Chernyakova 1989 — I. A. Chernyakova. K voprosu o sud'bach "karel'skikh vykhodtsev" v XVII veke. Petrozavodsk: KF AN SSSR, 1989. {I. A. Chernyakova. On the question of the fate of the "Karelian immigrants" in the 17th century. Petrozavodsk: KF AN USSR, 1989.}
- Chernyakova 1998 — I. A. Chernyakova. Kareliya na perelome ehpokh. Petrozavodsk: PetRGU, 1998. {I. A. Chernyakova. Karelia at the turn of the era. Petrozavodsk: PetrSU, 1998.}
- Chernyakova 2001 — I. A. Chernyakova. Segoz'er'e: ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni. In: *Derevnya Yukkoguba i ee okrug*. Petrozavodsk: PetRGU, 2001. S. 39—60. {I. A. Chernyakova. Segozero: from the Middle Ages to the New Age. In: *Village of Yukkoguba and its environs*. Petrozavodsk: PetrGU, 2001. P. 39—60.}
- Dugushkina 2020 — N. V. Dugushkina. Obzor populyarnykh metodov klasterizatsii v mashinnom obuchenii. In: *Naukosfera*. 2020, 7. S. 112—118. {N. V. Dugushkina. Review of popular clustering methods in machine learning. In: *Naukosphere*. 2020, 7. P. 112—118.}
- Istoriya Karelii 2001 — Istoriya Karelii s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Petrozavodsk: Periodika, 2001. {History of Karelia from the ancient times to the present day. Petrozavodsk: Periodika, 2001.}
- Itkonen 1971 — T. Itkonen. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaimurteiden synty. In: *Virittäjä*. 1971, 78. S. 153—185.
- Material'naya kul'tura 1981 — Material'naya kul'tura i dekorativno-prikladnoe iskusstvo segozerskikh karel kontsa XIX — nachala XX veka. Leningrad: Nauka, 1981. {Material culture and arts and crafts of the Segozero Karelians of the late 19th — early 20th centuries. Leningrad: Nauka, 1981.}
- Mullonen 2001 — I. I. Mullonen. Istoriya Segoz'er'ya v geograficheskikh nazvaniyakh. In: *Derevnya Yukkoguba i ee okrug*. Petrozavodsk: PetRGU, 2001. S. 11—38. {I. I. Mullonen. The history of Segozero in geographical names. In: *Village of Yukkoguba and its environs*. Petrozavodsk: Publishing PetrGU, 2001. P. 11—38.}
- Mullonen 2010 — I. I. Mullonen. Formirovanie dialektnoi karty karel'skogo yazyka v kontekste karelo-vepsskogo kontaktirovaniya. In: *Karelia Written and Sung. Representations of Locality in Soviet and Russian Contexts*. Kikumora Publications Aleksanteri Series. 3. Jyväskylä, 2010. P. 16—28. {I. I. Mullonen. Formation of the dialect map of the Karelian language in the context of the Karelian-Veps contact. In: *Karelia Written and Sung. Representations of Locality in Soviet and Russian Contexts*. Kikumora Publications Aleksanteri Series. 3. Jyväskylä, 2010. P. 16—28.}
- Murreh — Dialektnaya baza karel'skogo yazyka Murreh. <http://murreh.krc.karelia.ru/> {Dialect base of the Karelian language Murreh. <http://murreh.krc.karelia.ru/>}
- Normanskaya 2020 — Yu. V. Normanskaya. Komi-yaz'vinskii — dialekt komi-permyatskogo ili otdel'nyi yazyk? In: *Ezhgodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 2020, 4. S. 268—241. {Yu. V. Normanskaya. Is Komi-Yazva a separate language or Komi-Permian's dialect? // *Yearbook of Finno-Ugric studies*. 2020, 4. P. 268—241.}
- Novak 2021 — I. P. Novak. Primenenie metodiki klasterizatsii v reshenii problem dialektного chleneniya karel'skogo yazyka (na primere distributsii peredneyazychnykh shchelevykh soglasnykh). In: *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2021, 2. S. 103—132. {I. P. Novak. Application of the clustering technique to dialect division of the Karelian language (case study of the distribution of front fricative consonants) // *Ural-Altai Studies*. 2021, 2. P. 103—132.}
- Novak, Penttonen 2021 — I. Novak, M. Penttonen. Analysis of Karelian dialect division based on algorithmic clustering. In: *Linguistica uralica*. 2021, 2. P. 81—101.
- OFUYA 1975 — Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya: pribaltiisko-finskii, saamskii i mordovskii yazyki. Moskva: Nauka, 1975. {Fundamentals of Finno-Ugric linguistics: Baltic-Finnish, Sami and Mordovian languages. Moscow: Nauka, 1975.}
- Programma 1937 — Programma po sobiraniyu materiala dlya dialektologicheskogo atlasa karel'skogo yazyka. Petrozavodsk: KNIK, 1937. {Program for collecting material for the dialectological atlas of the Karelian language. Petrozavodsk: KNIK, 1937.}

Programma 1946 — Programma po sobiraniyu materiala dlya dialektologicheskogo atlasa karel'skogo yazyka. Petrozavodsk: Gos. izd-vo KFSSR, 1946. {Program for collecting material for the dialectological atlas of the Karelian language. Petrozavodsk: State publishing house of the KFSSR, 1946.}

Programmy — Programmy po sobiraniyu materiala dlya dialektologicheskogo atlasa karel'skogo yazyka. In: Nauchnyi arkhiv KaRNTS RAN: F. 1. Op. 38. D. 16—170, 261—263, 267, 268, 276; Op. 43, № 43—74, 116—132, 138, 140, 179—181, 195, 219—225, 274, 275. Petrozavodsk, 1937—1950. {Programs for collecting material for the dialectological atlas of the Karelian language // Scientific archive of KarRC RAS: F. 1. I. 38. D. 16—170, 261—263, 267, 268, 276; I. 43, No. 43—74, 116—132, 138, 140, 179—181, 195, 219—225, 274, 275. Petrozavodsk, 1937—1950.}

Slovari — Slovari karel'skogo yazyka na lingvisticheskoi platforme Lingvodoc. http://lingvodoc.ispras.ru/dashboard/dictionaries_all {Karelian language dictionaries on the linguistic platform Lingvodoc. http://lingvodoc.ispras.ru/dashboard/dictionaries_all}

Virtaranta 1946 — P. Virtaranta. Eteläkarjalaisten murteiden s. Helsinki: SKS, 1946.

Virtaranta 1961 — P. Virtaranta. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki: WSO. 1961.

Условное деепричастие в лесном диалекте энецкого языка: корпусное исследование системы употреблений

Овсянникова Мария Александровна, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург);
masha.ovsjannikova@gmail.com

В статье с опорой на данные текстов описываются функции условного деепричастия в лесном диалекте энецкого языка, выявляются различия между употреблением этой формы в речи носителей разных поколений. Независимые клаузы с условным деепричастием, как уже отмечалось в предшествующих описаниях, используются в качестве вопросов (общих, альтернативных или специальных) говорящего самому себе. Прослеживается развитие формы условного деепричастия глагола *ε* 'быть' в конструкциях с числительными в маркер приблизительного количества. К зависимым клаузам с условным деепричастием относятся протасис условных и условно-уступительных конструкций, а также сентенциальные актаны. Обсуждается диахроническое отношение между независимыми клаузами с условным деепричастием и протасисом условных конструкций, и приводятся аргументы в пользу каждого из двух возможных путей развития. К сентенциальным актантам с условным деепричастием относятся, во-первых, ирреальные сентенциальные дополнения при предикатах отрицательной пропозициональной установки (*d'əxara* 'не знать', *d'urta* 'забыть'), почти не упоминавшиеся в литературе и, по-видимому, возникшие сравнительно недавно, во-вторых, сентенциальные подлежащие в модальных конструкциях с предикатами *szja* 'хороший', *bəə* 'плохой' и др. Рассматриваются такие свойства конструкций с условным деепричастием, как частотность использования маркера будущего времени, порядок следования клауз в полипредикативных конструкциях, круг глаголов, используемых в главной и в зависимой клаузах. Многие из этих свойств можно интерпретировать в свете представлений о росте интеграции клауз в ходе грамматикализации полипредикативных конструкций.

Ключевые слова: условное деепричастие, условные конструкции, энецкий язык, интеграция клауз, грамматикализация

CONDITIONAL CONVERB IN FOREST ENETS: A CORPUS-BASED STUDY OF ITS SYSTEM OF USES

Maria A. Ovsyannikova, Institute of linguistic studies, RAS (St. Petersburg); masha.ovsjannikova@gmail.com

This corpus-based study examines the functions of the conditional converb in Forest Enets and investigates the differences in its use between two generations of Enets speakers. In line with the previous descriptions, independent clauses with conditional converbs are used as self-addressed questions (yes/no, special, and alternative questions). The conditional converb of the verb *ε* 'be' when used with numerals is developing into a marker of approximation. Dependent clauses with conditional converbs include protases of conditional and concessive conditional constructions as well as complement clauses. This study discusses the diachronic relation between independent clauses with conditional converbs and the protasis of conditional constructions and concludes that either of the two directions of development is possible. Complement clauses with conditional converbs include, first, irrealis complements to negative propositional attitude predicates (*d'əxara* 'not know', *d'urta* 'forget'), which, showing signs of relatively recent grammaticalization, have hitherto received scant attention by scholars, and, second, sentential subjects in modal constructions with such predicates as *szja* 'good', *bəə* 'bad' etc. To compare the use of the Enets conditional converb across types of clauses and generations of speakers, this paper analyses the occurrence of the future tense marker on the converb, the order of clauses in multi-clause constructions, the range of verbs in the main and in the dependent clauses. Many of these parameters can be interpreted as the signs of the growing level of clause integration in the process of grammaticalization of polypredicative constructions.

Keywords: conditional converb, conditional constructions, Enets, clause integration, grammaticalization

1. Введение¹

В лесном диалекте энецкого языка условное деепричастие с показателями *bu?* и *bune*², в соответствии со своим названием, чаще всего используется в протасисе условных конструкций (1)—(2).

- (1) *bese-ku-d*   *tɔnie-bu?*   *bese-ku-d*   *kad-ta*   *tʃuktʃi*
железо-DIM1-OBL.SG.2SG   иметься-CVB.COND   железо-DIM1-OBL.SG.2SG   унести-FUT.3SG.S   весь
'Если у тебя есть денежки, он денежки твои все унесет'. [NSP90S_DYOP1_030—031]³
- (2) *ɔʃiko-ɔn,*   *man-ʔ*   *nʲi-u?*,   *dʲiri-bune-d*   *kere-t*   *to-za-d*
плохой-PROL.SG   сказать-CONN   NEG-3SG.S.CONT   жить-CVB.COND-OBL.SG.2SG   сам-OBL.SG.2SG   прийти-FUT-2SG.S
'Если, она сказала, плохо будешь жить, сама вернешься'. [NK090803_UKRA_054]

Задачи данного исследования заключаются в том, чтобы описать набор функций условного деепричастия на основании данных текстов, противопоставляя употребления в независимых и зависимых клаузах, установить семантические и/или диахронические связи между этими функциями и выявить различия в распределении функций в речи носителей разных поколений. Этим различиям уделяется особое внимание, так как они могут указывать на развитие у условного деепричастия новых функций.

В исследовании и интерпретации различий между поколениями, касающихся полипредикативных конструкций, существенную роль играло представление об интеграции клауз. В диахроническом плане интеграция — это процесс объединения двух рядом стоящих независимых клауз в единую полипредикативную конструкцию и усиления связи между клаузами в рамках такой конструкции [Horper, Traugott 2003: 176—184]. С синхронной точки зрения интеграция определяется степенью тесноты связи, существующей между двумя клаузами, в частности тем, насколько сильно зависимая клауза подчинена главной [Lehmann 1988]. Интеграция отражается в позиции зависимой клаузы по отношению к главной, в свободе взаимного расположения клауз, в возможности выражения модально-временных категорий в зависимой клаузе и т. п.

Многие из рассматриваемых в статье функций условного деепричастия обсуждаются в существующих грамматических описаниях энецкого языка. В частности, функции независимых клауз с условным деепричастием рассматриваются в статьях [Урманчиева 2014: 587—591; 2016: 126—127]. Употребления энецкого условного деепричастия в полипредикативных обстоятельственных конструкциях, прежде всего условных и временных, рассматриваются в описаниях [Сорокина 2010: 348; Siegl 2013: 440—445]. В статье [Буркова 2004], которая послужила одним из ориентиров для данного исследования, представлено систематическое описание функций условного деепричастия в ненецком языке. Однако на материале энецких текстов удается выявить такие типы употребления условного деепричастия, которые обнаруживают следы недавних диахронических изменений и не рассматриваются в перечисленных описаниях.

Материалом исследования послужили глоссированные тексты на лесном диалекте энецкого языка (ок. 115 000 словоформ). Эти тексты включают архивные записи 1970—1990-х гг., которые в основном фиксируют речь носителей 1910—1930-х гг. р., и современные записи речи носителей 1940—1960-х гг. р.⁴

¹ Я благодарю С. С. Сая, О. В. Ханину, А. Б. Шлуинского, а также двух анонимных рецензентов за замечания и комментарии к статье. Все ошибки и неточности остаются на совести автора.

² Распределение этих вариантов показателя кратко обсуждается И. П. Сорокиной [2010: 348], гораздо более подробно — для аналогичного показателя в ненецком языке С. И. Бурковой [2004: 157—167]. Предварительный анализ текстов показывает, что выбор между ними не сводится к какому-либо одному формальному или семантическому параметру, однако он не связан с противопоставлением функций, выделяемых в данной работе, и требует отдельного исследования. И. П. Сорокина [2010: 348] также упоминает показатель *-bu?*, который, согласно ее описанию, используется для оформления условия в прошлом. В текстах, послуживших материалом для данного исследования, такой показатель не зафиксирован; в них есть деепричастие с формально сходным показателем *-budi*, однако оно выражает одновременность события в прошлом и не имеет условной семантики.

³ Ссылка на текст содержит инициалы носителя и время записи, сокращенное название текста и номер предложения.

⁴ Современные тексты были записаны и расшифрованы О. В. Ханиной, А. Б. Шлуинским, автором, Н. М. Стойновой и С. А. Трубецким в 2005—2010 гг., архивные записи были любезно предоставлены Дудинским отделением ГТРК «Норильск», Таймырским домом народного творчества, Д. С. Болиной, О. Е. Добжанской, И. П. Сорокиной и А. Ю. Урманчиевой и разобраны в 2005—2010 гг. указанными выше участниками проекта. Все тексты были оглоссированы А. Б. Шлуинским. Работа проводилась в рамках проекта «Документация энецкого языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними носителями» при финансовой поддержке международного фонда «Программа документации языков, находящихся под угрозой исчезновения» (“Endangered Languages Documentation Programme”, ELDP) при Институте Азии и Африки Лондонского университета.

Эти две группы носителей составляют те два поколения, которые будут противопоставляться при анализе диахронических изменений в употреблении условного деепричастия.

На начальном этапе данного исследования из корпуса глоссированных текстов были извлечены все употребления условного деепричастия и была произведена их исчерпывающая классификация. В дальнейших разделах будут обсуждаться все обнаруженные типы употреблений, кроме таких, в которых представлены (полу)лексикализованные формы условного деепричастия отдельных глаголов. К (полу)лексикализованным употреблением относятся: форма глагола *man* ‘говорить’, которая сама развивается в маркер протасиса условных конструкций и заслуживает отдельного обсуждения (3), и формы глаголов зрительного восприятия, которые используются в качестве вводных эпистемических маркеров (4).

- (3) *ma-bu-t*   *tə-ju*   *təj-j-z?*,   *axa, teza?*   *d'eri d'oda*
 сказать-CVB.COND-OBL.SG.2SG   тот-RESTR.ADJ   дойти-M-3SG.M   ага   сейчас   день   середина
 ‘Если, скажем, оно туда дошло, ага, сейчас середина дня’. [EDB_NNB910207_VOS_EDB_253]
- (4) *aga,*   *mədee-bu-ni?*,   *aga*   *batəz-za*
 большой   видеть-CVB.COND-OBL.SG.1SG   большой   хвост-NOM.SG.3SG
 ‘Большой, я смотрю, у нее большой хвост’. [LD080819_VIDGLU_011]

Несмотря на то что употребления в зависимых клаузах полипредикативных конструкций, прежде всего условных, являются центральными и наиболее частотными для энецкого условного деепричастия, в данной статье сначала, в разделе 2, будут рассматриваться его употребления в независимых клаузах, поскольку в них семантика этой формы предстает изолированно и на нее не накладывается семантика, связанная с отношениями между клаузами в полипредикативной конструкции (ср. принципы анализа функций русского сослагательного наклонения в [Добрушина 2016]). Раздел 3 содержит описание типов употребления условного деепричастия в зависимых клаузах, в частности в условных и условно-уступительных конструкциях, а также в сентенциальных актантах. В разделе 4 подводятся итоги исследования.

2. Употребления в независимых клаузах

Семантика независимых клауз с условным деепричастием подробно обсуждается в статьях [Урманчиева 2014: 587—591; 2016: 126—127], где условное деепричастие рассматривается в ряду энецких форм со значением эпистемической модальности. В [Урманчиева 2014: 587—591] такие употребления характеризуются как вопросы, которые говорящий задает самому себе: «задающий вопрос сам задумывается над поставленной в вопросе проблемой» [там же: 590]. Во второй из указанных работ выделяется два типа употреблений: во-первых, «вопрос с дополнительным оттенком, ближайшей семантической аналогией которого являются английские предложения с *wonder*», во-вторых, употребления, в которых «форма условного деепричастия передает модальное значение ‘неизвестно / может быть’» [Урманчиева 2016: 126—127]. По-видимому, во второй из этих типов выделены такие употребления, которые в более ранней работе рассматривались как общие вопросы. Тем самым различия между этими двумя интерпретациями, скорее всего, являются чисто терминологическими, и оба способа описания кажутся равно возможными для того спектра независимых употреблений условного деепричастия, которые анализировались в рамках данного исследования.

В клаузах, которые можно описать как предположения, говорящий выражает неуверенность в событии, относящемся к прошлому (5), настоящему (6) или будущему (7). Такие употребления можно рассматривать и как общий вопрос (в противоположность специальному и альтернативному), над которым размышляет говорящий.

- (5) *entfeu-?*   *to-b-ju*
 человек-PL   прийти-CVB.COND-EXC1
 ‘Люди что ли приехали!’ [VNB90S_KAKSVA_089]
- (6) *ədiz-?*   *oka-an*   *bazəzə-bu-tu?*   *tonin*
 зелень-PL   много-PROL.SG   расти-CVB.COND-OBL.SG.3PL   туда.LOC
 ‘Там, наверное, много растений растет’. [NSP900810_ENE_011]
- (7) *peri?*   *fi?*   *kada-bu-ta*   *ŋo*
 всегда   я.ACC   унести-CVB.COND-OBL.SG.3SG   хоть
 ‘Может, она и навсегда меня унесет’. [NSP900817_OLA1_070]

Ряд употреблений этого типа можно трактовать как синтаксические амальгамы — структуры, которые можно считать результатом наложения друг на друга двух различных синтаксических конструкций, см. о подобных явлениях [Lambrecht 1988; Brenier, Michaelis 2005]. В этих употреблениях форма условного деепричастия глагола ‘быть’ выступает наряду с другим, смысловым, предикатом и в сфере действия предположения находится отдельный участник (8)—(9).

- (8) *fee ε-bune-da, ko-xo-əz to-j*
кто быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG где-FOC-ABL.SG прийти-PTCP.ANT
‘Кто, интересно, откуда-то приехал’. [LD100713_UPR_041]
- (9) *ʃize raz ε-bu-ta eke nəvij ɣəd-xon*
два раз быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG этот новый год-LOC.SG
ε-kon diazu-ŋa-bitʃ, ŋa-bitʃ
этот-LOC.SG идти-MULT-1DU.S/SOsg.PST существовать-1DU.S/SOsg.PST
‘Два раза, что ли, на Новый год мы сюда ездили, были’. [NI100705_XODTUN_287]

Среди подобных примеров встречаются и конструкции, в которых предположение высказывается относительно нескольких альтернатив и употребляется соответствующее число форм условного деепричастия глагола ‘быть’ (10)—(11).

- (10) *ŋob ε-bu-ta, ʃize ε-bu-ta*
один быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG два быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG
səzoru-ku tər dʒaa-ri-ʔ təne-ubi-ʔ
песец-DIM1 так след-RESTR-PL иметься-НАВ-3PL.S
‘Одного ли, двух ли песцов следы бывают’. [NI100705_XODTUN_364]
- (11) *taxa-noju mətʉʔ ε-bune-da,*
за-ADV шесть быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG
biuʔ ε-bune-da kaza-batʃ bəlok min
десять быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG добыть-1PL.S/SOsg.PST балок в.LOC
‘Там, может, шесть, может, десять мы их убили в балке’. [LD080825_PCHE_019]

В большинстве подобных примеров-амальгам с условным деепричастием глагола ‘быть’ в сфере действия предположения находится количество каких-либо участников, ср. (9)—(11). При этом, даже когда речь идет о нескольких объектах, используется форма условного деепричастия с посессивным показателем единственного числа, а не множественного или двойственного. Можно предположить, что в подобных случаях форма условного деепричастия глагола ‘быть’ относится не к группе референтов, количество которых оценивает говорящий, а к самому числительному, т. е. употребляется в металингвистической функции, отражая процесс подбора числительного. Тем самым эта форма теряет статус глагольной единицы и начинает функционировать как маркер приблизительности. О том, насколько распространены подобные употребления в речи носителей разных поколений, косвенно позволяют судить данные о доле форм условного деепричастия глагола ‘быть’ среди употреблений условного деепричастия в независимых клаузах с функцией предположения (иными словами, общего вопроса говорящего к самому себе), см. таблицу 1.

Таблица 1. Доля форм условного деепричастия глагола ε ‘быть’ в текстах носителей двух поколений

Г. р. носителей	быть-CVB.COND в предположениях	Всего предположений с CVB.COND	Доля быть-CVB.COND
До 1940	6	25	0,24
После 1940	45	59	0,76

Таблица 1 показывает, что условное деепричастие глагола ‘быть’ гораздо чаще встречается в независимых клаузах с функцией предположения в речи носителей более молодого поколения (различие статистически значимо, точный тест Фишера, $p \approx 0,01$). Это изменение отражает развитие у условного деепричастия глагола ‘быть’ функций маркера приблизительности⁵.

⁵ Можно было бы предположить, что в условиях языковой аттриции в речи носителей младшего поколения глагол ‘быть’ в целом имеет большую частотность (я благодарю А. Б. Шлуинского за указание на необходимость

Вторая группа употреблений условного деепричастия в независимых клаузах — (специальные) вопросы говорящего самому себе, т. е. такие употребления, в которых содержится вопросительное слово, соответствующее фокусу вопроса (12)—(13).

- (12) *ti-ni?*   *zbu-xoz*   *lumu-bu-tu?*
олень-PL.1DU что-ABL.SG испугаться-CVB.COND-OBL.SG.3PL
‘Почему наши олени испугались?’ [VNB92_BAR_034]
- (13) *lɔbi-za,*   *mana,*   *kurse* *ε-bu-tu?*
весло-NOM.PL.3SG сказать-3SG.S какой быть-CVB.COND-OBL.SG.3PL
‘Лыжи у нее, думает, какие могут быть?’ [NSP70S90S_OLAS_107]

Обсуждая временную референцию независимых клауз с условным деепричастием, А. Ю. Урманчиева [2014: 588] отмечает, что референцией к настоящему времени обладают формы имперфективных глаголов, к прошедшему — перфективных⁶, а к будущему — формы, в которых наряду с показателем условного наклонения присутствует показатель будущего времени. Данные текстов согласуются с этим обобщением в том, что касается клауз с референцией к настоящему и к прошедшему: в первых используются имперфективные, ср. (5), (13), в последних — перфективные глаголы, ср. (6), (12). Этому обобщению не соответствуют разве что некоторые из обсуждавшихся выше употреблений условного деепричастия глагола ‘быть’ в качестве маркера приблизительности — такие, в которых описываемое событие относится к прошедшему времени, ср. (9), (11). Это согласуется с особым полулексикализированным статусом таких употреблений, и как раз в силу этого статуса их нельзя считать исключениями из обобщения, касающегося временной референции.

Систематические отклонения от этого обобщения наблюдаются в клаузах с референцией к будущему времени: условное деепричастие редко содержит показатель будущего времени, ср. употребления с показателем будущего времени и без него в (14)—(15). Как показывают данные Таблицы 2, все употребления с показателем будущего времени относятся к текстам носителей старшего поколения (различие между поколениями носителей приближается к порогу статистической значимости, точный тест Фишера, $p \approx 0,08$).

- (14) *zbu piinure-za*   *te*   *pɔzarɔ-du-bu-ni?*
что быть_страшным-PTCP.SIM олень запрячь-FUT-CVB.COND-OBL.SG.1SG
‘Какого бы страшного оленя запрячь?’ [NSP900810_ENE_078]
- (15) *ɔtuz-noju* *kanie-bu-ni?*
осень-ADV уйти-CVB.COND-OBL.SG.1SG
‘Может, осенью поеду’. [AS100711_CHI_124]

Таблица 2. Наличие показателя будущего времени в независимых употреблениях условного деепричастия с референцией к будущему у носителей разных поколений

Г. р. носителей	Показатель присутствует	Показатель отсутствует	Доля примеров с показателем
До 1940	9	19	0,3
После 1940	0	9	0

Показатель будущего времени *-da* (при диахронически ориентированном взгляде — *-do*) в энецком языке отличается особым морфологическим поведением [Сорокина 1984; Ханина, Шлуинский 2019: 85]. При отрицании словоизменяемые показатели глагола обычно присоединяются к отрицательному глаголу, а основной глагол используется в форме коннегativa (16). Деривационные показатели, в частности

учета такой возможности). На материале всех употреблений глаголов в корпусе текстов это предположение не проверялось, однако данные употреблений в протасисе условных конструкций его не подтверждают: в них доля глагола ‘быть’ от всех глаголов оказалась даже несколько выше в речи носителей старшего поколения.

⁶ Энецкий язык относится к языкам со словоклассифицирующим видом: все глаголы в нем делятся на перфективные и имперфективные, и от видовой характеристики глагола зависит временная референция ряда модально-временных форм, в частности, базовая форма аориста у перфективных глаголов имеет референцию к прошедшему, у имперфективных — к настоящему, см. подробный анализ энецкой видовой системы в статье [Шлуинский 2017]. В глоссах перфективные и имперфективные глаголы передаются русскими глаголами СВ и НСВ соответственно.

аспектуальные, например показатель дуратива в (17), остаются в составе смыслового глагола. Показатель будущего времени ведет себя так же, как деривационные аспектуальные показатели, т. е. не «переходит» на отрицательный глагол (18).

- (16) *bese d'ore kuni i-bi-zi? nados*
железо разговор как NEG-PRF-3DU.SOSg слушать.CONN
'Как они не слышали шум железа?' [LD100713_RYBMED_115]
- (17) *sexot entfeu-? i-bi-zu? toxola-go-?*
древний человек-PL NEG-PRF-3PL.SOSng научить-DUR-CONN
'Старшие люди их не учили'. [EDB_NNB910207_VOS_NNB_019]
- (18) *nie-d to-z?, fij? nie-d perzi-d*
NEG-2SG.S прийти-FUT.CONN я.ACC NEG-2SG.S помочь-FUT.CONN
'Ты не придешь, мне не поможешь?' [VNB90S_KAKSVA_016]

Такое поведение показателя будущего времени связано с тем, что этимологически он восходит к аспектуальному словообразовательному показателю [Сорокина 1984], см. аргументы в пользу словоизменительного статуса этого показателя в [Ханина, Шлуинский 2019]. По-видимому, происхождением этого показателя объясняется и частично сохраняющаяся сочетаемость будущего времени с показателем условного деепричастия (а также с некоторыми другими показателями времени и наклонения). Снижение частотности употребления показателя будущего времени в составе форм условного деепричастия, возможно, является одним из проявлений его перехода в полноценный словоизменительный показатель времени⁷.

3. Условное деепричастие в зависимых клаузах

3.1. Сентенциальные дополнения при ментальных предикатах

Сентенциальные дополнения при ментальных предикатах не являются наиболее распространенным типом зависимых клауз с условным деепричастием, однако они наиболее тесно связаны с употреблениями условного деепричастия в независимых клаузах, поэтому здесь они рассматриваются раньше, чем наиболее частотные употребления в протасисе условных конструкций.

Клауза с условным деепричастием может рассматриваться как ирреальный сентенциальный актант при предикатах отрицательной пропозициональной установки и получения знания, см. об этих классах в [Noonan 2007: 124—126, 129—130], например *d'oxara* 'не знать', *d'urta* 'забыть', *madis* 'увидеть' и др.:

- (19) *d'oxara-? nie-zu?, obu sama e-bune-da tfike-r*
не_знать-CONN NEG-1SG.S.CONT что птица быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG этот-NOM.SG.2SG
'Я же не знаю, что это за птица'⁸. [LD080819_VIDPTI_009]
- (20) *entfeu-? daze ni-zu? kamize-r-? or-noju kuni d'iri-du-bu-tu?*
человек-PL даже NEG-3PL.SOSg понять-MULT-CONN перед-ADV как жить-FUT-CVB.COND-OBL.SG.3PL
'Люди даже не понимают вперед, как они будут жить'. [ASP_NNB940905_INT_ASP_031]

Согласно [Noonan 2007: 126], сентенциальные актанты предикатов отрицательной пропозициональной установки часто по форме совпадают с вопросами. В лесном энецком языке можно увидеть следующие свидетельства недавнего развития независимых вопросов говорящего самому себе с условным деепричастием в сентенциальные актанты при таких глаголах.

Между поколениями носителей есть различия в круге предикатов, при которых встречаются клаузы с условным деепричастием. В текстах носителей старшего поколения распространены прежде всего употребления с вводным элементом *d'ekar* 'я не знаю' (21).

⁷ Другой причиной этого различия может быть меньшая склонность к построению морфологически сложных форм более молодыми носителями, связанная с языковой аттрицией.

⁸ Клаузы с отрицательным глаголом и показателями контрастивной видо-временной серии, как в первой клаузе примера (19), имеют утвердительную интерпретацию и предполагают, что истинность выраженной ими пропозиции очевидна (этот прагматический компонент отсутствует у клауз с глаголом *tan* 'говорить', которые используются просто для введения прямой речи), см. [Шлуинский 2010].

- (21) *ɔbu dʲa-xaz tɔza-bu-ta dʲekar entfe-do-da*
 что земля-ABL.SG принести-CVB.COND-OBL.SG.3SG не_знаю человек-DEST.SG-OBL.SG.3SG
 ‘Я не знаю, с какой земли он найдет себе человека’. [VNB9111_UROD_195]

Употребления с *dʲekar* синтаксически, скорее всего, не предполагают зависимого статуса клаузы с условным деепричастием. В работе [Урманчиева 2014: 590] примеры с этим словом рассматриваются в ряду независимых употреблений и отмечается, что оно часто сопровождает вопросы с условным деепричастием. Тем не менее в нашем исследовании употребления со словом *dʲekar* относились к классу зависимых, поскольку они, по-видимому, составляют первый шаг на пути развития условного деепричастия в способ оформления сентенциального актанта. Уже в речи носителей старшего поколения условное деепричастие иногда используется при глаголе *dʲoxara* ‘не знать’ (22) и при отрицательной форме глагола *kamiza* ‘понять’. В нескольких примерах содержится и полноценный матричный глагол, и вводный элемент *dʲekar*:

- (22) *dʲoxara-a, eke tɔɔ ɛ-za-bu-tfi? badun, dʲekar*
 не_знать-1SG.SOsg этот лето быть-FUT-CVB.COND-OBL.SG.3DU тундра.LOC не_знаю
 ‘Не знаю, будут ли они этим летом в тундре, я не знаю’. [MNS_NNB90S_INT_MNS_124]

В текстах носителей более молодого поколения употребления с вводным элементом *dʲekar* почти не встречаются (правда, судя по данным корпуса, он в целом менее употребителен в их речи). Помимо глагола *dʲoxara* ‘не знать’ и отрицательной формы глагола *kamiza* ‘понять’, клаузы с условным деепричастием фиксируются при глаголах *dʲurta* ‘забыть’, *mɔdis* ‘увидеть’ (23) и *ɔte* ‘ждать’ (24). Примечательны такие употребления, в которых эти глаголы имеют референцию к будущему времени, а модальность неуверенности, связанная с условным деепричастием, относится к точке отсчета, задаваемой формой матричного глагола, а не к моменту речи (23)—(24).

- (23) *mɔdi-t nʲe-bu?, ʃee ɛ-bune-da*
 увидеть-FUT.CONN NEG-1SG.SOsg.CONT кто быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG
 ‘Я ведь увижу, кто это’. [LD080815_PRI2_017]
- (24) *pi-no-ju adi-guri-j? ekon,*
 ночь-ADV-RESTR.ADJ сидеть-IMP_SFT-1DU.S/SOsg этот.LOC
ɔte-xu-j?, to-bune-da
 ждать-NORT-1DU.S/SOsg прийти-CVB.COND-OBL.SG.3SG
 ‘Ночью здесь будем сидеть, будем ждать, когда он придет’. [LD080819_ZAG_031]

Помимо расширения круга предикатов, возможно, происходит рост частотности употреблений с сентенциальными актантами, оформленными условным деепричастием: в текстах носителей более молодого поколения они становятся более частотными по сравнению с независимыми употреблениями в функции вопросов говорящих самим себе (вопроса-предположения или специального вопроса), хотя эти различия и недостаточно значительны для того, чтобы можно было уверенно говорить об этом изменении.

3.2. Протасис условных конструкций

Как уже говорилось, чаще всего условное деепричастие используется в протасисе условных конструкций. К этому типу были отнесены все случаи, в которых клауза с условным деепричастием описывает обстоятельство, обуславливающее или сопровождающее ситуацию, описываемую в главной клаузе. Большинство таких употреблений можно отнести к собственно условным конструкциям. Они описывают ситуации различной степени гипотетичности и с разной временной референцией. Среди них можно найти примеры всех семантических разновидностей условных конструкций, выделяемых в [Thompson et al. 2007: 255—256], — конструкции с реальным условием, соответствующим ситуации в настоящем (25), прошлом или генерической/хабитуальной ситуации (26), и конструкции с ирреальным условием, соответствующим гипотетической, контрфактической (27) или предсказываемой (28) ситуации.

- (25) *ɔnse-j dʲiri-bu-t, seju-r teza? kan-t nʲi-u?*
 правдивый-EXC2 жить-CVB.COND-OBL.SG.2SG сердце-NOM.SG.2SG сейчас уйти-FUT.CONN NEG-3SG.S.CONT
 ‘Если ты вправду живой, ты сейчас испугаешься’. [RODNSL_TRBR_089]
- (26) *kasa-j? i-bu-t dʲezurijr-? mɛ-kone-da ɛ-ubi*
 мужчина-NOM.SG.1SG NEG-CVB.COND-OBL.SG.3SG дежурить-CONN чум-LOC.SG-OBL.SG.3SG быть-НАВ.3SG.S
 ‘Если мой товарищ не дежурит, то он бывает дома’. [VNB9306_KAKZHI_102]

- (27) *to-bu-t* *kaje-j* *ti-zi-na?*
 прийти-CVB.COND-OBL.SG.2SG остаться-PTCP.ANT олень-DEST.PL-PL.1PL
mod'ina? *səxran'i-n'i-atf*
 мы сохранить-CONJ-1PL.S/SOSg.PST
 'Если бы ты пришел, оставшихся оленей мы бы сохранили'. [SPB_XXX70S80S_SPB_019]
- (28) *tər kəma-ru-bu-ta* *korse-ru* *piinure-za* *əburu təzu-ta*
 так хотеть-INCH-CVB.COND-OBL.SG.3SG какой-RESTR быть_страшным-PTCP.SIM вещь принести-FUT.3SG.S
 'Так он, если захочет, всяких страшных животных приведет'. [NSP90S_ENRU_086]

В описаниях энецкого языка у условного деепричастия в зависимых клаузах выделяются и другие значения, прежде всего временное [Siegl 2013: 440; Сорокина 2010: 348]. В частности, как временные трактуются конструкции с условием, соответствующим хабитуальной ситуации в настоящем (25) или прошлом или генерической ситуации (29), к которым относится значительная часть зафиксированных в текстах условных конструкций⁹.

- (29) *else diepi-za-xan,* *te-r*
 такой быть_жарким-PTCP.SIM-LOC.SG олень-NOM.SG.2SG
ne-bune-da, *n'i-u?* *pujitur-?*
 стоять-CVB.COND-OBL.SG.3SG NEG-3SG.S.CONT фыркать-CONN
 'В такую жару, олень ведь, когда стоит, фыркает'. [LD080825_PCHE_048]

Примеры, которые можно считать только временными, но не условными конструкциями, единичны. Это употребления, описывающие единичные события в прошлом, в истинности которых, насколько можно судить по контексту и переводу, говорящий не сомневается, ср. (30).

- (30) *toni-n kanie-bu-tfi?* *kasa-da* *majza-bi-za*
 туда-LOC уйти-CVB.COND-OBL.SG.3DU мужчина-OBL.SG.3SG замучить-PRF-3SG.SOSg
 'Когда они туда пошли, он того товарища убил'. [LD100630_BOR_078]

У зависимых клауз с условным деепричастием в энецком языке [Сорокина 2010: 348], как и в ненецком [Буркова 2004: 144—146], выделяются и другие значения, например причинное, однако полипредикативных конструкций, которые обладали бы такой семантикой в чистом виде и не могли бы рассматриваться как условные, в текстах не обнаружено (отдельно ниже рассматриваются условно-уступительные конструкции). Примечательно, что при анализе ненецкой условной формы С. И. Буркова [2004: 145] отмечает, что во всех типах полипредикативных конструкций с этой формой зависимая клауза содержит модальный компонент эпистемической возможности и соответствует предположению говорящего, которое может быть подтверждено или опровергнуто.

Между употреблениями условного деепричастия в протасисе условных конструкций и его независимыми употреблениями в клаузах с функцией предположения, или общего вопроса, можно усмотреть семантическую близость. Как и предположение или общий вопрос, условная клауза описывает ситуацию, осуществление которой говорящий допускает с большей или меньшей вероятностью, однако не утверждает его истинность или ложность¹⁰. В силу этой семантической близости естественно предположить, что эти два типа употребления условного деепричастия диахронически связаны между собой. Можно привести аргументы в пользу каждого из двух возможных направлений этой связи.

В целом полипредикативные подчинительные конструкции могут возникать на основе сочетания двух независимых клауз, между которыми устанавливается какая-либо дискурсивная или семантическая связь, и в ходе интеграции одна из этих клауз становится зависимой, см. об этом процессе, в частности, [Норрег, Трауготт 2003: 176—184]. В то же время существует явление расподчинения (в англоязычной

⁹ Семантически хабитуальные/генерические условные конструкции, в отличие от других типов, прагматически бессмысленны в случае, если описываемая в протасисе ситуация не происходит никогда, и этим они отличаются от «классических» гипотетических условных конструкций, см. обсуждение этого типа в [Athanasiadou, Dirven 1997]. Как отмечается в [Athanasiadou, Dirven 1995: 613], такие условные конструкции в лучшем случае рассматриваются в литературе как периферийный тип, хотя корпусные данные английского языка показывают, что они составляют один из наиболее частотных типов конструкций с *if*, наряду с классическими гипотетическими условными конструкциями.

¹⁰ Отсутствие истинностного значения требует специального обсуждения в случае хабитуальных/генерических условных конструкций, поскольку описываемые ими ситуации, как упоминалось в сноске 9, должны происходить хотя бы иногда, и в случае конструкций с контрфактическим протасисом, который описывает уже не произошедшую ситуацию (см., впрочем, обсуждение этой проблемы в [Comrie 1986: 90]).

литературе для него обычно используется термин *insubordination*), при котором у подчиненной клаузы развивается способность употребляться независимо, см. [Evans 2007; Beijering et al. (Eds.) 2019]. Такое явление широко засвидетельствовано для клауз, оформленных как протасис условной конструкции [Evans 2007: 380, 387; Lindström et al. 2019].

Существенно, что для клауз, которые служат источником грамматикализации протасиса условных конструкций, характерен иной круг значений, чем для конструкций, которые возникают в результате расподчинения протасиса. Распространенным источником для протасиса является общий вопрос, ср. обзор таких случаев в [Van den Nest 2010: 93—95]. Согласно Э. Трауготт [Traugott 1985: 290—291], показатели условной клаузы также часто восходят к модальным словам, выражающим эпистемическую возможность, т. е. служащим для выражения предположения в независимых клаузах. Конструкции, возникающие в результате расподчинения протасиса, чаще всего используются в императивной зоне в широком смысле — в функции просьбы или команды, а также в желательном значении [Evans 2007: 380, 387; Dwyer 2016]. В свете этих представлений можно было бы предположить, что употребления энецкого условного деепричастия в независимых клаузах с функцией вопроса диахронически первичны и что они послужили источником для употреблений в полипредикативных конструкциях.

Другим аргументом в пользу диахронически первичного статуса независимых употреблений может быть то, что они включают не только общие, но и специальные вопросы. Если считать, что употребления в функции общего вопроса, или предположения, возникли в результате расподчинения протасиса, то остается неясным, каков источник специального вопроса¹¹.

Аргументом против гипотезы о первичности независимых употреблений условного деепричастия может быть его морфологическое поведение: субъект клаузы маркируется на нем с помощью посессивных показателей, что указывает на именное происхождение данной формы, ср. [Терещенко 1979: 277—278]. Кроме того, в близкородственных языках для аналогичной формы функция маркирования протасиса условной конструкции также является основной, см. о ненецком в [Буркова 2004], о нганасанском в [Терещенко 1979: 277; Wagner-Nagy 2018: 270—271]. Таким образом, если независимые употребления энецкого условного деепричастия и являются диахронически первичными, следы этого развития едва ли можно было бы обнаружить на материале имеющихся текстов.

Тем не менее между текстами носителей двух поколений, возможно, существует различие, касающееся взаимного расположения условной клаузы и клаузы-аподосиса. Условные конструкции можно разделить на такие, в которых условная клауза предшествует аподосису — таких примеров большинство, ср. (25)—(30), — и такие, в которых условная клауза следует за аподосисом (31)¹².

(31) *kad'a-f tene, kezzer kaza-da, kezzer ko-bu-ta*
 охотиться-CVB знать.3SG.S дикий_олень добыть-FUT.3SG.S дикий_олень найти-CVB.COND-OBL.SG.3SG
 'Он умеет охотиться, добудет дикого оленя. Если ему встретится дикий олень'. [MNS_NNB90S_INT_MNS_062]

Распределение употреблений условного деепричастия в протасисе в зависимости от взаимного расположения клауз в речи носителей двух поколений представлено в таблице 3.

Таблица 3 показывает, что в текстах носителей более молодого поколения аподосис несколько чаще находится в постпозиции, чем в текстах носителей старшего поколения. Поскольку в энецком языке в нормальном случае зависимая клауза предшествует главной, это различие может свидетельствовать о росте интеграции двух клауз в рамках условных конструкций, который проявляется в более фиксированном порядке расположения клауз.

¹¹ К специальному вопросу ближе всего протасис условно-уступительных конструкций, которые обсуждаются далее в разделе 3.3, однако он обладает большей сложностью и в формальном, и в семантическом отношении, поэтому является маловероятным источником для специального вопроса с условным деепричастием.

Один из рецензентов предполагает, что диахроническое соотношение между энецкими конструкциями с условным деепричастием может быть следующим: протасис условных конструкций послужил источником для синтаксических актантов при ментальных предикатах, обсуждавшихся в разделе 3.1, а независимые употребления в функции вопроса возникли в результате расподчинения синтаксических актантов. Однако, как было показано в разделе 3.1, различия между поколениями говорят об обратном соотношении синтаксических актантов при ментальных глаголах и независимых употреблений. Также можно отметить, что независимые клаузы с условным деепричастием гораздо более частотны, чем синтаксические актанты.

¹² Также существует группа употреблений условного деепричастия, которые можно охарактеризовать как протасис, при котором отсутствует аподосис. По-видимому, такие употребления представляют собой речевые сбои, однако любопытно, что они более распространены в речи носителей старшего поколения.

Таблица 3. Взаимное расположение аподосиса и условной клаузы

Г. р. носителей	Аподосис в препозиции	Аподосис в постпозиции	Доля употреблений с постпозицией аподосиса
До 1940	18	112	0,86
После 1940	23	240	0,91

В конце раздела 2 было показано, что у носителей старшего поколения показатель будущего времени присутствует в формах условного деепричастия в независимых клаузах, реферирующих к ситуации в будущем, чаще, чем в текстах более молодых носителей. В формах условного деепричастия в условных клаузах показатель будущего времени практически не встречается, так что в текстах обоих поколений формы условного деепричастия с показателем будущего времени встречаются в независимых клаузах значимо чаще, чем в условных конструкциях (точный тест Фишера, $p \ll 0,001$). В таблице 4 показано распределение форм условного деепричастия, реферирующих к будущему времени, с точки зрения наличия показателя и типа употребления (суммарно для обоих поколений носителей).

Таблица 4. Наличие показателя будущего времени в форме условного деепричастия с референцией к будущему в зависимости от типа употребления

Тип употребления	Показатель присутствует	Показатель отсутствует	Доля примеров с показателем
Независимые клаузы	9	28	0,2
Условные конструкции	2	120	0,02

Это различие может быть связано с тем, что в составе условных клауз условное деепричастие в меньшей степени обладает способностью к самостоятельной временной референции, поскольку его временная референция определяется тем, какая форма употреблена в главной клаузе. Это различие также можно трактовать как проявление значительной интеграции клауз в условных конструкциях¹³ — как упоминалось во введении, ограничения на выражение модально-временных противопоставлений являются одним из проявлений высокой степени интеграции зависимой клаузы, см. [Lehmann 1988].

3.3. От условных клауз к сентенциальным подлежащим

Среди полипредикативных конструкций выделяется группа употреблений, в которых клаузу с условным деепричастием можно рассматривать либо как протасис условной конструкции, либо как сентенциальное подлежащее при предикатах *sojza* ‘хороший’, *bo* ‘плохой’ и некоторых других.

(32) *be-za entfe-ma? ti-xini-ta e-bune-da sojza*
дежурить-PTCP.SIM человек-NOM.SG.1PL олень-LOC.PL-OBL.PL.3SG быть-CVB.COND-OBL.SG.3SG хороший
‘Нашему дежурному хорошо бы быть с оленями’. [LD100715_VOL_056]

(33) *toz₁ tfikoz₂ eba-d tferi-go-bu-t bo*
потом_{1,2} голова-OBL.SG.2SG причесать-DUR-CVB.COND-OBL.SG.2SG плохой
‘Далее, голову расчесывать плохо’ {во время грозы}. [VNB961119_PRIM_011]

Если рассматривать такие конструкции как условные, то следует постулировать невыраженное подлежащее при оценочном предикате в главной клаузе, а более точным переводом примера (33) было бы ‘Если расчесываешь голову, это плохо’. Такой анализ не противоречит формальному устройству этой конструкции, поскольку в целом при таких предикатах анафорическое местоимение часто отсутствует. Тем не менее есть аргументы за то, чтобы выводить такие употребления из числа условных конструкций и анализировать их как конструкции с сентенциальным подлежащим и семантикой деонтической модальности.

Во-первых, в таких конструкциях клауза с условным деепричастием чаще находится в препозиции к предикату главной клаузы, чем в несомненных условных конструкциях (χ^2 , $p \approx 0,02$), хотя и в послед-

¹³ В отличие от условных клауз, в сентенциальных актантах с условным деепричастием, обсуждавшихся в разделе 3.1, при референции к будущему показатель будущего времени используется не реже, чем в независимых клаузах (в 4 случаях из 11), что указывает на недавнее развитие и слабую интеграцию зависимой клаузы в этих конструкциях.

них нормой является препозиция зависимой клаузы. Распределение употреблений с точки зрения расположения клауз в двух типах конструкций представлено в таблице 5.

Таблица 5. Расположение клауз в условных конструкциях и в конструкциях с предикатами *szja* ‘хороший’, *bɔɔ* ‘плохой’ и т. п.

	Клауза с условным деепричастием		Доля случаев препозиции
	в препозиции	в постпозиции	
Условные конструкции	352	41	0,90
Конструкции с предикатами <i>szja</i> ‘хороший’, <i>bɔɔ</i> ‘плохой’ и т. п.	94	3	0,97

Это различие можно интерпретировать как признак большей интеграции клаузы с условным деепричастием в конструкциях с предикатами *szja* ‘хороший’ и *bɔɔ* ‘плохой’ и ее большее сходство с подлежащим.

Во-вторых, в главной клаузе обычно отсутствует морфологическое маркирование, которое ожидалось бы для аподосиса условной конструкции. В целом в энецком языке при референции к настоящему и отсутствию каких-либо модальных рамок именные предикаты употребляются без связочного глагола, как в примерах (32)—(33). В других случаях используется глагол *ɛ* ‘быть’ с видо-временными или ирреальными маркерами. В частности, при гипотетической условной клаузе в аподосисе ожидается глагол ‘быть’ с маркером конъюнктива или иным показателем эпистемической модальности, как в примерах (34)—(35).

(34) *te-zo-da kaza-bu-niʔ szja ɛ-zaraxa*
 олень-DEST.SG-OBL.SG.3SG добыть(pfv)-CVB.COND-OBL.SG.1DU хороший быть-SUPP.3SG.S
 ‘Хорошо бы нам забить ему оленя’. [RODNSL_TRBR_070]

(35) *kanje-bu-niʔ szja ɛ-ta-uʔ*
 уйти-CVB.COND-OBL.SG.1SG хороший быть-PROB-3SG.S.CONT
 ‘Уйти мне хорошо бы, наверное’. [NSP70S90S_OLAS_256]

Употребления, в которых такое маркирование присутствует, преимущественно относятся к текстам носителей старшего поколения. Таблица 6 показывает, как распределены употребления с условной клаузой при предикатах *szja* ‘хороший’, *bɔɔ* ‘плохой’ и под. с точки зрения наличия глагола ‘быть’, а значит и видо-временной и модальной модификации, в главной клаузе (различие приближается к порогу статистической значимости, точный тест Фишера, односторонний вариант, $p \approx 0,07$).

Таблица 6. Глагол ‘быть’ в главной клаузе с предикатами *szja* ‘хороший’, *bɔɔ* ‘плохой’

Г. р. носителей	Глагол присутствует	Глагол отсутствует	Доля употреблений с экзистенциальным глаголом
До 1940	26	34	0,43
После 1940	6	19	0,24

Это различие нельзя объяснить ростом интеграции клауз, поскольку редукция модально-временных противопоставлений ожидается для зависимой клаузы, а в данном случае речь идет о главной. Возможно, оно связано с тем, что со временем главная клауза в этой конструкции перестает обозначать конкретную ситуацию, локализованную во времени и имеющую модальную рамку, и начинает передавать семантику деонтической модальности с генерической временной отнесенностью.

Особый статус конструкций с предикатами *szja* ‘хороший’ и *bɔɔ* ‘плохой’ отражен в [Siegl 2013: 449], где они рассматриваются как пермиссивные конструкции с сентенциальным подлежащим. В качестве примеров этой конструкции Ф. Зигль приводит вопросительные предложения, с помощью которых говорящий спрашивает разрешения на осуществление действия (переводы примеров содержат английский модальный глагол *may*). Такие предложения встречаются и в нашем корпусе текстов, ср. (36), однако существенно, что модальный компонент присутствует не только в подобных вопросах, но и в утвердительных конструкциях с предикатами *szja* ‘хороший’ и *bɔɔ* ‘плохой’.

(36) *tfu-bu-niʔ szja*
 войти-CVB.COND-OBL.SG.1DU хороший
 ‘Можно нам войти?’ [NK090803_SBE_046]

Употребление условного деепричастия в качестве вершины сентенциального подлежащего при адъективных предикатах также отмечается для нганасанского языка, см. [Терещенко 1979: 278; Wagner-Nagy 2018: 271—272, 367—368]. Б. Вагнер-Надь отдельно упоминает конструкции с предикатом ‘хороший’, передающие значение необходимости или долженствования¹⁴.

Примечательно, что в энецких текстах, помимо предикатов *szja* ‘хороший’ и *bɔɔ* ‘плохой’, в нескольких примерах с подобной конструкцией употреблен глагол *tara* ‘надо’ (37), при котором обычно используется деепричастие на *-f* (38).

(37) *mɔzara-bu-niʔ*   *tara-ʔ*   *ni-uʔ*
 работать-CVB.COND-OBL.SG.1SG   надо-CONN   NEG-3SG.S.CONT
 ‘Мне ведь нужно работать’. [VNB9306_KAKZHI_090]

(38) *tɔna, mana, kadʲa-buʔ*   *szja, kadʲa-f*   *tara-ʔ*   *ni-uʔ*
 еще   сказать.3SG.S   охотиться-CVB.COND   хороший   охотиться-CVB   надо-CONN   NEG-3SG.S.CONT
 ‘Еще, он сказал, охотиться хорошо бы, охотиться ведь нужно’. [NSP90S_BYK_083]

Для предиката *tara* ‘надо’ естественно использоваться с сентенциальным подлежащим, а анализ примеров, подобных (37), как условных конструкций с нулевым подлежащим в главной клаузе представляется гораздо менее убедительным, чем для примеров с предикатами *szja* ‘хороший’ и *bɔɔ* ‘плохой’. Тем самым, хотя для самого предиката *tara* такие употребления являются маргинальными, они показывают возможность оформления сентенциального подлежащего показателем условного деепричастия. Также такое оформление зависимой клаузы при предикате *tara* ‘надо’ указывает на сближение между ним и предикатами *szja* ‘хороший’ и *bɔɔ* ‘плохой’, которые в этой конструкции также используются преимущественно как модальные.

Таким образом, конструкции с предикатами *szja* ‘хороший’ и *bɔɔ* ‘плохой’ в главной клаузе и условным деепричастием в зависимой клаузе можно рассматривать как результат развития от условных конструкций к модальным конструкциям с сентенциальным подлежащим.

3.4. Условно-уступительные конструкции

Последний тип употреблений условного деепричастия в зависимых клаузах, выделенный на материале текстов, — условно-уступительные конструкции (39)—(40).

(39) *ɔbu tɔne-bu-ta,*   *luk tɔne-bu-ta,*
 что   иметься-CVB.COND-OBL.SG.3SG   лук   иметься-CVB.COND-OBL.SG.3SG
tʃesnɔk tɔne-bu-ta   *⟨...⟩ tɔrse-ku-z*   *mɔta-da-d*
 чеснок   иметься-CVB.COND-OBL.SG.3SG   такой-DIM1-NOM.PL.2SG   отрезать-FUT-2SG.S
 ‘Что есть, лук ли есть, чеснок ли есть, такое порежешь’. [LD100711_RAZDE_017]

(40) *ɔbu kuni-ru*   *dʲiritʃu seʔi-bu-ta*   *ʃo mɔzaʔa-ku-d*   *biiʔe-d*
 что   как-RESTR   жизнь   быть_тяжелым-CVB.COND-OBL.SG.3SG   хоть   работа-DIM1-OBL.SG.2SG   помнить-2SG.S
 ‘Что, какой бы жизнь ни была тяжелой, ты думаешь о своей работенке’. [EIB_NNB90S00S_INT2_EIB_057]

Условно-уступительные конструкции описывают такое отношение между двумя ситуациями, при котором при любом значении протасиса аподосис является истинным [König 1986; Haspelmath, König 1998]. В альтернативных условно-уступительных конструкциях (39) протасис может принимать два значения (обычно *p* и *не-p*), при любом из которых аподосис является истинным. В примерах из текстов в конструкциях этого типа обычно рассматривается два или более альтернативных участника, выраженных отдельными клаузами, как в (39). В универсальных условно-уступительных конструкциях (40) в протасисе содержится квантор, при любом значении которого аподосис является истинным. В энецком языке этот квантор выражается с помощью вопросительного слова, к которому обычно присоединяется т. н. рестриктивный маркер, передающий в базовом случае значение ‘только’, ср. *kuni-ru* в (40).

Выше обсуждался параллелизм между независимыми употреблениями условного деепричастия в функции общего вопроса, или предположения, и его употреблениями в протасисе условных конструкций.

¹⁴ Существование параллельной конструкции в родственных языках может быть аргументом против того, что в энецком языке она является результатом недавнего развития. Альтернативное объяснение изменения, отраженного в таблице 6, может состоять в том, что в речи более молодых носителей менее частотны конструкции, более сложные в семантическом и формальном плане.

Сходным образом, можно видеть близость между вопросами говорящего самому себе, содержащими несколько альтернатив, см. обсуждение примеров (9)—(10) в разделе 2, и альтернативными условно-уступительными конструкциями (39), а также между специальными вопросами говорящего самому себе и универсальными условно-уступительными конструкциями (40), которые также содержат вопросительное слово. Однако ни в одном из этих случаев данные текстов не содержат следов диахронической связи между этими парами конструкций. Более того, условно-уступительные конструкции, которые и в целом гораздо реже условных, чаще встречаются в текстах носителей старшего поколения (различие статистически значимо, χ^2 , $p < 0,01$). Соотношение этих двух типов конструкций в текстах двух поколений носителей представлено в таблице 7.

Таблица 7. Условно-уступительные и условные конструкции в текстах двух поколений носителей (число и доля от общей суммы)

Г. р. носителей	Условные конструкции	Условно-уступительные конструкции
До 1940	152 (0,87)	23 (0,13)
После 1940	295 (0,98)	5 (0,02)

Возможно, снижение частотности условно-уступительных конструкций в текстах носителей более молодого поколения является одним из проявлений утраты более сложных в семантическом и синтаксическом отношении структур, происходящей в ходе языковой аттриции.

5. Обобщение: условное деепричастие в независимых и зависимых клаузах

Цель данного исследования состояла в том, чтобы описать функции условного деепричастия лесного энецкого языка в независимых и зависимых клаузах, установить семантические и возможные диахронические связи между ними и проследить изменения в употреблении этой формы на материале текстов, записанных от носителей двух разных поколений. Обобщение системы употреблений условного деепричастия в энецком языке представлено в таблице 8. Между соседними типами употребления в каждой из строк можно либо установить семантический параллелизм, который не сопровождается свидетельствами диахронического развития, либо предположить диахроническую связь, которая обозначается стрелкой.

Таблица 8. Система употреблений условного деепричастия

Независимые клаузы	Зависимые клаузы	
	Обстоятельственные клаузы	Сентенциальные актанты
Общий вопрос (предположение)	Протасис условных конструкций →	Сентенциальные подлежащие при предикатах 'хороший', 'плохой' и т. п.
Специальный вопрос	→	Сентенциальные дополнения при ментальных глаголах
Альтернативный вопрос	Протасис условно-уступительных конструкций	

В соответствии с предшествующими описаниями, независимые клаузы с условными деепричастиями в текстах используются в функции вопросов говорящего самому себе: общих вопросов, которые также можно описывать как предположения, альтернативных и специальных вопросов. Таким образом, в независимых употреблениях условное деепричастие используется как форма с модальным значением эпистемической возможности.

Зависимые клаузы с условным деепричастием можно разделить на обстоятельственные клаузы и сентенциальные актанты. К обстоятельственным клаузам с условным деепричастием относятся протасис условных конструкций и протасис условно-уступительных конструкций. Направление диахронических отношений между этими типами зависимых клауз и независимыми употреблениями условного деепричастия установить затруднительно. В пользу диахронической первичности независимых употреблений говорят, во-первых, типологические сведения о распространенных сценариях грамматикализации условных конструкций, а во-вторых, наличие специальных вопросов с условным деепричастием, которые сложно возвести к какому бы то ни было типу зависимых клауз. Аргументами за диахроническую первичность

употреблений в протасисе условных конструкций являются именная морфология условного деепричастия, а также центральный статус этой функции у аналогичной формы в близкородственных языках.

Сентенциальные актанты с условным деепричастием включают сентенциальные подлежащие в модальных конструкциях с предикатами *sojza* ‘хороший’, *boz* ‘плохой’ и некоторыми другими, а также сентенциальные дополнения при ментальных глаголах отрицательной пропозициональной установки, таких как *d'oxara* ‘не знать’ и *d'urta* ‘забыть’. Конструкции с сентенциальным подлежащим с формой условного деепричастия, по-видимому, появились на основе условных конструкций с соответствующими предикатами в аподосисе. Сентенциальные дополнения при ментальных глаголах, предположительно, возникли на основе паратактических употреблений, в которых ментальный глагол употреблялся рядом с независимой клаузой — вопросом с условным деепричастием.

Употребления условного деепричастия в сентенциальных актантах при ментальных глаголах предположительно являются результатом недавних синтаксических изменений, на что указывают различия в их употреблении в текстах носителей разных поколений. Менее уверенно о недавнем развитии можно говорить применительно к конструкциям с предикатами *sojza* ‘хороший’, *boz* ‘плохой’ и др. Еще одно изменение, которое было выявлено на материале текстов, заключается в распространении у условного деепричастия глагола *ε* ‘быть’ употреблений, в которых он функционирует как маркер приблизительного количества в конструкциях с числительными. (Это изменение следует трактовать как случай лексикализации, поэтому оно не было включено в таблицу 8.)

В целом выявленные различия между поколениями носителей свидетельствуют о развитии у условного деепричастия новых функций, происходящем параллельно процессам аттриции и снижения сложности в области нефинитных форм, см. [Овсянникова, Ханина 2018]. Часть обнаруженных различий сложно интерпретировать однозначно как проявление одного или другого из этих процессов, поскольку интеграция клауз и грамматикализация конструкций сопровождаются формальной и семантической редукцией, которая может происходить и в результате аттриции.

Сокращения

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо	LOC — локатив
ABL — аблатив	M — медиальный глагол / тип спряжения
ACC — аккузатив	MULT — мультипликатив
ADJ — адъективизатор	NEG — отрицательный глагол
ADV — адвербиализатор	NMLZ — номинализация
CONJ — конъюнктив	NOM — номинатив
CONN — коннегатив	OBL — обликвус
CONT — показатель контрастивной видо-временной серии	PL — множественное число
CVB — деепричастие	PRF — перфект
CVB.COND — условное деепричастие	PROB — пробабилитив
DAT — датив	PROL — пролатив
DEST — дестинатив	PST — прошедшее время
DIM — диминутив	PTCP.ANT — причастие предшествования
DU — двойственное число	PTCP.SIM — причастие одновременности
DUR — дуратив	RESTR — рестриктивный суффикс
EXC — экскламатив	S — субъектный тип спряжения
FOC — маркер фокуса	SG — единственное число
FUT — будущее время	SONsg — субъектно-объектный тип спряжения для не-
HAB — хабитуалис	единственного числа объекта
HORT — гортатив	SOSg — субъектно-объектный тип спряжения для един-
IMP_SFT — мягкое повеление	ственного числа объекта
INCH — инхоатив	SUPP — предположительное наклонение

Литература

- Буркова 2004 — С. И. Буркова. Условная форма глагола в ненецком языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 14. Сборник научных трудов. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. С. 143—170.
- Добрушина 2016 — Н. Р. Добрушина. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. Прага: Animedia Company, 2016.

Овсянникова, Ханина 2018 — М. А. Овсянникова, О. В. Ханина. Что происходит с языком, когда на нем перестают говорить? (данные нефинитных форм лесного диалекта энецкого языка) // Кс. П. Семенова (ред.) *Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции*. М.: Буки Веди, 2018. С. 151—158.

Сорокина 1984 — И. П. Сорокина. Будущее время в энецком языке // *Структура палеоазиатских и самодийских языков. Вопросы самодийского и енисейского языкознания. Сборник научных трудов*. Томск: Изд. Томского пединститута, 1984. С. 115—120.

Сорокина 2010 — И. П. Сорокина. Энецкий язык. СПб.: Наука, 2010.

Терещенко 1979 — Н. М. Терещенко. Нганасанский язык. Л.: Наука, 1979.

Урманчиева 2014 — А. Ю. Урманчиева. Формы со значением эпистемической модальности в лесном диалекте энецкого языка // *Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика*. СПб.: Алетейя, 2014. С. 579—595.

Урманчиева 2016 — А. Ю. Урманчиева. Аналитические формы «модального инферентива» в лесном энецком // *Linguistica Uralica* LII. 2016, 2. P. 122—140.

Ханина, Шлуинский 2019 — О. В. Ханина, А. Б. Шлуинский. Система форм с референцией к будущему в энецком языке // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2019, 1 (23). С. 83—96.

Шлуинский 2010 — А. Б. Шлуинский. Контрастивные глагольные окончания в лесном диалекте энецкого языка // С. И. Буркова (отв. ред.). *Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике*. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, Институт филологии, 2010. С. 279—291.

Шлуинский 2017 — А. Б. Шлуинский. Видовая система энецкого языка на фоне русской: к типологии словоклассифицирующего вида // *Вопросы языкознания*. 2017, 3. С. 24—52.

Athanasidou, Dirven 1995 — A. Athanasiadou, R. Dirven. The typology of *if*-clauses // E. H. Casad (ed.). *Cognitive linguistics in the Redwoods. The expansion of a new paradigm in linguistics*. Berlin; New York, 1995. P. 609—654.

Athanasidou, Dirven 1997 — A. Athanasiadou, R. Dirven. Conditionality, hypotheticality, counterfactuality // A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). *On conditionals again*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1997. P. 61—96.

Beijering et al. (eds.) 2019 — K. Beijering, G. Kaltenböck, M. S. Sansiñena (eds.). *Insubordination: Theoretical and Empirical Issues*. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2019.

Brenier, Michaelis 2005 — J. M. Brenier, L. A. Michaelis. Optimization via syntactic amalgam: Syntax-prosody mismatch and copula doubling // *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2005, 1 — 1. P. 45—88.

Comrie 1986 — B. Comrie. Conditionals: A typology // E. C. Traugott, A. ter Meulen, J. S. Reilly, Ch. A. Ferguson (eds.). *On Conditionals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 77—99.

Dwyer 2016 — A. M. Dwyer. Ordinary insubordination as transient discourse // N. Evans, H. Watanabe (eds.). *Insubordination*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2016. P. 183—208.

Evans 2007 — N. Evans. Insubordination and its uses // I. Nikolaeva (ed.). *Finiteness: Theoretical and Empirical Foundations*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 366—431.

Haspelmath, König 1998 — M. Haspelmath, E. König. Concessive conditionals in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 563—640.

Hopper, Traugott 2003 — P. J. Hopper, E. C. Traugott. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

König 1986 — E. König. Conditionals, concessive conditionals and concessives: areas of contrast, overlap and neutralization // J. van der Auwera (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 229—640.

Lambrecht 1988 — K. Lambrecht. There was a farmer had a dog: Syntactic amalgams revisited // *Proceedings of the Fourteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 1988. P. 319—339.

Lehmann 1988 — Ch. Lehmann. Towards a typology of clause linkage // J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). *Clause combining in grammar and discourse*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1988. P. 181—225.

Lindström et al. 2019 — J. Lindström, R. Lauri, C. Lindholm. Insubordination and the contextually sensitive emergence of ‘if’ requests in Swedish and Finnish institutional talk-in-interaction // K. Beijering, G. Kaltenböck, M. S. Sansiñena (eds.). *Insubordination: Theoretical and Empirical Issues*. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2019. P. 55—77.

Noonan 2007 — M. Noonan. Complementation // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. II: *Complex Constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 52—150.

Siegl 2013 — F. Siegl. *Materials on Forest Enets, an Indigenous Language of Northern Siberia*. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2013.

Thompson et al. 2007 — S. A. Thompson, R. E. Longacre, J. Hwang Shin Ja. Adverbial clauses // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. II: *Complex Constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 237—269.

Traugott 1985 — E. C. Traugott. Conditional markers // J. Haiman (ed.). *Iconicity in Syntax*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1985. P. 289—307.

Van den Nest 2010 — *D. Van den Nest. Should conditionals be emergent...* Asyndetic subordination in German and English as a challenge to grammaticalization research // *A. Van Linden, J.-Ch. Verstraete, K. Davidse* (eds.). *Formal Evidence in Grammaticalization Research*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 93—136.

Wagner-Nagy 2018 — *B. Wagner-Nagy. A Grammar of Nganasan*. Leiden; Boston: Brill, 2018.

References

Athanasiadou, Dirven 1995 — A. Athanasiadou, R. Dirven. The typology of if-clauses. In: E. H. Casad (ed.). *Cognitive linguistics in the Redwoods. The expansion of a new paradigm in linguistics*. Berlin; New York, 1995. P. 609—654.

Athanasiadou, Dirven 1997 — A. Athanasiadou, R. Dirven. Conditionality, hypotheticality, counterfactuality. In: A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). *On conditionals again*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1997. P. 61—96.

Beijering et al. (eds.) 2019 — K. Beijering, G. Kaltenböck, M. S. Sansiñena (eds.). *Insubordination: Theoretical and Empirical Issues*. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2019.

Brenier, Michaelis 2005 — J. M. Brenier, L. A. Michaelis. Optimization via syntactic amalgam: Syntax-prosody mismatch and copula doubling. In: *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2005, 1 — 1. P. 45—88.

Burkova 2004 — S. I. Burkova. Uslovnaya forma glagola v neneckom yazyke. In: *Yazyki korennykh narodov Sibiri. Vyp. 14. Sbornik nauchnykh trudov*. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 2004. S. 143—170. {S. I. Burkova. Conditional form of the verb in the Nenets language. In: *Languages of indigenous peoples of Siberia. Vol. 14. Collection of research papers*. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publishing House, 2004. P. 143—170.}

Comrie 1986 — B. Comrie. Conditionals: A typology. In: E. C. Traugott, A. ter Meulen, J. S. Reilly, Ch. A. Ferguson (eds.). *On Conditionals*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 77—99.

Dobrushina 2016 — N. R. Dobrushina. Soslagatel'noe naklonenie v russkom yazyke: opyt issledovaniya grammaticheskoy semantiki. Praga: Animedia Company, 2016. {N. R. Dobrushina. Subjunctive mood in the Russian language: A case study in grammatical semantics. Praga: Animedia Company, 2016.}

Dwyer 2016 — A. M. Dwyer. Ordinary insubordination as transient discourse. In: N. Evans, H. Watanabe (eds.). *Insubordination*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2016. P. 183—208.

Evans 2007 — N. Evans. Insubordination and its uses. In: I. Nikolaeva (ed.). *Finiteness: Theoretical and Empirical Foundations*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 366—431.

Haspelmath, König 1998 — M. Haspelmath, E. König. Concessive conditionals in the languages of Europe. In: J. van der Auwera (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 563—640.

Hopper, Traugott 2003 — P. J. Hopper, E. C. Traugott. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Khanina, Shluinskij 2019 — O. V. Khanina, A. B. Shluinskij. Sistema form s referenciej k budushchemu v ehneckom yazyke. In: *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniij*. 2019, 1 (23). S. 83—96. {O. V. Khanina, A. B. Shluinsky. The system of forms with future reference in the Enets language. In: *Tomsk journal of linguistics and anthropology*. 2019, 1 (23). P. 83—96.}

König 1986 — E. König. Conditionals, concessive conditionals and concessives: areas of contrast, overlap and neutralization. In: J. van der Auwera (ed.). *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 229—640.

Lambrecht 1988 — K. Lambrecht. There was a farmer had a dog: Syntactic amalgams revisited. In: *Proceedings of the Fourteenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 1988. P. 319—339.

Lehmann 1988 — Ch. Lehmann. Towards a typology of clause linkage. In: J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). *Clause combining in grammar and discourse*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1988. P. 181—225.

Lindström et al. 2019 — J. Lindström, R. Laury, C. Lindholm. Insubordination and the contextually sensitive emergence of 'if' requests in Swedish and Finnish institutional talk-in-interaction. In: K. Beijering, G. Kaltenböck, M. S. Sansiñena (eds.). *Insubordination: Theoretical and Empirical Issues*. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2019. P. 55—77.

Noonan 2007 — M. Noonan. Complementation. In: T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. II: *Complex Constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 52—150.

Ovsyannikova, Khanina 2018 — M. A. Ovsyannikova, O. V. Khanina. Chto proiskhodit s yazykom, kogda na nem perestayut govorit'? (dannye nefinitnykh form lesnogo dialekta ehneckogo yazyka). In: Ks. P. Semenova (red.) *Malye yazyki v bol'shoj lingvistike. Sbornik trudov konferencii*. Moskva: Buki Vedi, 2018. C. 151—158. {M. A. Ovsyannikova, O. V. Khanina. What happens to a language when it is no longer spoken? Non-finite forms in Forest Enets. In: Ks. P. Semenova (ed.). *Minority languages in large linguistics. Conference proceedings*. Moscow: Buki Vedi, 2018. P. 151—158.}

Shluinskij 2010 — A. B. Shluinskij. Kontrastivnye glagol'nye okonchaniya v lesnom dialekte ehneckogo yazyka. In: S. I. Burkova (otv. red.). *Materialy 3-j mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po samodistike*. Novosibirsk: Sibirskoe ot-delenie RAN, Institut filologii, 2010. S. 279—291. {A. B. Shluinsky. Contrastive verb agreement in the Forest dialect of

the Enets language. In: S. I. Burkova (ed.). Proceedings of the 3rd international scientific conference on samoyedology. Novosibirsk: Siberian branch of RAS, Institute of Philology, 2010. P. 279—291.}

Shluinskij 2017 — A. B. Shluinskij. Vidovaya sistema ehneckogo yazyka na fone russkoj: k tipologii slovoklassificiruyushchego vida. In: Voprosy yazykoznanija. 2017, 3. S. 24—52. {A. B. Shluinsky. Aspectual system of Enets as compared to Russian: Towards the typology of lexical aspect. In: Voprosy yazykoznanija. 2017, 3. P. 24—52.}

Siegl 2013 — F. Siegl. Materials on Forest Enets, an Indigenous Language of Northern Siberia. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2013.

Sorokina 1984 — I. P. Sorokina. Budushchee vremya v ehneckom yazyke. In: Struktura paleoaziatskikh i samodijskikh yazykov. Voprosy samodijskogo i enisejkogo yazykoznanija. Sbornik nauchnykh trudov. Tomsk: Izd. Tomskogo pedinstituta, 1984. S. 115—120. {I. P. Sorokina. Future tense in the Enets language. In: The structure of Paleosiberian and Samoyedic languages. The problems of Samoyedic and Yeniseian linguistics. Collection of research papers. Tomsk: Tomsk Pedagogical Institute Publishing House, 1984. P. 115—120.}

Sorokina 2010 — I. P. Sorokina. Ehneckij yazyk. SPb.: Nauka, 2010. {I. P. Sorokina. The Enets language. Saint Petersburg: Nauka, 2010.}

Tereshchenko 1979 — N. M. Tereshchenko. Nganasanskij yazyk. L.: Nauka, 1979. {N. M. Tereshchenko. The Nganasan language. Leningrad: Nauka, 1979.}

Thompson et al. 2007 — S. A. Thompson, R. E. Longacre, J. Hwang Shin Ja. Adverbial clauses. In: T. Shopen (ed.). Language Typology and Syntactic Description. Vol. II: Complex Constructions. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 237—269.

Traugott 1985 — E. C. Traugott. Conditional markers. In: J. Haiman (ed.). Iconicity in Syntax. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1985. P. 289—307.

Urmanchieva 2014 — A. Yu. Urmanchieva. Formy so znacheniem ehpistemicheskoj modal'nosti v lesnom dialekte ehneckogo yazyka. In: Yazyk. Konstanty. Peremennye. Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika. SPb.: Aletejya, 2014. S. 579—595. {A. Yu. Urmanchieva. Forms with the meaning of epistemic modality in the Forest dialect of Enets. In: Language. Constants. Variables. In the memory of Aleksandr Evgen'evich Kibrik. Saint Petersburg: Aletejya, 2014. P. 579—595.}

Urmanchieva 2016 — A. Yu. Urmanchieva. Analiticheskie formy "modal'nogo inferentiva" v lesnom ehneckom. In: Linguistica Uralica LII. 2016, 2. P. 122—140. {A. Yu. Urmanchieva. Analytic forms of "modal inferential" in Forest Enets. In: Linguistica Uralica LII. 2016, 2. P. 122—140.}

Van den Nest 2010 — D. Van den Nest. *Should conditionals be emergent...* Asyndetic subordination in German and English as a challenge to grammaticalization research. In: A. Van linden, J.-Ch. Verstraete, K. Davidse (eds.). Formal Evidence in Grammaticalization Research. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 93—136.

Wagner-Nagy 2018 — B. Wagner-Nagy. A Grammar of Nganasan. Leiden; Boston: Brill, 2018.

**Фрагмент лексической системы казымского диалекта хантыйского языка:
глаголы *pitti* ‘упасть, попасть’ и *χɔjti* ‘задеть, попасть’
и их аргументная структура**

Рыжова Дарья Александровна, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва); daria_ryzhova@mail.ru

Статья посвящена семантике и особенностям аргументной структуры глаголов *pitti* ‘упасть’ и *χɔjti* ‘задеть’ в казымском диалекте хантыйского языка, а также зоне их вариативности. В работе очерчивается круг контекстов, в которых эти глаголы конкурируют, и постулируется семантический континуум от семантики падения к семантике контакта с зоной «попадания» между ними. Показано, что промежуточная зона попадания включает по крайней мере две части: мену локализации (‘попасть внутрь’) и поражение цели (‘попасть в цель’). При этом мена локализации ближе к семантике падения, а поражение цели — к полю контакта. Смежность полей падения, попадания и контакта дополнительно иллюстрируется материалами других языков, а также морфосинтаксическими свойствами хантыйских глаголов *pitti* ‘упасть’ и *χɔjti* ‘задеть’, в частности моделями морфологического кодирования их аргументов.

Ключевые слова: хантыйский язык, лексическая семантика, лексическая типология, аргументная структура, семантическая смежность

**A FRAGMENT OF THE LEXICAL SYSTEM OF KAZYM KHANTY:
THE VERBS *PITTI* ‘TO FALL; TO GET INTO SOMEWHERE’
AND *ΧΟJTI* ‘TO TOUCH; TO HIT THE TARGET’, AND THEIR ARGUMENT STRUCTURE**

Daria A. Ryzhova, HSE University (Moscow); daria_ryzhova@mail.ru

The study describes the semantics of the Kazym Khanty verbs *pitti* ‘to fall; to get into somewhere’ and *χɔjti* ‘to touch; to hit the target’ as analyzed from the perspective of the frame-based approach to lexical typology. According to this approach, semantic fields consist of certain situation types, or frames, which are denoted by the lexemes belonging to the field. The situation types correspond to distributional patterns and serve as a basis for cross-linguistic comparison of word meanings.

The paper identifies and illustrates the sets of physical meanings of the verbs in question, with a special focus on the domain of variation between *pitti* and *χɔjti*. It is shown that these verbs concur in contexts involving the semantics of either getting (occasionally) into somewhere (cf. *A fly got into my soup*) or hitting the target (cf. *The arrow hit him in the arm*). Evidence from Kazym Khanty, as well as from available cross-linguistic data, suggests that these meanings are adjacent to each other, while the meaning ‘to get into somewhere’ is closer to the domain of falling, and the meaning ‘to hit the target’ is closer to the domain of physical contact. Thus, the meanings ‘to fall’, ‘to get into somewhere’, ‘to hit the target’, and ‘to touch’ form a semantic continuum with no clear-cut boundaries between the semantic fields. This hypothesis is further supported by morphosyntactic variation in encoding of the patientive argument of the verb *χɔjti*, which seems to be influenced by the morphological pattern inherent to the verb *pitti*.

Keywords: Khanty language, lexical semantics, lexical typology, argument structure, semantic continuity

1. Введение

Глаголам падения в разных говорах и диалектах хантыйского языка посвящен целый ряд исследований. Ф. М. Лельхова составляет подробные лексикографические описания глаголов непроизвольного движения вниз в шурышкарском диалекте [Лельхова 2013, 2014]; Е. В. Кашкин рассматривает буквальные употребления глаголов падения в западных говорах хантыйского языка на лексико-типологическом фоне [Кашкин 2017]; в статье [Ванеян и др. 2020] решается аналогичная задача для глаголов падения в казымском хантыйском; в выпускной квалификационной работе [Наумова 2019], легшей в основу статьи [Ванеян и др. 2020], помимо буквальных употреблений, рассматриваются также некоторые семантические переносы глаголов падения в казымском диалекте хантыйского языка.

По этим работам видно, что семантическое поле движения вниз во всех рассмотренных диалектах и говорах хантыйского языка очень богато лексически. Так, например, Ф. М. Лельхова выделяет 61 лексему, в значение которых входит сема движения вниз [Лельхова 2014]. Многие из них, однако, используются редко и могут быть известны не всем носителям.

Одна из центральных лексических единиц этого поля, характеризующаяся наиболее широким спектром употреблений, — глагол *pitti*. Известно, что он может описывать ситуации падения разных типов (подробнее см. раздел 2, а также [Кашкин 2017; Ванеян и др. 2020]), а помимо этого развивает несколько переносных значений [Лельхова 2013, Наумова 2019] и грамматикализуется в показатель инхоатива (см., например, [Nikolaeva 1999]).

Интересно, однако, что ни в одной из известных нам работ специально не обсуждаются и почти не упоминаются употребления глагола *pitti*, подобные тому, что мы приводим в примере (1)¹. И это неудивительно, поскольку статус таких употреблений не очень ясен. Так, в примере (1) глагол *pitti* обозначает физическое перемещение (и поэтому такое употребление сложно назвать грамматическим или даже метафорическим), однако это перемещение уже не направлено сверху вниз, как прототипическое падение. Наиболее близкий русский эквивалент *pitti* в подобных контекстах — глагол *nonacъь*. В этом значении *pitti* конкурирует с глаголом из другой семантической области — *χɔʒiti* ‘задеть’ (глагол прикосновения, согласно [Нахрачева 2021]), для которого семантика ‘попасть, оказаться’, по-видимому, так же периферийна, как и для самого *pitti*.

- (1) *kort-a top jōxt-əs top jōxi pit-əs si tūt-əŋ əw top*
 деревня-DAT только прийти-PST[3SG] только домой стать-PST[3SG] FOC огонь-ATTR дверь только
mɛnɛmə-s-λe in rɔtna-j-əl χɔt-a jōxi pit-əs síχ sí
 дернуть-PST-3SG.SO сейчас родня-EP-POSS.3SG дом-DAT домой стать-PST[3SG] совсем FOC
rāk-n-əs si pakn-əm rŭw-əl-n sí!
 упасть-PST[3SG] FOC испугаться-PFV.PART жар-POSS.3SG-LOC FOC
 ‘До деревни только добралась она, только в дом **попала**, только дверь дома с очагом рванула, попала в дом родственников, — упала без сознания от испуга пережитого!’ (КХТ²: «Женщина, с детьми оставленная»)

В этой статье мы рассмотрим подробнее этот особый тип употреблений глагола *pitti*, опишем семантику и основные особенности использования глагола *χɔʒiti*, а также покажем, что позволяет глаголам с такими разными основными значениями «совпасть» в некотором определенном типе контекстов, как такое совпадение согласуется с особенностями их аргументной структуры и какие теоретические выводы об устройстве лексико-семантического пространства из этого следуют. Кроме того, мы сосредоточимся на самой семантической зоне «попадания» и обсудим стратегии ее лексикализации в типологической перспективе. Сразу оговоримся, что мы будем рассматривать только такие случаи, когда глаголы *pitti* и *χɔʒiti* обозначают физические действия или процессы; абстрактные (метафорические и грамматические) употребления, а также устойчивые идиоматические сочетания и некоторые физические значения, на наш взгляд нерелевантные для обсуждения конкуренции *pitti* и *χɔʒiti*, мы вынуждены вынести за рамки этого исследования и будем упоминать их лишь эпизодически.

Наше исследование проведено на материале казымского диалекта хантыйского языка. Мы используем данные Корпуса текстов на хантыйском языке Е. В. Кашкина (КХТ), тексты на казымском хантыйском

¹ Все хантыйские примеры в этой статье приводятся в финно-угорской транскрипции [Honti 1986; Кошкарева, Соловар 2007] и относятся к казымскому диалекту. Глоссирование во всех примерах унифицировано. Примеры, при которых не указан источник, получены автором методом элицитации.

² Здесь и далее аббревиатура «КХТ» используется для обозначения Корпуса текстов на хантыйском языке, собранного Е. В. Кашкиным в рамках Программы фундаментальных исследований президиума РАН «Корпусная лингвистика» (2012—2014 гг.).

из «Обско-угорской базы данных» (далее — OUIDB), подготовленной в рамках проекта EUROBABEL³, примеры из работ [Ванеян и др. 2020; Наумова 2019] и из словарей [Соловар 2014; Лозьямова 2020], а также наши собственные полевые данные, полученные в ходе удаленной работы (с помощью платформ Skype и Viber) с несколькими жителями с. Казым осенью 2020 года. Лексические значения представляются и анализируются в русле фреймового подхода к лексической типологии [Рахилина, Резникова 2013], согласно которому каждое значение лексической единицы соотносится с определенным типом ситуаций, которые эта единица может описывать⁴.

Дальнейшее изложение будет построено следующим образом. Мы начнем с обзора ситуаций, в которых употребляются глаголы *pitti* (раздел 2) и *χɔjti* (раздел 3). Далее, в разделе 4, мы продемонстрируем, в какой зоне они конкурируют и каковы границы вариативности каждого из них. Раздел 5 будет посвящен особенностям их аргументной структуры, которые, на наш взгляд, проливают дополнительный свет на природу конкуренции этих лексем в зоне ‘попасть’. В разделе 6 мы сформулируем основные выводы и наметим планы дальнейших типологических исследований.

2. Семантика глагола *pitti*

Глагол *pitti* широко используется в казымском диалекте хантыйского языка в качестве одного из основных предикатов, обозначающих падение, т. е. неконтролируемое перемещение субъекта по воздуху сверху вниз под воздействием силы тяжести. Из четырех макрозон, которые, по материалам [Резникова и др. 2020], могут описываться глаголами падения в прямых значениях в языках мира, глагол *pitti* покрывает три: падение сверху (2), потерю вертикальной ориентации (3) и падение в результате открепления (4), не охватывая четвертую — падение с разрушением (5).

- (2) *keši pāsān ewəlt il pit-əs.*
нож стол с вниз падать-PST[3SG]
‘Нож упал со стола’. [Ванеян и др. 2020: 440]
- (3) *ma šqt-s-əm pa il pit-s-əm.*
я идти-PST-1SG и вниз падать-PST-1SG
‘Я шел и упал’. [Ванеян и др. 2020: 443]
- (4) *tūtχot-əm sumka ewəlt il pit-əs.*
кошелек-POSS.1SG сумка с вниз падать-PST[3SG]
‘Кошелек выпал из сумки’. [Ванеян и др. 2020: 443]
- (5) *χot il rəχaŋl-əs / *pit-əs.*
дом вниз падать-PST[3SG]
‘Дом упал’. [Ванеян и др. 2020: 444]

Кроме того, как уже было сказано во Введении, глагол *pitti* может передавать значение ‘попасть, оказаться’, см. примеры (6—7). От исходной ситуации падения в таких случаях сохраняется результат — некоторая новая локализация объекта. При этом направление движения может быть не специфицировано, как в примере (1) из Введения и в примере (6) ниже. Кроме того, четко выделяемая фаза перемещения может полностью отсутствовать, как в примере (7).

- (6) *kartij-əm-a wəχsar pit-m-aλ.*
капкан-POSS.1SG-DAT лиса падать-EV.PST-3SG
‘В мой капкан попала лиса’.
- (7) *Ma sem-əm lōńsəχ-ən pit-s-a.*
я глаз-POSS.1SG мыло-LOC падать-PST-PASS[3SG]
‘Мне в глаз мыло попало’.

³ Примеры употребления глаголов *pitti* и *χɔjti* из корпусов KXT и OUIDB, на основании которых проводилось исследование, доступны по ссылке: https://github.com/DariaRyzhova/Language_Data/blob/main/pitti_χojti_corpus_examples.xlsx.

⁴ Автор выражает свою глубокую признательность Н. А. Муравьеву за помощь и поддержку на всех этапах работы над статьей, редколлегии журнала «Урало-алтайские исследования» и двум анонимным рецензентам за ценные замечания к более ранним версиям этого текста, а также всем носителям казымского диалекта хантыйского языка, с которыми автору посчастливилось работать. Все недочеты, ошибки и опечатки целиком на нашей совести.

В словаре [Соловар 2014] значение ‘попасть, оказаться’ не выделяется, в словаре [Лозьямова 2020] в качестве одного из значений глагола *pitti* указано ‘попасть’, но более широкое определение не приводится, а в КХТ глагол *pitti* в этом значении глоссируется не очень последовательно: иногда он получает глоссу *падать*, а иногда — *стать*, см. (1).

Помимо значения физического перемещения в пространстве, оканчивающегося сменой локализации субъекта, глагол *pitti* может передавать и абстрактное значение смены посессора, а также вхождения в состояние или процесс. Меню посессора глагол *pitti* может обозначать в контекстах с одушевленным объектом в роли конечной точки, см. (8). Семантика вхождения в состояние или процесс реализуется в контекстах, где позицию аргумента с ролью конечной точки перемещения занимает абстрактное существительное (9), а также в сочетаниях с существительным, оформленным показателем каритива (10), и — особенно часто⁵ — в сочетаниях *pitti* с глаголами в форме имперфективного причастия (11). Такого рода расширение семантики и дистрибуции *pitti* свидетельствует о его грамматикализации в маркер инхоатива. Эта модель засвидетельствована и в других языках, неродственных хантыйскому, см. [Kuteva et al. 2019: 171].

(8) *leštan-leŋke-n taš nin-ən-a at pit-əλ* <...>.
Лэщтан-DIM-POSS.2SG богатство вы-POSS.2NSG-DAT пусть падать-NPST[3SG] <...>.
‘Богатства Лэщтана вам пусть достанутся <...>’. (КХТ: «Богом данное богатство»)

(9) *ne χānti nōms-a si pit-əs*.
женщина человек мысль-DAT FOC падать-PST
‘Стал о нареченной думать’. (КХТ: «Мальчик с той стороны»)

(10) *isa mīw sij-λi pit-əs*.
совсем земля шум-CAR падать-PST
‘Тишина (букв.: Совсем земля беззвучная стала)’. (КХТ: «Как у бурундука спина полосатой стала»)

(11) *apəle-m-n inśəs-ti si pit-s-a-j-əm*.
младший брат-POSS.1SG-LOC спрашивать-IPFV.PART FOC падать-PST-PASS-EP-1SG
‘Младший брат стал меня спрашивать’. (КХТ: «Вечером»)

Кроме того, глагол *pitti* входит в состав целого ряда устойчивых сочетаний, ср. *sema pittu* ‘родиться’, букв. ‘упасть/попасть в глаз’; *nōχ pittu* ‘победить, одержать верх’, букв. ‘упасть/попасть наверх’; *pelka pittu* ‘открыться, раскрыться’, букв. ‘упасть/попасть в сторону’ и нек. др.

В этой статье мы сфокусируемся на достаточно узкой зоне свободных, не фразеологизированных употреблений глагола *pitti*, предполагающих буквальное перемещение физического субъекта в пространстве, в результате которого он меняет свою локализацию. Подробный анализ процессов лексикализации и грамматикализации глагола *pitti* заслуживает отдельного исследования.

3. Семантика глагола *χэјти*

Согласно словарю [Соловар 2014: 332—333], глагол *χэјти* может выражать целый набор очень разнородных значений: 1) ‘тронуть, задеть, коснуться’; 2) ‘удариться’; 3) ‘попасть’; 4) ‘заехать, зайти’; 5) ‘подуть (о ветре)’; 6) ‘метать икру’; 7) ‘желтеть’. Почти тот же список (без значения 6) приводится в [Лозьямова 2020: 311—312], такой же набор значений постулируется для глагола *χэјти* в близком казымском шурышкарском диалекте [Лельхова 2012]. В рамках этого исследования мы сосредоточимся на значениях 1—3 и покажем, как они связаны между собой, а также с семантикой глагола *pitti*.

Примеры из корпусов и материалы, полученные нами в ходе работы с информантами, позволяют обобщить значения 1—3, объединив их под ярлыком *непреднамеренного контакта* (или, по крайней мере, не в полной мере контролируемого). Так, примеры (12) и (13) представляют собой минимальную пару: в первом случае речь идет о неконтролируемой ситуации, во втором — о контролируемой, и эта оппозиция маркируется лексически.

(12) *tām pīt-əλ-a ān χэј-a, kawrəm*.
этот котел-POSS.3SG-DAT NEG задеть-IMP.SG горячий
‘Смотри не задень этот котел, он горячий’.

⁵ На такие примеры приходится 117 из 200 вхождений *pitti* в казымском подкорпусе КХТ и 52 из 70 вхождений в казымской части OUDB. Отметим, однако, что из-за особенностей разметки в статистике по OUDB не учтены включающие глагол *pitti* фразеологизированные сочетания.

- (13) *tām pūt-əl ān ketm-e, kawrəm.*
 этот котел-POSS.3SG NEG тронуть-IMP.SO горячий
 ‘Не трогай этот котел, он горячий’.

Заметим, что ограничение на непреднамеренность контакта для глагола *χэјі* не выводится напрямую из его словарного определения (хотя, по-видимому, и подразумевается автором словаря), поскольку в используемых в дефиниции 1 русских глаголах *тронуть* и *коснуться* противопоставление ‘намеренно’ — ‘ненамеренно’ как раз нейтрализовано, ср. *Спортсмен случайно коснулся рукой сетки vs. коснуться рукой лба, чтобы поправить челку*.

И напротив, в русском языке лексически противопоставляются сильная и слабая степень случайного контакта (ср. *удариться vs. задеть*), в то время как в хантыйском языке этот параметр нейтрализуется: помимо слабого контакта, проиллюстрированного выше примером (12), глагол *χэјі* может обозначать и сильный непреднамеренный контакт, ср. пример (14). По-видимому, этот параметр и лежит в основе разграничения значений 1 и 2 в словаре [Соловар 2014] (1 и 4 в [Лозьямова 2020]), но никак не эксплицируется. В зоне намеренного контакта параметр степени интенсивности взаимодействия двух приведенных в контакт объектов играет роль и в хантыйском языке: слабый контакт может обозначаться глаголом *ketāmti* ‘тронуть, коснуться, трогать’, см. пример (13) выше, сильный — глаголом *χātsāti* ‘ударить, стукнуть’ (15). Сведения о том, какие параметры могут играть роль при выборе глагола контакта, обобщены в таблице 1. Отметим, однако, что их нельзя считать исчерпывающими: поле глаголов контакта включает в себя большое количество лексем, противопоставленных друг другу по целому ряду семантических и грамматических признаков, и требует отдельного рассмотрения (см., например, [Нахрачева 2021]). Здесь мы обсуждаем только параметры, необходимые для представления семантики глагола *χэјі*.

- (14) *an pāsān ewəlt il pit-əs, χət χārij-a χэј-əs pa ar-a šūkat-əs.*
 чашка стол с вниз падать-PST[3SG] пол-DAT задеть-PST[3SG] и много-DAT ломаться-PST[3SG]
 ‘Чашка упала со стола, ударилась об пол и разбилась’.
- (15) *iki pāsān māšək-ən χāts-əs.*
 мужчина стол кулак-LOC ударить-PST[3SG]
 ‘Мужчина ударил кулаком по столу’.

Таблица 1. Некоторые типы контакта и их лексикализация в казымском диалекте хантыйского языка

	Случайный	Намеренный
Сильный контакт	<i>χэјі</i> ‘удариться’	<i>χātsāti</i> ‘ударить, стукнуть’
Слабый контакт	<i>χэјі</i> ‘задеть, тронуть, коснуться’	<i>ketāmti</i> ‘тронуть, коснуться, трогать’

Глагол *χэјі* в значении слабого контакта может также стативизироваться и употребляться в особой конструкции уровня или дистанции, ср. пример (16), а также близкую, но не тождественную русскую конструкцию *X касается Y (Ветка касается окна)*, тоже обозначающую очень маленькое расстояние между двумя объектами. Такое употребление упоминается как подзначение значения 1 в словаре [Соловар 2014], подтверждается корпусными данными и опросами носителей, но не приводится в словаре [Лозьямова 2020].

- (16) *ime-λ tərəm χən ike-λ pitər-ən šāta*
 жена-POSS.3SG небо царь мужчина-POSS.3SG край-LOC там
этās-əl, lānjər-ηəl wət'sa χэј-man.
 сидеть-NPST[3SG] плечо-DU.POSS вместе тронуть-CONV
 ‘Его нареченная возле Небесного царя сидит, их плечи соприкасаются — близко очень сидят’.
 (КХТ: «Мальчик с той стороны»)

Идея случайного контакта закономерно распространяется на ситуации случайного попадания в некоторую цель, ср. ‘молния попала в дерево’, ‘стрела попала ему в руку’ (значение 3 по [Соловар 2014], 2 по [Лозьямова 2020]). От только что рассмотренных ситуаций случайного контакта их отличает обязательный компонент направленного перемещения одного из объектов, закономерным результатом которого становится столкновение этого объекта с некоторым другим. Перемещение может быть намеренно инициировано некоторым волитивным агенсом, и контакт двух объектов может быть вполне желаемым, ср. ‘X попал стрелой в яблоко’. Однако при этом сам процесс перемещения полностью не контролируется,

а потому не в полной мере контролируется и его завершающая фаза — контакт с другим объектом, что, по-видимому, и позволяет использовать в таких контекстах глагол *χɔʒti*, см. (17).

- (17) *aj ike-t m'ač šūk-el išñij-a χɔʒ-əs.*
 мальчик-PL мяч кусок-POSS.3PL окно-DAT попасть- PST[3SG]
 ‘Мяч у мальчишек в окно попал’.

Промежуточный случай между ситуациями случайного контакта, не подразумевающего предварительной фазы направленного перемещения, и попаданием в цель — ситуация случайного столкновения движущегося объекта с препятствием. В таких ситуациях компонент перемещения обязателен, но контакт с другим объектом является не закономерным завершением перемещения, а внезапно прерывающим его фактором. В казымском диалекте хантыйского языка эти промежуточные случаи также описываются глаголом *χɔʒti*, ср. (18).

- (18) *oχəl-ŋən wot'sa χɔʒ-s-əŋən.*
 нарта-DU вместе задеть- PST-3DU
 ‘Две нарты столкнулись’.

4. Зона вариативности: конкуренция *χɔʒti* и *pitti*

В разделах 2 и 3 мы показали, что и глагол *pitti*, и глагол *χɔʒti* могут употребляться в контекстах, соответствующих сфере употребления русского глагола *попасть*. Однако эти контексты были не идентичны для *pitti* и *χɔʒti*, и использование в переводах одного и того же русского эквивалента объясняется в том числе неоднозначностью последнего. В этом разделе мы обсудим подробнее, какие именно значения выделяются внутри зоны попадания, как они связаны между собой и как соотносятся с идеями неконтролируемого движения вниз и случайного непосредственного контакта.

Итак, прототипическое падение сверху вниз — это неконтролируемое перемещение некоторого траектора X из пункта А в пункт В, причем А находится выше В. Результатом такого события становится изменение локализации X-а, причем из-за того, что такое перемещение не контролируется траектором, точка В, в которой он в итоге окажется, т. е. его новая локализация, не в полной мере предсказуема. Во многих языках эта семантика неконтролируемого движения вниз выделяется лексически (ср. русск. *падать*, англ. *fall* и др., см. [Рахилина и др. 2020]), но заведомо не во всех: иногда она обобщается до идеи неконтролируемой смены локализации объекта, вне зависимости от того, движение какого рода и в каком направлении привело к этой смене. Именно такое обобщение (которое с теоретической точки зрения представляет собой пример метонимии, очень близкой к результативной, см. [Падучева 2004]) характерно для хантыйского глагола *pitti*, но не только для него. Аналогичное совмещение значений засвидетельствовано в некоторых кавказских языках (в частности, в нахско-дагестанских агульском [Резникова, Мерданова 2020] и рутульском [Наследскова, Неткачев 2020], а также в абхазо-адыгском адыгейском [Багирикова, Рыжова 2020]). Согласно Каталогу семантических переходов DatSemShift⁶ [Zalizniak et al. 2012; Zalizniak 2018], такая полисемия встречается и в менее экзотических языках, например в скандинавских (норвежском, шведском, исландском) и во французском. С некоторыми оговорками это совмещение может быть постулировано и для русского языка, где глаголы *упасть* и *попасть* очевидно однокоренные.

Если при таком неконтролируемом перемещении конечной точкой оказывается не пространство (понимаемое в широком смысле, как место, где траектор может локализоваться), а другой объект, то результатом такого перемещения становится не новая локализация субъекта, а его контакт с другим объектом. Так мы получаем другое значение в зоне ‘попасть’, которое выше (в разделе 3) мы охарактеризовали как случайное попадание в цель. Оно, в свою очередь, уже близко к семантическому полю глаголов контакта, что также подтверждается типологическими данными, ср., например, англ. *hit the target* или русск. *Молния ударила в дерево* (наряду с *Молния попала в дерево*).

Таким образом, мы имеем дело с континуумом лексических значений, на одном полюсе которого находятся глаголы контакта, на другом — глаголы падения, а в промежутке между ними располагается зона попадания, одна часть которой — попадание в цель — ближе к семантике контакта, а другая — смена локализации — ближе к семантике падения. В казымском диалекте хантыйского языка левая часть этого континуума покрывается глаголом *χɔʒti*, а правая — глаголом *pitti*, в то время как в русском языке два промежуточных значения объединяются глаголом *попасть*, а для полюсов используются свои лексические средства (см. рис. 1).

⁶ <http://datsemshift.ru>

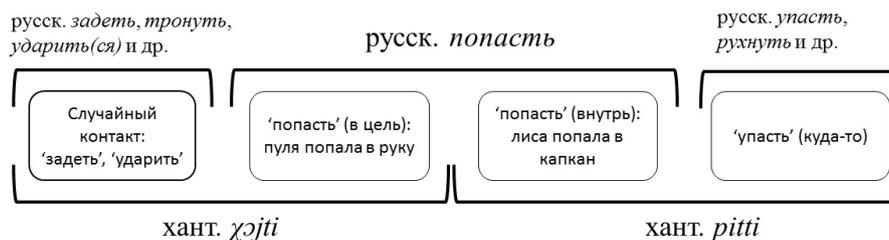

Рис. 1. Лексический континуум между зонами контакта и падения

До сих пор мы говорили в основном о близости значения ‘попасть (в цель)’ к семантике контакта, с одной стороны, и о сходстве между значениями смены локализации (‘попасть (внутри)’ на рис. 1) и падения — с другой. Предположение о том, что промежуточные значения смежны между собой, подкрепляется как будто только русским материалом, а именно глаголом *попасть*, который передает и одно, и другое. Такой способ лексикализации этого фрагмента лексико-семантического пространства, по нашим предварительным данным, скорее редкость: пока нам не встретилось ни одного глагола, который бы, как и *попасть*, объединял два центральных значения континуума и не захватывал при этом ни один из полюсов.

Однако известны случаи, когда лексема, относящаяся к одному из полюсов, распространяется на оба значения из зоны ‘попасть’, а не только на смежное с ней. Так, например, в адыгейском языке глагол падения *-fe-* может обозначать и смену локализации, и попадание в цель [Багирова, Рыжова 2020]. Есть основания предполагать, что аналогичная полисемия характерна и для турецкого базового глагола падения *düşmek* [Кадырова 2020], см. примеры (19—20).

- (19) *Hastane-ye düş-müş.*
 больница-DAT падать-PST2[3SG]
 ‘Он попал в больницу’. [Кадырова 2020: 561]

- (20) *Yıldırım ev-e düş-tü.*
 молния дом-DAT падать-PST
 ‘Молния попала в дом’. (База BivalTyp⁷, пример на реализацию предиката 79 ‘попасть’)

О смежности двух значений из зоны ‘попасть’ свидетельствуют и данные казымского диалекта хантыйского языка, поскольку именно в этой зоне наблюдается вариативность в употреблении глаголов *χəjti* и *pitti*. Так, глагол *pitti* может распространяться на значение попадания в цель. Нам не встретилось таких примеров в корпусах и словарях, но для многих носителей они допустимы, ср. пример (21), полученный нами в ходе элицитации в качестве перевода русского стимула *Стрела попала ему в руку*.

- (21) *jəʃ-əl nəl-ən pit-s-a.*
 рука-POSS.3SG стрела-LOC падать-PST-PASS[3SG]
 ‘Стрела попала ему в руку’.

В свою очередь, глагол *χəjti* расширяется на значение смены локализации. Такие употребления *χəjti* встречаются в корпусе, фиксируются в словаре [Соловар 2014] и упоминаются в [Нахрачева 2021], см. примеры (22—23)⁸.

- (22) *jüχ-eł εsl-əm-t-eł-ən wase-t pilt-a si χəj-λ-ət.*
 палка-POSS.3PL отпустить-PUNCT-IPFV.PART-POSS.3PL-LOC утка-PL перевес-DAT FOC зайти⁹-NPST-3PL
 ‘Когда они отпускают сторожевую палку, утки попадают в перевес’. (KXT: «Перевес»)

- (23) *χəlp-əl χül-ən χəj-s-a.*
 сеть-POSS.3SG рыба-LOC задеть-PST-PASS[3SG]¹⁰
 ‘Рыба попала в сеть’. [Соловар 2014: 332]

⁷ <https://www.bivaltyp.info>

⁸ В словаре [Лозямова 2020] в списке значений глагола *χəjti* есть и ‘попасть’, однако никаких дополнительных экспликаций не дается, и приводится пример только на значение попадания в цель.

⁹ Глагол *χəjti* в значении ‘попасть’, как и глагол *pitti*, глоссируется в корпусе по-разному в разных контекстах: корень может получать переводы «попасть», «зайти» или «тронуть», и система в выборе перевода не всегда прослеживается.

¹⁰ Глоссы мои. — Д. Р.

Вариативность в употреблении *χəjtɪ* и *pitti* мы отобразили на рис. 2. В следующем разделе мы рассмотрим, как она связана с аргументной структурой этих глаголов и с особенностями морфологического кодирования их аргументов.

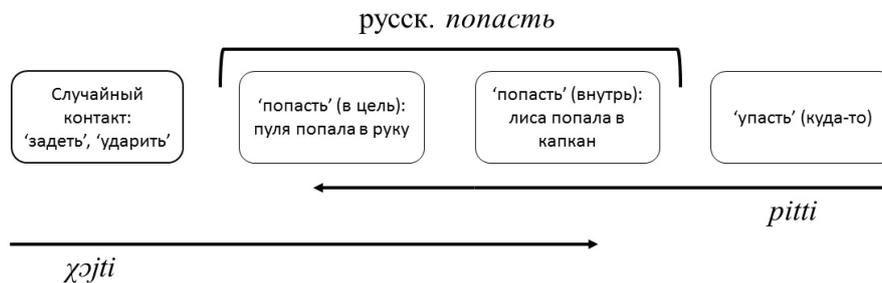

Рис. 2. Зона вариативности *χəjtɪ* и *pitti*.

5. Аргументная структура глаголов *χəjtɪ* и *pitti*

5.1. Оформление актантов при глаголе *pitti*

В предыдущих разделах мы выделили четыре семантические макрозоны, в которых могут употребляться интересующие нас глаголы *χəjtɪ* и *pitti*. Для этих зон характерны несколько разные семантические структуры: разные сценарии и, как следствие, разные наборы участников.

В функции глагола падения *pitti* с аргументно-структурной точки зрения ведет себя в целом как классический глагол движения (ср., например, [Апресян 1974]): он может вводить начальную и конечную точку перемещения, в том числе в рамках одной клаузы (*модель локализованного движения* по [Соловар 2011]), см. (24).

- (24) *an-ew pāsān ewəlt kāt'-ew oχtij-a pit-əs.*
 чашка-POSS.1PL стол с кот-POSS.1PL на-DAT падать-PST[3SG]
 'Чашка упала со стола прямо на кота'.

Между тем этот предикат в большей степени ориентирован на конечную точку, чем на начальную. В этом тоже нет ничего необычного: известно, что такая тенденция характерна для глаголов движения в языках мира, в том числе неродственных, разноструктурных и ареально далеких друг от друга [Ikegami 1987; Johanson et al. 2019; Корецка, Vuillermet 2021 и мн. др.]. Однако ориентация на конечную точку может, в свою очередь, проявляться в разных языках и у разных предикатов в неравной степени [Stefanowitsch, Rodhe 2004; Nikitina 2009], и *pitti*, по-видимому, относится к предикатам, у которых ориентация на цель перемещения выражена особенно ярко.

Это проявляется, во-первых, в морфологическом оформлении его аргументов: начальная точка вводится с помощью послелога *ewəlt* 'с, от', в то время как участник с ролью конечной точки обычно маркируется дативом¹¹, т. е. для кодирования конечной точки требуется меньше морфологического материала (о более коротких формах как о менее маркированных см. [Haspelmath 2021]).

Во-вторых, участник с ролью конечной точки может повышаться до роли субъекта посредством пассивизации; трактор при этом понижается до косвенного участника и оформляется локативом (25). Подробнее о пассиве движения в хантыйском языке см. [Муравьев 2022].

- (25) *pet'a-j-en nūw pūl-ən elti pit-s-a.*
 Петя-EP-POSS.2SG ветка кусок-LOC сверху падать-PST-PASS[3SG]
 'Пете ветка на голову упала'. [Муравьев 2022]

В-третьих, ориентация на конечную точку прослеживается у *pitti* и на синтаксическом уровне, что проявляется, в частности, в его сочетаемости с пространственными превербами. Согласно [Лельхова 2013], в шурышкарском диалекте хантыйского языка глагол *pitti* в значении падения почти всегда выступает в сочетании с превербом *il* 'вниз'. Для казымского диалекта мы фиксируем аналогичную тенденцию, однако в некоторых контекстах наличие преверба все же необязательно. В частности, преверб

¹¹ В некоторых случаях участник с ролью конечной точки перемещения может маркироваться послелогом, оформленным показателем датива [Кошкарева 2018]. Судя по нашим данным, это происходит тогда, когда конечная точка дискурсивно выделена, ср. (24). Однако этот вопрос требует дополнительного изучения.

при глаголе *pitti* имеет тенденцию опускаться при наличии в предложении поверхностно выраженной конечной точки перемещения. Это отмечается в [Ванеян и др. 2020, Соловар 2019] и подтверждается нашими данными, хотя сразу оговоримся, что некоторые носители не придерживаются такой стратегии и не опускают преверб *il* ‘вниз’, даже если участник с ролью конечной точки перемещения выражен поверхностно, ср. пример (26).

- (26) *χət qχtij-a jūχ (il) pit-əs.*
 дом на-DAT дерево вниз падать-PST[3SG]
 ‘Дерево упало на дом’.

Интересно также, что *il* ‘вниз’ выступает в качестве обозначения дефолтной, неспецифицированной конечной точки, в роли которой обычно выступает пол или земля. Так, пример (27) является переводом с русского стимула *Чашка упала со стола на пол*, выдаваемым носителями в качестве первого, базового варианта.

- (27) *an pāsān ewəlt il pit-əs.*
 чашка стол с вниз падать-PST[3SG]
 ‘Чашка упала со стола на пол’.

Для вертикально ориентированных вытянутых объектов небольшого размера, которые могут быть установлены на приподнятой поверхности (ваза, бутылка и т. п.), возможны два типа падения: перемещение всего объекта сверху вниз (с приподнятой поверхности на землю / на пол) vs. потеря вертикальной ориентации, при которой основание объекта никуда не перемещается [Рахилина и др. 2020]. Ситуации первого типа закономерно описываются с помощью преверба *il* ‘вниз’, в то время как в ситуациях второго типа преверб замещается наречием *pelkan* ‘набок’, ср. примеры (28) vs. (29). Подчеркнем, что потеря вертикальной ориентации объектами, которые расположены на базовой поверхности — на земле или на полу, — описывается с помощью преверба *il* ‘вниз’, см. (30).

- (28) *kewan pāsān ewəlt il pit-əs pa ar-a šūkat-əs.*
 бутылка стол с вниз падать-PST[3SG] и много-DAT ломаться-PST[3SG]
 ‘Бутылка упала со стола и разбилась’.

- (29) *kewan pelkan pit-əs pa jīnk-əl χūwat ar-a šōšij-əs. pāsān*
 бутылка набок падать-PST[3SG] и вода-POSS.3SG вдоль много-DAT литься-PST[3SG] стол
 ‘Бутылка упала, и вода разлилась по всему столу’.

- (30) *tūt-en il pit-əs.*
 дерево-POSS.2SG вниз падать-PST[3SG]
 ‘Дерево упало’.

Морфосинтаксический статус (аффикс vs. модификатор vs. аргумент при глаголе) и семантический вклад пространственных превербов при глаголах движения в хантыйском языке еще нуждается в дополнительном исследовании (об их функциях, связанных с актуальным членением высказывания, см. [Кошкарева 2018]). В случае с глаголом *pitti* мы можем предварительно заключить, что при нем слот для участника с ролью конечной точки всегда заполнен — либо именной группой, либо наречием, либо превербом.

В тех случаях, когда *pitti* передает значение смены локализации (‘попасть (внутри)’), аргументы при нем получают такое же морфосинтаксическое оформление, как и при глаголе *pitti* в значении падения, см. примеры (6)—(7). Различие, однако, состоит в том, что начальная точка перемещения почти никогда не выражается, а поверхностное выражение конечной точки дополнительно распределено с наличием пространственного преверба еще более последовательно.

Тем самым, морфосинтаксическое кодирование аргументов глагола *pitti* в значениях ‘упасть’ и ‘попасть’ одинаково, и в целом провести границу между этими двумя типами употреблений *pitti* не всегда просто. Эта полисемия очень давняя: она фиксируется в этимологическом словаре [Steiniz 1966] и характерна, в том числе, для мансийского когната *pitti patuŋkw*, см. [Харитонов, Жорник 2021]. Можно сказать, что *pitti* — это не столько глагол падения, сколько предикат с более общим значением неконтролируемой смены локализации, или, другими словами, вхождения в некоторое новое локативное состояние.

Эта гипотеза хорошо согласуется с характерной для *pitti* тенденцией к выделению конечной точки по сравнению с начальной, а также поддерживается набором переносных значений *pitti* (и даже в большей степени — его мансийского когната *patuŋkw*). Как мы уже упоминали в разделе 2, *pitti* грамматикализуется в показатель инхоатива и обозначает вхождение в любое состояние, уже не только пространственное, или начало процесса, см. (31), — значения, логично вытекающие из семантики смены локализации.

- (31) *śǎlta lǎw wǎš-ǎl-a jǒxi mǎn-ǎs pa jǎlli wǒl-ti pít-ǎs.*
 потом он город-3SG-DAT домой идти-PST и вперед жить-IPFV.PART стать-PST
 ‘Потом он в город вернулся и стал дальше жить’. (КХТ: «Богатырь»)

Кроме того, такой взгляд на семантику *pitti* позволяет объяснить обязательность употребления при нем пространственных превербов, которая снимается при наличии в высказывании поверхностно выраженной конечной точки. Коллексификация значения ‘упасть’ со значением ‘попасть’ приводит к тому, что глагольный корень сам по себе не может кодировать направление движения (компонент Path в терминологии [Talmy 1985, 2000])¹². Функция кодирования компонента Path (т. е. направления перемещения) при глаголе *pitti* переходит к сателлиту, роль которого в казымском диалекте хантыйского языка выполняют как раз пространственные превербы. В тех же случаях, когда в ситуации перемещения явно определена конечная точка, в дополнительном маркировании направления движения нет необходимости (см. [Ungerer, Schmidt 1996]), и преверб может быть опущен.

5.2. Морфологическое кодирование актантов при глаголе *χjti*

Как мы уже говорили выше, в ситуации случайного контакта есть два основных фигуранта: два соприкасающихся или соударяющихся (в зависимости от силы контакта) объекта. Поскольку контакт случаен, участники почти равноправны: ни один из них не оказывает намеренного воздействия на другой. Различие между ними, однако, состоит в том, что один обычно находится в движении (контролируемом или нет, но заведомо не направленном в сторону второго участника) и, тем самым, становится причиной контакта. Этот движущийся объект обладает более агентивным статусом, а неподвижный, соответственно, более пациентивным (согласно [Dowty 1991]). Агентивный участник при глаголе *χjti*, выступающем в значении случайного контакта, оформляется номинативом (т. е. не маркируется), а пациентивный — дативом, см. (33)¹³.

- (33) *kinška-j-en il pit-m-ǎl-ǎn waza-j-a χj-ǎs.*
 книга-EP-POSS.2SG вниз падать-PFV.PART-3SG-LOC ваза-EP-DAT задеть-PST[3SG]
 ‘Когда книга падала, она задела вазу’.

Поскольку *χjti* предполагает точечный контакт, иногда в высказывании уточняется, какими именно частями объекты соприкоснулись. Чаще всего для этого используется посессивная конструкция, в которой точка приложения оформляется показателем посессива, согласующимся по лицу и числу с посессором, а сам посессор не является прямым зависимым глагола, см. (34).

- (34) *kǎnš ǎlŋ-em pǎsan-a χj-ǎs.*
 локоть-POSS.1SG стол-DAT задеть-PST[3SG]
 ‘Я ударился локтем об стол’. [Соловар 2014: 129]¹⁴

Возможно, однако, и расщепление валентности агентивного участника (в терминах [Апресян 2006]), которое можно рассматривать также как подъем посессора. В таких случаях посессор оформляется номинативом, а точка приложения — локативом, и обе именные группы синтаксически зависят непосредственно от предиката, см. (35).

- (35) *ma kǎr-ǎn m’ǎč šǎk-a χj-s-ǎm.*
 я нога-LOC мяч кусок-DAT задеть-PST-1SG
 ‘Я (случайно) попал ногой по мячу’.

Значение попадания в цель также предполагает двух основных участников, но с несколько иными ролями: это движущийся объект (траектор или тема) и объект, который условно можно назвать мише-

¹² Так, пример (32) можно понять двояко: мешок либо упал в грязь, либо просто испачкался (т. е. «попал» в грязь). Такие примеры не приветствуются носителями: в подобных случаях наши респонденты предпочитали использовать более специализированный глагол *rǎkanti* ‘падать’ для снятия неоднозначности в пользу семантики падения.

- (32) *xir ǒxǎl ewǎlt wǒslǎx-a rǎkn-ǎs / ?pít-ǎs.*
 мешок нарта с грязь-DAT падать-PST[3SG]
 ‘Мешок упал с нарты в грязь’.

¹³ В ситуации, когда оба объекта находятся в движении и, соответственно, равноправны, используется симметричная реципрокальная конструкция, см. (18).

¹⁴ Глоссы мои. — Д. Р.

нью-пациенсом — его «поражением» оканчивает свое перемещение траектор. Поскольку перемещение траектора может быть кем-то каузировано, в структуре ситуации может также присутствовать агенс-каузатор. Мишень-пациенс при глаголе *χэјтi* в значении ‘попасть’ оформляется дативом, траектор — номинативом. Агенс-каузатор кодируется подобно агентивному участнику в ситуациях случайного контакта: либо оформляется с помощью посессивной конструкции (17), либо выдвигается в позицию субъекта, а траектор при этом маркируется локативом (36). В ситуации попадания в цель из оружия оружие оформляется либо как инструмент, т. е. локативом, либо как начальная точка перемещения, т. е. последогом *ewəłt* ‘с, от’ (37).

(36) *aj ike-t m'ač šūk-ən išńij-a χэј-s-ət.*
 мальчик-PL мяч кусок-LOC окно-DAT задеть-PST-3PL
 ‘Мальчишки попали мячом в окно’.

(37) *waśa-j-en (joxł-ən / pōškan ewəłt) tōχłəŋ_wəj-a χэј-əs.*
 Вася-EP-POSS.2SG (лук-LOC / ружье с) птица-DAT задеть-PST[3SG]
 ‘Вася попал (из лука / из ружья) в птицу’.

Таким образом, мы видим, что при глаголе *χэјтi* (и в значении случайного контакта, и в значении попадания в цель) участник с ролью мишени-пациенса оформляется так же, как конечная точка при глаголах движения — показателем датива. Этот участник при *χэјтi* имеет столь же высокий статус, что и конечная точка при *pitti*: он тоже может повышаться до позиции субъекта при пассивизации, см. (23) выше, а также не может быть опущен, ср. (38).

(38) *ma il pit-s-ət pa oχ-əm-ən *(kew šop-a) χэј-s-ət.*
 я вниз падать-PST-1SG и голова-POSS.1SG-LOC камень кусок-DAT попасть-PST-1SG
 ‘Я упал и ударился *(о камень) головой’.

Обращает на себя внимание непереходность глагола *χэјтi*. С типологической точки зрения такое морфосинтаксическое оформление актантов неудивительно для предиката со значением попадания в цель, см., например, статистику по данным проекта BivalTur, в рамках которого собраны данные о типах кодирования участников при 130 двухместных предикатах в 80 языках [Сай 2018], приведенную на рис. 3.

Рис. 3. Распределение паттернов кодирования участников при предикате ‘попасть’ по данным BivalTur. Красным отмечены языки, в которых предикат со значением ‘попасть (в цель)’ переходный, а желтым — языки, в которых пациентивный участник кодируется косвенными средствами.

Однако для глагола контакта такая модель управления скорее необычна. Это особенно очевидно для глаголов намеренного контакта, ср. предикат ‘ударить’, которому почти во всех языках выборки BivalTur соответствует переходный глагол (рис. 4). Для глаголов ненамеренного контакта (лучше всего в базе BivalTur этой семантике соответствует предикат ‘дотронуться’) эта тенденция выражена не так

ярко, но все равно прослеживается (рис. 5)¹⁵. В работе [Соловар 2011] модель воздействия субъекта на объект также предполагает только переходное оформление актантов, однако глагол *χʒiti* среди представителей этой семантической группы не упоминается. Г. Л. Нахрачева указывает переходную модель в качестве базовой для хантыйских глаголов прикосновения, причем центральным глаголом этой зоны автор предлагает считать именно *χʒiti* [Нахрачева 2021].

Рис. 4. Распределение паттернов кодирования участников при предикате ‘ударить’ по данным BivalTur.

Рис. 5. Распределение паттернов кодирования участников при предикате ‘дотронуться’ по данным BivalTur.

Согласно нашим данным, глагол *χʒiti* используется в переходной конструкции, но лишь эпизодически. Такие примеры приводятся в словаре [Соловар 2014], см. (39), встречаются в корпусе и подтвер-

¹⁵ Заметим, однако, что эта статистика во многом зависит от выбора основного варианта перевода стимула из анкеты проекта: (*Стена недавно была покрашена*). П. *дотронулся до стены (и испачкался)*. В русском языке для описания подобной ситуации могли бы использоваться глаголы с разными моделями управления, в том числе переходные, ср. *тронул/задел стену*. Лексико-семантические различия между этими глаголами еще не вполне очевидны, а потому сложно подобрать контексты, которые позволили бы их однозначно различить.

ждаются носителями. Однако в целом модель, при которой мишень-пациенс оформляется дативом, в корпусе скорее преобладает (из 16 употреблений *χэјti* в значении физического воздействия в подкорпусе казымского диалекта КХТ только в одном случае очевидно, что участники кодируются по переходной модели; среди 7 примеров в OUDB такого нет ни одного), и именно дативная модель выдается нашими консультантами в качестве основного варианта.

- (39) *as-el mewəl-an χэј-s-əle.*
отец-POSS.3SG грудь-LOC задеть-PST-3SG.SO
'Он отца грудью задел'. [Соловар 2014: 167]¹⁶

Можно предположить, что модель управления *χэјti* изначально была переходной, а затем изменилась под воздействием глагола *pitti*, с которым *χэјti* сближается в зонах попадания в цель и смены локализации. Если это действительно так, то такой морфосинтаксический эффект можно считать дополнительным обоснованием для постулирования семантического континуума между зонами контакта и падения, схематически изображенного на рис. 1 и 2: смежность этих значений подтверждается не только лексической, но и морфосинтаксической вариативностью в соответствующих зонах.

Это предположение можно было бы подтвердить или опровергнуть, проверив на типологическом материале, насколько часто по языкам мира непереходное кодирование второго участника (мишени-пациенса) при предикате 'попасть (в цель)' совпадает с маркированием конечной точки при глаголах движения. К сожалению, база VivalTur не позволяет этого сделать, поскольку в ней не представлены предикаты движения — как имеющие прототипически больше двух валентностей. Однако казымский диалект хантыйского языка, в котором в зоне попадания используется глагол контакта, требующий при этом морфосинтаксического кодирования участников по модели глаголов падения, наглядно показывает, что такое типологическое исследование может дать интересные результаты.

6. Заключение

Мы рассмотрели нетривиальный фрагмент лексической системы казымского диалекта хантыйского языка и определили область и причины конкуренции двух глаголов с очень далекими друг от друга, как кажется на первый взгляд, исходными значениями.

Этот анализ позволил нам выявить лексико-семантическую зону, интересную для дальнейших типологических исследований: область, которую условно можно назвать зоной попадания. Необычность ее состоит в том, что она находится на стыке по крайней мере двух семантических полей: зоны контакта и зоны падения. Поскольку и для области контакта, и для поля падения она периферийна, она обычно ускользает от внимания исследователей. Так, семантика 'попасть' почти совсем не рассматривается в сборнике по типологии глаголов падения [Рахилина и др. 2020], соответствующих значений либо совсем нет в лексико-типологических базах (например, в базе колексификаций CLICS), либо они представлены там очень скудно (например, в Каталоге семантических переходов DatSemShift).

Между тем с теоретической точки зрения эта зона очень интересна именно из-за промежуточности своего положения. Неизвестно, находится ли она на стыке двух или более полей, возможны ли дополнительные лексические противопоставления внутри самой зоны попадания (ср. русск. *попасть* vs. *оказаться*, *очутиться* и даже *появиться* и *нарисоваться*), как устроена зона контакта и с какой именно ее частью смежно попадание. Всё это еще только предстоит выяснить.

Кроме того, хантыйский материал обнаруживает еще один интересный аспект этой семантической смежности — морфосинтаксический. Соседство может проявляться не только в «заимствовании» слов из соседних полей, но и в «заимствовании» морфосинтаксических моделей, что, насколько нам известно, до сих пор очень редко попадало в центр внимания лексических типологов и тоже нуждается в системном анализе на широком типологическом материале.

Сокращения

Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо
ATTR — атрибутивизатор
CAR — каритив

CONV — конверб
DAT — датив
DIM — диминутив

DU — двойственное число
EP — эпентеза
EV — эвиденциальная форма

¹⁶ Глоссы мои. — Д. Р.

FOC — фокус	NSG — неединственное число	PST — прошедшее время
IMP — императив	PART — причастие	PST2 — второе прошедшее время
IPFV — имперфектив	PASS — пассив	PUNCT — пунктив
LOC — локатив	PFV — перфектив	SG — единственное число
NEG — отрицательная частица	PL — множественное число	SO — субъектно-объектное согласование
NPST — непрошедшее время	POSS — посессив	

Источники

KXT — Корпус текстов на хантыйском языке, собранный Е. В. Кашкиным в рамках Программы фундаментальных исследований президиума РАН «Корпусная лингвистика» (2012—2014 гг.).

BivalTyp — S. Say (Ed.). *BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS // <https://www.bivaltyp.info>, 2020. (Дата обращения 16.02.2022).

CLICS — C. Rzymiski, T. Tresoldi, S. J. Greenhill, M. S. Wu, N. E. Schweikhard, M. Koptjevskaja-Tamm, V. Gast, T. A. Bodt, A. Hantgan, G. A. Kaiping, S. Chang, Y. Lai, N. Morozova, H. Arjava, N. Hübler, E. Koile, S. Pepper, M. Proos, B. Van Epps, I. Blanco, C. Hundt, S. Monakhov, K. Pianykh, S. Ramesh, R. D. Gray, R. Forkel, J.-M. List. *The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies*. DOI: 10.1038/s41597-019-0341-x // <https://clics.clld.org/>, 2019. (Дата обращения 16.02.2022).

DatSemShift — A. Zalizniak, A. Smirnitckaya, M. Russo, I. Gruntov, T. Maisak, D. Ganenkov, M. Bulakh, M. Orlova, M. Bobrik-Fremke, O. Dereza, T. Mikhailova, M. Bibaeva, M. Voronov. *Database of Semantic Shifts*. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences // <http://datsemshift.ru/>, 2016—2020. (Дата обращения 16.02.2022).

OUDB — Data from Ob-Ugric database: analysed text corpora and dictionaries for less described Ob-Ugric dialects // www.oudb.gwi.uni-muenchen.de/, 2014—2017. (Дата обращения 16.02.2022).

Литература

Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. *Лексическая семантика: синонимические средства языка*. М., 1974.

Апресян 2006 — Ю. Д. Апресян. Типы соответствия семантических и синтаксических актантов // Проблемы типологии и общей лингвистики. Междунар. конф., посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича / Сост., ред. В. С. Храковский, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика. СПб., 2006. С. 15—27.

Багирова, Рыжова 2020 — И. Г. Багирова, Д. А. Рыжова. Метафоры глаголов падения в адыгейском языке // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2020, 5 (79). С. 69—86.

Ванеян и др. 2020 — С. С. Ванеян, С. Ю. Толдова, В. А. Железнова (Наумова). Глаголы падения в хантыйском языке // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН*. 2020, 16 (1). С. 435—461.

Кашкин 2017 — Е. В. Кашкин. Лексика уральских языков и типология: опыт исследования хантыйских глаголов падения // *Материалы конф., посвященной 85-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой*. МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. URL: <http://darwin.philol.msu.ru/library/seminars/aik85konf/Kashkin.pdf>.

Кошкарева 2018 — Н. Б. Кошкарева. Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2018. Т. 17. № 9. С. 53—65.

Кошкарева, Соловар 2007 — Н. Б. Кошкарева, В. Н. Соловар. Увты муй ўвты: курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект). Новосибирск, 2007.

Лельхова 2012 — Ф. М. Лельхова. *Словарь глаголов хантыйского языка (шурышкарский диалект)*. Ханты-Мансийск, 2012.

Лельхова 2013 — Ф. М. Лельхова. Семантическая структура глаголов движения *питты*, *рйкэнтты* ‘падать’ в хантыйском языке // *Вестн. угроведения*. 2013, 4 (15). С. 52—57.

Лельхова 2014 — Ф. М. Лельхова. Глаголы вертикального движения с семантикой «падать» в хантыйском языке // *Вестн. Кем. гос. ун-та*. 2014, 4 (60) (1). С. 164—167.

Лозямова 2020 — З. Н. Лозямова. *Хантыйско-русский словарь (казымский диалект)*. Тюмень, 2020.

Муравьев 2022 — Н. А. Муравьев. Адверсативный пассив от глаголов направленного движения в казымском диалекте хантыйского языка // *Сибирский филологический журнал*. 2022, 2. С. 201—219.

Наследкова, Неткачев 2020 — П. Л. Наследкова, И. В. Неткачев. К описанию семантического поля падения в рутульском языке // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН*. 2020, 16 (1). С. 801—818.

Наумова 2019 — В. А. Наумова. К типологии метафор: глаголы падения. Маг. дисс. М., 2019.

Нахрачева 2021 — Г. Л. Нахрачева. Семантика глаголов прикосновения в хантыйском языке // *Филологический аспект*. 2021, 6 (74). С. 36—42.

- Падучева 2004 — *Е. В. Падучева*. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Рахилина, Резникова 2013 — *Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова*. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013, 2. С. 3—31.
- Рахилина и др. 2020 — Типология глаголов падения / Ред. *Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Д. А. Рыжова*. Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН [Специальный выпуск]. 2020, 16 (1).
- Резникова, Мерданова 2020 — *Т. И. Резникова, С. П. Мерданова*. Как языку обойтись без глаголов падения: семантическое поле неконтролируемого перемещения вниз в агульском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. 2020, 16 (1). С. 757—785.
- Резникова и др. 2020 — *Т. И. Резникова, Е. В. Рахилина, Д. А. Рыжова*. Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. 2020, 16 (1). С. 9—63.
- Сай 2018 — Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках / Ред. *С. С. Сай*. СПб., 2018.
- Соловар 2011 — *В. Н. Соловар*. Парадигма простого предложения в хантыйском языке: на материале казымского диалекта. Дисс. ... докт. филол. наук. Йошкар-Ола, 2011.
- Соловар 2014 — *В. Н. Соловар*. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень, 2014.
- Соловар 2019 — *В. Н. Соловар*. Картина мира хантыйского языка: семантические особенности хантыйских глаголов с превербами *ул* и *ким/кэм* (на фоне мансийского языка) // Хантыйский мир через призму разноструктурных языков. Ханты-Мансийск, 2019. С. 149—187.
- Харитонов, Жорник 2021 — *В. С. Харитонов, Д. О. Жорник*. Модель полисемии глагола *патууке(е)* в мансийском языке // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции XIX Югорские чтения (1 декабря 2020 года, Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск, 2021. С. 91—109.
- Dowty 1991 — *D. Dowty*. Thematic proto-roles and argument selection // Language. 1991, 67. P. 547—619.
- Haspelmath 2021 — *M. Haspelmath*. Explaining grammatical coding asymmetries: Form–frequency correspondences and predictability // Journal of Linguistics. 2021, 57 (3). P. 605—633.
- Honti 1986 — *L. Honti*. Chrestomathia ostiacica. Budapest, 1986.
- Ikegami 1987 — *Y. Ikegami*. «Source» vs. «goal»: A case of linguistic dissymmetry // Concepts of Case / Eds. *R. Dirven, G. Radden*. Tübingen, 1987. P. 122—146.
- Johanson et al. 2019 — *M. Johanson, S. Selimis, A. Papafragou*. The Source-Goal asymmetry in spatial language: language-general vs. language-specific aspects // Language, Cognition and Neuroscience. 2019, 7 (34). P. 826—840.
- Kopecka, Vuillermet 2021 — Source — Goal (a)symmetries across languages. Special issue of Studies in Language. Vol. 45. Iss. 1 / Eds. *A. Kopecka, M. Vuillermet*. Amsterdam, 2021.
- Kuteva et al. 2019 — *T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee*. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge, 2019.
- Nikitina 2009 — *T. Nikitina*. Subcategorization pattern and lexical meaning of motion verbs: a study of the source/goal ambiguity // Linguistics. 2009, 5 (47). P. 1113—1141.
- Nikolaeva 1999 — *I. Nikolaeva*. Ostyak. Languages of the World/Materials, 305. Muenchen, 1999.
- Stefanowitsch, Rohde 2004 — *A. Stefanowitsch, A. Rohde*. The goal bias in the encoding of motion events // Studies in linguistic motivation / Eds. *G. Radden, K.-U. Panther*. Berlin; New-York, 2004. P. 249—267.
- Steinitz 1966 — *W. Steinitz*. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966.
- Talmy 1985 — *L. Talmy*. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms // Language typology and lexical description. Vol. 3. Grammatical categories and the lexicon / Ed. *T. Shopen*. Cambridge, 1985. P. 36—149.
- Talmy 2000 — *L. Talmy*. Toward a cognitive semantics. Vol. 2. 2. Typology and process in concept structuring. Cambridge, MA, 2000.
- Ungerer, Schmidt 1996 — *F. Ungerer, H.-J. Schmidt*. An introduction to Cognitive Linguistics. London, 1996.
- Zalizniak 2018 — *A. Zalizniak*. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later // Russian Journal of Linguistics. 2018, 4 (22). P. 770—787.
- Zalizniak et al., 2012 — *A. Zalizniak, M. Bulakh, D. Ganenkov, I. Gruntov, T. Maisak, M. Russo*. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // New directions in lexical typology. Special issue of Linguistics. 2012, 3 (50) / Eds. *M. Koptjevskaja-Tamm, M. Vanhove*. P. 633—669.

Sources

- BivalTyp — *S. Say* (ed.). BivalTyp: Typological database of bivalent verbs and their encoding frames. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, RAS // <https://www.bivaltyp.info>, 2020. (Accessed on 16.02.2022).
- CLICS — *C. Rzymiski, T. Tresoldi, S. J. Greenhill, M. S. Wu, N. E. Schweikhard, M. Koptjevskaja-Tamm, V. Gast, T. A. Bodt, A. Hantgan, G. A. Kaiping, S. Chang, Y. Lai, N. Morozova, H. Arjava, N. Hübler, E. Koile, S. Pepper, M. Proos*,

B. Van Epps, I. Blanco, C. Hundt, S. Monakhov, K. Pinykh, S. Ramesh, R. D. Gray, R. Forkel, J.-M. List. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies. DOI: 10.1038/s41597-019-0341-x // <https://clics.ellid.org/>, 2019. (Accessed on 16.02.2022).

DatSemShift — A. Zalizniak, A. Smirnit'skaya, M. Russo, I. Gruntov, T. Maisak, D. Ganenkov, M. Bulakh, M. Orlova, M. Bobrik-Fremke, O. Dereza, T. Mikhailova, M. Bibaeva, M. Voronov. Database of Semantic Shifts. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences // <http://datsemshift.ru/>, 2016—2020. (Accessed on 16.02.2022).

KKHT — Korpus tekstov na khantyiskom yazyke. E. V. Kashkin. Programma fundamental'nykh issledovaniy prezidiuma RAN «Korpusnaya lingvistika» {The Khanty texts corpus by E. Kashkin within the program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences “Corpus Linguistics”} (2012—2014). Restricted collection.

OUDB — Data from Ob-Ugric database: analysed text corpora and dictionaries for less described Ob-Ugric dialects // www.oudb.gwi.uni-muenchen.de/, 2014—2017. (Accessed on 16.02.2022).

References

Apresyan 1974 — Ju. D. Apresyan. Leksicheskaya semantika: sinonimicheskie sredstva yazyka. M., 1974. {Ju. D. Apresyan. Lexical semantics. Synonymic means of language. Moscow, 1974.}

Apresyan 2006 — Ju. D. Apresyan. Tipy sootvetstviya semanticheskikh i sintaksicheskikh aktantov. In: Problemy tipologii i obshchei lingvistiki. Mezhdunar. konf., posvyashchennaya 100-letiyu so dnya rozhdeniya prof. A. A. Kholodovicha / Sost., red. V. S. Khrakovskii, S. Yu. Dmitrenko, N. M. Zaika. SPb., 2006. S. 15—27. {Ju. D. Apresyan. Correspondence types of semantic and syntactic arguments. In: Problems of typology and general linguistics. International conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of prof. A. A. Kholodovich / Eds. V. S. Khrakovskii, S. Yu. Dmitrenko, N. M. Zaika. Saint-Petersburg, 2006. P. 15—27.}

Bagirokova, Ryzhova 2020 — I. G. Bagirokova, D. A. Ryzhova. Metaforы glagolov padeniya v adygeiskom yazyke. In: Izv. RAN. Ser. lit. i yaz. 2020, 5 (79). S. 69—86. {I. G. Bagirokova, D. A. Ryzhova. Metaphors of the Adyghe verbs of falling. In: The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language. 2020, 5 (79). P. 69—86.}

Dowty 1991 — D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection. In: Language. 1991. № 67. P. 547—619.

Haspelmath 2021 — M. Haspelmath. Explaining grammatical coding asymmetries: Form–frequency correspondences and predictability // Journal of Linguistics. 2021, 57 (3). P. 605–633.

Honti 1986 — L. Honti. Chrestomathia ostiacica. Budapest, 1986.

Ikegami 1987 — Y. Ikegami. “Source” vs. “goal”: A case of linguistic dissymmetry. In: Concepts of Case / Eds. R. Dirven, G. Radden. Tübingen, 1987. P. 122—146.

Johanson et al. 2019 — M. Johanson, S. Selimis, A. Papafragou. The Source-Goal asymmetry in spatial language: language-general vs. language-specific aspects. In: Language, Cognition and Neuroscience. 2019, 7 (34). P. 826—840.

Kashkin 2017 — E. V. Kashkin. Leksika ural'skikh yazykov i tipologiya: opyt issledovaniya khantyiskikh glagolov padeniya. In: Materialy konf., posvyashchennoi 85-letiyu so dnya rozhdeniya A. I. Kuznetsovoi. MGU imeni M. V. Lomonosova, 2017. URL: <http://darwin.philol.msu.ru/library/seminars/aik85konf/Kashkin.pdf>. {E. V. Kashkin. Vocabulary of the Uralic languages and typology: the case of the Khanty verbs of falling. In: Proceedings of the conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of A. I. Kuznetsova. Lomonosov Moscow State University, 2017. URL: <http://darwin.philol.msu.ru/library/seminars/aik85konf/Kashkin.pdf>.}

Kharitonov, Zhornik 2021 — V. S. Kharitonov, D. O. Zhornik. Model' polisemii glagola *patunkw(e)* v mansiiskom yazyke. In: Korennye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: traditsii i innovatsii. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii XIX Yugorskie chteniya (1 dekabrya 2020 goda, Khanty-Mansiisk). Khanty-Mansiisk, 2021. S. 91—109. {V. S. Kharitonov, D. O. Zhornik. Model of polysemy of the verb *patunkw(e)* in the Mansi language. In: Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations. Proceedings of the Russian Scientific and Practical Conference 19th Yugra Readings (December 1, 2020, Khanty-Mansiysk). Khanty-Mansiysk, 2021. P. 91—109.}

Kopecka, Vuillermet 2021 — Source — Goal (a)symmetries across languages. In: Special issue of Studies in Language. Vol. 45. Iss. 1 / Eds. A. Kopecka, M. Vuillermet. Amsterdam, 2021.

Koshkareva 2018 — N. B. Koshkareva. Bytiino-prostranstvennyye tipovye sintaksicheskyye struktury i ikh semantika v khantyiskom i nenetskom yazykakh. In: Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2018. Vol. 17. Iss. 9. S. 53—65. {N. B. Koshkareva. Existential-spatial typical syntactic structures and their semantics in the Khanty and Nenets languages. In: Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History and Philology. 2018. Vol. 17. Iss. 9. P. 53—65.}

Koshkareva, Solovar 2007 — N. B. Koshkareva, V. N. Solovar. Uvty mui žvty: kurs prakticheskoi fonetiki khantyiskogo yazyka (kazym'skii dialekt). Novosibirsk, 2007. {N. B. Koshkareva, V. N. Solovar. Öwti möj üwti: course of practical phonetics of the Khanty language (Kazym dialect). Novosibirsk, 2007.}

Kuteva et al. 2019 — T. Kuteva, B. Heine, B. Hong, H. Long, H. Narrog, S. Rhee. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge, 2019.

- Lel'khova 2012 — *F. M. Lel'khova*. Slovar' glagolov khantyiskogo yazyka (shuryshkarskii dialekt). Khanty-Mansiisk, 2012. {*F. M. Lel'khova*. Dictionary of verbs of the Khanty language (Shuryshkary dialect). Khanty-Mansiisk, 2012.}
- Lel'khova 2013 — *F. M. Lel'khova*. Semanticheskaya struktura glagolov dvizheniya *pitti, räkanti* 'padat' v khantyiskom yazyke. In: Vestn. ugrovedeniya. 2013, 4 (15). S. 52—57. {*F. M. Lel'khova*. Semantic structure of the verbs of motion *pitti, räkanti* 'fall' in the Khanty language. In: Bulletin of Ugric studies. 2013, 4 (15). P. 52—57.}
- Lel'khova 2014 — *F. M. Lel'khova*. Glagoly vertikal'nogo dvizheniya s semantikoi "padat" v khantyiskom yazyke. In: Vestn. Kem. gos. un-ta. 2014, 4 (60) (1). S. 164—167. {*F. M. Lel'khova*. Verbs of vertical motion with the semantics of falling in the Khanty language. In: Bulletin of Kemerovo State University. 2014, 4 (60) (1). P. 164—167.}
- Lozhamova 2020 — *Z. N. Lozhamova*. Khantyisko-russkii slovar' (kazymskii dialekt). Tyumen', 2020. {*Z. N. Lozhamova*. Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect). Tyumen, 2020.}
- Murav'ev 2022 — *N. A. Murav'ev*. Adversativnyi passiv ot glagolov napravlenno dvizheniya v kazymskom dialekte khantyiskogo yazyka. In: Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2022, 2. S. 201—219. {*N. A. Murav'ev*. Adversative passive from verbs of directed motion in Kazym Khanty. In: Siberian Journal of Philology. 2022, 2. P. 201—219.}
- Nakhracheva 2021 — *G. L. Nakhracheva*. Semantika glagolov prikosnoveniya v khantyiskom yazyke. In: Filologicheskii aspekt. 2021, 6 (74). P. 36—42. {*G. L. Nakhracheva*. Semantics of verbs of touching in the Khanty language. In: Filologicheskii aspekt. 2021, 6 (74). P. 36—42.}
- Nasledskova, Netkachev 2020 — *P. L. Nasledskova, I. V. Netkachev*. K opisaniyu semanticheskogo polya padeniya v rutul'skom yazyke. In: Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN. 2020, 16 (1). P. 801—818. {*P. L. Nasledskova, I. V. Netkachev*. Towards a description of the semantic field 'falling' in Rutul. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2020, 16 (1). P. 801—818.}
- Naumova 2019 — *V. A. Naumova*. K tipologii metafor: glagoly padeniya. Mag. diss. M., 2019. {*V. A. Naumova*. Towards the typology of metaphors: verbs of falling. Master thesis. Moscow, 2019.}
- Nikitina 2009 — *T. Nikitina*. Subcategorization pattern and lexical meaning of motion verbs: a study of the source/goal ambiguity. In: Linguistics. 2009, 5 (47). P. 1113—1141.
- Nikolaeva 1999 — *I. Nikolaeva*. Ostyak. Languages of the World/Materials, 305. Muenchen, 1999.
- Paducheva 2004 — *E. V. Paducheva*. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki. M., 2004. {*E. V. Paducheva*. Dynamic models in lexical semantics. Moscow, 2004.}
- Rakhilina et al. 2020 — *E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova, D. A. Ryzhova* (red.). Tipologiya glagolov padeniya. In: Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN [Spetsial'nyi vypusk]. 2020, 16 (1). {*E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova, D. A. Ryzhova* (eds.). The typology of the verbs of falling. In: Acta Linguistica Petropolitana [Special issue]. 2020, 16 (1).}
- Rakhilina, Reznikova 2013 — *E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova*. Freimovyi podkhod k leksicheskoi tipologii. In: Voprosy yazykoznaniiya. 2013, 2. P. 3—31. {*E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova*. Frame-based approach to lexical typology. In: Voprosy yazykoznaniiya. 2013, 2. P. 3—31.}
- Reznikova et al. 2020 — *T. I. Reznikova, E. V. Rakhilina, D. A. Ryzhova*. Glagoly padeniya v yazykakh mira: freimy, parametry i tipy sistem. In: Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN. 2020, 16 (1). P. 9—63. {*T. I. Reznikova, E. V. Rakhilina, D. A. Ryzhova*. Verbs of falling in the languages of the world: frames, parameters, and types of the systems. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2020, 16 (1). P. 9—63.}
- Reznikova, Merdanova 2020 — *T. I. Reznikova, S. R. Merdanova*. Kak yazyku oboitis' bez glagolov padeniya: semanticheskoe pole nekontroliruemogo peremeshcheniya vniz v agul'skom yazyke. In: Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN. 2020, 16 (1). P. 757—785. {*T. I. Reznikova, S. R. Merdanova*. Doing without verbs of falling: the semantic domain of uncontrolled downward motion in Aghul. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2020, 16 (1). P. 757—785.}
- Sai 2018 — Valentnostnye klassy dvukhmestnykh predikatov v raznostrukturnykh yazykakh / Ed. *S. S. Sai*. SPb., 2018. {Valence classes of two-place predicates in languages of different structures / Ed. *S. S. Sai*. Saint-Petersburg, 2018.}
- Solovar 2011 — *V. N. Solovar*. Paradigma prostogo predlozheniya v khantyiskom yazyke: na materiale kazym'skogo dialekta. Diss. ... dokt. filol. nauk. Ioshkar-Ola, 2011. {*V. N. Solovar*. Paradigm of a simple sentence in the Khanty language: Kazym dialect. PhD thesis. Ioshkar-Ola, 2011.}
- Solovar 2014 — *V. N. Solovar*. Kartina mira khantyiskogo yazyka: semanticheskie osobennosti khantyiskikh glagolov s preverbami *il* i *kim/kem* (na fone mansiiskogo yazyka). In: Khantyiskii mir cherez prizmu raznostrukturnykh yazykov. Khanty-Mansiisk, 2019. P. 149—187. {*V. N. Solovar*. The image of the world of the Khanty language: semantic features of the Khanty verbs with preverbs *il* and *kim/kem* (against the background of the Mansi language). In: The Khanty world through the prism of languages with different structures. Khanty-Mansiisk, 2019. P. 149—187.}
- Solovar 2014 — *V. N. Solovar*. Khantyisko-russkii slovar' (kazymskii dialekt). Tyumen', 2014. {*V. N. Solovar*. Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect). Tyumen, 2014.}
- Stefanowitsch, Rohde 2004 — *A. Stefanowitsch, A. Rohde*. The goal bias in the encoding of motion events. In: Studies in linguistic motivation / Eds. *G. Radden, K.-U. Panther*. Berlin; New-York, 2004. P. 249—267.
- Steinitz 1966 — *W. Steinitz*. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966.

Talmy 1985 — *L. Talmy*. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms. In: *Language typology and lexical description*. Vol. 3. Grammatical categories and the lexicon / Ed. *T. Shopen*. Cambridge, 1985. P. 36—149.

Talmy 2000 — *L. Talmy*. *Toward a cognitive semantics*. Vol. 2. 2. Typology and process in concept structuring. Cambridge, MA, 2000.

Ungerer, Schmidt 1996 — *F. Ungerer, H.-J. Schmidt*. *An introduction to Cognitive Linguistics*. London, 1996.

Vaneyan et al. 2020 — *S. S. Vaneyan, S. Yu. Toldova, V. A. Zheleznova (Naumova)*. Glagoly padeniya v khantyiskom yazyke. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy ILI RAN*. 2020, 16 (1). P. 435—461. {*S. S. Vaneyan, S. Yu. Toldova, V. A. Zheleznova (Naumova)*. Verbs of falling in Kazym Khanty. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020, 16 (1). P. 435—461.}

Zalizniak 2018 — *A. Zalizniak*. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later. In: *Russian Journal of Linguistics*. 2018, 4 (22). P. 770—787.

Zalizniak et al., 2012 — *A. Zalizniak, M. Bulakh, D. Ganenkov, I. Gruntov, T. Maisak, M. Russo*. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology. In: *New directions in lexical typology* / Eds. *M. Koptjevskaja-Tamm, M. Vanhove*. *Linguistics [Special issue]*. 2012, 3 (50). P. 633—669.

Энецкие показатели каритива и их прасамодийские источники

Урманчиева Анна Юрьевна, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); urmanna@yandex.ru

В статье рассматриваются три производные формы с каритивным значением, представленные в энецком языке: глагольная с показателем *-se* ('не обладать чем-либо'), атрибутивная с показателем *-seða/-seðe* ('не обладающий чем-либо') и адвербиальная с показателем *-šudi?* ('будучи без чего-либо'). Обсуждаются самодийские соответствия этих форм (как вполне очевидные, так и более гипотетические). Этимология показателя атрибутивного каритива *-seðe* прозрачна и хорошо ощущается и на синхронном уровне: формы атрибутивного каритива (*-se-ðe*) являются имперфективными причастиями от глагольных каритивных форм (*-se*). Образование имперфективного причастия в энецком в данном случае сопровождается нетривиальными морфологическими явлениями: форма причастного показателя (*-ðe*) с фрикативным, а не смычным согласным указывает на предшествовавший причастному показателю глайд. На основании нганасанских (показатель адвербиального каритива *-kaj*) и маторских (показатель атрибутивного каритива *-gəsta/-kəsta*) соответствий реконструируется праформа с глайдом **j*: для глагольного каритива — **-kaj*, для атрибутивного каритива — **-kaj-ntā(-jə)*. Менее тривиальна этимология показателя адвербиального каритива *-šudi?*. Финальный *-ʔ* является рефлексом прасеверносамодийского адвербиализатора; этот показатель используется при образовании наречий от прилагательных и вызывает перегласовку предшествующего гласного. Соответственно, атрибутивная форма *-šudi?* образована от гипотетической атрибутивной формы ***-šude*, которую также естественно интерпретировать как причастную. Алломорф причастного показателя и в этом случае указывает на предшествующий ему прасамодийский глайд. В маторском есть еще один показатель каритива *-gəða/-kəða*, который может восходить только к праформе **-kaw-ntā(-jə)*: праформа без глайда дала бы в маторском ***-gənda/-kənda*, праформа с глайдом **j* дает другой уже упоминавшийся выше маторский каритивный показатель *-gəsta/-kəsta*. Глайд **w* может также объяснить появление огубленного гласного в энецком *-šudi?*.

Ключевые слова: энецкий язык, самодийские языки, каритив, компаративистика, реконструкция

ENETS CARITIVE MARKERS AND THEIR PROTO-SAMOYEDIC SOURCES

Anna Yu. Urmachieva, Institute of Linguistic Studies, RAS (St. Petersburg); urmanna@yandex.ru

The article examines three caritive markers in the Enets language: a verbal one *-se* ('not to have something'), an attributive one *-seða/-seðe* ('(a person) not having something') and an adverbial one *-šudi?* ('being without something'). It analyzes their Samoyedic cognates, both quite transparent and less obvious ones. The etymology of the attributive caritive marker is quite transparent even at the synchronic level: the forms of the attributive caritive (*-se-ðe*) are imperfective participles from verbal caritive forms (*-se*). However, the formation of the imperfective participle in Enets in this case is accompanied by a complicated morphological phenomenon: the form of the participial morpheme (*-ðe*) with a fricative rather than a stop points to a glide that precedes that participial marker. Based on its Nganasan (adverbial caritive marker *-kaj*) and Mator (attributive caritive marker *-gəsta/-kəsta*) cognates, a protoform with the glide **j* is reconstructed: for the verbal caritive, **-kaj*, for the attributive caritive, **-kaj-ntā(-jə)*. The etymology of the adverbial caritive marker *-šudi?* is somewhat less obvious. The final *-ʔ* is a reflex of the Proto-Northern Samoyedic adverbializer, which is used to form adverbs from adjectives (and causes the change of the quality of the preceding vowel). Accordingly, the adverbial form *-šudi?* is formed from the hypothetical attributive form ***-šude*, which also resembles a participial form (*-šude*). The allomorph of the participial marker (*-ðe*) also points to a preceding etymological glide. In Mator, there is another caritive marker *-gəða/-kəða*, which can only go back to **-kaw-ntā(-jə)*: the protoform without the glide would have resulted in Mator ***-gənda/-kənda*, the protoform with the glide **j* results in another Mator caritive marker *-gəsta/-kəsta*, mentioned above. The glide **w* can also explain the appearance of the close back rounded vowel in Enets *-šudi?*.

Keywords: Enets language, Samoyedic languages, caritive, comparative studies, reconstruction

В лесном и тундровом энецких языках представлен ряд производных с каритивным значением (обозначающих отсутствие некоторого предмета, необладание им). В существующих описаниях лесного энецкого упоминаются следующие формы каритива: в [Сорокина 2010: 148—150] отмечена только адвербиальная форма *-šida/-đida/-tiida* (указано, что показатель является составным и второй его элемент на синхронном уровне совпадает с одним из причастных показателей), в [Siegl 2013: 171—172] сообщается, что в лесном энецком существуют:

— во-первых, отыменные глаголы со значением необладания с показателем *-ši/-đi/-ti*:

enči osa-ši
person meat-CAR.3SG

‘The person is without meat’ [там же: 172],

— во-вторых, регулярная причастная форма от таких глаголов с показателем *-šida/-đida/-tiida*, употребляющаяся в атрибутивной функции:

osa-ši-đa enči
meat-CAR-PTCP.IPF person

‘person without meat’ (Lit. ‘meatless-being person’) [там же].

Ф. Зигль отмечает также, что эти две формы «глагольного» каритива «не надо смешивать с прототипическим именным каритивом с показателем *-šud/-đud/-tūd*, который, как и следовало ожидать, синтаксически употребляется в обстоятельственной функции:

tori-jet bednye kari-šud kaji-bi-ši-jet
such-EMPH poor[ADJ.RU] fish-CAR remain-PERF-3PL.PST-EMPH
‘So, the poor remained without fish’» [там же].

Таким образом, в [Siegl 2013: 171—172] перечислены три представленные в лесном энецком формы каритива и описаны их синтаксические функции. Если взаимосвязь первых двух форм вполне очевидна и отмечена в обоих процитированных исследованиях, отношение этих двух форм к форме с показателем, зафиксированным в работе Ф. Зигля в виде *-šud/-đud/-tūd*, остается неясным. Является ли эта последняя форма морфологически элементарной? Связана ли она по происхождению с двумя другими формами с каритивной семантикой?

Словарные материалы Е. А. Хелимского по тундровому энецкому языку из архива Института финно-угроведения Гамбургского университета позволяют уточнить формы каритивных показателей: за исключением ожидаемой разницы в гласном причастного показателя (*-đa* в лесном энецком, *-đe* в тундровом энецком, ср., например, л. эн. *usube-đa*, т. эн. *usube-đe* ‘стоящий чумом’), они совпадают для этих двух языков. Глагольная репрезентация каритива имеет показатель *-sel-đel-te*, производная от нее при помощи причастного показателя атрибутивная репрезентация имеет показатель *-sedel-đedel-tede*, ср. *ada* ‘мысль’ > *adase-* ‘быть глупым’ > *adasede* ‘глупый’. Адвербиальная репрезентация имеет показатель *-šudi?/-đudi?/-tūdi?*, ср. *sei* ‘глаз’ > *seišudi?* ‘вслепую’. В сравнении с материалами Ф. Зигля в моих полевых материалах по лесному энецкому каритивные показатели зафиксированы в форме, более близкой к той, которая приведена Е. А. Хелимским для тундрового энецкого, ср. следующие записи от А. С. Пальчина: атрибутивная репрезентация *seiseda* ‘слепой’ (< *sei* ‘глаз’), *si?orosedā* ‘немой’ (< *si?oro* ‘язык’), адвербиальная репрезентация *tie-šudi? ŋa* / олень-CaritAdv быть.Aor.s3 ‘он без оленей’.

Таким образом, архивные словарные материалы Е. А. Хелимского по тундровому энецкому и мои полевые словарные материалы по лесному энецкому позволяют уточнить фонетический облик трех каритивных показателей энецкого языка (см. таблицу 1). С опорой на это можно предложить прасамодийские (ПС) праформы и этимологию трех энецких каритивных показателей. В частности, будет показано, что, несмотря на несходство на синхронном уровне, в диахронии все три показателя могут быть связаны между собой.

Варьирование начального согласного каритивного показателя морфонологически обусловлено и зависит от типа основы: после вокалической основы *-s/-ś* (*page* ‘одежда’ > *pagesede* ‘не имеющий одежды’; *pagešudi?* ‘без одежды’), после основы на сонант (*-n, -r, -m*) *-d* (*ti?* ‘жила’, ПС **cen* > *tidūdi?* ‘без жилы’), после основы на шумный согласный *-t* (*se?* ‘лицо’, ПС **kat* > *setūdi?* ‘без лица’). Вариант с *-s/-ś* является с точки зрения энецкого материала исходным, и в дальнейшем я буду указывать только его. Сопоставление приведенных в таблице данных позволяет уточнить формы показателей каритива для лесного и тундрового энецкого:

- глагольный л. эн., т. эн. *-se*;
- атрибутивный л. эн. *-seda*, т. эн. *-sede*;
- адвербиальный л. эн., т. эн. *-šudi?*.

Таблица 1. Показатели каритива в лесном и тундровом энецком по опубликованным материалам и полевым данным

Каритив:	лесной энецкий			тундровый энецкий
	опубликованные материалы		полевые данные	
	Сорокина 2010	Siegl 2013	А. Ю. Урманчиева	Е. А. Хелимский
глагольный		- <i>śi-</i> - <i>đi-</i> - <i>ti-</i>	- <i>se- ~ -śi-</i> - <i>de- ~ -đi-</i> - <i>ie- ~ -ti-</i>	- <i>se</i> - <i>de</i> - <i>ie</i>
атрибутивный	- <i>śida</i> - <i>đida</i> - <i>tida</i>	- <i>śida</i> - <i>đida</i> - <i>tida</i>	- <i>seđa ~ -śida</i> - <i>deđa ~ -đida</i> - <i>ieđa ~ -tida</i>	- <i>seđe</i> - <i>deđe</i> - <i>ieđe</i>
адвербиальный		- <i>śuđ</i> - <i>đuđ</i> - <i>tuđ</i>	- <i>śuđi?</i> - <i>đuđi?</i> - <i>tuđi?</i>	- <i>śuđi?</i> - <i>đuđi?</i> - <i>tuđi?</i>

Атрибутивные каритивные формы, как уже было отмечено выше, действительно являются причастиями (а именно, имперфективными причастиями) от глагольных каритивных форм. Форма причастного показателя дает материал для реконструкции праформы исходного, глагольного показателя каритива. В лесном и тундровом энецком, как и в тундровом ненецком, причастие имеет несколько алломорфов:

Таблица 2. Алломорфы причастного показателя в лесном энецком, тундровом энецком и тундровом ненецком

	Основы на гласный			Основы на сонант	Основы на шумный
	лесной и тундровый энецкий				
	<i>đado-</i> 'идти'	<i>tô-</i> 'прийти'	<i>toru-</i> 'быть закрытым'	<i>bexer-</i> 'переходить реку вброд'	<i>mis-</i> 'дать'
Прич.	л. эн. <i>đado-da</i> т. эн. <i>đado-de</i>	л. эн. <i>tô-da</i> т. эн. <i>tô-de</i>	л. эн. <i>toru-da</i> т. эн. <i>toru-de</i>	л. эн. <i>bexer-da</i> т. эн. <i>bexer-de</i>	л. эн. <i>mi-ta</i> т. эн. <i>mi-te</i>
	тундровый ненецкий				
	<i>yado-</i> 'идти'	<i>to-</i> 'прийти'	<i>tolo-</i> 'быть закрытым'	<i>yesyer-</i> 'переходить реку вброд'	<i>myiq-</i> 'дать'
Прич.	<i>yado-na</i>	<i>to-da</i>	<i>tolo-da</i>	<i>yesyer-ta</i>	<i>myi-ta</i>

Данные таблицы 2 показывают, что у основ, которые с синхронной точки зрения в энецком и ненецком заканчиваются на гласный, причастный показатель может выступать в двух видах: л. эн. *-da*, т. эн. *-de*, т. нен. *-na* либо л. эн. *-da*, т. эн. *-de*, т. нен. *-da*. Как показано в [Guszev, Urmancsijeva 2018], второй ряд алломорфов представлен в основах, которые этимологически оканчивались на один из глайдов, ПС *j или ПС *w. В таблице 2 глагол 'прийти' иллюстрирует основу на ПС *j: ПС **toj-* > эн. *tô-*, т. нен. *to-* [Janhunen 1977: 164]; глагол 'быть закрытым' относится к числу стивно-декаузативных дериватов, для которых, как показано в [Гусев 2010], в ПС восстанавливается ауслуатный ПС **-w*¹. Такая форма причастного показателя после основ на глайд объясняется следующей цепочкой фонетических переходов:

ПС **-j/-w-ntâ* > **-j/-w-tâ* > **-0-tâ* > л. эн. *-da*, т. нен. *-da*;
 ПС **-j/-w-ntâ-jâ* > **-j/-w-tâ-jâ* > **-0-tâ-jâ* > **-0-te* > т. эн. *-de*.²

Учитывая все вышесказанное, следует предполагать, что каритивные глаголы в прасамодийском имели в исходе один из глайдов, что объясняет являющуюся атрибутивным каритивом форму причастного показателя с фрикативным эн. *đ*. Самодийские соответствия каритивных показателей (см. таблицу 3) позволяют в данном случае восстановить глайд ПС *j:

¹ В нганасанском стивно-каузативные глаголы морфонологически ведут себя как основы, в которых последний слог является закрытым, что указывает на необходимость реконструкции финального согласного; в ненецком стивно-декаузативы относятся к классу так называемых альтерирующих глаголов [Salminen 1997: 81—83].

² В тундровом энецком (как и в нганасанском и селькупском) причастный показатель дополнительно осложнен атрибутивной морфемой ПС **-jâ*.

Таблица 3. Глагольный и атрибутивный каритив: самодийские соответствия

ПС	нг.	т. нен.	л. эн.	камас.	мат.	т. эн.	сельк.
* <i>kaj</i>	- <i>kaj</i>	- <i>syø</i>	- <i>se</i>			- <i>se</i>	
* <i>kaj-ntá</i> > * <i>kaj-tá</i>		- <i>syøda</i>	- <i>seða</i>	- <i>žət</i>	- <i>gəsta/-kəsta</i>		
* <i>kaj-ntá-jə</i> > * <i>kaj-tá-jə</i>						- <i>seðe</i>	- <i>kətəl'</i>

Материал, приведенный в таблице 3, требует некоторых этимологических комментариев.

1. Помимо того, что на наличие глайда косвенно указывает форма причастного показателя с т. нен. *d*, эн. *ð*, рефлексы глайда сохраняются в нг. *-kaj*, а также в маторском *-gəsta/-kəsta*: в маторском ПС *j > *s*/__*T, ср., например, *astə* ‘послать’ < ПС *ajtá-, см. [Helimski 1997: 89].

2. В т. нен. представлен не вполне тривиальный рефлекс ПС *a, ср.: ПС *kaj > т. нен. *-syø*, но ПС *wäsa ‘железо’ > т. нен. *yesya* (стандартный рефлекс). Т. Салминен [Salminen 2012: 348], однако, обращает внимание на то, что в ненецком и нганасанском для суффиксов с *a характерно наличие двояких рефлексов — как *a*-образных, так и *i*-образных. В таблице 4 ниже приводятся рефлексы нескольких таких морфем в тундровом ненецком и нганасанском — и, для сравнения, в тундровом энецком, где рефлекс всегда одинаков:

Таблица 4. Рефлексы ПС *a в непервых слогах

ПС	нг.		т. нен.		т. эн.
	<i>a</i> -образн. рефлекс	<i>i</i> -образн. рефлекс	<i>a</i> -образн. рефлекс	<i>i</i> -образн. рефлекс	
* <i>wäsa</i> ‘железо’	<i>basa</i>		<i>yesya</i>		<i>bese</i>
*- <i>psan</i> отглагольное имя с инструментальным значением	- <i>bsa</i> ^N	~ - <i>bsi</i> ^N	- <i>bcyah</i>	~ - <i>bcyøh</i>	- <i>t'e?</i>
*- <i>kaj</i> каритив	- <i>kaj</i>			- <i>syø</i>	- <i>se</i>
*- <i>sa</i> инфинитив	- <i>sa</i>	~ - <i>sĭ</i>		- <i>syø</i>	-(<i>s</i>) <i>e</i>
*- <i>mpaw</i> имперфектив				- <i>mpø</i> < *- <i>mpyø</i>	- <i>be</i>

Таким образом, и энецкий показатель глагольного каритива *-se*, и производный от него с помощью показателя имперфективного причастия показатель атрибутивного каритива имеют вполне надежную самодийскую этимологию. Что можно сказать о показателе адвербиального каритива *-šudi*? Для того, чтобы установить его исходную структуру, необходимо рассмотреть образование адвербиального каритива в других самодийских языках. В нганасанском есть еще один показатель атрибутивного каритива *-kalĭ*. Его ближайшим соответствием является селькупский показатель адвербиального каритива *-kalə-k*. Селькупский и нганасанский каритивы имеют разные синтаксические функции: нганасанский — атрибутивную, селькупский — адвербиальную; при этом селькупский показатель по сравнению с нганасанским морфологически сложнее: он дополнительно содержит в исходе морфему *-k* — показатель, оформляющий в селькупском формы с адвербиальной функцией, ср. *ešə* ‘отец’ > *ešə-k* ‘по-отцовски, отечески’. Таким образом, сопоставление родственных каритивных форм селькупского и нганасанского языков показывает, что морфологически адвербиальная форма образована от атрибутивной при помощи адвербиализатора *-k*.

В ненецком адвербиальный каритив *-syiq* также образован с использованием адвербиального показателя (*-q*). Этот адвербиальный показатель представлен во всех северносамодийских языках, и его присоединение вызывает в этих языках перегласовку предшествующего гласного³. С высокой вероятностью в ненецком при образовании каритивной формы *-syiq* можно реконструировать процесс типа ПС *a > ПС *i в позиции перед суффиксом-адвербиализатором. Ср., например, схожий морфонологически обу-

³ Перегласовка — процесс, вообще крайне характерный для ненецкой и, шире, северносамодийской морфонологии, но ее наличие в данном случае ставит под сомнение возможность прямого отождествления этого адвербиализатора с селькупским адвербиализатором *-k*.

словленный переход ПС **a* в *i* перед другим суффиксом, восходящим к шумному согласному ПС **-s*: нен. *ηodya* ‘ягода’ (< ПС **(w)ota*) > нен. *ηodyitø-* (*ηodya* + *s* + *tø-*) ‘иметь ягоды, быть ягодным’⁴.

С учетом сказанного про селькупский и ненецкий энецкую адвербиальную каритивную форму *-šudi?* можно аналогичным образом интерпретировать как образованную от атрибутивной при помощи прасверносамодийского адвербиализатора. (В энецком этот суффикс также прибавляется к атрибутивным формам и также вызывает перегласовку предыдущего гласного, ср. *ηuulio* ‘единственный’ > *ηuulii?* ‘единожды’.) Тогда адвербиальная каритивная форма должна восходить к атрибутивной форме типа эн. **-šude*. В этой гипотетической форме *-de* естественно рассматривать как показатель причастия — так же, как в форме общесамодийского атрибутивного каритива, причем его форма — с фрикативным, а не смычным согласным — также указывает на предшествующий причастному показателю глайд, которым может быть **j*, как в форме общесамодийского атрибутивного каритива ПС **-kaj-ntå(-jå)*, но может быть и **w*. Во втором случае мы ожидали бы праформы (возможно, более локальной, не общесамодийской) типа **-kaw-ntå(-jå)*.

Оказывается, что в маторском, помимо каритивного суффикса *-gæsta/-kæsta*, восходящего к ПС **-kaj-ntå(-jå)*, есть еще один каритивный суффикс, *-gæda/-kæda*, который можно возвести к праформе **-kaw-ntå(-jå)* и только к ней. А именно, если бы мы предполагали праформу без глайда, этот показатель каритива в маторском выглядел бы как **-gænda/-kænda*. Одиночный дентальный в маторском мог появиться только под воздействием предшествующего глайда (который вызывает падение начального *n* в причастном показателе как согласного, который оказывается срединным в образовавшемся трехслогном кластере). В маторском это не может быть глайд ПС **j*, так как ПС **j* дает в этой позиции мат. *s*, как в каритивном маторском суффиксе *-gæsta/-kæsta*. Соответственно, в каритивном маторском суффиксе *-gæda/-kæda* мог выступать только прасамодийский глайд **-w*.

Таким образом, можно предположить, что энецкий адвербиальный каритив *-šudi?* (< **šude*) и маторский каритив *-gæda/-kæda* восходят к единой праформе **-kaw-ntå(-jå)*. Глайд **w* может объяснить также лабиальный гласный в энецком показателе. Аналогичное фонетическое развитие сочетания **Vw* в огубленный гласный представлено в энецком в классе стативно-декаузативных глаголов, суффиксом которых является именно ПС **-w*. Как видно из таблицы 5, рефлекс с лабиальным гласным характерен для многих стативно-декаузативных глаголов северносамодийских языков (при этом одни и те же глагольные основы в разных северносамодийских идиомах могут давать разные рефлексы сочетания финального гласного основы с показателем статива-декаузатива ПС **-w*, см. таблицу 5):

Таблица 5. Вокализм второго слога в стативно-декаузативных дериватах лесного энецкого и тундрового энецкого в сопоставлении с другими северносамодийскими языками⁵

	нг.	т. эн.	л. эн.	нен.
‘вырасти’	<i>bædua^C</i> - < <i>bætu-</i>	<i>baðe-</i>	<i>baðe-</i>	<i>wadyo-</i>
‘сидеть’	<i>ηomtü^C</i> - < <i>ηomtæ-</i>	<i>adu-</i>	<i>adi-</i>	<i>ηamtyo-</i>
‘спать’	<i>kundua^C</i> - < <i>kuntu-</i>	<i>kodu-</i>	<i>kodi-</i>	<i>xonyo-</i>
‘быть опрокинутым’	<i>bæbtua^C</i> - < <i>bæbtu-</i>	<i>bati-</i>	<i>bati</i>	<i>wabtyo-</i>
‘быть закрытым’	<i>tælü^C</i> - < <i>tælə-</i>	<i>toru-</i>	<i>toru-</i>	<i>tølə-</i>
‘быть видимым’	<i>ηætu^C</i> - < <i>ηætæ-</i>	<i>odi-</i>	<i>odi-</i>	<i>ηodyo-</i>
‘лежать (об олене)’	<i>bænü^C</i> - < <i>bænæ-</i>	<i>banu-</i>	<i>banu-</i>	<i>waqno-</i>
‘быть открытым’	<i>biari-</i> < <i>biaræ-</i>			
‘стоять’	<i>nænd'i-</i> < <i>nænsu-</i>			
‘быть положенным’		<i>punu-</i>		<i>penyo- ~ penø-</i>

⁴ В ненецком адвербиальный каритив *-syiq* оказывается образован не от атрибутивного, а от глагольного. Использование этого суффикса при собственно глагольных основах не характерно для ненецкого, как и для других самодийских языков, хотя можно обнаружить единичные примеры типа нен. *wic^oq* ‘с трудом’ < нен. *wica-* ‘тянуться, стараться’. Это дополнительно ставит вопрос о том, какова была в прасамодийском исконная синтаксическая характеристика формы глагольного каритива, ср. нг. *-kaj*, имеющее не глагольные употребления. Возможно, включение ее в собственно глагольную парадигму является несколько более поздним процессом — впрочем, все равно достаточно давним, учитывая, что образованные от нее причастные формы, использующиеся в функции атрибутивного каритива, характерны абсолютно для всех самодийских языков, кроме, опять-таки, нганасанского.

⁵ *U*-образные рефлексы сочетания финального гласного производящей основы с суффиксом статива-декаузатива ПС **w* выделены полужирным шрифтом.

Можно видеть, что в целом стативно-декаузативные дериваты не дают полностью регулярных соответствий внутри самодийских языков: наиболее последовательная картина наблюдается в нганасанском: производящие нганасанские *u*-основы (< ПС *ǎ-основы) дают стативно-декаузативные дериваты на нг. *-ua^C* (впрочем, ср. *nənd'i-* < *nənsu-* — однако нельзя исключать, что в этом случае нг. *u* не восходит к ПС *ǎ), а производящие нганасанские *ə*-основы (< ПС *ə-основы) дают стативно-декаузативные дериваты на нг. *-i^C* (впрочем, ср. *biari-* < *biarə-*, а также трехсложные основы типа *d'ubəi-* ‘лежать’ < *d'ubəə-* ‘бросить’, в которых нг. *ə* производящей основы переходит в стативно-декаузативном деривате в нг. *i*). В ненецком и энецком эта система явно разрушена: мы видим а) непоследовательные соответствия ненецкого и энецкого нганасанскому, б) непоследовательные соответствия энецкого ненецкому, в) непоследовательные соответствия тундрового энецкого лесному, г) вариативность формы стативно-декаузативного деривата от одной и той же основы в ненецком. Применительно к энецкому для обсуждения этимологии каритивного показателя *-šudiʔ* существенно, что сочетание ПС *V_w может давать эн. *u* вне зависимости от качества *V.

Альтернативным решением, также возможным с точки зрения исторической фонетики и для энецкого, и для маторского (но выглядящим все же менее привлекательно), было бы считать, что два рассматриваемых показателя каритива — **-kaj-ntǎ(-jə)* и **-kaw-ntǎ(-jə)* — обладают меньшим параллелизмом, и реконструировать во втором случае показатель типа **-küw-ntǎ(-jə)*.

Сокращения

камас. — камасинский
л. эн. — лесной энецкий
мат. — маторский
нг. — нганасанский
нен. — ненецкий
ПС — прасамодийский
сельк. — селькупский

т. нен. — тундровый ненецкий
т. эн. — тундровый энецкий
эн. — энецкий
Aor — аорист
CaritAdv — адвербиальный каритив
s3 — 3 л. ед. ч. субъектного спряжения

Глоссы

3 — 3 лицо
ADJ — прилагательное
CAR — каритив
EMPH — показатель с эмфатическим значением
PERF — перфект

PL — множественное число
PST — прошедшее время
PTCP.IPF — имперфективное причастие
RU — русское слово, употребленное в энецком примере
SG — единственное число

Литература

- Гусев 2010 — В. Ю. Гусев. Стативы и декаузативы на *-w в самодийских языках // Материалы 3-й международной научной конференции по самодистике / Ред. С. И. Буркова. Новосибирск, 2010. С. 54—65.
Сорокина 2010 — И. П. Сорокина. Энецкий язык. СПб, 2010.
- Guszev, Urmancsijeva 2018 — V. Guszev, A. Urmancsijeva. Egy kivételes morfofonológiai igeosztály ay enyecben // Általános nyelvészeti tanulmányok. 2018, XXX: Uralisztikai tanulmányok. 157—164. o.
- Helinski 1997 — E. Helinski. Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte. Unter Mitarbeit von Beáta Nagy (Studia uralo-altaica 41). Szeged, 1997.
- Janhunen 1977 — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien (Castrenianum Toimitteita, 17). Helsinki, 1977.
- Salminen 1997 — T. Salminen. Tundra Nenets Inflection (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 227). Helsinki, 1997.
- Salminen 2012 — T. Salminen. Traces of Proto-Samoyed Vowel Contrasts in Nenets // Per Urales Ad Orientem. Iter Polyphonicum Multilingue. Festschrift Tillägnad Juha Janhunen På Hans Sextioårsdag Den 12 Februari 2012 (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 264)/Eds. T. Hyytiäinen, L. Jalava, J. Saarikivi, E. Sandman. Helsinki, 2012. P. 339—358.
- Siegl 2013 — F. Siegl. Materials on Forest Enets, an Indigenous Language of Northern Siberia (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 267). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2013.

References

- Gusev 2010 — *V. Yu. Gusev*. Stativy i dekauzativy na *-w v samodijjskikh yazykakh. In: *Materialy 3-j mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii po samodistike* / Red. *S. I. Burkova*. Novosibirsk, 2010. S. 54—65. {*V. Yu. Gusev*. Statives and decausatives on *-w in Samoyedic languages. In (ed.). *Proceedings of the 3rd International conference on Samoyedology* / Ed. *S. I. Burkova*. Novosibirsk, 2010. P. 54—65.}
- Guszev, Urmancsijeva 2018 — *V. Guszev, A. Urmancsijeva*. Egy kivételes morfofonológiai igeosztály ay enyecben. In: *Általános nyelvészeti tanulmányok*. 2018, XXX: *Uralisztikai tanulmányok*. 157—164. o.
- Helimski 1997 — *E. Helimski*. *Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis — Grundzüge der Grammatik — Sprachgeschichte*. Unter Mitarbeit von Beáta Nagy (*Studia uralo-altaica* 41). Szeged, 1997.
- Janhunen 1977 — *J. Janhunen*. *Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien* (*Castrenianum Toimituksia*, 17). Helsinki, 1977.
- Salminen 1997 — *T. Salminen*. *Tundra Nenets Inflection* (*Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia* 227). Helsinki, 1997.
- Salminen 2012 — *T. Salminen*. Traces of Proto-Samoyed Vowel Contrasts in Nenets. In: *Per Urales Ad Orientem. Iter Polyphonicum Multilingue. Festschrift Tillägnad Juha Janhunen På Hans Sextioårsdag Den 12 Februari 2012* (*Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia* 264) / Eds. *T. Hyytiäinen, L. Jalava, J. Saarikivi, E. Sandman*. Helsinki, 2012. P. 339—358.
- Siegl 2013 — *F. Siegl*. *Materials on Forest Enets, an Indigenous Language of Northern Siberia* (*Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia* 267). Helsinki, 2013.
- Sorokina 2010 — *I. P. Sorokina*. *Enetskij yazyk*. SPb, 2010. {*I. P. Sorokina*. *The Enets language*. St. Petersburg, 2010.}

Дискурсивные функции посессивного показателя третьего лица единственного числа в горномарийском языке

Ирина Андреевна Хомченкова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва);
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; irina.khomchenkova@yandex.ru

Данная статья посвящена описанию дискурсивных функций посессивного показателя 3 л. ед. ч. в горномарийском языке. Во многих более ранних работах указывалось, что показатели POSS.3SG в уральских языках выражают семантику определенности; для марийских и пермских языков отдельно отмечались контрастивные употребления. Действительно, в горномарийском этот показатель маркирует в первую очередь контраст (выбор из множества), а не определенность. Его употребление зависит от информационной структуры высказывания. Он может маркировать топик, а также имеет контрастивное употребление — и в топике, и в фокусе. Данное употребление типично в референтных ИГ, но маркирование посессивным показателем возможно и в нереферентных ИГ, если данная ИГ употребляется в контрастном топике или, реже, в контрастном фокусе. В контекстах определенности по Дж. Хокинзу (прямая анафорическая отсылка, ассоциативная анафорическая отсылка, непосредственный ситуационный контекст, широкий ситуационный контекст) он допустим только в (контрастном) топике, но не в фокусе. Влияние информационной структуры высказывания не зафиксировано лишь в контексте выбора из множества. Именно идея выбора из множества объединяет функции показателя POSS.3SG в дискурсивном употреблении. На уровне ИГ это собственно выбор референта из множества участников. Контрастные топик и фокус также анализируются как выбор из множества альтернатив. При смене топика аналогично происходит выбор топика из множества возможных вариантов в дискурсе, активированных в сознании говорящего и слушающего, а при маркировании протагониста выбор происходит из множества всех протагонистов, действующих в различных фрагментах дискурса. Тем самым, один и тот же показатель кодирует в горномарийском языке схожую семантику на уровнях ИГ, локальной и глобальной структуры дискурса.

Ключевые слова: посессивность, определенность, информационная структура, топик, контрастивность, дискурс, финно-угорские языки, горномарийский язык

DISCOURSE FUNCTIONS OF THE 3RD SINGULAR POSSESSIVE MARKER IN HILL MARI

Irina A. Khomchenkova, Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Moscow);
Lomonosov Moscow State University; irina.khomchenkova@yandex.ru

This paper describes the discourse functions of the 3rd singular possessive marker in Hill Mari. Many previous works indicated that POSS.3SG markers in the Uralic languages express the semantics of definiteness; contrastive uses were also mentioned for Mari and Permic languages. Indeed, in Hill Mari, POSS.3SG primarily marks contrast (selection from a set) rather than definiteness. The acceptability of this marker depends on the status of NPs in the information structure. It can mark a topic, and it also has a contrastive use — both in topic and in focus. This use is typical of specific NPs. However, if this NP is a contrastive topic or, less often, a contrastive focus, the possessive marker is also possible in non-specific NPs. Using Hawkins' terms: in definite contexts (anaphoric use, associative anaphoric use, immediate situation use, larger situation use), it is felicitous only in a (contrastive) topic, but not in focus. The influence of the information structure is only absent in the context of the selection from a set. It is the idea of the selection from a set that unites the functions of the POSS.3SG marker in its discourse uses. At the NP level, this is the choice of a referent from a set of participants. Contrastive topic and focus are also analyzed as a selection from several alternatives. As for the topic shift, a new topic is similarly selected from a variety of possible options in discourse, activated in the minds of the speaker and the hearer, and when marking the protagonist, the choice occurs from the set of all protagonists acting in various fragments of the discourse. Thus, the same marker encodes similar semantics in Hill Mari at the levels of NP, local, and global discourse structure.

Keywords: possessive, definiteness, information structure, topic, contrastiveness, discourse, Finno-Ugric languages, Hill Mari

1. Введение

Посессивные аффиксы в уральских языках¹ могут не только обозначать посессивные отношения (родство, обладание, часть-целое и др.), но и употребляться в контекстах, не предполагающих посессивных прочтений, в частности в ряде дискурсивных функций [Кузнецова 2003; Nikolaeva 2003; Брыкина, Судобина 2005; Simonenko 2014; Janda 2019]. Так, в горномарийском примере (1) показатель POSS.3SG кодирует посессивное отношение ‘часть-целое’, а в (2) не имеет посессивной семантики.

- (1) *tädä-n leväš-äžžä klovoj äl-eš.*
он-GEN покрытие-POSS.3SG синий быть-NPST.3SG
‘Крыша у него синяя’. [Горномарийский корпус²: «Описание фотографий», 2]
- (2) *kol-da-žâ ulâ ma? — man-am. kol-na-žâ uke.*
рыба-POSS.2PL-POSS.3SG имеется что говорить-NPST.1SG рыба-POSS.1PL-POSS.3SG NEG.EX
{«Айдаге, — говорит, — пойдем уху есть»}. ‘«А рыба-то есть?» — спрашиваю. «А рыбы нет?»’.
[ГК: «Один случай», 6—7]

Целью данного исследования является анализ дискурсивных функций показателя POSS.3SG (-žâ/-žâ/-šâ/-šâ)³ в горномарийском языке. В предшествующих работах эта проблема была описана лишь фрагментарно. Дискурсивными функциями обладают и другие посессивные показатели: POSS.1SG (-(e)m), POSS.2SG (-(e)t) [Тужаров 1987: 65—66; Саваткова 2002: 115], POSS.2PL (-da, -dä) [Тужаров 1987: 70], POSS.3PL (-štâ, -štâ) [там же: 71]. Мы ограничимся рассмотрением показателя POSS.3SG.

Материалом для исследования послужил корпус горномарийского языка, а также полевые данные автора, собранные в с. Кузнецово и близлежащих деревнях (Горномарийский район, Республика Марий Эл, Россия) в 2016—2020 гг.

Статья устроена следующим образом. В разделе 2 приводится обзор предыдущих исследований по горномарийскому и другим родственным языкам. В разделе 3 рассматриваются морфосинтаксические свойства показателя POSS.3SG. Раздел 4 посвящен тому, следует ли рассматривать аффикс POSS.3SG как показатель определенности. В разделе 5 обсуждается влияние информационной структуры и референциального статуса на употребление показателя POSS.3SG. В разделе 6 рассматриваются противопоставления на уровне структуры дискурса, связанные с употреблением посессивного аффикса. Раздел 7 суммирует результаты работы.

2. Предыдущие исследования

Во многих предшествующих работах отмечалось, что показатели POSS.3SG в уральских языках выражают семантику определенности, см., например, [Collinder 1955: 203], где эти показатели рассматриваются как эквиваленты определенного артикля. Некоторые исследователи менее категорично отмечали, что уральские посессивные суффиксы обладают детерминативным значением, однако не приравнивали их к артиклям [Tauli 1966: 148; Майтинская 1974: 388; Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980: 187; Csúcs 1990: 42; Fraurud 2001; Nikolaeva 2003; Gerland 2014]. В [Nikolaeva 2003], в частности, утверждается, что показатели POSS.3SG в некоторых уральских языках могут указывать на идентифицируемость (identifiability) референта, но не являются маркерами грамматической категории определенности, поскольку они могут модифицировать не только имена существительные, но и другие части речи, а также являются факультативными⁴. В [Gerland 2014] семантическая эволюция посессивных показателей объясняется с опорой на понятие «реляционный суффикс» (relational suffix). В посессивных контекстах он маркирует

¹ Этот феномен свойственен не только уральским, но и тюркским (см., например, [Schroeder 1999]), австронезийским (см., например, [Buren 2010]), семитским [Ewing 1995] и иранским [Etebari et al. 2020] языкам.

² Горномарийский корпус (далее ГК) был создан коллективом горномарийской экспедиции под рук. Е. В. Кашкина в 2016—2020 гг. и доступен по ссылке: <http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus>.

³ Распределение алломорфов кратко обсуждается в разделе 3. Отметим, что показатель POSS.3SG не связан с русской единицей *же*, несмотря на их внешнее сходство, — как минимум потому, что после этого показателя возможны падежные аффиксы, см. раздел 3. Более того, единица *же* полифункциональна (см., например, [Падучева 2018: 333—352]), и многие ее функции не соответствуют сфере употребления показателя POSS.3SG (так, аналогом «*же* тождества» в горномарийском языке является частица *=ok*, см., например, [Кашкин и др. 2018]). Однако детальное сравнение русской единицы *же* и горномарийского показателя POSS.3SG выходит за рамки настоящего исследования.

⁴ О связи идентифицируемости и определенности см., например, [Lyons 1999: 5—7]: определенность ИГ выражается в том, что слушающий может идентифицировать референта этой ИГ. В [Lyons 1999: 275, 278] также отме-

референта, который закреплен (anchored) в дискурсе некоторой конкретной связью (отношение родства, часть-целое, обладание и др.) с другим, уже уникальным, референтом. В непосессивных контекстах он маркирует референта, который закреплен в дискурсе ассоциативной связью (например, через дискурсивную ситуацию) с другим референтом.

Данные лугового марийского языка (а также коми и хантыйского) обсуждаются в [Simonenko 2014] на материале говора с. Старый Торъял. Рассматривая несколько семантических типов определенных ИГ по классификации, предложенной в [Hawkins 1978], А. Симоненко утверждает, что в луговом марийском языке посессивным показателем маркируется только выбор из множества (подробнее об этих контекстах см. раздел 4).

Дискурсивные функции посессивных показателей в марийских языках обсуждаются в [Тужаров 1987: 65—67]. Г. М. Тужаров рассматривает как горную, так и лугово-восточную литературные нормы. Он выделяет ряд функций этих показателей. Например, аффиксы 1-го и 3-го лица (и 2-го лица в горномарийском) образуют формы «вежливого, почтительного, ласкового обращения»; употребляются «с целью привлечь внимание того лица, к которому обращаются». Аффиксы 2-го и 3-го лица «указывают на обилие предметов / продолжительность времени»; «используются в качестве эмфатических и эмоционально-экспрессивных частиц»; «имеют оттенок особой экспрессии»; «выражают обсуждаемый предмет более наглядно, осязаемо и эмоционально». Г. М. Тужаров отдельно рассматривает «эмфатически-выделительное» значение показателя POSS.3SG и утверждает, что оно развилось из употребления POSS.3SG при «контрастных противопоставлениях», что, согласно [Серебренников 1963: 133], распространено и в других языках Волжско-Камского языкового союза: в коми, удмуртском, татарском, чувашском. Контрастивная функция показателя POSS.3SG в марийских и пермских языках обсуждается также в [Nikolaeva 2003].

В [Саваткова 2002: 115] в горномарийском языке выделены только «указательно-выделительное» (для аффиксов 2 и 3 лица) и «вокативное» (для аффиксов 1 и 3 лица) значения аффиксов дискурсивной посессивности.

Таким образом, в предшествующих работах намечено общее направление анализа дискурсивных функций посессивных аффиксов. Часто горномарийские данные не отделяются в этих работах от луговых марийских. Во многих случаях не проводится четкое разграничение функций между разными аффиксами. Кроме того, многие использованные предшествующими авторами ярлыки («выделительность», «указательность» и пр.) нуждаются в уточнении.

3. Морфосинтаксические свойства

Показатель POSS.3SG имеет шесть алломорфов: *-žâ/-žă/-âžâ/-ăžă/-šâ/-šă*. Выбор гласных звуков определяется сингармонизмом. Непередний гласный (/â/) используется только после передних гласных (/a/, /o/, /u/, /â/). Передний гласный (/ă/) используется после передних гласных (/ä/, /ö/, /ü/, /ä/, /e/, /i⁵/), ср. *xala-škâ-žâ*⁶ (город-ILL-POSS.3SG) ‘в его город’ и *šärgä-škâ-žă* (лес-ILL-POSS.3SG), см. также о гармонии гласных [Alhoniemi 1993: 24; Kangasmaa-Minn 1998: 223; Саваткова 2002: 50].

Дальнейший выбор показателя POSS.3SG зависит от предшествующей ему фонемы. Алломорфы *-žâ/-žă* используются после гласных или сонорных согласных, см., например, *vätä-žă* (женщина-POSS.3SG) ‘его жена’, *moren-žă* (заяц-POSS.3SG) ‘его заяц’, *läm-žă* (имя-POSS.3SG) ‘его имя’, *täl-žă* (огонь-POSS.3SG) ‘его огонь’, *jamdar-žă* (бутылка-POSS.3SG) ‘его бутылка’.

Алломорфы *-šâ/-šă* используются после шумных согласных, см., например, *üp-šă* (волосы-POSS.3SG) ‘его волосы’, *väd-šă* (вода-POSS.3SG) ‘его вода’, *jamak-šă* (сказка-POSS.3SG) ‘его сказка’, *täng-šă* (основание-POSS.3SG) ‘его основание’, *kogoohârec-šă* (тыква-POSS.3SG) ‘его тыква’, *anzâlvač-šă* (фартук-POSS.3SG) ‘его фартук’, *muš-šă* (кудель-POSS.3SG) ‘его кудель’, *kâdež-šă* (комната-POSS.3SG) ‘его комната’.

Алломорфы *-âžâ/-ăžă* используются после фонемы /š/: *lašaš-âžă* (мука-POSS.3SG) ‘его мука’, *ädäräs-ăžă* (девочка-POSS.3SG) ‘его девочка’ и др., см. [Саваткова 2002: 109]. Однако алломорфы *-šâ/-šă* в этой позиции тоже возможны, ср. выше *muš-šă* ‘его кудель’, а также оба варианта *mâčaš-âžă* и *mâčaš-šă* ‘его конец’ в [Alhoniemi 1993: 73]. Кроме того, алломорфы *-âžâ/-ăžă* (наряду с алломорфами *-šâ/-šă*) встречаются после фонем /c/ и /č/: *kal'avač-âžă* (косичка-POSS.3SG) ‘его косичка’, *kolovec-ăžă* (колодец-POSS.3SG) ‘его колодец’, *kärpäc-ăžă* (кирпич-POSS.3SG) ‘его кирпич’ и др.

чено, что семантический/прагматический концепт определенности свойственен всем языкам, однако в большинстве из них соответствующая грамматическая категория отсутствует.

⁵ Передние гласные /e/ и /i/ могут следовать как за передними, так и за непредними гласными (ср. *kâdež* ‘комната’ и *moren* ‘заяц’, *kärtn'i* ‘железо’ и *kot'i* ‘кошка’).

⁶ Словоформы приводятся из горномарийского корпуса.

Показатель POSS.3SG в дискурсивной функции присоединяется к словоформам во всех падежах, и его взаимное расположение с падежными показателями и с показателем числа не отличается от поведения показателя POSS.3SG в собственно посессивном употреблении. В горномарийском языке 10 падежей [Alhoniemi 1993: 46]⁷:

- [ОСНОВНЫЕ]: номинатив (-∅), генитив (-*n*), аккузатив, (-*m*), датив (-*lan*/-*län*)
- [МЕСТНЫЕ]: инессив (-*štä*/-*štä*), иллатив (-*škä*/-*škä*/-*š*), латив (-*eš*)
- [ПЕРИФЕРИЙНЫЕ]: симилятив (-*la*/-*lä*), каритив (-*de*), комитатив (-*ge*).

Аффикс множественного числа (-*vlä*) всегда предшествует падежному показателю, в то время как положение посессивных показателей варьирует в зависимости от падежа (ср. также [Luutonen 1997] о вариативности порядка морфем в марийских языках). Порядок падежных показателей, показателя числа и посессивного показателя 3SG представлен в таблице 1 и проиллюстрирован примерами (3)—(6).

Таблица 1. Порядок показателей числа, падежа и посессивности

Падеж	Порядок аффиксов	Пример
GEN, ACC + периферийные	PL-POSS-CASE	(3)
DAT	PL-POSS-CASE /	(4)
	PL-CASE-POSS	(5)
местные	PL-CASE-POSS	(6)

- (3) *učit'el'-dä-žä-n* *käce läm-žä?*
учитель-POSS.2PL-POSS.3SG-GEN как имя-POSS.3SG
'А как зовут вашего учителя?' [ГК: «Диалог с ребенком», 68]
- (4) *tä laksak-eš mäks-äm olt-em, mäks-län-žä jäl-aš vol'a-m a-m pu*
тот яма-LAT труха-ACC топить-NPST.1SG труха-DAT-POSS.3SG гореть-INF воля-ACC NEG.NPST-1SG давать
'В этой ямке растопил труху, но трухе не даю гореть' [ГК: «Колбаса», 49]
- (5) *kädä-žä-lan pu-en, kädä-žä-lan i to pu-te*
который-POSS.3SG-DAT давать-PRET который-POSS.3SG-DAT и то давать-NEG.PRET
'Кому-то давал, кому-то и то не давал' [ГК: «Плетение сеток», 9]
- (6) *päckemäš käděž-äštä amal-en-ät kängäž veremä-n, a sotä*
темный комната-IN спать-PRET-3PL лето время-GEN а светлый
käděž-äštä-žä opt-en-ät ma šon-äm, tožä, tenge=ok
комната-IN-POSS.3SG класть-PRET-3PL что INDEF2-ACC тоже так=EMPH
'В темной комнате летом спали, а в светлой комнате хранили что-нибудь, тоже так же'. [ГК: «Хозяйство», 17]

Как можно видеть из примера (3), показатель POSS.3SG в дискурсивной функции может присоединяться непосредственно после посессивных показателей, выполняющих собственно посессивную функцию, но не наоборот, ср. *pi-em-žä* (собака-POSS.1SG-POSS.3SG) / *pi-ž-em (собака-POSS.3SG-POSS.1SG) 'моя собака-то', *pi-dä-žä* (собака-POSS.2PL-POSS.3SG) / *pi-žä-dä (собака-POSS.3SG-POSS.2PL) 'ваша собака-то'.

Показатель POSS.3SG, используемый в дискурсивной функции, не сочетается с другими посессивными показателями 3-го лица, ср. **ät'ä-žä-žä* (отец-POSS.3SG-POSS.3SG) 'его отец-то', **ät'ä-štä-žä* (отец-POSS.3PL-POSS.3SG) 'их отец-то'.

Зафиксировано также употребление трех посессивных аффиксов в одной словоформе (7). В этом случае дискурсивную функцию выполняет сочетание аффиксов POSS.2SG-POSS.3SG. Оно проявляет иные свойства, нежели единичный показатель POSS.3SG. Например, оно может следовать за посессивными показателями 3-го лица: *ät'ä-ž-et-šä* (отец-POSS.3SG-POSS.2SG-POSS.3SG) 'его отец-то', *ät'ä-št-et-šä* (отец-POSS.3PL-POSS.2SG-POSS.3SG) 'их отец-то'.

- (7) *üt'ü-m-et-šä ma šongä äl-än vet*
отец-POSS.1SG-POSS.2SG-POSS.3SG что старый быть-PRET ведь
'Отец-то мой старый был ведь'. [ГК: «Праздники», 115]

⁷ В [Саваткова 2002: 93] указано, что в горномарийском 11 падежей, однако в исследуемых нами говорах отсутствует «причинный» падеж на *-lanen*/-*länen*.

Присоединяясь к ИГ, показатель POSS.3SG маркирует вершину группы, но не ее зависимое, см. примеры с прилагательным (8), указательным местоимением (9), генитивным зависимым (10).

- (8) *män' šokšâ lem-žä-m / *šokšâ-žâ lem-äm jarat-em,*
я горячий суп-POSS.3SG-ACC горячий-POSS.3SG суп-ACC любить-NPST.1SG
a üštâ-žä-m agâl.
а холодный-POSS.3SG-ACC NEG
'Горячий суп я люблю, а холодный — нет'.
- (9) *ti olma-žä-m / *ti-žâ olma-m män' kačk-am,*
этот яблоко-POSS.3SG-ACC этот-POSS.3SG яблоко-ACC я есть-NPST.1SG
a tädä-žä-m kod-em.
а он-POSS.3SG-ACC оставлять-NPST.1SG
'Это яблоко я съем, а то оставлю'.
- (10) *täm-dä-n pi-dä-žä-m / *täm-dä-n-žâ*
вы-POSS.2PL-GEN собака-POSS.2PL-POSS.3SG-ACC вы-POSS.2PL-GEN-POSS.3SG
pi-dä-m män' jarat-em, a vas'a-n-žä-m agâl
собака-POSS.2PL-ACC я любить-NPST.1SG а Вася-GEN-POSS.3SG-ACC NEG
'Вашу собаку я люблю, а Васину нет'.

Показатель POSS.3SG является транскатегориальным. Он может модифицировать не только ИГ с вершинным существительным (см. (10) и примеры выше), но и местоимения-существительные (11), прилагательные в предикативной позиции (12), глаголы в финитных (13) и нефинитных формах (14)⁸, наречия (15). Ни в одном контексте употребление аффикса POSS.3SG не обязательно.

- (11) *p'atačok, tñn'-žâ xâna-em li-ät, a män'-žâ xoza âl-am=âš.*
Пятачок ты-POSS.3SG гость-POSS.1SG становится-NPST.2SG а я-POSS.3SG хозяин быть-NPST.1SG=PTCL
'Пятачок, ты-то будешь моим гостем, а я-то буду хозяином'. [ГК: «Пересказ мультфильма о Винни-Пухе», 17]
- (12) *kat'a âš-an(-žâ), maša cever(-žâ).*
Катя ум-PROP-POSS.3SG Маша красивый-POSS.3SG
'Катя умная, а Маша красивая'.
- (13) *kâ-štâ âl-en-dä-žâ?*
который-IN жить-PRET-2PL-POSS.3SG
'Где жили [собеседник и его современники во время войны]?' [ГК: «В старину», 26]
- (14) *xâna-l-aš-âžâ kâ-škâ kašt-ân-at?*
гость-DENOM-INF-POSS.3SG который-ILL ходить-PRET-2SG
'А в гости куда ездил?' [ГК: «Диалог с ребенком», 4]
- (15) *käzät vele sola-vlä-štâ každâj toma-št=ok âškal uke,*
сейчас только деревня-PL-IN каждый дом-IN=EMPH корова NEG.EX
pervi-žâ každâj toma-št=ok âškal-vlä âl-ân-ât.
прежде-POSS.3SG каждый дом-IN=EMPH корова-PL быть-PRET-3PL
'Только сейчас в деревнях не в каждом доме есть корова, раньше в каждом доме были коровы'. [ГК: «Вареники», 2]

Таким образом, дискурсивное употребление посессивных аффиксов не ограничивается оформлением существительного (вершины ИГ), а распространяется и на маркирование слов других частей речи.

4. POSS.3SG — показатель определенности?

В данном разделе мы обсудим, является ли POSS.3SG показателем определенности. Такая гипотеза предлагалась многими исследователями, изучавшими посессивные показатели в уральских языках (см. раздел 2). Для этого мы рассмотрим возможность модификации показателем POSS.3SG определенных ИГ.

⁸ Возможность присоединения посессивных показателей к инфинитивам и к личным формам глагола в луговом марийском языке отмечена также в [Андреева 2009].

Как показано в [Lyons 1999: 158—159], определенные ИГ неоднородны. Так, ИГ могут приобретать определенность в анафорических (референт определенной ИГ задан в предыдущем отрывке дискурса) и «ситуационных» контекстах (референт определенной ИГ не задан текстуально, а понятен из ситуации). В некоторых языках существуют отдельные артикли для этих типов определенности, либо маркируется только один из них. Мы рассмотрим более дробную классификацию типов определенности, выделенных в [Hawkins 1978]:

- прямая анафорическая отсылка: *I looked at a dog. The dog started barking* ‘Я посмотрела на собаку. Собака залаяла’
- ассоциативная анафорическая отсылка: *I was walking near a university. The rector waved at me* ‘Я проходила мимо университета. Ректор помахал мне рукой’
- непосредственный ситуационный контекст: (в комнате) *Close the door!* ‘Закрой дверь!’
- широкий ситуационный контекст: (в солнечной системе) *the Sun* ‘Солнце’.

Эти контексты определенности были также использованы в [Simonenko 2014], но с некоторыми модификациями. А. Симоненко не рассматривает ассоциативную анафорическую отсылку, но добавляет контекст выбора из множества. Она не объясняет свой выбор, а лишь упоминает, что неточно следует классификации определенных контекстов Дж. Хокинза. Что касается контекста выбора из множества, Дж. Хокинз утверждает, что во всех упомянутых им типах определенности происходит выбор референта из общего множества (shared set). Определенный артикль каузирует слушающего предположить, какое общее множество подразумевается (предыдущий дискурс, непосредственная или широкая ситуация, ассоциативное множество), и определить местонахождение (locate) референта в этом множестве. Мы, вслед за А. Симоненко, также рассмотрим контекст выбора из множества, однако не будем отказываться от контекста ассоциативной анафорической отсылки.

А. Симоненко отмечала, что показатель POSS.3SG в луговом марийском маркирует выбор из множества, но не локальную и глобальную уникальность и не анафорическую отсылку. Наши данные демонстрируют более сложную картину: модификация показателем POSS.3SG возможна во всех рассматриваемых контекстах, однако лицензирование этого показателя происходит не из-за этих контекстов per se (за исключением контекста выбора из множества), а из-за некоторых информационно-структурных особенностей рассматривавшихся предложений.

Так, в примере (16) с прямой анафорической отсылкой посессивное маркирование ИГ *pi* ‘собака’ крайне нежелательно, в то время как в (17) оно не отвергается носителями.

- (16) *nänä lüd-än koltâ-del-ât, liš-kâ-räk mi-en-ät,*
они бояться-CVB посылать-NEG.PRET-3PL ближнее_пространство-ILL2-CMPR приходить-PRET-3PL
pi-m / ?? pi-žâ-m vuj-žâ gâc-än niält-en-ät.
собака-ACC собака-POSS.3SG-ACC голова-POSS.3SG EL-FULL гладить-PRET-3PL
{Иван и Маша увидели в лесу какую-то собаку.} ‘Они не испугались, подошли поближе, погладили собаку по голове’.
- (17) *ivan don maša šärgâ-štä tä-maxan' pi-m už-än-ât.*
Иван и Маша лес-IN INDEF-какой собака-ACC видеть-PRET-3PL
nänä lüd-än koltâ-del-ât dä pa-kâ-la ke-n-ät,
они бояться-CVB посылать-NEG.PRET-3PL и даль-ILL2-SIM идти-PRET-3PL
a pi(-žâ) ârl-aš tängäl-än dä vaštareš-äštä kâdal-Ø tärvän-en.
а собака-POSS.3SG рычать-INF начинать-PRET и против-POSS.3PL бежать-CVB сдвигаться-PRET
{Иван и Маша увидели в лесу какую-то собаку. Они не испугались и пошли дальше, а собака зарычала и побежала к ним навстречу’.

В примерах с ассоциативной анафорической отсылкой дело тоже обстоит двояким образом: посессивное маркирование невозможно в (18), но возможно в (19).

- (18) *pel m'inut-âštâ tädä tä-šec-än läkt-än dä amasa-m / *amasa-žâ-m pitär-en.*
половина минута-IN он тот-EL-FULL выходить-PRET и дверь-ACC дверь-POSS.3SG-ACC закрывать-PRET
{Вася зашел в комнату Маши и Даши.} ‘Через полминуты он оттуда вышел и закрыл дверь’.
- (19) *vas'a maša don daša-n kâdež-äškâ-štä pâr-en. pel*
Вася Маша и Даша-GEN комната-ILL-POSS.3PL входить-PRET половина
m'inut-âštâ tädä tä-šec-än läkt-än, a amasa(-žâ)-m čüč-äš mond-en
минута-IN он тот-EL-FULL выходить-PRET а дверь-POSS.3SG-ACC закрывать-INF забывать-PRET
{Вася зашел в комнату Маши и Даши. Через полминуты он оттуда вышел, а дверь закрыть забыл’.

В предложениях с непосредственным ситуационным контекстом также допустимы оба варианта, ср. примеры (20) с невозможностью маркировать ИГ посессивным показателем и (21), в котором маркирование этим показателем возможно.

(20) *amasa-m* / *amasa-žâ-m   *čüč-∅*.
дверь-ACC   дверь-POSS.3SG-ACC   закрывать-IMP
'Закрой дверь!'

(21) *pet'a kâdež-em*   *gäc läkt-eš*,   *a män'ä man-am*:   «*amasa-žâ-m*   *čüč-ämä-∅*».
Петя комната-POSS.1SG EL   выходить-NPST.3SG а я   говорить-NPST.1SG   дверь-POSS.3SG-ACC   закрывать-POL2-IMP
'Петя выходит из моей комнаты, а я говорю: «Дверь-то закрой»'.

В предложениях с широким ситуационным контекстом маркирование тоже вариативно. Так, в (22) ИГ *kečä* 'солнце' не может присоединять показатель POSS.3SG, а в (23) может.

(22) *män'ä tor-c-ân-na*   *pozda-n*   *läkt-än-äm*,   *no kečä-m* /
я   дом-EL-FULL-POSS.1PL   поздний-ADV   выходить-PRET-1SG   но солнце-ACC
*kečä-žâ-m   *už-än-am*.
солнце-POSS.3SG-ACC   видеть-PRET-1SG
'Я вышла из дома поздно, но увидела солнце'.

(23) *män'ä tor-c-ân-na*   *läkt-än-äm*,   *a kečä(-žâ)*   *uže šänz-än=ät*   *pospe-jen*.
я   дом-EL-FULL-POSS.1PL   выходить-PRET-1SG   а солнце-POSS.3SG   уже сидеть-CVB=ADD   успевать-PRET
'Я вышла из дома, а солнце уже успело сесть'.

Исключение составляет лишь проиллюстрированный в (24) контекст выбора из множества, который будет также рассматриваться далее. Ограничений на его маркирование, подобных представленным выше, обнаружено не было.

(24) *pet'a tol-ân*   *dä lu*   *kanf'et-äm* / *kanf'et-šâ-m*   *kačk-ân kolt-en*.
Петя приходить-PRET и   десять конфета-ACC   конфета-POSS.3SG-ACC   есть-CVB   послать-PRET
{Я купила много конфет и положила их на стол} 'Пришел Петя и съел десять конфет'.

Маркирование выбора из множества с помощью показателя POSS.3SG в горномарийском языке может продемонстрировать также с помощью следующих примеров. Он входит в состав лексемы *šukâžâ*, обозначающей в (25) большинство объектов из некоторой совокупности.

(25) *mar-la kn'igä-vlä tol-ât*,   *no šukâ-žâ*   *alâk mar-la-vlä*.
мари-SIM книга-PL   приходить-NPST.3PL   но много-POSS.3SG   луг   мари-SIM-PL
'Книги на марийском поступают, но большинство на луговом марийском'. [ГК: «Библиотека», 8]

Лексема *kânamžâ* 'иногда' (26) образована с помощью местоименного наречия *kânam* 'когда' и показателя POSS.3SG: выбор из множества временных отрезков, маркированный показателем POSS.3SG, закреплен на лексическом уровне (см. словарь [Саваткова 2008: 116]).

(26) *kânam-žâ*   *sous-äm opt-alal-am*,   *lem-äškä pišt-em*.
когда-POSS.3SG   соус-ACC   класть-ATT-NPST.1SG   суп-ILL   класть-NPST.1SG
'Иногда соус положу, в суп положу'. [ГК: «Правильное питание», 233]

Показателем POSS.3SG может маркироваться слово *ta* 'что', когда говорящий пытается подобрать нужное слово (27). Данное слово представляет собой один из видов заполненной паузы hesitation [Podlesskaya 2010: 13], а именно маркер препаративной подстановки по [Подлеская, Коротаев 2009].

(27) *ma-žâ-m*,   *tâgâr-vlä-m*   *či-kt-ät*   *vet*.
что-POSS.3SG-ACC   рубашка-PL-ACC   надеть-CAUS.DIST-NPST.3PL   ведь
'Что, рубашки дарят ведь'. [ГК: «Праздники», 140]

Показатель POSS.3SG употребляется также в контекстах лексического выбора — он может маркировать русское слово, когда говорящий пытается подобрать его марийское соответствие (28). Такие слова не адаптированы фонологически, однако среди них встречаются спрягаемые формы глаголов с горномарийскими словоизменительными аффиксами (29), примеры же с русским словоизменением в корпусе не встретились. Во всех этих контекстах говорящий вставляет «инородный элемент» в речь и параллельно осуществляет поиск нужного, исконного элемента.

- (28) *vošt'-šâ vot kâce mar-la li-eš vot ä?*
 вождь-POSS.3SG вот как мари-SIM становится-NPST.3SG вот а
 'Вождь-то вот как по-марийски будет вот, а?' [ГК: «Акпарс», 3]
- (29) *osvoboždaj-en-ät-šâ kâce li-eš mar-la-žâ?*
 освободить-PRET-3PL-POSS.3SG как становится-NPST.3SG мари-SIM-POSS.3SG
 'Как будет «освободили» по-марийски?' [ГК: «Акпарс», 19]

Как видно из (29), при поиске нужного слова посессивным показателем может маркироваться и само название языка. Говорящий осознает, что произнесенное им слово принадлежит не горномарийскому языку, на котором он хотел его произнести, а русскому, и противопоставляет эти языки (ср. аналогичную конструкцию с частицей *-to* в русском языке: *как по-марийски-то это слово будет, а не по-русски*). В неконтрастивных контекстах названия языков остаются немаркированными (30). Подробнее о переключении кодов как контексте контрастивности см. [Плешак, Хомченкова 2019].

- (30) *tän'ä mar-la a-t mâštâ man-aš.*
 ты мари-SIM NEG.NPST-2SG уметь говорить-INF
 'Ты не умеешь по-марийски говорить'. [ГК: «Диалог (эксперимент) — 1», 407]

Таким образом, можно предположить, что ключевой функцией показателя POSS.3SG является выбор из множества, а не маркирование определенности, поскольку в прочих контекстах (прямая анафорическая отсылка, ассоциативная анафорическая отсылка, непосредственный ситуационный контекст, широкий ситуационный контекст) его приемлемость зависит от некоторых информационно-структурных характеристик высказывания. Мы рассмотрим влияние информационной структуры и референциального статуса в разделе 5. В разделе 6 мы подробнее обсудим семантику показателя POSS.3SG на корпусном материале.

5. Референциальный статус и информационная структура

В разделе 4 на примере определенных ИГ мы показали, что POSS.3SG нельзя рассматривать как показатель определенности. Однако, поскольку предшествующие авторы тем или иным образом связывали его употребление с референциальными характеристиками ИГ, в этом разделе мы рассмотрим, нет ли корреляции между допустимостью показателя POSS.3SG и референциальным статусом. Мы также предположили, что на его употребление могут накладываться ограничения информационно-структурные характеристики высказывания. Зависимость употребления посессивных аффиксов от информационной структуры обсуждалась, например, в [Кашкин, Панкова 2011] для ижемского диалекта коми языка, в [Janda 2015, 2019] для обско-угорских языков, см. также [Сердобольская, Толдова 2012] о взаимодействии факторов референциального статуса и информационной структуры при дифференцированном маркировании прямого объекта в финно-угорских языках⁹.

Мы принимаем за основу классификацию референциальных статусов, предложенную в [Givón 1978, 1984]. Т. Гивон проводит различие между референтным определенным (definite), референтным неопределенным (referential indefinite), нереферентным неопределенным (non-referential indefinite) и генерическим статусами (generic), ср. (31a—г) соответственно.

- (31) а. *The bear is walking back and forth in his cage.*
 'Медведь ходит туда-сюда по своей клетке'.
- б. *There is a bear in your apartment.*
 'В твоей квартире какой-то медведь'.
- в. *Draw a bear on this page.*
 'Нарисуй на этой странице медведя'.
- г. *The bear is a very dangerous animal.*
 'Медведь — это очень опасное животное'.

⁹ В некоторых работах отмечается, что на посессивное маркирование может влиять структурная позиция ИГ (см., например, [Кашкин 2008] об ижемском диалекте коми-зырянского языка). Согласно нашим предварительным наблюдениям, в горномарийском языке нет связи между структурной позицией и маркированием показателем POSS.3SG, поэтому в текущей работе мы анализировали ИГ только в позиции подлежащего, однако этот вопрос требует дальнейшего исследования.

Все эти типы образуют шкалу референциальных статусов¹⁰ (см. рис. 1).

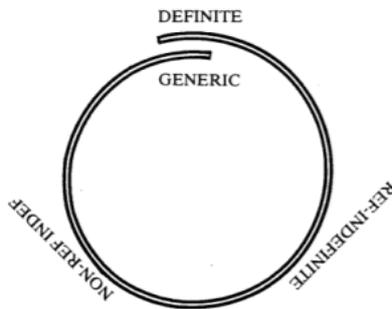

Рис. 1. Шкала референциальных статусов [Givón 1984: 407]

Информационная структура связана с «упаковкой» информации в предложении, которая помогает управлять потоком информации между говорящим и слушающим, см., например, [Chafe 1976]. Различные исследователи выделяют различные категории при изучении информационной структуры — например, тему и рему [Янко 1994, 2008] (theme-rheme, [Halliday 1967]), топик и фокус (topic-focus, [Lambrecht 1994]), топик и комментарий (topic-comment, [Reinhart 1982]), фокус и фон (focus-background, [Chafe 1976]), фокус, «связь» и «хвост» (focus, link, tail, [Vallduví 1992]).

В данной главе мы используем понятия топика и фокуса вслед за [Lambrecht 1994]. Топик — это то, о чем говорится в предложении. Фокус — это то, что сообщается о топике. Мы также используем понятие контраста, считая его ортогональным к категориям топика и фокуса (см., например, [Molnár 2006; Янко 2008: 23]). При контрастном топике и фокусе существуют альтернативы, из которых осуществляется выбор¹¹; см., в частности, определение из [Тестелец 2001: 458]: «Контрастивностью, или контрастивным выделением, называется коммуникативная категория, обозначающая выбор с противопоставлением из нескольких элементов небольшого множества, состав которого известен говорящему и адресату».

Итак, мы рассматриваем четыре референциальных статуса (определенный, референтный неопределенный, нереферентный неопределенный, генерический) и четыре категории информационной структуры (топик, фокус, контрастный топик, контрастный фокус). Опишем возможность употребления показателя POSS.3SG в зависимости от этих категорий.

5.1. Референтные определенные ИГ

Референтные определенные ИГ (см. также примеры в разделе 4) могут модифицироваться показателем POSS.3SG в топике¹² (32), а в фокусе этот показатель менее допустим (33). Также возможна модификация ИГ *kečä* ‘солнце’ показателем POSS.3SG в контрастном топике (34) и контрастном фокусе (35)¹³.

- (32) *kā-štā kečä läkt-eš?* — *kečä(-žä) vostok-āštā läkt-eš.*
 который-IN солнце выходить-NPST.3SG солнце-POSS.3SG восток-IN выходить-NPST.3SG
 ‘Где встает солнце? — Солнце встает на востоке’.

¹⁰ Шкала референциальных статусов Т. Гивона представлена в виде спирали из-за неоднозначной позиции генерического статуса. Генерический статус не является референтным, поэтому он расположен далеко от определенного статуса. Однако он может маркироваться и как определенный, если в качестве референта выступает целый класс, ср. (31г), где *the bear* имеет генерический референциальный статус, и (31а), где *the bear* — ИГ с определенным референциальным статусом. При этом ИГ с референтным неопределенным (31б) и нереферентным неопределенным (31в) статусом маркируются другим способом — с помощью неопределенного артикля.

¹¹ Некоторые исследователи анализируют и неконтрастный фокус как выбор из множества альтернатив, см., например, [Rooth 1985]. Контрастный фокус отличается от неконтрастного наличием салиентного или эксплицитно выраженного множества альтернатив.

¹² Здесь и далее под топиком и фокусом понимаются неконтрастные топик и фокус, если эксплицитно не указано иное.

¹³ В контекстах с эксплицитным противопоставлением двух альтернатив некоторые носители допускают маркирование только одного конъюнкта. В позиции контрастного топика, по имеющимся данным, всегда допускается маркирование второго конъюнкта. Для позиции контрастного фокуса выбор конъюнкта, маркирование которого предпочтительно, требует дальнейшего исследования.

- (33) *ma vā-kä anž-et?* — *kečä* / [?]*kečä-žä* *vā-kä*.
 что верх-ILL2 смотреть-NPST.2SG солнце солнце-POSS.3SG верх-ILL2
 ‘На что ты смотришь? — На солнце’.
- (34) *tälzä* / [?]*tälzä-žä* *üstä*, *a kečä(-žä)* *šokšä*.
 луна луна-POSS.3SG холодный а солнце-POSS.3SG горячий
 ‘Луна холодная, а солнце горячее’.
- (35) *krokod'il kečä(-žä)-m nel-än kolt-en*, *a tälzä-m* / [?]*tälzä-žä-m* *agäl*.
 крокодил солнце-POSS.3SG-ACC глотать-CVB посылать-PRET а луна-ACC луна-POSS.3SG-ACC NEG
 ‘Крокодил солнце проглотил, а не луну’.

Маркирование определенной ИГ в широком фокусе (36) и в тетических предложениях (37) недопустимо¹⁴. Эти информационно-структурные характеристики мы далее рассматривать не будем.

- (36) *ma-m tänä äšt-et?* — *kečä* / ^{*}*kečä-žä* *vā-kä anž-em*.
 что-ACC ты делать-NPST.2SG солнце солнце-POSS.3SG верх-ILL2 смотреть-NPST.1SG
 ‘Что ты делаешь? — Смотрю на солнце’.
- (37) *ma u ulä?* — *pet'a kečä mäch-kä kečä* / ^{*}*kečä-žä* *vā-kä anž-en*,
 что новый EX Петя день конец-ILL2 солнце солнце-POSS.3SG верх-ILL2 смотреть-PRET
dä kəzət tädä-n sänzä-vlä-žä karšt-at.
 и сейчас он-GEN глаз-PL-POSS.3SG болеть-NPST.3PL
 ‘Что нового? — Петя весь день смотрел на солнце, и теперь у него болят глаза’.

5.2. Референтные неопределенные ИГ

Референтные неопределенные ИГ в большинстве идиолектов не могут модифицироваться показателем POSS.3SG в фокусе (38). В контрастном фокусе (39) и контрастном топике (40) показатель POSS.3SG возможен, но предпочтительно его отсутствие. В позиции топика неопределенные ИГ находиться не могут, см., например, [Givón 1978: 318; Gundel 1988: 213—215; Erteschik-Shir 2014: 25].

- (38) *kü papa-m toma jakte kand-en kod-en?* —
 кто бабушка-ACC дом до приносить-CVB оставлять-PRET
ta-maxan' püergä / ^{??}*püergä-žä*.
 INDEF-какой мужчина мужчина-POSS.3SG
 ‘Кто довел бабушку до дома? — Какой-то мужчина’.
- (39) *bank-əm ta-maxan' ädärämäš* / ^{??}*ädärämäš-əžä* *šolä-št-Ø* *lākt-ən*, *a püergä agäl*.
 банк-ACC INDEF-какой женщина женщина-POSS.3SG вор-DENOM-CVB извлекать-PRET а мужчина NEG
 ‘Банк ограбила какая-то женщина, а не мужчина’.
- (40) *tagaçä irok novos't'-əm anž-en-äm*. *tengečä ta-maxan' ädärämäš* / [?]*ädärämäš-əžä*
 сегодня утро новость-ACC смотреть-PRET-1SG вчера INDEF-какой женщина женщина-POSS.3SG
bank-əm šolä-št-Ø lākt-ən, *a ta-maxan' püergä* / [?]*püergä-žä*
 банк-ACC вор-DENOM-CVB извлекать-PRET а INDEF-какой мужчина мужчина-POSS.3SG
lapka-m šolä-št-Ø lākt-ən.
 магазин-ACC вор-DENOM-CVB извлекать-PRET
 ‘Сегодня утром я смотрела новости. Вчера какая-то женщина ограбила банк, а какой-то мужчина ограбил магазин’.

¹⁴ Под тетическими понимаются «коммуникативно нерасчлененные» предложения, которые полностью находятся в фокусе [Тестелец 2001: 447], см. также [Sasse 1995: 4]. В предложениях с широким фокусом новая информация заключена в глагольной группе, а субъект является топикальным. В предложениях с узким фокусом новая информация заключена в аргументе или адьюнкте глагола. В [Lambrecht 1994: 223] эти понятия называются предикатным фокусом (predicate focus), аргументным фокусом (argument focus) и сентенциальным фокусом (sentence focus) соответственно. Однако термин ‘узкий фокус’ (narrow focus), который фигурирует в более ранней работе [Lambrecht 1986], кажется более точным, поскольку узкий фокус возможен не только на аргументах, но и на адьюнктах.

5.3. Нереперентные неопределенные ИГ

Нереперентные неопределенные ИГ также не могут модифицироваться показателем POSS.3SG в фокусе (41). В контрастном фокусе (42) и контрастном топике (43) показатель POSS.3SG возможен в некоторых идиолектах, при этом предложение с контрастным топиком оказывается более допустимым, чем предложение с контрастным фокусом. Тем не менее, отсутствие показателя POSS.3SG предпочтительно. В позиции топика нереперентные неопределенные ИГ также находиться не могут, см., например, [Gundel 1988: 213—215].

- (41) *vas'a-lan ik-tä-maxan' ärvezä / *ärvezä-žä kel-eš,*
 Вася-DAT один-INDEF-какой мальчик мальчик-POSS.3SG нуждаться-NPST.3SG
tädä-län mad-aš-äžä ik-t=ät uke.
 он-DAT играть-INF-POSS.3SG один-FULL=ADD NEG.EX
tädä-n sola-štä-žä kogo-rak-vlä vele äl-ät.
 он-GEN деревня-IN-POSS.3SG большой-CMPR-PL только жить-NPST.3SG
 {— Кто нужен Васе?} 'Васе нужен какой-нибудь мальчик. Ему не с кем играть. В его деревне живут только взрослые'.
- (42) *vas'a-lan ik-tä-maxan' ärvezä / [?]ärvezä-žä kel-eš, a ädäräš agäl.*
 Вася-DAT один-INDEF-какой мальчик мальчик-POSS.3SG нуждаться-NPST.3SG а девочка NEG
 'Васе нужен какой-нибудь мальчик, а не девочка'. {Ему не с кем играть. В его деревне живут только взрослые.}
- (43) *ik-tä-maxan' ärvezä / [?]ärvezä-žä kel-eš vas'a-lan,*
 один-INDEF-какой мальчик мальчик-POSS.3SG нуждаться-NPST.3SG Вася-DAT
a ik-tä-maxan' ädäräš / [?]ädäräš-žä maša-lan.
 а один-INDEF-какой девочка девочка-POSS.3SG Маша-DAT
 'Какой-нибудь мальчик нужен Васе, а какая-нибудь девочка — Маше'. {Но в их деревне живут только взрослые.}

5.4. Генерические ИГ

Генерические ИГ могут модифицироваться показателем POSS.3SG в топике (44), в то время как в фокусе этот показатель недопустим (45). Модификация посессивным показателем 3 л. ед. ч. в контрастном топике (46) наиболее допустима (для отдельных носителей посессивный показатель более уместен на втором конъюнкте), в то время как присоединение POSS.3SG к ИГ в контрастном фокусе (47) допускается лишь некоторыми носителями.

- (44) *mä-läm p'ingv'in gišän ik-ta-ma-m šajäšt-Ø pu-Ø=aj.*
 я-DAT.POSS.1SG пингвин о один-INDEF-что-ACC говорить-CVB давать-IMP=POL I
 — *p'ingv'in / [?]p'ingv'in-žä južnäj äl-ä. pol'us-äštä*
 пингвин пингвин-POSS.3SG южный жить-NPST.3SG полюс-IN
 '— Расскажи мне что-нибудь о пингвине. — Пингвин живет на Южном полюсе'.
- (45) *a maxan' životnäj južnäj pol'us-äštä äl-ä? — južnäj pol'us-äštä*
 а какой животное южный полюс-IN жить-NPST.3SG южный полюс-IN
p'ingv'in / *p'ingv'in-žä äl-ä.
 пингвин пингвин-POSS.3SG жить-NPST.3SG
 '— А какое животное живет на Южном полюсе? — На Южном полюсе живет пингвин'.
- (46) *oš möskä(-žä) s'ev'ernäj pol'us-äštä äl-ä, a p'ingv'in(-žä) južnäj-äštä.*
 белый медведь-POSS.3SG северный полюс-IN жить-NPST.3SG а пингвин-POSS.3SG южный-IN
 'Белый медведь живет на Северном полюсе, а пингвин — на Южном'.
- (47) *s'ev'ernäj pol'us-äštä oš möskä / [?]möskä-žä äl-ä,*
 северный полюс-IN белый медведь медведь-POSS.3SG жить-NPST.3SG
a p'ingv'in / [?]p'ingv'in-žä agäl.
 а пингвин пингвин-POSS.3SG NEG
 'На Северном полюсе живет белый медведь, а не пингвин'.

5.5. Обобщение данных

В таблице 2 обобщена информация об употреблении показателя POSS.3SG в зависимости от референциального статуса ИГ и ее роли в информационной структуре.

Таблица 2. Влияние референциального статуса и информационной структуры на допустимость маркирования ИГ показателем POSS.3SG

	топик	контрастный топик	фокус	контрастный фокус
референтный определенный	ОК	ОК	?	ОК
генерический	?	ОК	*	?
референтный неопределенный	—	?	*	?
нереферентный неопределенный	—	?	*	??

Таким образом, в топике показатель POSS.3SG может модифицировать определенную и генерическую ИГ. Маркирование генерических и (не)референтных неопределенных ИГ допустимо в контрастном топике. В фокусе посессивный аффикс практически не может быть употреблен; лишь некоторые носители допускают возможность маркирования показателем POSS.3SG определенных ИГ. В контрастном фокусе дистрибуция этого показателя также ограничена, при этом его употребление с референтными ИГ более допустимо. В целом показатель POSS.3SG тяготеет к топикальным/контрастным контекстам и, тем самым, к определенным ИГ, поскольку статус топика/контраста для них наиболее характерен (см., например, [Lambrecht 1994: 286—295; Lyons 1999: 232—236]).

6. Противопоставление участников и их статуса в дискурсе

Как мы отмечали в разделе 4, функции посессивного показателя POSS.3SG объединяет идея выбора из множества. Контрастные топик и фокус в локальной структуре дискурса также анализируются как выбор из множества альтернатив [Erteschik-Shir 2007; Repp 2010] (раздел 6.1, см. также раздел 5, где было показано, что POSS.3SG может маркировать контрастный топик и фокус). В глобальной структуре дискурса при смене топика происходит выбор топика из множества возможных вариантов в дискурсе, активированных в сознании говорящего и слушающего, а при маркировании протагониста выбор происходит из множества всех протагонистов, действующих в различных фрагментах дискурса (раздел 6.2, см. также раздел 4, где приводятся примеры на смену топика).

6.1. Контрастивные контексты

К контрастивным контекстам относится в первую очередь собственно выбор из множества (см. раздел 4). Например, в (48) речь идет об одном вопросе этнографического диктанта, посвященном Конституции и выбранном из множества всех вопросов.

- (48) *jad-maš-vlä int'er'esnâj-vlä âl-ân-ât, tidä mäm-nä-n ros'ijä-n*
 спрашивать-NMLZ2-PL интересный-PL быть-PRET-3PL этот мы-POSS.1PL-GEN Россия-GEN
konst'itucij-äm pälä-mä dono kâld-ält-eš ik jad-maš-âžâ.
 конституция-ACC знать-NMLZ с связывать-MED-NPST.3SG один спрашивать-NMLZ2-POSS.3SG
 'Вопросы были интересные, это, один вопрос из этих связан со знанием Конституции РФ'. [ГК: «Этнографический диктант», 12]

Также к контрастивным контекстам относятся контрастные топики и фокусы (см. раздел 5). Например, в (49) контрастными топиками являются выражения *kâdâ cävâžâ* 'некоторые курицы' и *kâdâžâ* 'некоторые', в (50) представлены контрастные топики *vätâ* 'жена' и *mânžâ* 'я', в (51) — контрастные фокусы *žilojžâ* 'жилой' и *pusta* 'пустой'. Из этих примеров, кроме того, видно, что маркироваться посессивным показателем могут не все противопоставленные группы, см. также сноску 11.

- (49) *kâdâ cävâžâ püšängä vuj-âš kuz-en šänz-eš, kâdâ-žâ*
 который курица-POSS.3SG дерево голова-ILL подниматься-CVB садиться-NPST.3SG который-POSS.3SG
ik-tä täškä lo-eš pâjx-en šänz-eš jâd vaš-eš.
 один-INDEF куст середина-LAT прятаться-CVB садиться-NPST.3SG ночь сквозь-LAT
 'Некоторые куры залезают на дерево, некоторые в кустах скрылись на ночь'. [ГК: «Бешеные лисички», 21]

- (50) *vätä äl-eš šünängär gäc-än, män'-žä jäljal gäc-än.*
 женщина быть-NPST.3SG Шунангер EL-FULL я-POSS.3SG Юльялы EL-FULL
 ‘Жена из Шунангера, а я из Юльял¹⁵. [ГК: «Колбаса», 2]
- (51) *a kžät teve=š täštäken kod-än-ät ik toma žiloj-žä, näl toma pusta, vot.*
 а сейчас вот=PTCL там оставаться-PRET-3PL один дом жилой-POSS.3SG четыре дом пустой вот
 ‘Ну а сейчас вот там остался один дом жилой, а четыре дома пустующие, вот’. [ГК: «Кукшилиды», 34]

В некоторых примерах, в отличие от (49)—(51), содержится противопоставление ситуаций, в которых задействованы участники. Так, в (52) говорящий обращается к собеседнику, ранее упрекнувшему его в том, что он ловит рыбу на принадлежащем собеседнику месте. Внимание акцентируется на том, кем является именно говорящий, он противопоставляется слушающему; противопоставлены и ситуации ‘я сын царя’ и ‘ты говоришь со мной неподобающим образом’.

- (52) *ax, tän' päl-et, män'-žä kü äl-am, — man-eš, —*
 ах ты знать-NPST.2SG я-POSS.3SG кто быть-NPST.1SG говорить-NPST.3SG
män' kugižä ergä äl-am man-eš.
 я царь сын быть-NPST.1SG говорить-NPST.3SG
 ‘«Ах, ты знаешь, кто я такой», — говорит, — «я сын царя», — говорит’. [ГК: «Сказка о богатыре», 44]

Предложение (53) использовано в ситуации, когда Винни-Пух начинает звать Кролика, подойдя к его дому, и слышит произносимый голосом Кролика ответ, что дома никого нет. В данном случае противопоставляются ситуации отсутствия Кролика дома и наличия ответа, который доносится из дома. При этом противопоставление самого Кролика другим участникам не очевидно.

- (53) *a kâ-škâ kej-en krol'ik-šä?*
 а который-ILL идти-PRET кролик-POSS.3SG
 ‘А куда делся Кролик?’ [ГК: «Пересказ мультфильма о Винни-Пухе», 32]

В (54) противопоставлены ситуации ‘говорящий хорошо умел бегать’ и ‘бегать с котомкой было тяжело’. Поссесивный показатель присоединяется к форме деепричастия от глагола *kârgâžtalaš* ‘бегать’ с нулевым показателем, которая не может иметь предметный референт и вводит противопоставление каких-либо участников ситуации.

- (54) *män' kârgâž-tal-φ-žä jažo-n mâšt-em äl'ä.*
 я бежать-ATT-CVB-POSS.3SG хороший-ADV уметь-NPST.1SG RETR I
no kotomka don kârgâž-tal-aš iziš nelä-räk äl-än.
 но котомка с бежать-ATT-INF немного тяжелый-СМРР быть-PRET
 ‘Я хорошо бегать умел. Но бегать с котомкой немного тяжело было’. [ГК: «Армейская байка о водке», 51—52]

6.2. Маркирование роли участника в дискурсе

Под контрастивным маркированием на уровне дискурса мы понимаем случаи, когда для объяснения наличия показателя POSS.3SG необходимо принять во внимание не только само предложение, но и предыдущий контекст. При этом непосредственного противопоставления разных участников может и не быть, но происходит перераспределение их ролей в дискурсе. Например, показатель POSS.3SG может маркировать поворот повествования: из активированных возможных топиков выбирается один. Так, в (55) речь идет о волке из мультфильма «Ну, погоди!»; сообщается, что он видит медведей. Затем в (56)—(57) происходит поворот повествования: речь заходит о медведях, которые были введены в предыдущем предложении. После этого отступления рассказ возвращается к действиям волка (58).

- (55) *už-än kolt-a motocikäl-äštä möskü-vlū kädal-ät.*
 видеть-CVB посылать-NPST.3SG мотоцикл-IN медведь-PL бежать-NPST.3PL
 ‘{Волк по асфальту, по улице шагает,} видит: на мотоцикле медведи едут’. [ГК: «Пересказ мультфильма «Ну, погоди!» (2), 21]
- (56) *möskü-vlū-žä... они как бы милиционеры, да?*
 медведь-PL-POSS.3SG
 ‘А медведи... они как бы милиционеры, да?’ [ГК: «Пересказ мультфильма «Ну, погоди!» (2), 22]

¹⁵ Шунангер и Юльялы — населенные пункты в Горномарийском районе.

- (57) *möskü-vlä-žä m'il'icejsk'ij vârgem-än âl-ât.*
медведь-PL-POSS.3SG милицейский одежда-PROP быть-NPST.3PL
'Медведи в милицейской форме были'. [ГК: «Пересказ мультфильма «Ну, погоди!» (2), 23]
- (58) *pirä jäle-räk moren-äm t'el'efonnâj budka-š pitär-en šänd-ä.*
волк скоро-СМРР заяц-ACC телефонный будка-ILL закрывать-CVB сажать-NPST.3SG
'Волк быстро зайца закрывает в телефонной будке'. [ГК: «Пересказ мультфильма «Ну, погоди!» (2), 24]

В (59)—(60) мы наблюдаем аналогичную ситуацию: сначала был введен фокусный участник — шапка, который в следующем предложении становится топиком и поэтому маркируется посессивным показателем.

- (59) *ik gänä lapka-š ke-mäk-em, kalpak-äm uš-än-am.*
один раз магазин-ILL идти-CVB.ANT-POSS.1SG шапка-ACC видеть-PRER-1SG
{В молодости, в первый год когда начал работать, работал среди луговых марийцев.} 'Один раз, когда пошел в магазин, увидел шапку'. [ГК: «О шляпе», 2]
- (60) *kalpak-šâ ludâ cäre-än âl'-â.*
шапка-POSS.3SG серый цвет-PROP быть-AOR.3SG
'Эта шапка была серого цвета'. [ГК: «О шляпе», 3]

Важно, что маркируется именно смена топика, а не повторение слова (ср. контексты с анафорическим антецедентом по Дж. Хокинзу, рассмотренные в разделе 4). Так, в предложениях (61)—(63), предшествующих примеру (64), слово *küer* 'камень' встречается три раза. Однако на протяжении этих трех предложений описываются действия детей над камнем, т. е. именно дети являются топикальными участниками в этих предложениях. В (64) топикальным участником становится камень, что вызывает посессивное маркирование на соответствующей ИГ.

- (61) *vara ke-ât kornâ-štâ, uš-än kolt-at küer-äm.*
потом идти-NPST.3PL дорога-IN видеть-CVB посылать-NPST.3PL камень-ACC
{По этой карте идут, идут они по дороге. Лису видят. Потом еще идут, идут. Барсука видно.} 'Потом идут по дороге, еще видят камень'. [ГК: «Пересказ мультфильма «Песнь моря»», 17]
- (62) *tâ küer gâc-än âlâštâš-äm nâl-än šu-at.*
тот камень EL-FULL лист-ACC брать-CVB бросать-NPST.3PL
'С этого камня убирают листву'. [ГК: «Пересказ мультфильма «Песнь моря»», 18]
- (63) *tâ küer-äm lükt-äl-Ø šagal-t-at=at.*
тот камень-ACC поднимать-ATT-CVB вставить-CAUS-NPST.3PL=ADD
'Этот камень поднимают'. [ГК: «Пересказ мультфильма «Песнь моря»», 19]
- (64) *tâ küer-žä volšebnâj âl-än.*
тот камень-POSS.3SG волшебный быть-PRER
'Этот камень волшебный был'. [ГК: «Пересказ мультфильма «Песнь моря»», 20]

Другими словами, показатель POSS.3SG не маркирует «продолжающийся топик», он употребляется при «изменяющемся топике» (continued topic и shifted topic в терминологии [Erteschik-Shir 2007]).

Как и контрастные топик и фокус на уровне предложения, смену топика в дискурсе также можно анализировать, используя идею выбора из множества, см., например, [Lee 1986: 303]. Так, в (65) задается тема дальнейшего дискурса: мультфильмы. В (66) в качестве ответа на вопрос о любимых мультфильмах отвечающий выбирает мультфильм «Барбоскины». В (67) спрашивающий выбирает новый топик из множества мультфильмов («Маша и медведь»). В (68) отвечающий продолжает краткое обсуждение мультфильма «Маша и медведь», после чего в (69) спрашивающий снова выбирает новую тему из множества мультфильмов («Ну, погоди!»).

- (65) *maxan' mul'tf'il'm-vlä-m anž-aš jarat-et, lešängä*
какой мультфильм-PL-ACC смотреть-INF любить-NPST.2SG недавно
mul't'ik-äm čükt-äktä-ne-t âl'-â=š.
мультик-ACC зажигать-CAUS.DIST-DES-2SG RETR1=PTCL
'Какие мультфильмы смотреть любишь, недавно хотел было заставить включить мультфильм'. [ГК: «Диалог с ребенком», 96]

- (66) *maxan'-â-m jarat-et?* — Барбоскины.
какой-FULL-ACC любить-NPST.2SG
'Какой любишь? — «Барбоскины»'. [ГК: «Диалог с ребенком», 97—98]
- (67) *maša i m'edv'ed'-šă-m a-t jaratâ?*
Маша и медведь-POSS.3SG-ACC NEG.NPST-2SG любить
'А «Машу и медведя» не любишь?' [ГК: «Диалог с ребенком», 102]
- (68) *tožâ jarat-em. eše Фиксики.*
тоже любить-NPST.1SG еще
'Тоже люблю. Еще «Фиксики»'. [ГК: «Диалог с ребенком», 103]
- (69) *nu pogod'i-žă-m?* — Угу.
ну погоди-POSS.3SG-ACC
'А «Ну, погоди!»? — Угу'. [ГК: «Диалог с ребенком», 104—105]

К классу контекстов со сменой топика можно отнести и предложения со словами *ešežă* 'а еще' (70), *varažă* 'а потом' (71).

- (70) *ong-âštâ-štâ... šer-vlä keč-ät, eše-žă anzâlvač,*
грудь-IN-POSS.3PL бусы-PL висеть-NPST.3PL еще-POSS.3SG фартук
man-šaš, kârâk marâ-n gan'=ok.
говорить-OPT гора мари-GEN как=EMPH
{Так, у горных марийцев есть наплечники, у них тоже на плечах есть подобие наплечников, но, видимо, вышитые.} 'У них на груди висят бусы, а еще есть, так сказать, фартук, похожий на горнома-рийский'. [ГК: «Одежда (описание картинок)», 25]
- (71) *tenge-lâ-n vuj-âš văr-ešt-ät, vuj vim-ăškă...*
так-SIM-FULL голова-ILL место-DENOM-NPST.3PL голова мозг-ILL
văr-ešt-ät, a vara-žă kap'il'ar-vlä mâč-kâ jog-en a-k kert-ep.
место-DENOM-NPST.3PL а потом-POSS.3SG капилляр-PL конец-ILL2 течь-CVB NEG.NPST-3 мочь-3PL
{Так 3, 4, 5, 6 эритроцитов вместе связываются, они начинают вместе перемещаться по венам.} 'Та-ким образом попадают в голову, в головной мозг, а потом не могут поступить в капилляры'. [ГК: «О вреде алкоголя», 13]

Такое употребление показателя POSS.3SG похоже на употребление союза *a* в русском языке («а поворота повествования» / «а начала новой темы», см. [Урысон 2011]). В случае, когда происходит «поворот повествования», как в предложении *Маша разбирала этюд Шопена, и/а он был сложный*, союз *a* может быть употреблен, поскольку во второй клаузе речь идет не о Маше, а об этюде Шопена. В случае же, когда «поворот повествования» не происходит, как в предложении *Маша разбирала этюд Шопена, и/а он казался ей очень трудным*, употребление союза *a* невозможно, поскольку речь все еще идет о Маше (о ее ментальном состоянии).

Еще одной параллелью может служить употребление местоимения *tot* в русском языке. Согласно [Подлесская 2020], это местоимение можно анализировать как маркер смены топика. Так, в контексте *Петя встретил Колю. Тот*_{ij} был не в духе и не поздоровался* ([там же: 632]), местоимение *tot* может отсылать к Коле, но не к Пете.

Рассмотрим также следующий отрывок дискурса. В (72) волк, который в первый раз появляется в этом тексте, задает псу вопрос. В (73) пес отвечает на вопрос (при этом в предложении нет ИГ, которая отсылала бы к псу, что может быть результатом его высокой топикальности, см. о модели референциального выбора, например, в [Kibrik 2011]). В (74) волк произносит ответную реплику, соответствующая ИГ оформляется посессивным маркером, что можно было бы анализировать как смену топика. Затем в (75) волк продолжает говорить, т. е. смены топика, например, на пса не происходило. В (76) волк также остается топикальным, однако на этот раз лексема *piră* 'волк' маркируется посессивным показателем.

- (72) *vad-eš li-măkă, tidă-m piră cakl-a dă...*
вечер-LAT становиться-CVB.ANT этот-ACC волк замечать-NPST.3SG и
«ta-m äšt-et?» — man-eš.
что-ACC делать-NPST.2SG говорить-NPST.3SG
'Когда наступает вечер, его замечает волк и... «Что делаешь?» — говорит'. [ГК: «Пересказ мультфильма «Жил-был пес»», 25—26]

- (73) *kek-əm kăčă-ne-m — man-eš.*
птица-ACC держать-DES-1SG говорить-NPST.3SG
‘«Птицу хочу поймать», — говорит {пес}’. [ГК: «Пересказ мультфильма «Жил-был пес»», 27]
- (74) *a tən'-žă ma-m ti-štă kašt-at? — man-eš.*
а ты-POSS.3SG что-ACC этот-IN ходить-NPST.2SG говорить-NPST.3SG
sola-štă əl-et əl'ə=š — man-eš piră-žă.
деревня-IN жить-NPST.2SG RETR1=PTCL говорить-NPST.3SG волк-POSS.3SG
‘«А ты-то что тут ходишь? — говорит. — Ты в деревне же жил!» — говорит волк’. [ГК: «Пересказ мультфильма «Жил-был пес»», 28—31]
- (75) *ăšt-et, măn'-əm kăce pokt-əl-at əl'ə? — man-eš.*
помнить-NPST.2SG я-ACC как гнать-SEM-NPST.2SG RETR1 говорить-NPST.3SG
pi-n oĵără-š sänză-žă-m uŷ-eš dă əngəlă-š.
собака-GEN горевать-PTCP.АКТ глаз-POSS.3SG-ACC видеть-NPST.3SG и понимать-AOR
‘«Помнишь, как ты меня гонял?» — говорит {волк}. Увидел грустные глаза пса и понял’. [ГК: «Пересказ мультфильма «Жил-был пес»», 32—34]
- (76) *aaa, tən'-əm=ăt pokt-en lăkt-ən-ət — man-eš piră-žă.*
ты-ACC=ADD гнать-CVВ извлекать-PRET-3PL говорить-NPST.3SG волк-POSS.3SG
‘«А-а-а, тебя тоже выгнали», — говорит волк’. [ГК: «Пересказ мультфильма «Жил-был пес»», 35]

Это употребление посессивного показателя нельзя анализировать как смену топика. Можно предположить, что показатель POSS.3SG может также маркировать ИГ, обозначающие протагонистов. Таким образом, данный тип употребления показателя POSS.3SG связан с выбором из множества главных персонажей, поскольку это множество всегда в той или иной степени активировано в дискурсе.

В [Сердобольская, Толдова 2012] были получены похожие результаты относительно дифференцированного маркирования прямого дополнения в финно-угорских языках: прямое дополнение имеет тенденцию маркироваться посессивными показателями, если его референт является протагонистом или становится центральным участником дальнейшего дискурса. В бесермянском удмуртском показатель POSS.3SG употребляется в контекстах контрастного топика и маркирует смену топика [Serdobolskaya, Usacheva, Arkhangelskiy 2019].

Так или иначе, все рассмотренные типы сводятся к идее выбора из множества, что подтверждает выводы, полученные в предыдущем разделе: показатель POSS.3SG тяготеет к контекстам контрастного топика и контрастного фокуса, которые анализируются как выбор из множества альтернатив (см, например, [Erteschik-Shir 2007; Repp 2010]).

7. Выводы

Показатель POSS.3SG в горномарийском языке не является показателем определенности, поскольку в контекстах определенности по [Hawkins 1978] он допустим только в (контрастном) топике, но не в фокусе (за исключением контекста выбора из множества). Таким образом, его первичная функция — маркирование контраста, а не определенности. Контрастная функция показателя POSS.3SG обсуждалась также для пермских, татарского и чувашского языков, см. [Серебренников 1963: 133; Nikolaeva 2003].

Употребление показателя POSS.3SG обусловлено в первую очередь информационной структурой высказывания. Он может маркировать топик, а также имеет контрастивное употребление — и в топике, и в фокусе. Данное употребление типично в референтных ИГ, но маркирование посессивным показателем возможно и в нереферентных ИГ, если данная ИГ употребляется в контрастном топике или, реже, в контрастном фокусе.

Функции показателя POSS.3SG объединяет идея выбора из множества. На уровне ИГ это собственно выбор референта из множества участников. Контрастные топик и фокус также анализируются как выбор из множества альтернатив [Erteschik-Shir 2007; Repp 2010]. При смене топика аналогично происходит выбор топика из множества возможных вариантов в дискурсе, активированных в сознании говорящего и слушающего, а при маркировании протагониста выбор происходит из множества всех протагонистов, действующих в различных фрагментах дискурса.

Тем самым, один и тот же показатель кодирует в горномарийском языке близкую семантику на уровнях ИГ, локальной и глобальной структуры дискурса.

Сокращения

Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	IN — инессив
ACC — аккузатив	INDEF, INDEF2 — неопределенность
ADD — аддитивная частица	INF — инфинитив
ADV — адвербиализатор	LAT — латив
AOR — аорист	MED — медий
ATT — аттенуатив	NEG — отрицание
CAUS — каузатив	NMLZ, NMLZ2 — номинализация
CAUS.DIST — дистантный каузатив	NPST — непрошедшее время
CMPR — компаратив	OPT — оптатив
CVB — деепричастие	PL — множественное число
CVB.ANT — деепричастие предшествования	POL1, POL2 — показатель вежливости
DAT — датив	POSS — посессивность
DENOM — отыменный глагол	PRET — претерит
DES — дезидератив	PROP — проприетив
EL — элатив	PTCL — частица
EMPH — эмфатическая частица	PTCP.ACT — активное причастие
EX — существование	RETR1 — ретроспективный сдвиг
FULL — показатель полной формы	SEM — семейфактив
GEN — генитив	SG — единственное число
ILL, ILL2 — иллатив	SIM — симилятив
IMP — императив	

Литература

- Андреева 2009 — Л. А. Андреева. Функции притяжательных суффиксов при инфинитиве на *-аш* в марийском языке // Финно-угорский мир. 2009, 3. С. 26—33.
- Брыкина, Судобина 2005 — М. М. Брыкина, А. Н. Судобина. Посессивные показатели в роли дискурсивных маркеров (на материале некоторых уральских языков) // Четвертая типологическая школа (21—28 сентября 2005 г., Ереван). М., 2005. С. 98—101.
- Кашкин и др. 2018 — Е. В. Кашкин, М. А. Сидорова, Д. Д. Мордашова, А. Р. Гарейшина, И. К. Учитель. Всё =ok: о семантике одной горномарийской энклитики // «Малые языки в большой лингвистике». Сборник трудов конференции 2017 / Ред. Кс. П. Семенова. М., 2018. С. 83—90.
- Кашкин 2008 — Е. В. Кашкин. Посессивное склонение в мужевском говоре ижемского диалекта коми-зырянского языка // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2008, 6. С. 33—46.
- Кашкин, Панкова 2011 — Е. В. Кашкин, М. С. Панкова. Экспериментальное исследование употребления посессивного склонения в ижемском диалекте коми-зырянского языка // Acta Linguistica Petropolitana. 2011, 3. С. 82—87.
- Кузнецова 2003 — А. И. Кузнецова. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: сборник статей. Ижевск; Лейпциг, 2003. С. 249—259.
- Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980 — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина. Очерки по селькупскому языку. М., 1980.
- Майтинская 1974 — К. Е. Майтинская. Вопросы сравнительного синтаксиса финно-угорских языков. М., 1974.
- Падучева 2018 — Е. В. Падучева. Эгоцентрические единицы языка. М., 2018.
- Плешак, Хомченкова 2019 — П. С. Плешак, И. А. Хомченкова. Переключение кодов как контекст контрастивности в горномарийском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019, 1 (23). С. 56—68.
- Подлеская 2020 — В. И. Подлеская. «А тот Перовской не дал всласть поспать»: просодия и грамматика анафорического *тот* в зеркале корпусных данных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2020, 19 (26). С. 613—628.
- Подлеская, Коротаев 2009 — В. И. Подлеская, Н. А. Коротаев. Речевые сбои и затруднения // Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М., 2009. С. 177—218.

- Саваткова 2002 — *А. А. Саваткова*. Горное наречие марийского языка. Savariae, 2002.
- Саваткова 2008 — *А. А. Саваткова*. Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола, 2008.
- Сердобольская, Толдова 2012 — *Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю.* Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М., 2012. С. 59—142.
- Серебренников 1963 — *Б. А. Серебренников*. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
- Тестелец 2001 — *Я. Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Тужаров 1987 — *Г. М. Тужаров*. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола, 1987.
- Урысон 2011 — *Е. В. Урысон*. Опыт описания семантики союзов: Данные языка о деятельности сознания. М., 2011.
- Янко 1994 — *Т. Е. Янко*. Когнитивные стратегии в речи: коммуникативная структура русских интродуктивных предложений // Вопросы языкознания. 1994, 6. С. 37—59.
- Янко 2008 — *Т. Е. Янко*. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 2008.
- Alhoniemi 1993 — *A. Alhoniemi*. Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Hamburg, 1993.
- Buren 2010 — *A. D. Buren*. The development of the Amharic definite article and an Indonesian parallel // Journal of Semitic Studies. 2010. Vol. 55 (1). P. 103—114.
- Chafe 1976 — *W. Chafe*. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics and point of view // Subject and Topic / Ed. *Ch. Li*. New York, 1976. P. 27—55.
- Collinder 1955 — *B. Collinder*. Fenno-Ugric vocabulary. Stockholm, 1955.
- Csúcs 1990 — *S. Csúcs*. Chrestomathia votiacica. Budapest, 1990.
- Erteschik-Shir 2007 — *N. Erteschik-Shir*. Information structure: The syntax-discourse interface. Oxford, 2007.
- Erteschik-Shir 2014 — *N. Erteschik-Shir*. Information structure and (in) definiteness // Crosslinguistic studies on noun phrase structure and reference / Eds. *P. Hofherr, A. Zribi-Hertz*. Leiden; Boston, 2014. P. 23—51.
- Etebari et al. 2020 — *Z. Etebari, A. Alizadeh, M. Naghzguy-Kohan, M. Koptjevskaja-Tamm*. Development of contrastive-partitive in colloquial Persian: A grammaticalization from possessive =eš // STUF — Language Typology and Universals. 2020. Vol. 73 (4). P. 575—604.
- Ewing 1995 — *M. Ewing*. Two Pathways to identifiability in Cirebon Javanese // Berkeley Linguistics Society, 1995. Vol 21. P. 72—82.
- Fraurud 2001 — *K. Fraurud*. Possessives with extensive use: A source of definite articles? // Dimensions of possession / Eds. *I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen*. Amsterdam, 2001. P. 243—268.
- Gerland 2014 — *D. Gerland*. Definitely not possessed? Possessive suffixes with definiteness marking function // Frames and concept types: applications in language and philosophy / Eds. *T. Gamerschlag, D. Gerland, R. Osswald, W. Petersen*. Cham, 2014. P. 269—292.
- Givón 1978 — *T. Givón*. Definiteness and referentiality // Universals of human language. 1987. Vol. 4. P. 291—330.
- Givón 1984 — *T. Givón*. Syntax: A functional-typological introduction. Vol. I. Amsterdam, 1984.
- Gundel 1988 — *J. K. Gundel*. Universals of topic-comment structure // Studies in Syntactic Typology / Eds. *M. Hammond, E. Moravcsik, J. Wirth*. Amsterdam, 1988. P. 209—242.
- Halliday 1967 — *M. Halliday*. Notes on transitivity and theme in English. Part II // Journal of Linguistics. 1967. Vol. 3. P. 199—244.
- Hawkins 1978 — *J. Hawkins*. Definiteness and indefiniteness: a study in reference and grammaticality prediction. London, 1978.
- Janda 2015 — *G. Janda*. Northern Mansi possessive suffixes in non-possessive function // ESUKA. 2015. Vol 6 (2). P. 243—258.
- Janda 2019 — *G. Janda*. Funktionen von Possessivsuffixen in den uralischen Sprachen. Cologne, 2019.
- Kangasmaa-Minn 1998 — *E. Kangasmaa-Minn*. Mari // The Uralic Languages / Ed. *D. Abondolo*. London; New York, 1998. P. 219—248.
- Kibrik 2011 — *A. A. Kibrik*. Reference in discourse. Oxford, 2011.
- Lambrecht 1986 — *K. Lambrecht*. Topic, focus, and the grammar of spoken French. PhD thesis. Berkeley, 1986.
- Lambrecht 1994 — *K. Lambrecht*. Information structure and sentence form: topic, focus, and the mental representations of discourse referents. Cambridge, 1994.
- Lee 1986 — *H. Lee*. Topicality and the contrastiveness continuum // Proceedings of the Second Annual Meeting of the Pacific Linguistics Conference / Eds. *S. DeLancey, R. Tomlin*. Eugene, Oregon, 1986. P. 271—309.
- Luutonen 1997 — *J. Luutonen*. The variation of Morpheme Order in Mari Declension. Helsinki, 1997.
- Lyons 1999 — *C. Lyons*. Definiteness. Cambridge, 1999.
- Molnár 2006 — *V. Molnár*. On different kinds of contrast // The architecture of focus / Eds. *V. Molnár, S. Winkler*. Berlin, 2006. P. 197—233.

Nikolaeva 2003 — *I. Nikolaeva*. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // International symposium on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia. Collection of papers / Eds. *P. Suihkonen, B. Comrie*. Izhevsk; Leipzig, 2003. P. 130—145.

Podlesskaya 2010 — *V. Podlesskaya*. Parameters for typological variation of placeholders // Fillers, Pauses and Placeholders / Eds. *N. Amiridze, B. Davis, M. Maclagan*. Amsterdam; Philadelphia, 2010. P. 11—32.

Reinhart 1982 — *T. Reinhart*. Pragmatics and linguistics: an analysis of sentence topic // *Philosophica*. 1982. Vol. 27. P. 53—94.

Repp 2010 — *S. Repp*. Defining ‘contrast’ as an information-structural notion in grammar // *Lingua*. 2010. Vol. 120 (6). P. 1333—1345.

Rooth 1985 — *M. Rooth*. Association with focus. PhD thesis. Amherst, MA, 1985.

Sasse 1995 — *H.-J. Sasse*. “Theticity” and VS order: a case study // *STUF — Language Typology and Universals*. 1995. Vol. 48 (1—2). P. 3—31.

Schroeder 1999 — *Ch. Schroeder*. The Turkish Nominal phrase in Spoken Discourse. Wiesbaden, 1999.

Serdobolskaya, Usacheva, Arkhangelskiy 2019 — *N. Serdobolskaya, M. Usacheva, T. Arkhangelskiy*. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt // Linguistic possession. New insights from the languages of Europe and North and Central Asia / Eds. *L. Johanson, I. Nevskaya, L. F. Mazzitelli*. Amsterdam; Philadelphia, 2019. P. 291—311.

Simonenko 2014 — *A. Simonenko*. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers // Proceedings of the 43rd annual meeting of the North East Linguistic Society / Eds. *H.-L. Huang, E. Poole, A. Rysling*. Amherst, MA, 2014. P. 127—140.

Tauli 1966 — *V. Tauli*. Structural tendencies in Uralic languages. London; The Hague; Paris, 1966.

Vallduví 1992 — *E. Vallduví*. The informational component. New York, 1992.

References

Alhoniemi 1993 — *A. Alhoniemi*. Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Hamburg, 1993.

Andreeva 2009 — *L. A. Andreeva*. Funktsii prityazhatel'nykh suffiksov pri infinitive na *-ash* v mariiskom yazyke {Functions of the possessive suffixes with *aš*-infinitive in Mari}. In: *Finno-ugorskii mir*. 2009, 3. P. 26—33.

Brykina, Sudobina 2005 — *M. M. Brykina, A. N. Sudobina*. Possessivnye pokazateli v roli diskursivnykh markerov (na materiale nekotorykh ural'skikh yazykov) {Possessive suffixes as discourse markers (based on some Uralic languages)}. In: *Fourth typological school (21—28 September 2005, Erevan)*. Moscow, 2005. P. 98—101.

Buren 2010 — *A. D. Buren*. The development of the Amharic definite article and an Indonesian parallel // *Journal of Semitic Studies*. 2010. Vol. 55 (1). P. 103—114.

Chafe 1976 — *W. Chafe*. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics and point of view // *Subject and Topic* / Ed. *Ch. Li*. New York, 1976. P. 27—55.

Collinder 1955 — *B. Collinder*. Fenno-Ugric vocabulary. Stockholm, 1955.

Csúcs 1990 — *S. Csúcs*. *Chrestomathia votiacica*. Budapest, 1990.

Erteschik-Shir 2014 — *Erteschik-Shir N.* Information structure and (in) definiteness // *Crosslinguistic studies on noun phrase structure and reference* / Eds. *P. Hofherr, Zribi-A. Hertz*. Leiden, Boston, 2014. P. 23—51.

Erteschik-Shir 2007 — *Erteschik-Shir N.* Information structure: The syntax-discourse interface. Oxford, 2007.

Etebari et al. 2020 — *Z. Etebari, A. Alizadeh, M. Naghzguy-Kohan, M. Koptjevskaja-Tamm*. Development of contrastive-partitive in colloquial Persian: A grammaticalization from possessive =*eš* // *STUF — Language Typology and Universals*. 2020. Vol. 73 (4). P. 575—604.

Ewing 1995 — *M. Ewing*. Two Pathways to identifiability in Cirebon Javanese // *Berkeley Linguistics Society*, 1995. Vol. 21. P. 72—82.

Fraurud 2001 — *K. Fraurud*. Possessives with extensive use: A source of definite articles? // *Dimensions of possession* / Ed. *I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen*. Amsterdam, 2001. P. 243—268.

Gerland 2014 — *D. Gerland*. Definitely not possessed? Possessive suffixes with definiteness marking function // *Frames and concept types: applications in language and philosophy* / Eds. *T. Gamerschlag, D. Gerland, R. Osswald, W. Petersen*. Cham, 2014. P. 269—292.

Givón 1978 — *T. Givón*. Definiteness and referentiality // *Universals of human language*. 1987. Vol. 4. P. 291—330.

Givón 1984 — *T. Givón*. *Syntax: A functional-typological introduction*. Vol. I. Amsterdam, 1984.

Gundel 1988 — *J. K. Gundel*. Universals of topic-comment structure // *Studies in Syntactic Typology* / Eds. *M. Hammond, E. Moravcsik, J. Wirth*. Amsterdam, 1988. P. 209—242.

Halliday 1967 — *M. Halliday*. Notes on transitivity and theme in English. Part II // *Journal of Linguistics*. 1967. Vol. 3. P. 199—244.

- Hawkins 1978 — *J. Hawkins*. Definiteness and indefiniteness: a study in reference and grammaticality prediction. London, 1978.
- Janda 2015 — *G. Janda*. Northern Mansi possessive suffixes in non-possessive function // ESUKA. 2015. Vol 6 (2). P. 243—258.
- Janda 2019 — *G. Janda*. Funktionen von Possessivsuffixen in den uralischen Sprachen. Cologne, 2019.
- Kangasmaa-Minn 1998 — *E. Kangasmaa-Minn*. Mari // The Uralic Languages / Ed. *D. Abondolo*. London, 1998. P. 219—248.
- Kashkin 2008 — *E. V. Kashkin*. Possessivnoe sklonenie v muzhevskom govore izhemsckogo dialekta komi-zyrianskogo yazyka {Possessive declension in the Muzhi subdialect of the Izhma dialect of Komi-Zyrian}. In: Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2008, 6. P. 33—46.
- Kashkin et al. 2018 — *E. V. Kashkin, M. A. Sidorova, D. D. Mordashova, A. R. Garejshina, I. K. Uchitel*. Vse =ok: o semantike odnoi gornomarijskoi ehniklitiki {Everything is =ok: on the semantics of one Hill Mari enclitic}. In: Minority languages in large linguistics. Proceedings of the Conference 2017 / ed. by Ks. P. Semenova]. Moscow, 2018. P. 83—90.
- Kashkin, Pankova 2011 — *E. V. Kashkin, M. S. Pankova*. Eksperimental'noe issledovanie upotrebleniya possessivnogo skloneniya v izhemsckom dialekte komi-zyrianskogo yazyka {Experimental study of the use of the possessive declension in the Izhma dialect of the Komi-Zyrian language}. In: Acta Linguistica Petropolitana. 2011, 3. P. 82—87.
- Kibrik 2011 — *A. A. Kibrik*. Reference in discourse. Oxford, 2011.
- Kuznetsova 2003 — *A. I. Kuznetsova*. Kumulyatsiya grammaticheskikh znachenii v agglutinativnykh pokazatelyakh: deikticheskie funktsii possessiva v ural'skikh yazykakh {Cumulation of grammatical meanings in agglutinative markers: deictic functions of the possessive in Uralic languages}. In: International symposium on deictic systems and quantification in the languages of Europe and North and Central Asia: Collection of Papers. Izhevsk, Leipzig, 2003, P. 249—259.
- Kuznetsova, Helimsky, Grushkina 1980 — *A. I. Kuznetsova, E. A. Helimsky, E. V. Grushkina*. Ocherki po sel'kupskomu yazyku {Essays on the Selkup language}. Moscow, 1980.
- Lambrecht 1986 — *K. Lambrecht*. Topic, focus, and the grammar of spoken French. PhD thesis. Berkeley, 1986.
- Lambrecht 1994 — *K. Lambrecht*. Information structure and sentence form: topic, focus, and the mental representations of discourse referents. Cambridge, 1994.
- Lee 1986 — *H. Lee*. Topicality and the contrastiveness continuum. In: Proceedings of the Second Annual Meeting of the Pacific Linguistics Conference / Eds. *S. DeLancey, R. Tomlin*. Eugene, 1986. P. 271—309.
- Luutonen 1997 — *J. Luutonen*. The variation of Morpheme Order in Mari Declension. Helsinki, 1997.
- Lyons 1999 — *C. Lyons*. Definiteness. Cambridge, 1999.
- Maytinskaya 1974 — *K. E. Maytinskaya*. Voprosy sravnitel'nogo sintaksisa finno-ugorskikh yazykov {Issues of comparative syntax of the Finno-Ugric languages}. Moscow, 1974.
- Molnár 2006 — *V. Molnár*. On different kinds of contrast. In: The architecture of focus / Eds. *V. Molnár, S. Winkler*. Berlin, 2006. P. 197—233.
- Nikolaeva 2003 — *I. Nikolaeva*. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // International symposium on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia. Collection of papers / Eds. *P. Suihkonen, B. Comrie*. Izhevsk; Leipzig, 2003. P. 130—145.
- Paducheva 2018 — *E. V. Paducheva*. Ehgotsentricheskie edinitsy yazyka {Egocentric language units}. Moscow, 2018.
- Pleshak, Khomchenkova 2019 — *P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova*. Pereklyuchenie kodov kak kontekst kontrastivnosti v gornomarijskom yazyke {Code-switching as a contrastive context in Hill Mari}. In: Tomsk journal of linguistics and anthropology. 2019, 1 (23). P. 56—68.
- Podlesskaya 2010 — *V. Podlesskaya*. Parameters for typological variation of placeholders. In: Fillers, Pauses and Placeholders / Eds. *N. Amiridze, B. Davis, M. Maclagan*. Amsterdam; Philadelphia, 2010. P. 11—32.
- Podlesskaya 2020 — *V. I. Podlesskaya*. «A tot Perovskoi ne dal vslast' pospat'»: prosodiya i grammatika anaforicheskogo tot v zerkale korpusnykh dannykh {"But he didn't let Perovskaya sleep to her heart's content": prosody and grammar of the anaphoric tot in the mirror of corpus data}. In: Computational Linguistics and Intellectual Technologies. 2020, 19 (26). P. 613—628.
- Podlesskaya, Korotaev 2009 — *V. I. Podlesskaya, N. A. Korotaev*. Rechevye sboi i zatrudneniya {Speech failures and difficulties}. In: Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa {Night Dream Stories: A corpus study of spoken Russian discourse}. Moscow, 2009. P. 177—218.
- Reinhart 1982 — *T. Reinhart*. Pragmatics and linguistics: an analysis of sentence topic. In: Philosophica. 1982. Vol. 27. P. 53—94.
- Repp 2010 — *S. Repp*. Defining 'contrast' as an information-structural notion in grammar. In: Lingua. 2010. Vol. 120 (6). P. 1333—1345.
- Rooth 1985 — *M. Rooth*. Association with focus. PhD thesis. Amherst. 1985.
- Sasse 1995 — *H.-J. Sasse*. "Theticity" and VS order: a case study. In: STUF — Language Typology and Universals. 1995. Vol. 48 (1—2). P. 3—31.

- Savatkova 2002 — *A. A. Savatkova*. Gornoe narechie mariiskogo yazyka {Hill dialect of Mari}. Savariae, 2002.
- Savatkova 2008 — *A. A. Savatkova*. Slovar' gornomariiskogo yazyka {Hill Mari dictionary}. Yoshkar-Ola, 2008.
- Schroeder 1999 — *Ch. Schroeder*. The Turkish Nominal phrase in Spoken Discourse. Wiesbaden, 1999.
- Serdobolskaya, Usacheva, Arkhangel'skiy 2019 — *N. Serdobolskaya, M. Usacheva, T. Arkhangel'skiy*. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt. In: Linguistic possession. New insights from the languages of Europe and North and Central Asia / Eds. *L. Johanson, I. Nevskaya, L. F. Mazzitelli*. Amsterdam; Philadelphia, 2019. P. 291—311.
- Serdobolskaya, Toldova 2012 — *N. V. Serdobolskaya, S. Yu. Toldova*. Differentsirovannoe markirovanie pryamogo dopolneniya v finno-ugorskikh yazykakh {Differential object marking in Finno-Ugric languages}. In: Finno-ugorskie yazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody {Finno-Ugric languages: Fragments of a grammatical description. Formal and functional approaches}. Moscow, 2012. P. 59—142.
- Serebrennikov 1963 — *B. A. Serebrennikov*. Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov {Historical morphology of Permic languages}. Moscow, 1963.
- Simonenko 2014 — *A. Simonenko*. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers. In: Proceedings of the 43rd annual meeting of the North East Linguistic Society / Eds. *H.-L. Huang, E. Poole, A. Rysling*. Amherst, 2014. P. 127—140.
- Tauli 1966 — *V. Tauli*. Structural tendencies in Uralic languages. London; The Hague; Paris, 1966.
- Testelets 2001 — *Ya. G. Testelets*. Vvedenie v obshchii sintaksis {Introduction to general syntax}. Moscow, 2001.
- Tuzharov 1987 — *G. M. Tuzharov*. Grammaticheskie kategorii imeni sushchestvitel'nogo v mariiskom yazyke {Nominal grammatical categories in Mari}. Yoshkar-Ola, 1987.
- Uryson 2011 — *E. V. Uryson*. Opyt opisaniya semantiki soyuzov: Dannye yazyka o deyatelnosti soznaniya {Experience in describing of the semantics of conjunctions: Language data on the activity of consciousness}. Moscow, 2011.
- Vallduví 1992 — *E. Vallduví*. The informational component. New York, 1992.
- Yanko 1994 — *T. E. Yanko*. Kognitivnye strategii v rechi: kommunikativnaya struktura russkikh introduktivnykh predlozhenii {Cognitive strategies in speech: the communicative structure of Russian introductory sentences}. In: Voprosy jazykoznanija. 1994, 6. P. 37—59.
- Yanko 2008 — *T. E. Yanko*. Intonatsionnye strategii russkoi rechi v sopostavitel'nom aspekte {Intonation strategies of Russian speech in a comparative aspect}. Moscow, 2008.

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — Э. А. Грунина. Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. И. С. Гурвич. М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. F. Lessing. Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — Г. Дёрфер. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — F. Kiefer, B. Gyuris. Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. F. Kiefer. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — I. Nikolaeva. Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. J. Fernandez-Vest. Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — L. V. Clark. Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — G. Doerfer. Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — E. Helimski. База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редактор
С. И. Переверзева

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

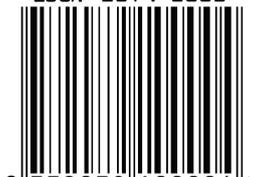
Editor
Svetlana Pereverzeva

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >